

**Товарищество писателей в Петербурге
Секция критики и литературоведения
Союз писателей России**

НОВЫЙ РУССКИЙ ЖУРНАЛ

литературной и философской критики,
прозы и поэзии

№ 6

ноябрь – декабрь 2017

Санкт-Петербург
2017

ББК XX.YY

Редакционный Совет

Главный редактор
В. И. Чернышев

ISSN xxxx-xxxx

© Чернышев В. И., 2017
© Редакционный Совет, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

В. И. Чернышев. Нет, не по поводу мокрого снега...	4
I. ПОЭЗИЯ И ПОЭТИЧЕСКАЯ ПРОЗА	
Маргарита Токажевская. Ноябрь 2017. Стихи	19
Хромичева С.А. Всем невозможностям назло. Чернышев В.И. Реплика	25
Мария Амфилохиева. Манекены. Стихи	34
В. И. Чернышев. Стихи о деревенской жизни	45
А. В. Медведев. Фольклор. Качели-карусели (вместо предисловия)	49
В. П. Меньшиков. Подборка стихов для журнала	52
II. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА	
В. А. Овсянников. Два рассказа: Тетушка. То лето	61
Н. И. Калягин. Инженеры (рассказ). Тамара (притча)	68
III. ЛИКИ, ЛИЦА, ЛИЧИНЫ (литературно-философская критика)	
Александр Медведев. О Салтыкове-Щедрине	76
Л. Л. Бубнова. Своё, моё, я сам!	83
В. И. Чернышев. Романтики и мистики 60-х	90
IV. ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИЯ, ПОЭЗИЯ, ПРОЗА	
Т. М. Лестева. Революция в деревнях центрального черноземья	92
Приложение, Виктор Елисеев. Станция Усмань... Последний привет	97
V. ПУБЛИКАЦИИ И ИССЛЕДОВАНИЯ	
Неучев А. Л. Именование Казань. Легенда о месте основания Казани	100
Алексей Марковский. Музыкальная мода. Еврейский театр	118
VI. ИСТОРИЯ В ЗЕРКАЛЕ СУДЕБ	
В. В. Розанов. Перед Сахарной. Вступительная статья В. Чернышева	128
Александр Знатнов. О епископе Андрее, князе Ухтомском	162
Ал-др. А. Ухтомский (епископ Андрей). История моего старообрядчества	167
Литературные портреты	
Генн. Станкевич. <i>Некоторым образом размышление... о Кутузове Е. В.</i>	246
Чернышев В. И. <i>Портрет Тропникова Н. И. Оправдание редактора</i>	250
VII. ЗА СТОЛОМ У РЕДАКТОРА (статьи, обзоры, переписка)	
Разборки среди писателей:	
Владимир Меньшиков. <i>Блудни полиции.</i>	256
Вячеслав Овсянников. <i>О поэзии Владимира Меньшикова</i>	260
Вячеслав Овсянников. <i>О пьесе Галины Дюмонд</i>	262
Александр Медведев. <i>От Сенатской до Болотной</i>	263
А. П. Андрушкин. Литературные журналы последнего года	266
Разборки среди критиков:	
Александр Медведев. Отчет о заседании Секции критики. 9 ноября 2017	277
Анатолий Иванович Белинский. О русском журнале (и не только о нем)	280
Александр Медведев. Критик как вампир? Заседание Секции критики 14.12.17	288
Т. М. Лестева. Не только о вампирах. Заседание Секции критики 14.12.17	291
Ольга Мальцева. Возлюбленные верлибры Галины Дюмонд	293
И то и сё. В частности, любопытное ИЗ ИСТОРИИ:	
В.И.Чернышев. Последние ассирийские цари. Поэт и царь. Ашурбанипал.	298
В.Н.Васильцов. Бог есть. Комментарии редактора.	301
В.И.Чернышев. История и жизнь	313
Анкета о журнале и Отклики на Анкету	343
Ольга Мальцева. Стихи на обложке	

В. И. Чернышев. Нет, не «по поводу мокрого снега»

18.11.17, суббота. Спал плохо, долго утром лежал без сна, волхвы шептались о чем-то у двери, но так и не вошли. Однако я рассуждал, и теперь пытаюсь записать несколько замечаний, содержащихся в моих рассуждениях.

Пишу я не совсем для себя, меня волнует возможность поговорить с *другим*, обменяться с ним впечатлениями о жизни и мире, то есть стремлюсь я к разговору, диалогу, хотя бы и к спору, но в котором люди прислушиваются друг к другу. Розанов написал скучную книгу «*О понимании*» – возможно, оно важно, но наука процветает, даже философия и литература существуют и ширятся, не мал круг людей, которые *понимают* многое в математике, ботанике, юриспруденции, движении капитала, торговле, рекламе, мерчен-зайзере и дрейвоштопинге – но при этом друг друга понимаем мы хуже, часто не понимаем совсем, особенно плохо я понимаю окружающих, а они не понимают меня совсем. Отчего это?

Во-первых, отчасти нас разделяет язык. Не все с охотой начали говорить и писать Тыва и Сахо вместо Тувы и Якутии, Башкортгыстан вместо Башкирии, Москоаву и Рашка Тудэй вместо России, но все уверяют меня, что это более правильно, чем мы писали и говорили лет двадцать назад, оскорбляя национальные чувства англичан и индейцев. Не все понимают газетную речь, пересыпанную новыми иноземными словами (впрочем, многие газет не читают), но все ратуют за скорейшее вытеснение этих непонятных туземных русских слов вроде веретено, прясло, ряженка, хлеб и молоко и замене их на йогурт и... не помню, как остальное по ихнему... Итак, существует пространство языка, но мы уже находимся в разных пространствах, я у себя дома или на крыльце, а они на платформе вокзала или на взлетной полосе аэродрома по дороге туда или на временную побывку оттуда. А английским я не владею, американским тоже, и даже чукчам я уже не понятен.

Но – прислушаемся, присмотримся. В чем-то помогут нам жесты или интуиция, если показывают кулак, надо быть остороже, если улыбаются, осторожнее надо быть вдвойне.

Кроме обычного пространства мира, которое мы измеряем шагами, временем движения в поезде или полета на самолете, существует еще и время, иногда связанное с пространством, иногда само по себе, время нашей жизни (оно же и БРЕМЯ ее), и время историческое, обнимающее собою существование Древнего Египта и возможной Атлантиды – 5-10 тысяч лет; существование Античного мира (Эллады и Рима) – две с половиною тысячи лет; Европы (две тысячи лет); существование России (тысяча лет). С их существованием связаны память и *пространство* Культуры, неотделимые и от кратковременной человеческой личности (по крайней мере через память о своих родителях, предках, и обстоятельствах их жизни, известных нам по рассказам). Многие родились уже после войны, но о ней слышали, ее пережили их родители или дедушки и бабушки. Почти все родились после Революции, но о ней читали, у Деникина или Булгакова, в мемуарах, учебниках, в исторических хрониках, хотя бы в газетных статьях. Иные видели революционные события в кино.

Вчера прочитал и удивился, некто пишет, что его дед видел даже казнь Пугачева... вероятно, все же, речь идет о прадеде, мой дед видел последнего русского императора, когда стоял на часах в саду Зимнего дворца, и только прадед помнил крепостное право... Но существует и то, что не существует, Ирочка Одоевцева подарила мне стихи Гумилева, с которым дружила в эпоху революции (он был расстрелян в 1920 году большевиками), а Зинаида Лансере подарила свой гимназический альбом, явившись мне во сне через год после смерти. У меня была рукопись Бунина (я ее подарил Архиву), за рукописями Пушкина я пытался залезть на чердак деревенского дома, в котором Наталья Гончарова жила с генералом Ланским, об убийстве Распутина рассказывала мне девочка, стоявшая, спрятавшись, за ширмой в Юсуповском дворце, племянница Ирины, внучки Николая Первого, на которой был женат Юсупов. Время и история пронизывают нас, и время, в котором жили фараоны, неотделимо от нашей собственной жизни. Но если мой собеседник слепо-глухонемой? Если он существует вне реки времен, словно рыба, вытасненная на берег истории и бытия – найдем ли мы общий язык? А иначе как нам понять друг друга, разговаривая о царствовании Николая Первого, о ссылке Авакума на Байкал, о битве на Куликовом поле?

И даже памяти недостаточно, необходимо пережить самому все исторические времена, научиться читать при свете лучины (как я), жить и в Европейской России и в Сибири, на Онеге и Байкале, ходить за кедровыми орехами в тайгу, уметь разжечь костер в лесу под дождем, копать землю, построить дом или хотя бы баню, чувствовать русский язык как аромат цветка и женщины, быть и самостоятельной полной личностью, находящей весь мир в своей душе, и неотделимой частью России и русской культуры – во всех пространствах и во всех временах. И надо видеть и осязать те предметы, которые созвучны эпохе.

Но часто я испытываю неимоверное уныние от невозможности понимать ход мыслей и слов собеседника, причины его чувств и поступков. Разговаривая на ходу или на лету, трудно понять друг друга. Но я писатель и редактор, я учитель математики, я умею мыслить и связно излагать свои мысли, если трудно прочитать моему собеседнику хотя бы одну мою книгу, то ведь статьи в журнале гораздо короче, разве не обстоятельно и полно я излагаю в них свои идеи? Попробую изложить их снова.

История России складывается из нескольких историй. Во-первых, это *политическая история*: форма власти, взаимоотношения сословий (монархия и крепостное право; пореформенная Россия; советская Россия, в которой по существу было два сословия, правящая номенклатура и трудящееся население, городское и сельское; современная буржуазная Россия); отношения с соседними государствами (войны и торговля); изменение границ (расширение Российской территории, крушение Российской империи и создание СССР, разрушение СССР и создание Российской Федерации). Во-вторых, это *хозяйственно-экономическая история*: присоединение и освоение территорий, промышленность, развитие сельского и лесного хозяйства, добыча полезных ископаемых и вывоз их вместе с лесом в Европу (играющие роль большую, чем развитие промышленности). И в-третьих, история культуры и церкви.

Внутри всех историй входит демографическая история: возрастание и убыль населения, изменение его состава по народам и этносам, изменение состава русского народа. Поскольку русский народ является народом, образовавшим Россию и ее преимущественно сохраняющим (как в Австро-венгерской империи государство-образующим народом являлись австрийцы), то демографическая история имеет первостепенное значение в жизни и устойчивости российского государства, хотя и связана с политической историей. Татаро-монгольское иго было тяжким бременем и испытанием для русского народа, и после военного поражения в битвах с войсками монгольских завоевателей Чингис-хана и Батые население русских княжеств было частично истреблено, частично уведено в рабство, частично переместилось на пространства северовосточной Руси. Далее наступили века жизни под властью Золотой Орды, но в эти века русское население возрастало и наконец смогло противопоставить ханской власти военную силу, которая определялась не только мужеством, умением и вооружением, но и численностью народа. В дальнейшем условием сохранения независимости России в столкновениях ее с западными соседями определяющую роль играло то, что все таки «бабы рожали», и несмотря на военные поражения, бунты и моровые поветрия, само тело русского народа не хирело, было кому выращивать хлеб, ковать железо и воевать. Войны Петра Первого с Швецией и Польшей были связаны с большими людскими потерями, население России сократилось на четверть, и все же было откуда черпать солдат для армии и флота, было из чего лить пушки. То же и в войнах с Наполеоном: в это время население России и Франции составляло примерно по 25 миллионов человек, и хотя наши потери оказались бóльшими, нежели у французов, но «бабы еще нарожали». Затем весь девятнадцатый век был временем невиданного подъема России, ее культуры, ее промышленности, мощи народа и численной, и умственной, и культурной, и духовной. Но крепостное право продолжалось дольше, чем в Европе, была цензура, не было всеобщего избирательного права, образованный слой был мал – разве это не причина для негодования на 19-й век? Не буду оправдывать и оправдываться. Читать в начале двадцатого столетия умели десять миллионов человек, читал книги миллион, такими же были тиражи. Сегодня читать умеют сто миллионов, словесные тексты (в интернете, на афишах, на вывесках и заборах) читают сто тысяч, книги издаются тиражом от десяти до ста экземпляров. *Ибо двадцатое столетие израсходовало в России всё!!!* В Первой мировой войне, в Революции и Гражданской войне, в голодоморах, раскулачивании, терроре, в продолжении террора, в войне с Германией народ перемальвался какой-то гигантской молотилкой, да и психоз и безумие стали способом жизни правящего и властного класса, чекистов и командиров: «людей не жалеть! бабы еще нарожают!» Но бабы перестали рожать... Почему? Во-первых, потому, что раньше это было их главным делом, но сначала христианство, затем революция и советская власть отменили основополагающие исторические требования, наконец-то дали всходы семена ненависти к женщине, к семье, к рождению детей, посянные евангелием, затем новая марксистская религия, воспевающая фабрику, машину, рабочих и коллективный труд, унизила крестьян, началось истребление деревни.

Но как рожь рождает на земле, а не в пробирке, так и бабы склонны рожать только в деревне, а в городе, среди машин, в фабричной пыли, дети рождаются не могут.

И вот безрадостный вывод: двадцатое столетие надорвало Россию, ее **силу произрастания**, которая является главной силой, сохраняющей и развивающей народ. Ни армия, ни промышленность нас не защитят, тем более что от пыток и казней, от смены форм правления и смены икон, которым надо поклоняться, народ **устал**. Он не потому меня не читает, что туп и не развит – нет, разговаривая на дорогах с водителями машин, которые меня подбирают, на банном полке с вениками в руках, у пивного ларька, в ромочной на троих или в подворотне, я всегда нахожу с ним общий язык – только этому народу не задают свои вопросы социологи, его не исследуют философы, редко о нем пишут писатели. Этот народ меня не читает, но это потому, что мои книги не печатают российские издательства и не продают книжные магазины, их не рекламируют, не выставляют в библиотеки, о них не говорят по радио и на телевидении, не обсуждают на форумах, за них не присуждают национальных премий. Но ведь и Розанов сто лет лежал на помойке и в лучшем случае в пыльных дальних углах общественных книгохранилищ, куда не заглядывали даже мыши, и Мережковский был мало известен, и Иванов-Разумник выплыл из небытия только благодаря тому, что в девяностые годы я напечатал в журнале МЪра его знаменитую книгу «По тюрмам и ссылкам» тиражом в тысячу экземпляров, получив машинописный текст (рукопись не сохранилась) из библиотеки Конгресса США, и «На заросших тропинках» Кнута Гамсуна стали известны благодаря тому же журналу, и великий труд русского философа и историка Данилевского «Россия и Европа» стал известен в России после более ста лет забвения, потому что я напечатал эту книгу с комментариями и вступительными статьями, в твердом переплете, на отличной бумаге, тиражом в пять тысяч экземпляров и подарил многим видным общественным деятелям. Пушкина бы тоже никто не читал, если бы не политика царского правительства в 19-м веке, навязывающая учащимся серьезную литературу (разве мы не помним, что и сами не спешили открывать Достоевского и Чехова, приликая к «Похождениям кургизанок»?) Но кстати о царском правительстве... Мы живем в великолепном городе, построенном по большей части в 19-м веке, ходим по его садам и паркам, слушаем музыку в его дворцах, смотрим его живописные полотна, получаем прекрасное образование в его школах, училищах и университетах, потому что тогда же была создана наилучшая в мире система просвещения и образования, становимся учеными и писателями, потому что тогда же созданы были десятки научных школ математики, физики, химии, физиологии; красота и ум входят в наши души и наши легкие вместе с воздухом, которым мы дышим, нас формирует великий резец этого города – но все, что в нем умного, прекрасного, доброго – создано или родилось преимущественно в 19-м столетии. Воистину нужно быть слепо-глухо-немым, чтобы не видеть и не слышать красоты тогдашнего мира, даже те пепелища, которые сохранились в России после большевистского погрома, делают ее одной из красивейших стран мира. А что дал двадцатый век? Заводы, которые своей копотью пропитали население промышленного

Урала (почему же не коптили заводы при проклятом царизме?) Коммунальные квартиры на 20 семей? Хрущевки? Грязный воздух и ядовитые реки? Свалки вокруг городов и деревень? Если вы покажете мне ОДНО красивое здание, построенное пролетарской властью, я умерю свое негодование. Или 19-й век был жесток, повесив пятерых бунтовщиков (и то я негодую) – но в двадцатом столетии казнями подверглись миллионы – негодуете ль вы? Расстрелы, голод, тюрьма, страх и жестокость...

Что я пишу? Это прокламация, и я это понимаю. Наука скреплена системой, единством предмета, цельностью метода. Таковы химия, ботаника, физика, математика, биология... Но ни одно рассуждение о мире и жизни не может быть цельным. Геологические процессы в земной коре определяются своими независимыми процессами, произрастание растений зависит от смены времен года. За моим домом в деревне растет лес, жизнь в доме и жизнь в лесу сами по себе, даже Священное писание ничего не говорит о судьбе русской природы. Но и о судьбе русского человека ничего не говорят ни Таблица Менделеева, ни Заповеди Моисея, ни химия, ни алхимия, ни физика, ни метафизика... Я доказал несколько математических теорем, и в каждой из них нет ни одного лишнего слова – но всех слов русского языка недостаточно, чтобы установить диалог с другим человеком, отказывающимся слушать и говорить. По моей ли вине? Разве я не выслушиваю доводов своих оппонентов? *Разве я не прохожу с каждым из них семь поприщ, когда они просят меня пройти с ними одно* (слова апостола Павла)?

Как то в канцелярском магазине я купил карандаш, мне понравилась юная продавщица, она была грустной и милой. Потом я покупал у нее бумагу, авторучки, шарики, ножницы ... иногда писал на память ей несколько стихотворных строк. В магазин приходили покупатели, поэтому наши разговоры были кратки. Потом я полгода сидел в тюрьме, она обрадовалась, когда я появился снова и объяснил ей причину того, что неожиданно пропал (были и другие девушки, которые обрадовались моему возвращению). Однажды я встретил ее на улице, она гуляла с чужим ребенком, у меня была депрессия, я сказал ей, что иногда хочется уйти в дикую тайгу и никогда не вернуться. Вдруг она заплакала. «А вы не подумали, что будет со мной, как я буду жить одна?» – воскликнула она, всхлипывая. А ведь наше знакомство не было даже дружбой. Мы не целовались, я не брал ее за руку, не смотрел влюбленно в глаза. И оказалось, что я ей нужен, что я помогаю ей жить, что без меня ей плохо. Значит, я уже оправдан, подумал я (а мне говорили и другие, что я оправдан). Почему же я не нахожу общего языка со своим собеседником из городского образованного сословия? Почему им кажется, что у меня сумбур в мыслях и чувствах, хотя дети со мной говорят с удовольствием, и школьники, и даже учительницы и врачи? Со мной разговаривали даже воры, даже пуганы мне жаловались на жизнь и я им сочувствовал, но вот писатель мне говорит, что пять страниц текста – это слишком долго читать...

22 ноября, среда. Был раздражен, но не было времени записать возражения тому, что меня раздражало. Вдогонку, пока совсем не остыл, огрызнуть.

Окружающие относятся ко мне тепло, никто не говорит мне, что я глупый или дурной или совсем писать не умею, но иногда спрашивают недоуменно о том и сем, и эти вопросы повергают меня самого в недоумение, сразу я растериваюсь, не зная, что и ответить. Ну, например, идя я в июне или в сентябре тысяча девятьсот семнадцатого, и попутчики меня спрашивают: а кто может править **кроме** князя Львова? или Керенского? Или государя Императора? Или Троцкого? **Ведь больше нет никого!**

Они что, дети? Спрашиваю я сам себя. Или даже манную кашу надо им разжевывать? Вот берет обыватель (или обывательница) какую-то газетку. Там портрет Гайдара (или Явлинского), или Немцова... Моего портрета нет. Нет даже портрета Льва Толстого. Или Н. Или Удальцова. Более того, в этой газетке нет портретов сорока тысяч Российских докторов наук, многие из которых превосходят всех западных, не считая Гайдара (правда, Маша мне нравится, если бы она выставила свою кандидатуру, я бы еще подумал, не проголосовать ли за нее). Итак, в России почти сто пятьдесят миллионов человек, сто миллионов взрослых, из них по крайней мере семьдесят пять миллионов умеют читать и считать, не воруют, не пьют, то там то сям иногда работают (это даже при нынешнем правительстве, о котором обыватель спрашивает, **за кого же, кроме него?** Ведь не за кого же?!!) Проблема у русского писателя или философа одна: русское мещанское болото, умственный кругозор которого на уровне первоклассника, это болото не пьет (лучше бы пило) и не курит, ночует дома (тоже не всегда хорошо), видит в России трех-четырёх человек, включая сюда бывшего Сталина, которого уже не оживишь... Неужели я пишу для них?

За последние две недели мне было задано несколько вопросов, на которые я не успел ответить, да они меня и не слушали, вероятно, и не прочтут, но все же я на эти вопросы отвечаю (только не обижайтесь, я не пишу, что это вопросы из болота, а я будто отвечаю, сидя на берегу. В болоте сижу я, дьявольское государство вместе с обывателями меня туда столкнуло, из болота я и пытаюсь квакать...)

Вопрос первый. Если ты такой умный...

Что я самый умный в Афинах, я сказать не посмею, многих умных я тоже не знаю, в газетах, как правило, о нас не пишут, на телевидении не пишут тоже, даже по радио о нас не услышишь. Но иногда мелькаем мы в интернете... Читаю критические статьи Татьяны Москвиной, Геннадия Мурикова... Не именую всех авторов Нового русского журнала, но почти всех я читаю с удовлетворением. Может ли обыватель мне сказать, что кто-то из политических деятелей (включая сюда Керенского) сможет написать что-то умное для нашего журнала? Не говоря уж – более умного? Не говоря уж о том, что статьи политических деятелей пишутся как раз умниками (вроде нас), но негодьями, продавшими родину за чечевичную похлебку.

Но все же *почему я ничего не могу сделать*, почему моих портретов нет на телевидении и даже на радио, почему меня никто почти не читает?

Для продвижения вверх нужны или *соединения причин и следствий*, для которых моя личная воля на постороннем месте, то есть, например,

принадлежность к чему-то более влиятельному чем вдвоем на скамеечке под луной или в парке около Тюза вчетвером, хотя и с закуской; или *случай*, вроде выигрыша по золотому займу приказчиком из книжного магазина в Красноярске (теперь его коллекция в основании русского раздела Библиотеки Конгресса США); или помощь Высших сил, к которым относится и Небо и Преисподняя. *Случай* мне выпадал, как Джокер в игре в покер, но я им не смог воспользоваться (может быть, и справедливо, я ничего не добился, но я все же стал писателем и редактором). *Принадлежал* я к русским потомкам казака Чернышева, к сибирским крестьянам, к кругу математиков нашего Университета (из математиков известности добился только Шафаревич, но не добился влияния, правда, его многие читают). Всем влиятельным в двадцатом столетии (то же и в нашем, 21-ом) помогал Дьявол (но если кто читал мой роман «Боль и любовь», тот вспомнит, что в отличие от христиан я не дуалист, тем более не монист – и не противопоставляю Богу *нашего ангела*, тем более и загулявшую верхивостку, и не ему отдаю я перья Мефистофеля, мой Дьявол гораздо сложнее, он, быть может, является тоже онтологической силой, лежащей в основании мира.) Не произвожу я Зло в попытке обоснования цельности мироздания и "из недостатка Добра" – это для меня уж совеем из оперетты, то есть не пытаюсь "*весь мир в Боге, и ничего кроме Бога и даже Зло из Бога*". Но в почти двойственном мире, в котором Бог борется с Дьяволом, если прав Достоевский, я вижу третью силу, метафорически описываемую мною в разных обличьях, у Достоевского представленную Смердяковым, в русском быту поминаемую как Нечистая сила, и в русской истории, наконец, представленную Лениным, Троцким и Сталиным, Трехглавым Змием. От Нечистой силы, которая помогает почти всем, от мелкого жулика до олигарха и претендента на трон, я, естественно, помощи не прошу, мы с нею разной природы. Итак, остается эманация Небесных сил, то есть **чудо**. Но почему чудо мне не помогает? Увы, оно мне помогает, но, вероятно, в моем корабле слишком много пробоин, не успевает чудо за всем углядеть. И все же на него я еще немного надеюсь.

Вопрос второй (отчасти он же и продолжение первого). **Почему ты не пишешь просто** для простых читателей, десятки имен и идей перечисляются на твоих страницах, предложения длинные, сложные, в них множество ассоциаций (напоминаний, сходств, воспоминаний), коллизий, аллюзий, реминисценций... черт ногу сломит... а *Ильич был прост как правда* – не потому ли он победил? Итак, почему ты не прост как он (пусть ты и умник)? Может быть он и вправду был самым человечным, как мы, а ты над нами возвысился, воспаряешь на небо?

Итак, отвечаю: *Куда уж ближе к земле?* Я из немногих, кто осмеливается сказать, не будучи безбожником, что мир божествен, пронизан флюидами красоты и гармонии, милосердия, любви, заботы, творческого вдохновения, но все те, кто призывает нас жить или для «будущего века», для царствия божия на небе, или для построения в неизвестном будущем для неизвестных поколений царствия божия на земле – нам лгут, мы жертвуем счастьем не только своим, но и наших близких, а они *«пождают дома вдов и сирот»*, мы

зарываем таланты в землю, слушаясь обличителей скверны мира, призывающих нас **не** любить, **не** сочинять музыку, **не** петь песен, **не** смеяться, **не** писать стихов, **не** рождать детей – этих воистину единственных, вопреки лжи о первородном грехе, который, якобы, растлил уже и их – ангелов на земле (а есть ли на небе ангелы, я не знаю) – а они ходят в золоте и парче и призывают нас покоряться всякой власти, даже злой и несправедливой; нам лгали и проповедники и "комиссары в пыльных шлемах", одни говорили о любви к ближнему, а отправляли их на костер, другие восклицали «все во имя человека», а никогда не голодали мы так много, умирая миллионами, как при них, никогда суд перед расстрелом не был так короток, как при них, никогда начальники не были так тупы и жестоки, как при них. И этот, простой как правда, был из самых жестоких и самых лживых. Что он был другой, не тот, что нарисовали нам лживые Максимы, легко увидеть, хотя бы прочитайте их книги. Но вы не хотите читать, не хотите учиться, не хотите знать правду. Так вот, я не возвысился, просто я жил среди поколения своих отцов, красивых, умных и образованных, у меня в доме происходили литературные и музыкальные вечера, затевались споры, я был отрок среди Афинских мужей, и хотя лживая "народная" власть не разрешала мне писать то, что я думаю, не разрешала и говорить, но мы в моем доме разговаривали свободно и были счастливы. Воистину они были Платонами, Пифагорами и Аристотелями среди *народа божьих рабов* и среди *строителей и прорабов светлого будущего* – которое так ведь и не наступило?! А сколько было крови и лжи! Реки крови и библиотеки лжи! (И разве Капитал – тонкая немногословная книга? А сколько часов вы просиживали за партами, изучая его?! Почему же не хотите прочитать мою небольшую статью о "Прибавочной стоимости" в «Поисках длиною в жизнь»?)

Читаю статью Геннадия Мурикова о Бжезинском. Он пишет: «Цель моей статьи – всего лишь расширение информационного поля. [Я копал целину, расширяя свой огород, и знаю по мозолям и боли в спине, насколько это безжалостный труд.] *Наши читатель должен знать врага в лицо, но не только врага, "ближние наши" должны знать все обо всем!*»

Слава богу, есть у меня и единомышленники, а не только Ильич, призывавший загрузить свою память и мозг – как вульгарно он выражался! – всем тем, что выработало человечество – но его призыв был двусмысленно лжив, слишком много лжи, слишком много суесловия, слишком много идеологического пересыпания из пустого в порожнее, от напыщенных восхвалений богов и вождей в газетах с названием Правда до «Игры в бисер».

Итак, читайте глиняные таблички, папирусы, рукописи поэтов, и самъ-издатские книги, жизнь воистину коротка и неповторима, и прежде чем строить узкоколейку в жуткий мороз для подвоза дров к Киеву, надо было бы прочитать «Политику» Аристотеля – тогда юный революционер бы узнал и понял, что старую власть свергали злые и малограмотные гимназисты, прапорщики, студенты-заочники, алчные и одержимые похотью и страстью к обобществлению женщин, и поэтому предстоящий век после Великой пролетарской революции будет состоять из казней (надо же на кого-то

свалить свое неумение наладить даже крестьянскую жизнь), из голода, холода (летом строить узкоколейки и ремонтировать трубы центрального отопления некогда, сподручней зимой – вот у меня в доме и отключили отопление, но в пятницу я еду в деревню, там русская печь и березовые дрова), будет этот век состоять из страшных отступлений сначала летом сорок первого года до Москвы – такое, правда, бывало в русской истории, затем до **Волги** летом сорок второго (русский солдат лучший в мире, это признали и немцы, но русский генерал – худший, этого не угаить от истории, которая обо всем знает все, надо только не лениться с ней разговаривать. Многое можете узнать и вы, мой читатель, выкиньте в окно телевизор, радиоприемник, подшивки газет, изучите хотя бы документацию Волховской ГЭС (разработанную при царе), Днепрогэса (разработала бельгийская фирма, потому что Промпартию, то есть просто образованных инженеров, свезенных в одну общую тюрьму, расстреляли), прочитайте книги современных врагов, как Муриков (поучительно), "Историю Второй мировой войны" Типпельскирха (как я), допросы декабристов и членов царского правительства, Историю Пугачевского бунта... ладно, прочитайте хоть что-нибудь...

Вопрос третий. Зачем ты едешь в деревню?

Летом в деревне растет крапива, я из нее варю щи. Осенью там особенно мила баня "по-черному" с раскаленным полком. И все время там есть *ручная работа* (о которой пишет Тропников), с пилой, лопатой и топором, психологи установили, что человек развивается прежде всего за счет крестьянской работы, плотницкой, столярной, за счет работы землепашца, при приготовлении пищи в печи, женского рукоделия (я штопаю носки), пилки и колки дров, ношения воды из колодца... Там темные ночи, нет телевизора и телефона, радио, не роятся судебные приставы, печь гудит и полыхает пламенем, иногда я прислоняюсь спиной к раскаленной печной стенке... Но не в одной пользе дело. Зачем обыватель, задающий мне такие вопросы, сам иногда ходит в деревенскую баню, зачем он иногда **ходит** (а не всё ездит в метро)? Я в деревню сбегая от безжалостной жизни, жаль только что со смертью человек не обращается в дуновение ветра и не возносится с ним на небо ... было бы хорошо, если бы нам говорили: попрощайся со всеми, щас вознесемся. Впрочем, мне кажется, я не умру. По крайней мере, *весь я не умру*. Впереди еще много работы, и не только в деревне, я непременно укореню в нашей общественной жизни и «Журнал с топором» и «Товарищество писателей», и только потом отправлюсь в какой-нибудь дальний поход... а там будет видно...

Четвертый вопрос был задан мне в укоризну, почему я так горячо спорю с нашими предшественниками в литературе и философии, **разве мы не стоим на плечах титанов**, как сказал Николай Коперник?

Но не все прошлые деятели усердно и благотворно работали на ниве культуры, не все они были "землепашцами", некоторые вытаптывали чужой урожай, а другие только его пожинали, выдавая снопы за свои.

Не вся близка мне литература советского периода, в значительной части она была антилитературой и тем более антифилософией, многие имена я уже

поминал, и не буду произносить их снова. Но и то, что мне дорого в 19-м веке, не окаменело как памятники, поэтому я с ними и спорю. Чаще всего они во многом неправы, даже там, где авторитет их несомненен.

Герцен неправ, что бежал из России (даже если и прав), Тургенев неправ в том, что вне России так много жил, зато Достоевский неправ в своем показном христианстве и отречении от социалистического романтизма своей юности. Одни были слишком революционны, как Салтыков-Щедрин, Бакунин и Герцен, другие чрезмерно консервативны, как Тютчев, но это не значит, что правы были срединные люди, вроде Булгарина, Сенковского и Николая Полевого. Гоголь и Лев Толстой, попытавшие осерединиться и превратиться в «людей из народа», окончили тем, что отреклись даже от своих книг. Но это 19-й век, равный тысячелетию.

Начало 20-го столетия оказалось неправо во всем. Все разлюбили монархию вместе с Россией, русской интеллигенции захотелось продолжать жить за счет земли, которую они удерживали у себя, не отдавая крестьянам, но ругать царя и правительство всласть. Но в то же время наступила **усталость**, личность не чувствовала себя "автокефальной" (автономной), с собственным мирозданием (как оно и есть потенциально), слишком тяжело давила власть (ну, потом они поняли, что такое давление чекистской власти, но было уже поздно).

К тому же ученики и слуги Нечистого обманули крестьян, пообещав им помещичью землю, крестьяне пошли за большевиками, сначала у них за это (по *продразверстке*) большевики отбирали хлеб, потом отобрали и землю, проведя так называемую коллективизацию. А что сегодня? Из 166 миллионов гектар сельхозугодий только 16 миллионов принадлежит малым крестьянским хозяйствам, 150 миллионов принадлежит лагифундиям, на которых трудятся мигранты из бывших советских республик, русскому крестьянину в России места почти уже нет. Часто вспоминаю я имена Тендрякова, Владимира Солоухина, Виктора Астафьева, Валентина Распутина, Василия Белова, в центре их художественных произведений совесть и труд, прекрасный русский язык – удивительно, что они не кажутся мне неправыми, хотя и казалось, что они вросли в советскую власть. Но читаю я книгу Солоухина о Ленине – даже правда Солженицына о советской власти не столь убийственна. И с этими русскими писателями двадцатого столетия я не спорил, почему же спорю с Толстым и Достоевским, Константином Леонтьевым, Розановым и Мережковским, Бердяевым? Нет, спор мой с ними, даже горячий, это не отрицание, это отчасти и мой спор с самим собою, писатель – фигура прежде всего трагическая, нет мира в его душе, нет синтеза, нет цельности, многоголосие его художественного воображения в нем не случайно, он раздвоен, расстроен и даже расчленен навсегда, он и утверждение и отрицание вместе, поэтому естествен спор с творцами русской классической литературы, и так же понятно, почему писатели советского периода более **монологичны**. Но и Толстой и Достоевский, и Пушкин и Гоголь только начали разговор о смысле жизни, о месте в ней Бога, царя и отечества, Розанов, Мережковский, Бердяев, Иванов-Разумник, Блок, Максимилиан Волошин этот разговор продолжили, именно об этом пишу и размышляю и я, но христианство Гоголя и Достоевского, архаическое уже и для их времени сегодня уже не актуально.

Наше время ищет новых путей для жизни, несмотря на возвращение в государственную жизнь и даже в быт христианской церкви. Может быть, справедливы слова Ницше «Бог умер» (по крайней мере христианский Бог)?

Вопрос пятый. Но ведь **сегодня все хорошо, чем еще можно быть недовольным?** Зарплаты и пенсии платят, работа есть, водка и хлеб в магазине не переводятся, и прочая закуска, на телевидении полно программ на все вкусы, театры и концертные залы работают, даже книги печатаются, есть библиотеки и книжные магазины, и кто-то что-то читает...

Иногда мне кажется, что недоволен жизнью я один, и все время чувствую себя идущим по краю пропасти. Но объяснение моего разлада с жизнью страны и с жизнью в целом определяется тем, что входит в мою жизнь и личность, и что является содержанием **я** для тех, «**которым на Руси жить хорошо.**» Содержанием моей жизни является творчество, любовь и Россия, иногда Бог и церковь (когда-то я им сочувствовал, сегодня они кажутся мне силами, отвлекающими человека от сострадания Родине и Культуре).

Влюбленные часто страдают, проливают слезы, выпадают из нормальной жизни, иногда кончают жизнь самоубийством – но при этом для большинства ничего в мире не меняется.

Можно предположить такое состояние человеческих душ, при котором люди остаются счастливы даже при смерти близких, при разрушении храмов, даже и тогда, когда маммаевы полчища входят в Москву и разрушают Кремль – но возможно ли, чтобы большинство оставалось счастливым?

Да, возможно. После Русской революции православная церковь была за сорок лет почти уничтожена – для одних это стало личной трагедией, других интересовали только цены на хлеб и картофель.

Тургенев был помещиком, богатым и благополучным, однако написал «Записки охотника», пронизанное сочувствием к крестьянам, за что был сослан в деревню. Вот это сочувствие-*соучастие* в жизни других, в их судьбе, в судьбе страны, в Истории, по смыслу слова *religio* – *связывать, соединять*, – и является религиозным чувством – либо оно есть в душе человека, и тогда он *религиозен*, либо его нет, и он не религиозен, хотя может говорить о вере в Бога – но это будет являться только пустой декларацией, пустым объявлением о связи, которой нет. Состояние человека, когда он ощущает себя как почти единственную ценность в жизни, на мой взгляд резко противоположно тому состоянию, когда человек соединен с миром (языком, семьей, культурой, обществом) неразрывно, так, как кожа соединена с телом. Вот почему существует два типа людей, воспринимающих действительность, жизнь и историю существенно и сущностно неодинаково – как то, что происходит лично со мной и как то, что происходит с миром. Одни во время войны идут на фронт или в партизаны и погибают, другие прячутся в "схроне" (как об этом написано у Распутина), только бы выжить.

Следовательно, сегодня все плохо, качество русского человека и народа резко ухудшаются, культура и образованность падают, Русь зарастает, как зарастают поля, и русскому человеку в России все меньше места. Но я не хочу объяснять это вытеснением русских из разных сфер жизни евреями или

инородцами – то, что волнует и заставляет страдать меня, заставляет страдать и евреев, переживающих Россию как родину, а у множества русских я вижу полное равнодушие к судьбе родины. Увы, и Европа безучастна к тому, что скоро она станет провинцией Ислама – и это то же, что вырождение России – арийский, европейский мир, наследник эллино-римской цивилизации и культуры, падает во всех своих частях, в западной и восточной, а в безумной ненависти к нему объединилась вся европейская шваль – но ведь и не только шваль?! Сколько романтических сердец бьется в унисон словам Печерина «Как сладостно отчизну ненавидеть!»).

И вот я ныне пришел к окончательному выводу: Русофобия – это болезнь, но самые опасные ее проявления вовсе не в ненависти, а в **равнодушии** – к русской культуре, к исторической памяти, к познанию мира, в равнодушии вместо любви, в любви к Богу **вместо** земной плотской любви, то есть любви к семье, природе, обществу, друзьям, культуре, народным традициям, в любви, наконец, к народу, даже сквозь ненависть, даже сквозь слезы, даже в паранойе гражданской войны! Так называемая *любовь к ближним*, оправданная и уместная в иудаизме, ибо в нем она и была любовью к своему племени и людям своего племени и своей крови – это **подмена** живого чувства, подмена странной человеческой любви, сверхъестественного синтеза любви плотской, половой, и любви материнской, родовой, и любви трансцендентной.

Не поддавайтесь еще и призывам к ненависти – к инородцам, к евреям, к "полукровкам" (ибо *нет полукровок*, все от Адама и Евы, даже в разгар войны между народами в сердце должно оставаться милосердие к частным людям, ибо когда народы сходят с ума по воле своих вождей и правителей, вдохновенных Нечистым, это не делает всех виноватыми, но только несчастными). Кстати, намереваюсь писать книгу «Встречи на дорогах», езжу я преимущественно по Новгородской области, останавливается только пять процентов пролетающих мимо машин, одни из милосердия, другие из обета Богу делать добро (мусульмане), третьи ... – всех этих я и беру в свой русский народ, я с ними разговариваю, отчасти узнаю, слушаю их рассказы (иногда судьбы их поразительны)... а что я могу узнать о тех, кто пролетает мимо, и интересны ли они мне, даже если и верят в бога? – да, может быть, они больше нас верят в бога, потому им и некогда, они спешат стать духовными листьями на Древе Господнем, людьми им быть надоело (или ненавистно, как апостолу Павлу)... Да и не только на дорогах встречал я множество разнообразных людей, большинство их спит и никогда не проснется... Некоторые пьют – не все из этих погибли, трезвые иногда гибнут в патоке жизни еще хуже. И кто же мне образец русскости? Немка, прожившая три года с русскими бомжами и отказавшаяся вернуться в Германию. Сергей Сергеевич Шульц, прямой потомок коменданта Ниеншанца, тогда еще шведа; мой друг Казимеж, поляк; покойный писатель Измайловский, перед смертью только крестившийся (надеюсь, он все же остался и евреем тоже, как я остаюсь сибиряком); Кристина, цыганская девочка, которую я убедил, что она русская, а она убедила меня, что я лучший писатель... на этой счастливой ноте, может быть даже обнявшись, если не миллионами, по Гете, то хотя бы только по двое, перейдем к *шестому вопросу*.

3 декабря, воскресенье, с утра и до вечера. **Вопрос шестой.** Событий было много, среди них и *спал плохо*... Такое большое значение я придавал своим сердитым ответам на некоторые странные ругательные вопросы в мой адрес – и вдруг оказалось, что я уже не помню, о чем еще меня спрашивали, и не помню, что страстно пыгался возразить...

Вчера был на заседании нашего крошечного философского кружка, разговор зашел о Тютчеве, которого при его жизни почти не читали, хотя и вышли из печати два его сборника стихов, и он, дескать, был разочарован в необходимости и полезности стучаться в закрытые двери возможных читателей, так как хотя в то время интерес к серьезной литературе все же был, и Толстой и Достоевский были знамениты, и журнальное дело процветало, не в двух-трех экземплярах, как ныне у меня, а в тысячах экземплярах, но поэзией интересовались не все. Вот даже Толстой и Достоевский были глухи к поэзии, пытался в молодости Достоевский писать стихи, но лучше бы он их не писал. А Толстой даже возмущался, что за какие-то "*любовные стишки*" Пушкину в 1881-м году поставили памятник, и не поехал на его открытие и не слышал речи Достоевского (который в стихах не сильно разбирался, но Пушкина любил). Однако и великий Пушкин, узнавший сладость славы и любви читающей публики в двадцать лет, успел узнать и охлаждение этой публики, интерес к его поэзии вдруг начал падать. (Хотя, все же, уже в тридцать восьмом году начали выходить тома его полного собрания сочинений, вышло всего к 41-му году 11 томов, тиражом от пяти до десяти тысяч экземпляров. А при жизни его выходили отдельные произведения и сборники стихов и поэм обычно по тысяче и чуть более экземпляров, печатался он и в альманахах и журналах, и наконец издавал и собственный журнал «Современник» – вот как я издаю «Новый русский журнал», – только все же не в восьми экземплярах, как у меня. И получал Александр Сергеевич за свои сочинения гонорар, на который можно было бы безбедно и жить, даже не имея крепостных деревень, а я за свою жизнь не заработал на своих сочинениях даже копейки. Сетую я, конечно, не на Пушкина, и не его упрекаю, и не хочу сказать, что и я, мол, велик, а вот... нет, ценно ли то, что я написал, я не знаю, иногда кажется, что иное весьма значительно, иногда слышу и лестные отзывы – но читателей у меня буквально три-четыре человека... и **сетую я на вопиющее осуждение русской жизни!!!** И призываю читателей – хотя бы и этих трех – понять, что несмотря на все наши грандиозные революции и даже отмену крепостного права и миллионы истребленных в результате революции и безмерного террора против народа – мы сегодня словно полулюди еще и сидим на деревьях в сравнении с просвещенным девятнадцатым веком, хотя и сетовал на свое время Тютчев).

Так, возможно, спрашивали меня (с осуждением), зачем я пишу свои книги и издаю журналы, которые в действительности никому не нужны ... Отчасти я таким образом помогаю тем авторам, которые иначе не имели бы даже трех читателей (а я все же сочувствую литераторам, с которыми меня свела судьба и сводит иногда *растение на троих*). А книги пишу для того, чтобы утешить себя, они мне вместо запоев и самоубийств, в которые впадают в отчаянии...

Вопрос седьмой. Тоже, увы, его растерял, но как невозможно из семи чудес света опустить хоть одно, не упомянув, то и я в Записках стараюсь пристать к *семи*, сие число меня утешает. Посему не спросить ли теперь и с себя?

Вчера выпил вина, от которого мне во всяком случае не становится лучше (а сколько клялся не пить!). Много говорил и хвастался за столом.

В связи с Тютчевым заговорили об отличии его от других поэтов, и так как он долго прожил в Германии, и так как не отличался благонравием по отношению к прекрасному полу, то сравнили его с Гете. Тютчев относился небрежно к своим стихам, писал их иногда на клочках бумаги, даже забывал их где-нибудь в казенном месте, а Гете сорок лет тщательно лелеял и продолжал то, что было им написано ранее, как пушкинский Скупой рыцарь лелеял свои сокровища. Я сказал, что это не различие двух поэтов, а различие двух культурно-исторических типов, русского и немецкого, питаемых (один) вдохновением – и (другой) ученостью, умом и трудом.

И мог бы я спросить в связи с этим сам себя, **на что я надеюсь**, зачем продолжаю мучить читателей (которых, впрочем, нет), какие цели ставлю в своих литературных занятиях.

Надеюсь я только на **чудо**. Статьи мои и заметки преимущественно привязаны к сиюминутному, ругаю я правительство и свой народ, бездарное и воровское правительство девяностых годов, бездарное и безразличное к судьбе России правительство нынешнего века. И если случится чудо, и вдруг придут к власти сравнительно достойные люди, то мои заметки утратят актуальность, то есть действительность, необходимость. А если чудо не случится, то вскоре и я умру, и когда-нибудь умрут мои современники, а из следующего поколения не найдется даже и трех человек, которым будет интересно то, что я пишу.

Правда, я размышляю и об этом, то есть о бренности и самого человеческого существования, и плодов его деятельности, размышляю о *призвании литературы*, о том, что в ней не зависит от времени – как, например, справедливость математической теоремы не исчезает вместе с Пифагором или Эйлером – но может ли художественное содержание уподобляться вечности математических истин? Могу ли я как Пушкин сказать, что «Нет, весь я не умру – душа в заветной лире Мой прах переживёт и тленья убежит»?

Но тогда лишь гениальность творца и совершенство творения сохраняют и память о творце и плоды творчества – или по крайней мере привлекательность художественного произведения для следующих поколений, как, например, Остров сокровищ, Путешествия Гулливера, Робинзон Крузо? Впрочем, я сбился с темы моих размышлений... Меня ведь волнует не моя собственная известность, не слава, не богатство, не власть – а возможность влияния на народ... Меня волнует то, что «свободы сеятель пустынный... ..потерял я только время, благие мысли и труды», то *есть бесполезность моего литературного творчества...* а поскольку преимущественно жизнь моя растворена в литературе, то и бесполезность моей жизни...

И все же не то предстает мне как трагедия, что придется умереть – но что я не смог исполнить надежды юности и **отредактировать мир**... Следовательно, не совсем в литературе растворена моя жизнь, **литература – только средство к осуществлению подлинного Призвания.** Редактор.

I. ПОЭЗИЯ И ПОЭТИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Маргарита Токажевская

НОЯБРЬСКИЕ СТИХИ

Редакторы-учредители журнала
Маргарита Токажевская и Мария Амфилохиева

***

Словно процарапанные на остраконах,
мысли пахнут древностью и землёю,
в которой камни, жучки и корни
перемешаны с самой грустной золою –
она от того костра нелюбви остатки,
который не грел, охлаждал неземные души...
Мысли мои – это чувств осадки,
которые надо прослушать,
как доктор, трубочкой деревянной,
внимательно, неторопливо, –
так и вижу его – сидит на диване,
а вокруг него пахнет липой.

Это бабушка заварила
лепестки, собранные в бывшей Польше...
Читаю историю Древнего Рима,
и мне ничего не хочется больше...

***

Камни, все камни обветренных сопок,
Звёздный впитавшие свет и молочный
Запах ягнят и телят, облаками
Вечно летящие воспоминанья
Будут навевать ваших недвижимых
Судеб бессмертное место.
Верю, что там, где лежите, где зимы
Мёрзлые травы качают над вами,
Где неподвижное солнце полудня
Летней жарой обжигает лишайник,
Есть отпечаток души одинокой,
Вами хранимый ревниво и гордо,
Словно душа эта – светлый ребёнок,
Вами рождённый, уехавший рано
В дальние страны, к холодному морю,
Точно вернётся к обветренным сопкам,
Чтобы припасть к неподвижным твердыням...

Родина

Младенчество без погремушек,
Тихое, неземное
Шуршание тонких трещин
На потолке, который
Был и небесным сводом,
И сводом закона слова,
Первого, от Вселенной
Родившего остальные.
Детство без говорящих
Кукол, без кукол вовсе –
Это ли не блаженство:
Не знать, что бывают куклы,
Игрушки и телевизор,
Жалеть придуманных белок,
Ёжиков прижиманье
К платицу настоящих,
Пахнущих подземельем
Коротко, непритворно,
Потом, ежат отпуская,
Уже понимать, что звёзды
Предпочитают над степью
Свеченье свеченью над лесом...

***

Это тиканье взглядом на призрачный вид из окна,
Где железная птица разлуки уже не видна.
Исчезает не только поэзия, тот самолёт,
Он когда-нибудь точно гнездо над землёю совьёт,
И проклюнувший сталь неживую пушистый птенец
Скрежет, лязганье, ржавчину, страх победит наконец.
Пусть не вывел птенца самолёт, пусть исчез навсегда,
Ожиданьем птенца выживает его высота...

***

Зачем быстрее и быстрее
Бьётся усталое сердце?
Может, боится замёрзнуть,
Стучать разучиться, не помнить
О боли каждого неба
Над каждым, живущим вечность,
Над каждым, сию минуту,
Секунду живущим и
Чувствующим тревогу,
Которую невозможно
Вынести без тебя,
Моё летящее сердце,
Со скоростью переживания,
Со скоростью вечного света
Летящее в небо сердце...

***

Прыжки золотой антилопы,
Плантации смертной пыльцы –
Какие Быки и Европы
Назначены в мироотцы?
Ковровые бомбардировки,
Обвалы кровавых валют?
Бульжники и монтировки
Протест возведут в абсолют.
И кресла займут коменданты,
И разум возьмут под конвой.
Новейшие чёрные даты
Очертятся чёрной канвой.
Такие роятся прозоры
В кривых зеркалах перемен.
Кто сможет подвесить рессоры
На вечность, летящую в тлен...

Мегаполис

Немолчный город кажется больным
Чудовищем, которое взмолилось,
И ждёт, что кто-то сжалится над ним,
Но чувствует – опаздывает милость
Чудовища другого – мир людей
Жесток немилосердной суетою,
И сколько для него ни золотей,
Всё кажешься обёрткой пустою...

***

Нисколько не больно, ей-богу,
Но как-то никак, что больней...
И холодом к левому боку
Летит вереница огней,
Безжалостных мнимостью света...
К утру пролетят, и пройдёт...
Но кто-то ведь выдумал этот
Бессмертно-холодный полёт...

***

Звонит струной густая пустота,
Струится свет невидимых событий,
И что с того, что хлебные места
Не ждут поэтов, авторов открытий,
Учителей рисунка, мастеров
Искать пути вперёд, а не по кругу.
Звонит струной созвездие миров,
И кто-то ищет кроткую подругу.
Другие дни, иная правота,
И ни к чему ни нервничать, ни злиться,
Бумажная сгодится борода,
Когда настанет время веселиться.

***

Я вредные ела конфеты,
Читала стихи до утра,
Бросала чужие монеты
В низинную реку с бугра.

Ехидные вирши писала
И, чтоб не бояться людей,
Бескровные губы кусала
В предчувствии новых идей.

И, в комнате маленькой ёжась
От холода и пустоты,
Клянусь я свою непохожесть
На чьи-то простые мечты.

***

Люблю одинокие травы,
Звезду, уточнившую грусть
Искрящимся зёрнышком справа...
Случайную грусть... Ну и пусть
Придуманный город буравит
Меня миллионами глаз
И чувства бессонные ра́мит
Углами заученных фраз...
Ещё иногда встрепенётся
Особенный детский восторг,
Когда заходящее солнце
С тоскою глядит на восток.

Оттепель

Ты ещё никогда не любил навсегда,
И меня не полюбишь, – мы разные люди.
Восхождением чувства манит высота
Непрожитого неба. С несметностью буден
Никогда не смешаться никчемной строке,
О которой молчок при чужих и знакомых.
Листья падают, словно осколки ракет,
Растворяясь в земных размороженных комьях.

***

Сеанс игры одновременной
Тебе сегодня удался,
Ты отразил ходы Вселенной,
Но ты учти – игра не вся
На том закончилась, и скромный
И неучтённый новичок
Уже придумал ход коронный
И только до поры молчок.
Ему понравилось сражение,
Он принял бой, он оценил
Мощь твоего воображенья
И безграничность личных сил.

***

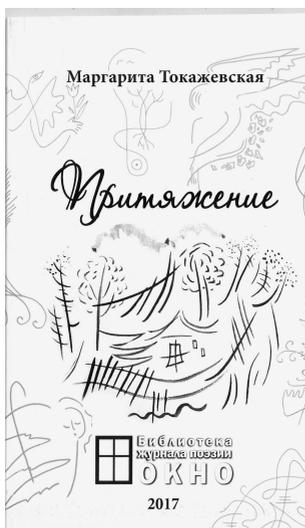
Нашлись стихи у древнего поэта,
Точь в точь под настроение потери
Чего-то, что найдёт на склоне лета
Мой быстрый ум, бесчувствий подмастерье.

Нашлась картина, точная, как светом
Пронизанное дерево – закатным –
Таким, который и зимой и летом
Всё кажется былым и невозвратным...

Нашёлся вечер, тот, когда кольнуло
В кусочек охраняемого тщетно
От несерьёзных слов... К любви прильнуло
Холодное и злое: безответно...

Опять учиться. Старая задача
По-новому решается судьбою.
Сквозь смех порой не слышно даже плача,
Но боль всегда излечивалась болью...

Хромичева С. А

Всем невозможностям назло.

(О книге М. Л. Токажевской «Притяжение»)

Светлана Аркадьевна родилась в 1947-ом году в городе Ленинграде, окончила Инженерно-строительный институт (ЛИСИ). Пишет прозу и стихи, издала две книги: сборник рассказов «Дом с павлиньими перьями» в 2005-ом году и повесть «Остров Же» в 2012-ом. Печаталась в журнале «Царское село», в газете «Гул толпы», в сборнике «Молодой Санкт-Петербург». телефон 370 78 10

В. И. Чернышев

Реплика

(Маргарита Токажевская. В одном разомкнувшемся круге)

Хромичева С. А

Всем невозможностям назло.

В мае на «Книжном салоне» мне удалось приобрести сборник стихов Маргариты Леонтьевны Токажевской «Притяжение», скромную книжечку в белой обложке, украшенную узором из легко набросанных карандашом мотивов. Дерево, цветок, птицы, ангелы, лунный пейзаж, домик с окошком у железной дороги – всё это, а также заставки внутри книги, – рисунки самой Маргариты Леонтьевны, поскольку она не только поэт, но ещё и талантливый художник, а также преподаватель в художественной студии для детей.

Не буду оригинальной, если скажу, что читать стихи не всегда просто, нужно вчитаться, постараться попасть в «резонанс» с автором, уловить его поэтическое дыхание, составить из букв, слов, строчек портрет Лирического Героя, разглядеть в зеркалах страниц его лицо.

Каковы взаимоотношения автора и его ЛГ? У автора есть право надевать любые маски, неузнаваемо перевоплощаться, писать о совсем отвлечённых предметах или, наоборот, быть предельно откровенным, исповедально открывать душу.

Нетрудно догадаться, что Маргарита Леонтьевна и её Лирическая Героиня очень похожи. Книгу стихов МЛ можно читать, как лирический дневник или автобиографическую повесть, из которой мы узнаём о её детстве, семье, родных, любви, радостях и горестях, творческой деятельности. Это не может быть неинтересным, ведь МЛ – человек с фантастической биографией. Её польско-немецкое происхождение, детство и юность, прошедшие в Казахстане, последующая жизнь в Ленинграде - Санкт-Петербурге, замешенные на драгоценном русском слове, дали, несомненно, замечательные результаты.

Образ ЛГ стихов МЛ обладает многими привлекательными чертами: добротой, материнской любовью, упорством, трудолюбием, жертвенностью, страстностью, женственностью. На страницах книги яркие впечатления реальной жизни автора, преображённые её поэтическим даром, превращаются в искусство. Стихи МЛ – фейерверк творческой энергии. Возможно, некоторые из них на первый взгляд могут показаться недостаточно отшлифованными, но энергия искренности, их объединяющая, безоговорочно привлекает. Страсть, пафос книги – преодоление жестокого абсурда жизни «всем невозможностям назло», хрупкие ростки добра и красоты, пробивающиеся сквозь нагромождения твёрдокаменных непреодолимостей, бергство от отчаяния к радости.

На первой, титульной странице под заголовком «Притяжение» помещена фраза-эпиграф, предваряющая книгу: «Дом моего детства так огромен, что в нём хватит места всем бездомным людям, включая меня». В этой фразе заявлены две, важные для автора, темы: детства и бездомности, которые звучат в книге на многих страницах.

Читать стихи следует медленно, смакуя, что я и попробую сделать.

Первое стихотворение, открывающее сборник, – откровенно автобиографическое, повествовательное. Из него мы узнаём, как юная МЛ, впервые приехав в Ленинград, прямо с поезда отправляется в Эрмитаж, чтобы увидеть картины Рембрандта. Так начиналась её жизнь в нашем городе. Но Казахстану детства и юности, её «иначеству с полынью под кожей» суждено остаться с ней навсегда. Во многих стихах её вольная «казахская» душа говорит или проговаривается о «ковыльной свободе», морозном запахе полыни, об аскетизме тогдашнего быта среди роскошной безбрежности степей, где бродят зимой голодные волки. Об этом можно прочесть, например, в стихотворении «Из детства»:

Под колыбельную степного волка
вдевала в ушко штопальной иголки
суровой нитки нужную длину...
Известно, волки воют на луну –
она висела в небе многозвёздном,
а я шивала вместе землю, воздух,
мечты о красках, тюбиках и склянках,
кистях, холстах, подрамниках, рубанках,
сомнений не имея, что одна
сколачивать подрамники должна, ...

Героиня вспоминает о просторном диком поле, над которым звучит песня жаворонка, и ассоциирует себя с растущим там чертополохом:

Ах, ему б чертополошь
Вольное жильё,
Ах, ему б побиться с ложью,
Плюнуть на жульё,
Прицепиться к лошадиной
Силе репиём.
И скакать дорогой длинной
С лошадьё вдвоём...

К этим ностальгическим мотивам добавляются воспоминания о семье, родителях:

Страдания. Боль. Невозможно понять,
Что больше уже никого не обнять –
Ни маминой грусти, ни силы отца,
Ни прерванной песни допеть до конца.

О погибшем брате, о сыновьях, упорхнувших от матери во взрослую жизнь:

Из детей вырастают мужчины,
Одинокие гордые птицы.
Никогда не отыщешь причины,
Почему не хотят возвратиться
Под крыло материнской защиты.

Есть в книге и так называемая «любовная лирика». Влюблённости Героини, «роману под названием «Ты» посвящено довольно много стихов, красивых и нежных:

Эти бархатные гуаши,
Эти тайны глаза в глаза,
Золотые загадки наши,
Чьи отгадки не стоит знать.

Тут следует вспомнить многозначный заголовок книги «Притяжение». В нем слышится не только притяжение к Земле, к жизни, к родным людям, но и необъяснимое, иррациональное, иногда фатальное притяжение одного человека к другому, которое называют влюблённостью:

Ты – как неприступная скала,
Приступить к тебе я не смогла,
Но и отступить не хватит сил...

Такие стихи, обращённые к неназванному, но ставшему дорогим и незабвенным для Героини человеку трогают искренностью чувства. Этому притяжению вынуждено противостоять безрадостное терпение. И появляется тема одиночества, покинутости, бездомности, прозвучавшая уже в эпиграфе.

Окружающий Санкт-Петербург не восхищает своими красотами, а представляется холодным, неприветливым городом над «тяжёлой рекой», «эпицентром последнего взрыва людских одиночеств». ЛГ чувствует себя иногда потерянной, брошенной в городе «призрачных неноваций, /который сиротством навек отравлен», где «каждый уходит в леса своих одиночеств зелёных». Отсюда вытекает и тема трудности, невозможности тёплого, душевного, человеческого, дружеского общения порой даже с родными людьми, которая угадывается или открыто озвучивается во многих стихах:

...Разбежались кто куда
Неибежные, казалось, нетеряемые люди.
Ни тебе от них звоночка, ни письма, и ни следа.

В стихе «Отчаяние» передано ощущение безысходности жизни в коммунальных квартирах:

Со всех сторон колотят и молотят,
Нет выхода из кухонь коммунальных.
В столице, возведённой на болоте,
Не глухнет эхо песен поминальных.

Но привлекает книга, конечно, не погружением в отчаяние, а его преодолением, способностью возрождаться, прорасти живыми побегами искусства на выжженном поле несчастья. Приведу для примера одно небольшое стихотворение полностью:

Иногда-иногда, по пути в города,
 Где начала и снов и бессонниц,
 Вдруг увидишь, как в лужах сверкает вода,
 Напоённая утренним солнцем.
 И захочется спрыгнуть с любых колесниц,
 Где отчаянье служит возницей,
 И взглянуть из-под влажных тяжёлых ресниц
 В мир, который не каждому снится.

В этом стихотворении, из тех, которые украшают сборник, случайное яркое впечатление автора превращается силой искусства в образ нужный и близкий многим. Такие стихи, где есть перевоплощение личных переживаний в художественные обобщения, несомненно, – лучшие в книге.

Оглянитесь вокруг и прыгайте с «колесниц отчаяния». Какие же явления жизни, какие действия помогают выйти из депрессивного тупика? Ответ на этот вопрос на страницах сборника имеется. Это дети и творчество.

Способность детей генерировать радость естественна как дыхание. (Помню, в одной из прочитанных мною книг дети образно названы «урожаем счастья».) Трогательно звучат слова МЛ о внуке:

Гуляешь с внуком, помогаешь ему собирать шишки,
 И на петербургском ветру души наши полощутся,
 И есть ещё в сердце любви нескончаемые излишки.

Дети окружают МЛ и в арт-студии, где она преподаёт.
 Вот строчки о них:

Листья осенние дарят дети,
 кто-то букетик, а кто-то в пакете,
 полный пакет разноцветных сокровищ,
 разве тут скажешь – листья всего лишь.

Стихов о детях написано и пишется не так уж много, поэтому они особенно ценны.

Рождение и воспитание детей – чудесное сотворчество людей и природы. Создание произведений искусства, художественное творчество – во многом этому подобно и также способно приносить радость и удовлетворение. Художник в наивысших своих достижениях способен приближаться к Творцу. Эта тема озвучена в стихах:

Я не творю, я просто вытворяю
 Из ничего всё то, что в нём хранится.

МЛ называет творчество «спасительным», оно помогает переносить разнообразные жизненные трудности, несчастья, душевную боль. С его помощью то мучительное, что невозможно изменить, можно высказать, переплавить в искусство:

Бежать от нервов, от тоски.
 Куда? – в ночное стихотворство,
 Сбирать ночные колоски
 <...>
 Любить слова богам на зависть.

Появляется в стихах «радость каждому созданью», и эта радость тем ярче и нужнее, что уживается она рядом с омутом отчаяния. Подобные стихи звучат светло и ободряюще, а иногда похожи на заговоры от бед:

Среди сумрачной зимы,
 Свет надежды, зазвени,
 Не давай уснуть навек
 Самой истинной из рек
 Жизни – дар небес храни,
 Ты – надежда, ты – гранит
 Разбивающая зла –
 Смехом, песнею щегла!
 Среди длинных декабрей
 Стужу сердца отогрей.

Ещё надо написать о смелости, упорстве и способности ЛГ бороться:

Печь лепёшки, подхватывать знамя
 и, рванув за собою отряд,
 взять пространство одними глазами.
 Это после – вся тяжесть утрат.

Для Маргариты Леонтьевны жизнь равна творчеству и является, как бы пафосно это ни звучало, служением идеалам добра, любви, красоты, человечности. Эти качества особенно ценны в наше время, когда определёнными силами ведётся активная работа по «расчеловечиванию» общества, разрушению семьи, морали, забвению правил общежития, выработанных веками.

На странице 52 сборника помещена жёсткая отповедь человеку, который «стихи замешал на мате». Сильно звучат слова осуждения:

Разве сам ты не видишь –
 чёрные буквы смерти
 Из-под пальцев твоих сочатся и души гробят.
 Ты нарушил закон –
 все слова поверять любовью.

МЛ этот закон помнит и не нарушает.

Только то искусство трогает душу, заставляет сочувствовать, сопереживать, где есть любовь, та нематериальная, неопишуемая субстанция, оживляющая, очеловечивающая искусство, без которой оно становится бездушным шоукарством. Думаю, не нужно объяснять, какая любовь имеется в виду, можно вспомнить послание апостола Павла коринфянам и многое

другое. В этом контексте даже банальнейшая парочка «любовь-кровь» может получить новый смысл: любовь – это живая вода, кровь искусства, и не только его.

Но стоит отвлечься от рассуждений и просто почитать стихи, получая удовольствие от красивых образов, чудесных строчек. Их в книге много, например, в стихе о дожде, растворяющем город:

Сквозь кружево прошедших дат
Упавшее струится небо.

О смерти:

Немеет пространство, бесшумно летит
Спрессованной памяти метеорит.
Вот-вот и сгорит, и холодным комком
Зароется в пыль, не грустя ни о ком.

О рассвете:

Ещё чуть-чуть и сронит
Пурпурный ангел пёрышко с ладони.

Заканчивается книга стихом «Остановка в пути». МЛ снова вглядывается в «слайды воскресшего детства», собирает мельчайшие его детали, любуется ими:

Остановка в пути, разглядеть помоги мне
Ту на мамином платье божью коровку,
Те на детском лице удивлённые бровки.

Некоторые из знакомых пишут о творчестве известных писателей, поэтов: Ахматовой, Набокове, Достоевском, что, конечно, прекрасно и полезно, но уже ничего не изменит в судьбе ушедших. Мне интереснее писать о живых сочинителях, которые сейчас, в суетливое, меркантильное, оболванивающее, обесценивающее все самые лучшие чувства, время, создают нематериальное, говорят о высоком, украшают нашу жизнь поэзией. Их миссия достойна внимания, уважения и поддержки.

(Реплика редактора по поводу *предыдущей* статьи и *последующей* книги Маргариты Токажевской «В одном разомкнувшемся круге»)

13 декабря 2017г. Теперь уже я окончательно понял, что из себя представляю, о чем и как пишу и что мною движет. Я – Луна. Я живу в мире отражений, даже когда отражаю ярко и яростно. Ранее я в основном отражал женщину и ее увлечения, например, христианским Богом, вторя Розанову; в последние два года вернулся к творчеству тех, кто сам движим в значительной степени отражениями, т.е. кроме Розанова еще и к Иванову-Разумнику, Мережковскому и Достоевскому, к тем, кто что-нибудь отражает, почему и написал целую книгу отражений «Легенда о великом инквизиторе». Сегодня с Светланой Хромичевой мы отразились от Маргариты (и счастливы, ибо и Маргарита великолепна, и стихи ее загадочны). Но я зацепился, как и положено Отражателю, за абзац в статье Светланы «Только то искусство трогает душу, заставляет сочувствовать, сопереживать, где есть любовь, та нематериальная, неопишущая субстанция, оживляющая, очеловечивающая искусство, без которой оно становится бездушным... Думаю, не нужно объяснять, какая любовь имеется в виду, можно вспомнить послание апостола Павла к коринфянам и многое другое...»

Светлана полагает, что ничего объяснять не нужно, но она ошибается: какая это все же любовь? Та ли ЛЮБОВЬ, что у апостола? О, нет, тут все не так просто. Начну с того, что с легкой руки сначала Гете, потом Булгакова, мы отчетливее осознали, что имя не всегда случайно и ко многому обязывает, а уж имя МАРГАРИТА – тем более. Гетевской Маргарите советы давал сам Дьявол ("*мой совет – до обрученья ты не целуй его!*"), а Маргарита Булгакова так и вовсе летала к Нему на Бал на метле. Открываю книгу М. Токажевской «В одном разомкнувшемся круге», которая **будет издана** в 2018 году (так написано на обложке и этому надо верить), но это и доказывает, что и наша Маргарита знакома с тем же самым соблазнителем, что и первые две. Почему? Кто читал мою книгу «Боль и любовь», тот вспомнит, что много раз при моих с Ним встречах он мне показывал мой роман «Отбеливание льна», который еще не написан и тем более не издан до сих пор, хотя пишу я его уже пятьдесят лет. Это такая особенность у всезнающих сил, забегать вперед и в будущем пребывать так же свободно, как и в прошлом. Ну а что любовь, о которой пишет наша Маргарита, ничего общего не имеет с любовью апостола Павла, доказывается легко (помимо ее, Маргариты, сомнительных знакомств, хотя бы даже со мною), и на этот счет я приведу цитату из преподобного Игнатия (Брянчанинова), тоже, кстати, математика, хотя учились мы в разных группах. Он, как и я, сначала разочаровался в любви (я потом снова очаровался, под воздействием прекрасных стихов), он же до сих пор упорствует в своем разочаровании. Вот что он пишет: «Естественная любовь доставляет любимому своему одно земное; о небесном она не думает. Она враждует против Неба и Духа Святаго, потому что *Дух требует распятия плоти.*»

Но о каком распятии плоти может мечтать героиня стихов, женщина из любовных снов, живущая в мире, а не в монастыре, среди разнообразных людей, мужчин и женщин, а не среди «ближних»?

Все думаю: как мне тебя разлюбить.
Быть может, кувшин со стихами разбить,
И пусть разлетятся во все времена,
Где нет и не будет тебя и меня?

Монах продолжает: «В каких язвах – наша любовь естественная! Какая тяжкая на ней язва – *пристрастие*! Обладанное пристрастием сердце способно ко всякой несправедливости, ко всякому беззаконию, лишь бы удовлетворить болезненной любви своей.»

Конечно, «при-страстие» почти то же, что «при-тяжение», но все же на страшном суде попытаемся оправдываться, открещиваясь от *страстей*, да? И еще я подумал, что **страсть** (даже у самого бесстрастного человека) – это основной нерв жизни. Могут ли писатель и поэт быть *бесстрастными* (не говоря о *влюбленном*)? Может ли поэт быть *невлюбленным*? Увы, общий вывод христианства, начиная еще с первого века – нет, не вывод, а исходное положение, *основание аксиоматики*: искусство ("идолы на улицах Афин", как сказал апостол) и культура в целом не совместимы с религией. Или Христос, или Аполлон. «*Пожертвуй всем для исполнения евангельских заповедей*», добавляет преподобный Игнатий. Ибо «*ощутивший любовь духовную с омерзением будет взирать на любовь плотскую, как на уродливое искажение любви.*» Надо ли спорить, противопоставлять два неотменно противоположных отношения к миру, к любви, к жизни? Они непримиримы как евклидова геометрия и неевклидова, в одной параллельные пересекаются, в другой не пересекаются... Православный поэт – это оксюморон, это горячий лед, холодный огонь, круглый квадрат... (Я, правда, думаю, что не возможен даже и православный человек в качестве человека живого, а не *живущего аки во гробе*, по велению апостола Павла.)

Поэтому «Золотой век поэзии» естественным образом знаменовал собою упадок «подвига», то есть отказа от жизни. Ибо поэзия – это вознесение жизни, возвышение жизни и человека, то **вдохновение** поэта, которое неотделимо от прихода муз. И надо бы уже окончательно перестать ссылаться в статьях о поэзии и литературе на эти знаменитые слова апостола о любви, ибо это *лунная любовь* "людей лунного света"!

Я искал логику в писаниях монахов и "людей лунного света", конечно, там нет и не может быть логики, и нам не о чем разговаривать. Но есть ли логика в поэзии, исходящей из двух противоположных состояний, одно переживает душа, которая чувствует тепло и близость другой души, а другое она переживает, оказываясь вдруг одинокой? логика исчезает, даже синтаксис... остаются те глоссолалии, которые возникали у христиан в первом веке, при начале христианства. (Неужели они были так одиноки?) Но что я знаю о том, «как страшны и коварны они, / Вечера на диване с вязаньем, где нить Ариадны / Превращается в боль бесконечно-бессрочной длины...»? – и что мне на это сказать, если и Пушкин не нашел ничего более обнадеживающего кроме как «На свете счастья нет», правда, добавив, «но есть покой и воля», которые, впрочем, «нам только снятся» (по мнению Блока)? И все же не все плохо, ибо «*нам сочувствие дается, как нам дается благодать*» – и этому поэзия не только учит, но она нас *преображает*, помогая *стать сочувствующими*. .

Мария Амфилохиева

МАНЕКЕНЬЫ

Это были цари – не скитальцы
А.Блок

Раздетой ратью за стеклом
Стоим чудовищно и грозно,
Бездумным вечером морозным,
Чтоб время вспять не утекло.

В нас воплотилась навсегда
Минуты плотской остановка.
Не трусить в неглиже – сноровка,
Витрина – сущности среда.

Разоблачённость – вроде лат.
Мораль кондовую разрушим:
Чтоб не смущали болью души,
Весь мир на свой разденем лад.

ВЗГЛЯД

Серое небо и грязные стены.
Труб водосточных раздутые вены.
Струи потоков из раструбов ржавых –
Жизнь вытекает из жил у державы.

Не удержать! Наложите повязки!
Город утратил надежды и краски.
Еле заметно дыхание ветра:
Нет новостей, лишь воскресшее ретро.

Мне уже не до насущного хлеба:
Вытекло в трубы погасшее небо,
Слилось в каналы, уплыло Невою.
В бездну пустую на площади вою...

Смотрит – не верит несчастью народ:
– Ай да поэт! Убедительно врёт!

***

Сизо-синеющим виноградом
 В небе набрякшем виснут созвездья.
 Улиц полуночная эстрада
 Зубьями зданий лязгнет: «Согреться!»

Что ж, выходи со своим тромбоном
 Сердца, расстроенного отвратно,
 И, подвывая, кружи циклоном
 На рубеже февраля и марта.

Может, дождешься: площади морда
 Сморщится, вроде увядшей розы,
 Звезды покатаются звонким сольдо
 И потекут с края крыши слезы.

ОТРАЖЕНЬЕ БРОДСКООБРАЗНОЕ

Отраженье в зеркале или в луже...
 Ведь второе, в общем-то, и не хуже.
 Отраженье в озере или в речке,
 В слепке воска, что после гадальной свечки
 Остаётся возле приборов пары,
 Отразивших ночь и в ночи кошмары,
 Отразившие твой стихотворный лепет
 Отраженьем крыльев. Те крылья стрепет
 Открывает, земное презрев притяженье.
 Воля к небу – небесных ли воля отраженье?
 Отраженье путника есть дорога,
 Человек, говорят, отраженье Бога,
 Но тогда тебе тезис такой послужит:
 Бог – дорога. Дорога, конечно, в лужах.
 В луже – небо, а рядом – твоё лицо.
 Мысль вернулась, замкнула полёт в кольцо.
 Не давайте мыслям границ огранки.
 Пред тобою – зеркало. Лицо твоё – в рамке.

ОРЕШЕК

Живёшь орешком в злой скорлупке.
Подкидывает ветки взмах
Мир ограниченный и хрупкий –
Плетёнку на семи ветрах.

В корзинке вязкой – три орешка
Друг другу кажутся близки.
Застыли – ни орёл, ни решка –
На тонком рёбрышке тоски.

Раскрой темницы тесной створки,
Выбрасывай себя в полёт!
Пускай осенний воздух горький
Тебя, жалея, обовьёт.

В миг долгожданного полёта
Тебе откроются пути:
Удар. Подземная работа.
И, после, – деревом взойти.

МОЯ «ТЕЛЕГА ЖИЗНИ»

В юности помыслы были обильны,
Путанны, вздорны, светлы, дерзновенны.
Рвались к вершинам. Хотелось так сильно
Жить, украшаясь геройством отменным.

Зрелые годы... Подёрнулись тиной
Воды, что грозным вздымались накатом.
Что б сотворить со второй половиной
Жизни? Дремать в обустройстве приятном?

Тянется время. И вот остаётся
Мысли поскрёбьш один неминучий:
Как своё место покинуть под солнцем,
Чтоб остающихся долго не мучить?..

НЕМНОГО О ДЕТСТВЕ

Внучке Анжелике

Детского смеха безумные выхлопы,
Выходки все – торжество энтропии.
Жутко представить – и что ж это вышло бы,
Волно позволь безрассудной стихии!

Словно в начале рожденья планетного,
В недрах неопытных буйствует плазма,
Требуя только движенья ответного,
Новых разрядов – побольше и сразу

В мерках эпохи безумно растянутой
(В детстве минута растянуто-дробна).
Вот притянулись – а вот и отпрянули.
Только на фото развитии подобно
Поступи...

Но умиление тщетное
Над ангелочком, кисулей и цыпкой:
Деткам все бедки – бедой беспросветною.
Детство прожить – не сломаться под пыткой!

Позже огонь и вода перебесятся,
Твёрдой земная кора станет позже.
К взрослости бег устремляя по лестнице,
Детство забудет, что главное –
в прошлом.

ПТЕНЧИК

Птенчик пиццит
и на кромке гнезда
корячится,
В бездну воздушную
тело ронять
боится.

Труден всегда
переход наш
в новое качество:
Сами попробуйте –
вдруг
становиться птицей!

ТОГДА И ТЕПЕРЬ

Я тогда не видала, должно быть, аза в глаза,
Но за ветром простреленным гнаться могла три дня
И совсем не боялась кричать на юру «банзай!»,
На последнюю дырку стянув оберег ремня.
И в объятьях качала без страха порой врагов,
Принимая наивно акул за людей – и вот,
Как браслеты носила с бравадой следы зубов,
Залепив немотою солёной орущий рот.

А теперь на приколе гниёт мой Кон-Тики-плот
И, должно быть, навек закопан топор войны,
А в Эдемском саду всяк на вкус мне известен плод,
И на каждом стоит уточнение его цены.
Только что-то в сердечной сумке лишь хлад и мрак
Остаются от прошлых дорог, городов и сёл,
Только что-то мне с полки верхней не взять никак
Ту старинную книгу, где сказано всё про всё...

** ** **

Если бы нам сразу всё разрешили,
Мы бы, наверное, вёсла сушили,
Жили, как жили, не больше грешили,
Только болтали б о мыле и шиле.

Если бы нам да во всём отказали,
Бунт мы б устроили сразу едва ли.
Мы бы, ворча, отсиделись в подвале,
Только бы Львами детей называли.

Если бы вовсе о нас позабыли,
Мы бы волками на площади выли,
Мы бы такими несчастными были –
Впору слагать и легенды, и были.

Если бы нам... Ну а сами? Молчок!
Губы зашили, язык – на крючок.

-----

* * *

Колобок да Репка...
«Божия коровка,
Улети на небко»...—
Огляделся робко.
Нет, никто не видел
Из вострящих уши,
Как на волю Дидель
Отпускает душу.
Сказка про свободу
В нас засела крепко.
...Вдоль по небосводу —
Колобок да Репка...

УХОЖУ

Я ухожу из устроенных мною домов,
Нет, не построенных, только небрежно обжитых.
Знаю, мне новый счастливым покажется кров
Только в начале недель, привычкой увитых.
Вновь ухожу обживать, проживать, выживать.
Вяло надежда махнёт над дорогой крылами.
Смотрят безрадостно в спину мне шкаф и кровать,
И побледневшие звёзды блестят под ногами.

НАБРОСКИ СНОВ

Наброски снов под ветра канитель...
Ворчит, несносный, мне о ревматизме.
Бродяжка ночь присела на постель,
Чтоб снова говорить о смысле жизни.

Какой там смысл... Разглядываю глюк
На стороне обратной роговицы.
Такое б не придумал сам Бурлюк,
Крутя свой глаз, как велогонщик – спицы.

Мне накрепко закрытые глаза
Даруют мир шального разноцветья.
Я в нём не понимаю ни аза,
Пока ещё живу на этом свете.

Придёт пора – и век не разомкнуть.
«Какие сны в том вечном сне приснятся?»
Но столькими уж пройден этот путь,
Что не пристало путнику бояться.

Ну а пока – лепи наброски снов,
Расцветивая будничные стены.
А ветер разрывает ткань основ
И верить заставляет в перемены.

БРУТ

Сон начинался пушистый, домашне-уютный...
Верю? Не верю! Предчувствия, право, не врут.
Вот поднимается ветер, тяжёлый и смутный:
Вновь против Цезаря лезвие выточил Брут.

Впрочем, Брут прав. Право бунта по крови забродит –
Двигатель страшен, но он продвигает вперёд,
Так извините солдатика, ваш-благородье,
Что всадит пулю в привыкший командовать рот.

Все – за свободу. А те, кто на страже закона,
Знать, за свободу законом дозволенных прав...
Только спросите у этого старого клёна,
Волю какую постиг он, поленицей став?

Клён от земли отрешён, от привычного сада,
Вольнонаёмник стихии гремучей огня...
Сон был уютно-пушистый... Какая досада!
Внутренний Брут обнажает клинок на меня.

ЧЕТВЕРГ

Вот мир, привыкший строиться в ряды
И классики чертить в пыли асфальта.
Но я – четверг, среди любой среды
Торчащий древней глыбою базальта.

Напра-, нале-, а дальше – шагом марш!
Но я стою над зыблущейся бездной,
И не миров чертёж, а скверный шарж
Лежит у ног уродом бесполезным.

Команда: штурм! И громкое ура.
Победа! На пиру – безумье твиста.
Но знаю: я – та самая гора,
Где четверговый рак в клешню присвистнет.

Свисти же, друг! Не то совсем беда,
Не соберём соратников по крови.
Но длится бесконечная среда:
Для четверга не вызрело условий.

СУЕТА

Суета – лишь круги по воде
От болтливых, занудливых капель,
Но глядишь, позабыв о вреде,
А тем временем вкрадчивый скальпель

Отрезает кружочки годов,
Убивает биение смысла,
И уже мыслекроны садов
Обращаются в вид коромысла,

На котором – два скудных плода
Вместо жаркой сумятицы яблок –
ДА и НЕТ остаются. Беда:
Ты над ними лишь рюмишь, как зяблик,

Что поёт – ну, почти соловьём! –
Только в ведро, когда удаётся
Без кругов увидеть водоём,
Ослепительно ясный под солнцем.

Суета в этот час не видна –
Притворилась придонною мутью.
Луч глубины пронзает до дна –
И вода наполняется сутью.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Из душевных, тоской одуряющих мук –
Прорыв в освещённые сферы.
Взыграла душа, ослабев, словно вдруг
Коснулась преддверия веры.

Вокруг простирался желтеющий луг,
Белела гора в отдаленье,
Тихонько звенело внутри и вокруг
От лёгкого птичьего пенья.

Но вот впереди показалась стена,
Путь радостный пересекая.
От дальнего края тянулась она –
И снова тянулась до края.

Всё ближе... В стене замаячила брешь,
Как будто пробито окошко.
И чувствую – втиснуться можно промеж
Каменьев – осталось немножко.

Дыханье стеснилось, движенье трудней,
Но ближе и ближе оконце,
Где светит в изящных изгибах стеблей
Блистающей розою солнце.

Помедли, мгновенье!

Сейчас я войду
В слепящий простор неизвестный,
Познаю блаженство, пускай на беду...
Вдруг окрик суровый:

– На место!

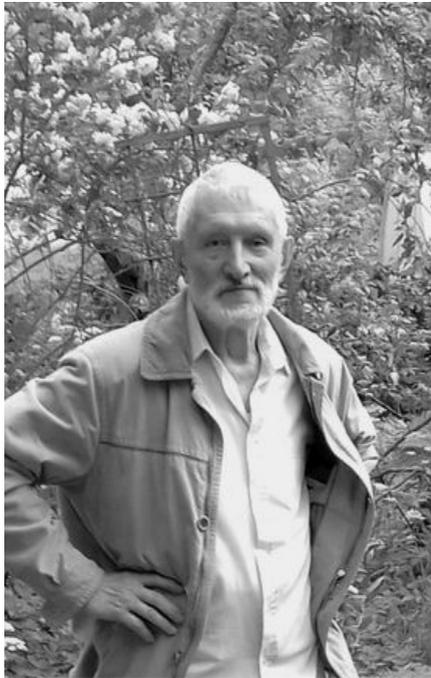
Был словно натянут тугой поводок...
Отброшена грубо обратно,
Рыдает душа: «Мне бы света глоток!» –
Унижена невероятно.

Укором прощальным на дальней стене
Блеснула заветная роза...
А кто-то с улыбкой склонился ко мне:
– Как долго ты... после наркоза!

В. И. Чернышев

СТИХИ О ДЕРЕВЕНСКОЙ
ЖИЗНИ

* * *

Я в пространстве, где трепет и боль.
 Где отчаянье тихо,
 Где прогоркло вино и рассыпалась соль,
 И в углу притаилось безглазое Лихо.
 Как устал я! Всё против меня.
 Всё томительно, зло и немило.
 Ни луны и ни звезд, ни печного огня,
 Словно временем жизнь мою смыло.
 Что болит во мне? Дух? Утомленная плоть?
 Или ребра вполне уподобились клетки?
 Кто там сверху? Злой князь? Милосердный Господь?
 Указующий перст, удлинённый до плети?
 Как устал я сносить поученья и брань!
 Я – дитя всех миров. Кто меня пожалеет?
 То ли поздняя ночь, то ль безумная рань,..
 Разгребаю золу. Чудо: уголь алеет...

Уходя из города

Горит фонарь Калинкина моста.
 Увы, нет повода для неслучайной встречи.
 Вся жизнь твоя божественно проста –
 Нужны ль тебе изысканные речи?
 Я часть толпы, но выше всех в толпе,
 Я часть всего, и все ж я ВСЁ отчасти,
 Как ангел зла, прикован на столпе,
 Я данник злой и ненасытной власти.
 Я долго шел – к тебе ли только шел? –
 Ты за околицей и бытия и смысла.
 Увы, молчит божественный глагол,
 И мнимые лишь торжествую числа!
 Дай руку мне, отважное дитя!
 Все фонари нам шлют привет в дорогу.
 На Млечный путь взойдем почти шутя,
 Обнимемся! – и станем равны Богу!

-----

* * *

Как устал я от "редактуры круга!",
Хочется деревенской свободы.
Солнце ли будет, дождь ли, вьюга,
Все приму как веянье моды.

Печку натоплю, стол накрою,
Чай заварю, наполню чашу,
Что-то позабуду, иное скрою...
...В нашу ли дверь стучатся? В нашу!

21 октября 17

* * *

Ах, милый друг, ты виноват
И в самомненьи и в сомненьи.
Ты увлекал – но как закат,
Как звуки слов в стихотвореньи.

В тебе ждала я столько лет
Не правды жизни – только веры.
Ты был моим – как лунный свет.
Я Прозерпина, дочь Цереры.

И вот опять, увы, одна,
Богиня снов, рабыня сна.

Мое дитя, моя подруга!
Не вместе ль мы спасем друг друга?
Прямой дороги нет, поверь!
Косит уже немного дверь,
И я, увы, не исключенье.
Косит порог, крыльцо. Творенье
Само немного с косиной.
Вмешался ль Змей, виновна ль Ева,
Тот плод с того святого древа...
Ничто не прямо предо мной...

Но как же мне – не верить снам,
Не ждать тебя, не сеять время?
Не прорастет к рассвету семя
Любви, обещанной не нам...

21 октября – 10 декабря 17

* * *

Дождь со снегом. Начало зимы.
Деревенская Русь тихо дремлет.
Я смотрю, как из труб выются в небо дымы,
Но природа прохожим не внемлет.

Дождь со снегом. Морока, тоска.
Словно судьбы, дороги в России разбиты.
Кто-то в ямы насыпал песка,
Кто-то к Богу возносит молитвы.

10 ноября 17

* * *

Россия – грустная страна.
Ее понять не суесловью.
Ее любить – так только с кровью,
А верить – значит, пить до дна.

Лишь поднимаясь на вершину,
Узнаешь вдруг лицом к лицу
Боль, предназначенную сыну,
И слезы поздние – отцу.

Ни обретенья, ни остатка.
Невдалеке орел кружит...
Признание грустно, слава кратка,
И даже истина молчит.

Но в облаках сокрыто око,
Пустыне внемлет высь и даль.
Я не дошёл еще? Далёко?
Весь мир со мною. Нет, не жаль!

11 декабря 17

Медведев А. В.

ФОЛЬКЛОР, КАЧЕЛИ-КАРУСЕЛИ

Меньшиков Владимир. По(х)вальная грамота – 2017, СПб, 132 с.

Не проливай в России кровь
За политические цели,
А лучше выбери любовь,
Фольклор, качели-карусели?

В.Меньшиков, «Осенние песни-пляски».

Меньшиков Владимир Петрович

Подборка стихов для журнала

В. П. Меньшиков родился в д. Кеврола Пинежского района Архангельской области 8 сентября 1953 года. После окончания средней школы в г. Волхове работал в лесоустроительной экспедиции, служил в СА. Закончил Ленинградский пединститут имени Герцена, факультет истории. Живет и работает в Петербурге. Член СП России с 1993 года.

Автор поэтических книг «Оккультная оккупация», «Звероисповедание», «Гармонь снопа», «Стихотворения», «ГОЭЛРО горла», «В начале тысячелетия», «Русский простор», «Прорыв», «Приладожье», «Труд и пруд». Печатался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Аврора» и др., в газетах «Завтра», «Литературная Россия»... Награжден юбилейной Есенинской медалью. Лауреат литературных премий России (1997) и (2002).

ФОЛЬКЛОР, КАЧЕЛИ-КАРУСЕЛИ

(вместо предисловия к стихам)

Краткая аннотация сообщает, что в книге Владимира Меньшикова «По(х)вальная грамота» стихотворения о России, о русском народе, о земле. Действительно, В. Меньшиков своё творчество не мыслит вне этих тем. Впрочем, все поэты, включая рафинированных небожителей и насельников слоновокостных башен, сознательно ли нет, говорят о времени и о себе в пространстве безграничной Руси-России. Безграничность восприятия Родины В. Меньшикова выражена в удивительном переплетении в его сердце чувства её былинной древности, недавнего, по-своему также сказочного прошлого и сложного взгляда на её настоящее бытийствование. Поэт сознаёт себя частью страны-подвижницы: *«Всё-таки, с тобой, родная Русь / (Я за Революцию хотя бы, / За победу в ВОВ) – горжусь...»*, несмотря на то, что перед ним и в его понимании перед страной стоит неразрешимый, кажется, вопрос – что *«время русской боли / затянулось навсегда?»* Что бы там ни было, поэт отвечает себе так: *«Но, пожалуй, в длительной аренде / У меня всерусская печаль...»*

Когда-то Ницше обронил, что многое, европейскую культуру даже, отдал бы за русскую печаль. Заманчиво, стало быть, печалиться, пекутся русские люди о... А о чем, в самом деле? Да о разном, и по-разному. Так что не сразу поймёшь, где шуткуют, хотя весь вот он, слезами исходит, а где всерьёз дело ведут, и не смотри, что этот вот скоморошничает.

Нередко ёрник остраивает, принижает то, за что в другой раз готов постоять и головою. Себе можно, а иному – ни-ни, не замай, моё, родное! Почему так происходит? Отчасти из суеверия, из боязни, что, восхвалив, сглазит, наведёт какую ни то порчу на святое, сызмальства любимое, что не требует осмысления, как не нужно оно в ощущении себя сыном, мужем, отцом, – что тут смыслить, кровное и всё тут. Отсюда не Марья, а Машка, да и сам не Иван, а Ивашка. Так – на миру. Чтоб не завидовали. Заодно и лихость показать, – а чё там, в натуре?!

И у ангела изъян:
Он без уха и без письки.
У его подружки стан
Всем хорош, да плоски сиськи.

Это, как частушечное, как веселье после первого стакана, когда на что ни зыркнешь, оскаляешься, когда юмор, сбрасывая налёт угонченности, предстаёт в исконной своей низкой ипостаси. Второй стакан кураж раздумьем пригасит, а после третьего, знамо дело, развезёт...

Милое село, моя деревня!..
Как светлы над ними небеса!
Как душеприятны да напевны
Избы, прудик, поле и леса.

Не в этом ли русская печаль? Не у поэта спрашивать. Он поёт и слов из песен не выкидывает, так что словам, как пассажирам метро в часы пик, тесно. Поёт, что ему привиделось, на что захотелось от скуки посмотреть, или на что без боли не глянешь. А зрение штука хитрая, болотными огоньками приманит, а то очевидное выводит невероятным. Всё дело в том, насколько убедителен поэт, говоря, я так вижу! и вы посмотрите моими глазами.

Вот кресты сельского кладбища над могилами солдат – *«Все четверо пали в боях за Кавказ»*. «Внутренний гид» поэта поясняет: *«Ведь каждый из этих парнишек погиб / На войнах, где минимум смысла»*, затем восклицает: *«Зачем этих юных позвали на роль / Не очень-то нужных героев?»* Вечное это было спето серебряным Пьеро: *«Я не знаю, зачем и кому это нужно, / Кто послал их на смерть не дрожавшей рукой»*...

– А что-нибудь посвежее? Поют ведь и о не без смысла героях, не зря погибших на Кавказе, на Донбассе...

– *«Русь – это вечно повторы, / так что про новь не мели»*.

Что ж, ждать особой новизны от поэтов, в привычном ля-миноре поющих «о том, как перевелись богатыри на Руси» да «плачущих о гибели Русской земли», было бы странно. Но, как говорится, не за то мы их любим. *«Руганью я знаменит / И на скандальное падок...»* – оба! вот оно наше! Конечно, наше. Но не всё. Заявить, что *«На культпросветдолжностях / Крепко сидят русофобы»*, маловато, чтобы стать полностью современным нашим русским. Полумаски последнего поэта деревни в догнивающей лодке уже недостаточно для возникновения образа той печали, которая любого современного «Ницше» подвигла бы всё своё отдать за неё. Рассматривая книгу, читатель вправе ожидать от поэта, помимо таланта слагать стихи, претензию на некий особый взгляд на явления природы, общества, людских характеров, веры и неверия. Претензию на особые формы изложения этого взгляда, на тематическое, композиционное, стилистическое и фонетическое разнообразие.

В. Меньшиков избрал рамки по-своему сочного языка пригородов, посёлков городского типа, языка вобравшего... да чего только не вобравшего за годы советской власти, когда, встретившись на 101-м километре от города-миллионника, кудряво-облачное интеллигентское переплелось с ясно-почвенным деревенским.

– Эх, ты Вова, выдумщик и враль,

Всё дуришь, а на глазах-то слёзы.

– Самого себя порою жаль

За свои же выкрики, угрозы...

Выдумка, смех сквозь слёзы – вот грамота, которой писана книга В. Меньшикова о современной России, об её удивительных людях в их самых загадочных, невероятных проявлениях. Несомненно, при этом любовь водила рукой автора, и это главное достоинство книги. Как бы ни стеснялся он открытого её проявления – вот и – тьфу, тьфу, тьфу! – сакральный древнерусский «х» за скобки вывел в слове «похвальная», но любовь скрыть не удалось.

Меньшиков Владимир Петрович

ПОДБОРКА СТИХОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА

Нынешний приезд*Н. Тронникову*

Над равниною солнышко светится,
Свод небесный залит синевой.
Прибыл я, чтобы ярко отметить,
В крае светлой своей головой?

Без меня есть великие умники
С мастью, властью над нашей страной.
Но и я – героический уникум,
Петербургский, лесной, избяной.

Встретя возле ларьков участкового,
На вопросы ответил всерьез:
Ничего, мол, из Питера нового,
Деструктивного я не привез.

Сам ж хочу, чтоб явился медведушко
За мандатом, «добром» на таран,
Но к ворчливо-бранчливому дедушке,
Издеваясь, приполз таракан.

Посмотрю, как над Виледью-речкою
Широко заалет заря.
Может быть, отсидеться за печкою
Заявился из Питера я?

Что ж ты, солнце, монетою светишься?
Что ж ты, дым, изогнулся, как змей?
В мире этом невзрачно отметишься
Лишь надгробьем могилы своей.

Северное село

Неудачи, нестыковки, муки
И журналчик с фото «Мисс морей»...
Надо, день осточертевший, в руки
Собственные взять себя скорей.

Или в руки пролетариата
И крестьянства отдавать себя?
Я оглядываюсь виновато
И бреду по улице, сопя.

Четко примечаю, как фотограф,
Танцплощадку, кустики, кровать.
Я вам не алжирский хореограф,
Чтоб учить здесь жирных танцевать.

Но какие в жаркий полдень танцы
Да к тому же бальные, ха-ха.
А в музейчике устроят «шманцы»
Краеведческие плуг, соха?

Не хватает сочинить про вальсик
Тракторов да ёлки с топором...
Близ пивточки Вальчик-лесовальщик
Валит всё на Кремль и на Леспром.

Женскою толпою начат гам лет
На зеленом низком берегу.
Да какой я вам, крестьяне, Гамлет?
Стар уже и драться не могу.

Призовое время

Мы не храм, а сарай в старом стиле
Возводили, да кончился тѣс.
Денег нет. Потому и запили.
Самогонки брательник принес.

В нашей сельщине пьяно и глухо.
Словно в рае, не надо пахать.
Из-под простыни выставлю ухо.
Ничего про Махно не слышать.

Не звучат боевые призывы...
И старается менеджер-плут,
Чтоб опять разыграли приз ивы:
Как друг дружку тоской изведут.

У которой серебряной тины
Больше, та основной фаворит.
Вот какие предстали картины,
Вот каков стороны колорит.

А какую положат зарплату?
Да, измучавшись в нудной борьбе,
На такую купить лишь лопату,
Чтобы вырыть могилу себе.

Как, прикажите, выжить на эти
Пять тыщенок, на семь или на?..
У Василия малые дети
Да еще неумеха-жена.

Охватило страну нищетою,
Как дуреху цветным пояском,
Стан которой с большой полнотою,
С целлюлитом еще не знаком

Если бритвочкой вроде надреза
Сделать тайно на том пояске?
Ничего. Все равно «Марсельеза»
Захлебнется в крестьянской тоске.

Вилегодск

За полем – лес, тайга и лесопункты,
Где годы пионерские провел,
Туда бы заглянуть, но держат пути,
Не выпуская лирика из сел.

Но это не трагедия, не драма,
Что леспромхоз не навещаю я.
Визжит там напоследок пилорама,
А здесь визжит последняя свинья.

Сложился чудный рядик: чушки, чурки, –
Но вырвалось чудовищное «Чу!»...
Распотрошил последние окурки,
Да пуще прежнего курить хочу.

Так в чашах режут русские ракеты,
И надобно собрать из них одну,
Чтоб напоследок вздрогнули планеты
И сигареток бросили к окну.

В Луну-бумажку сыпать звезд махорку
С курением глобальным по ночи...
А коль начать последнюю уборку,
То прежде бы слезами помочить.

Я отдаю вечерние поклоны
Равнине деревенской, луговой!..
Возможно, завтра в лесопункт погонит
Меня демократический конвой.

Язычество (Поиск Русской Силы)

«Человек должен стать лучше и злее»
Ф.Ницше

Не торопитесь со страной в могилу,
А надо быть, как Ницше, – лучше, злей...
В желании найти России силу
Я вышел на медведей и на змей.

Вначале посещал мужей Науки,
Махал руками, книжечки «рубя»,
На всяких съездах подыхал со скуки,
В буфетах пропивался до рубля.

Меня пытался ельцинский опричник
Угомонить, публично отрезвить,
Но я – провинциал, вахлак, Язычник –
На литсобраньях продолжал дерзить.

Трибуна лжеораторского зала
Поэта пожелала ушипнуть,
Но тяжело, толстенная, сползала
Со сцены и распалась на щепу.

Ее облил водою из графина,
Не собираясь откачать, поднять.
Взяв денег на дорогу у начфина,
Направился в провинцию опять.

А там сирень, черемуха по долу
Красиво и любовно зацвели,
Но я попал в языческую школу
Змее-медвежьих Леса и Земли!

Бродил в полях, искал взаимосвязи
Энергий змей, машин и тракторов.
Вот ими села из буржуйской грязи
И вытащить бы, выказав норв!

Осенняя дискредитация
(К 100-летию Революции)

Мы – мелочью, а тополя – листвою
Багряной сбросились, чтоб небо вскоре
Сюда снежинок сбросило под вой
Ветров с Балтийского шального моря.

Я, может быть, желаю Красный пепл!
Поскольку Революцию рабочих
Еще в обосанных пеленках пел,
А вот теперь, в «шестнадцатом», – не очень.

Через годок 100-летье Октября!
А у меня деньжонок работяги
Набрали в долг, но без возврата, бя...
Ну твари, махинаторы, деяги.

Таких, конечно, единицы, но
И я один! – на Петербург – гудошник,
К тому же создающий ревкино
И заслуживший званье ревхудожник.

Кронштадт – палитра, кисти – корабли,-
Приблизят их, макнут и море красить!
Ужели наглость и долги смогли
Испортить мнение о рабочем классе?

Языческая память

Почернели травы на лугу,
Скоро здесь засеребрится иней.
Ковыряюсь, копошусь в мозгу,
Так ль, не так ли сочиняю ныне.

Надо ж, прекратил писать про змей,
А про волка и медведя – малость.
Может, прозорливей стал, умней,
Может, просто поглупел под старость?

Речки, как извилины в башке,
Лед и белый снег, как мягкий череп.
Из природы – в радости, в тоске –
Я привык бесперебойно черпать.

Наступил ноябрь. Пока к воде
Доступ безо всяких трепанаций.
В теплых норах или где, вы, где,
Звери из «сварожьих провокаций»?

Где Змея? Где Волк? Медведя нет
Для языческих атак-прорывов.
Лишь о них упомянул поэт,
Разбежались, расползлись стыдливо?

Мрачен луг. Чтоб снова стал цвести,
Надо скинуть с планера по ветру
С гиканьем побольше конфетти,
Чей диаметр метр или полметра.

Вскоре сбросят снежный порошок
Или пуд летучей, пыльной соли.
Ясно, что духовность – хорошо,
А зверинность помешает что ли?

Нам в сраженьях с южными Зверьми
Надо будет биться тоже яро.
Так что из язычества возьми
Боевитость, Русь, для контрудара.

II. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

Вячеслав Овсянников

ДВА РАССКАЗА

ТЕТУШКА

ТО ЛЕТО

ТЕТУШКА

Первый день отпуска. Автобусный вокзал на Обводном канале за Новокаменным мостом. Еду в Алексеевку, псковскую деревню, к тетушке Александре Федоровне. Приехал. Поля, лес, осень, холодно, летят желтые листья с берез. Тетушка маленькая, в ватничке, копает картошку на огороде. Обнялись, расцеловались. Выпили самогону за встречу. Сиж у на полу у печи, глядя на огонь; весело трещат березовые поленца. За окном заря, простор.

Проснулся. Мглисто. С тетушкой копали картошку; огород большой, одной трудно, вовремя я приехал. Вечером стопили баньку. Такая радость! Вороны летят в темном сентябрьском небе, крылья поскрипывают. Тишина. Лес, жнивье, все желтое. Сиж у печки перед огнем, пишу.

На другой день туман, воробышки на проводах. Яблоня в саду с красными яблоками, как в бусах. Петух, куры. Пошли с тетушкой в лес за грибами, набрали полные корзины подосиновиков. С берез летят желтые кружочки, пахнет багульником. К середине дня туман разошелся, солнце выглянуло, тепло. Гулял в рубашке, в поле стога.

Проснулся поздно. Темно, тучи, моросит. Весь день дома, читаю, пишу.

Сегодня опять туман. По пояс голый умывался на дворе. Куры бродят. Набрал воды из колодца, колодец старый, с «журавлем», ведро ржавое. Опять пошли в лес, набрали подосиновиков и брусники.

Ночью вышел на двор. Бесшумно пролетел у меня над головой темный силуэт какой-то большой птицы. Может, филин.

Все тот же густой туман, как молоко, в двух шагах ничего не видно, запах влаги. Умывался на дворе холодной водой из колодца. Бодрость, свежесть.

На болото, набрали брусники. На велосипеде прокатился до соседней деревни Жабинцы, там магазин, привез хлеба. Тепло, хоть купайся. Ночью, в полной темноте, брал воду из колодца, колодец глубокий. Окна нашей избы светят, да еще в конце деревни – там две столетних старухи живут. Остальные избы темные, покинуты, заколочены, только на лето кое-кто приезжают из города.

Сегодня суббота, стопили баню, попарился вволю. Хорошо! Вдали за полем лес в голубой дымке.

Понедельник. Тихий, теплый дождик. Сиж у окна, на подоконнике стакан с васильками, вчера нарвал в поле. Скошенный луг, буро-зеленая земля в буграх, ходит человек с лошадьо; два пастуха в кепках, в брезентовых плащах до пят, с кнутами, гонят стадо мокрых, черных коров.

Событие. К тетушке приехали на «запорожце» родственники: дочь Лида с мужем и двумя детьми. Лида рослая, широколицая, задорная, голос громкий. Муж мрачный, в элегантном светлом костюме. Дети, мальчик и девочка, бегают с криком, визгом. Ночью спали все в одной комнате, храпели, я не выспался. Они приехали на неделю. Комната большая, четыре кровати по стенам. Тетушка на лежанке на русской печи. Веселая у меня перспектива бессонных ночей! Есть еще старый диван на кухне, попробую на нем.

Окна в испарине, прохладно. Родственники уехали, раньше, чем планировали. Тетушка повела меня на могилку к Петру Степановичу.

Сосновый островок на бугре посреди поля. Нежно-зеленая озимь, пасмурно, синички что-то клюют, перелетая с ветки на ветку.

Сочинил балладу на деревенскую тему, сюжет тетушка рассказала. Кажется, неплохо получилось. Тучи. Письма от жены нет. Или что-то случилось, или не хочет писать, не до меня.

Воскресенье, темно, холодно, дождь. В печке пылают поленья. Прочитал тетушке свою балладу, она очень удивилась, как это у меня так складно выходит: так слова как слова, а тут получается до того красивое, хоть плачь. Она и на самом деле заплакала. Вот эта баллада:

В селе
Светились в холоде топоры.
Готовы хоромы коровам!
Снег пах кусками сосны.
А запад стал, как медь, красен.
Плескался в гранях стаканов спирт,
брызгали громкие рты слюною –
за здоровье тучных буренок
и за искусство топора!
Смеялись глаза блеском масла.
Только один стал зол и трезв.
За темное слово о жене
Он в кума кидает нож.
Перо ножа в стене трепетало.
Буяна стиснули десять рук.
Он стонал слюной, как теленок.
А я из дома шагнул в ночь.
В тишине и темноте
Сияли рога лунной коровы,
И село утопало
В волнах молока.

По вечерам читаю тетушке книгу Фрезера «Золотая ветвь». Я эту книгу специально с собой взял, чтобы здесь читать, в деревне. Там есть о русских обрядах, о ведьмах, о злых духах. Тетушка ахала: «Ахти, всё ведь правда! Так всё и было раньше у нас в деревнях, такие обряды справляли!»

Пилили с тетушкой дрова двуручной пилой. Наконец-то письмо от жены. Я в ватнике шел от реки с двумя полными ведрами, вижу, на велосипеде, в сапогах, почтальонша. Сбегал в лес, корзина подосиновиков каждый день. Вечером баня, напарился. Иду через луг, кругом поля, лес, огромное, страшное небо, мрачно-фиолетовые великаны туч. Качаются на ветру высокие бурые стебли. Солнце на закате.

Погода переменилась. Ураганный ветер. По радио передали: в Ленинграде наводнение. Я в старом ватнике, пишу при свете огня из печи. Ночи звездные, яркая луна.

А сегодня ударила буря с градом, такой лавиной, что неба не видно. Град крупный, горошинами, боялись, стекла в окнах разобьет. Опять солнце и

ветер. Темнеет, небо чистое, но на западе по всему горизонту громады страшных фиолетовых туч. Ночь, на дворе чернота, ветер.

Вот уже и октябрь. Первый заморозок, трава белая. В доме холодно, поставили вторые рамы. Заболела свинка Маруся, и тетушка с ней возится с утра до вечера. По утрам все еще моюсь по пояс голый на дворе.

Холодно, хандра, голова болит. Все еще хожу в лес и приношу грибы. Завывает ветер.

Тучи. Таскал на огород торф с навозом, разбрасывал совковой лопатой. Ветер свистит.

Сегодня тихо, чудесный денек, солнце, золотые леса. Журавли курлычут высоко в чистом небе, так высоко, что и не видно. Пилили с тетушкой двуручной пилой дрова у бани. На велосипеде в магазин за хлебом, там толпа, одни бабы, все в ватниках, разговаривают громкими голосами, горланят, матерщина. Такой матерщины я и у мужиков не слышал.

Солнце закатилось, пишу у окна, тетушка затопляет печь. Пришла соседка, язык у нее – на три версты! Вот наказание! Не вытерпел, ушел на двор. Колол дрова у бани, пока не стемнело. Звезды. Долго стоял, задрал голову. А тишина тут! В ушах звенит!

Пошел в лес, красиво, золото берез. Принес корзину грибов. Настоял водку на травах, цвет янтаря. Выпили с тетушкой за обедом. У лампы под потолок шумят мухи. Придется уезжать не в понедельник, как я собирался, а во вторник, тетушке надо на рынок за цыплятами, так, чтоб вместе.

Ночью был дождь, сыро, тепло. Умывался на дворе, ковшем зачерпывая из ведра. В печи горят дровешки, жарятся на сковороде грибы с картошкой. Выпили за то, за сё. Сегодня День конституции. А еще день святого Никандра.

Ходили с тетушкой за грибами. Дождь.

Стопили баню, последний раз перед моим отъездом. Полтора часа парился. Славно! Долго лежал на лавочке, глядя в банное мутное оконце с трещинкой: бурый луг, лес вдаль, дождь шумит по крыше у меня над головой.

Собираю рюкзак, везу бруснику, грибы, сушеные, соленые.

Встали затемно, в половине шестого. На дворе заморозок, только-только начинает светать. Небо еще в звездах, Венера ярко горит, свежая румяная заря за березами, поля в морозной дымке. Шел с тяжелым рюкзаком на спине вслед за тетушкой и несколько раз оглядывался на дом. Взобрались в кузов трактора, на солому с сеном, человек десять, и трактор покатиł среди полей в голубом морозце. Деревни, дворы, засыпанные красным кленовым листом, петухи, куры, собаки, огороды.

В Цапельках (большое село у шоссе) мы с тетушкой распрощались, обнялись, расцеловались. Тетушка всплакнула, в платочке, в ватничке, нос картофелькой, покраснел от холода. Что ж я так мало погостил у нее. Уехала на тракторе дальше с большой корзиной покупать цыплят в Красных Стругах. Подошел мой автобус на Питер. В автобусе я согрелся и стал дремать. Перед моими глазами все стояла тетушка, ее маленькое курносое лицо, сморщенное, замерзшее. Мне сделалось грустно. Увидимся ли мы еще когда-нибудь?

ЛЮ ЛЕТО

В конце мая вернулся из дальнего плавания, отпуск на все лето. Мне двадцать семь. А ей девятнадцать. Она ровесница моей сестры, школьная подруга. Год как школу закончили. Сестра моя рано вышла замуж, в восемнадцать лет; когда я вернулся из плавания, у нее родилась дочь. Я новорожденную полюбил. Как только начинала плакать, брал на руки и носил по комнате, баюкая, и она в моих руках успокаивалась. А та, о ком этот рассказ, увидев, как я ношу на руках младенца и укачиваю, спросила: наверное, я очень люблю мою племянницу? «Да, люблю» – подтвердил я. Она тогда часто навещала мою сестру. От сестры я узнал, что у нее есть жених, тоже моряк, и она собирается выйти за него замуж. Уже все решено, вернется осенью из плавания и – свадьба. А сейчас она скучает, одна. И я один. Почему бы мне не развлечься. Сестра призналась: «А ты ей сразу понравился. Решила, что ты еще совсем мальчик, лет шестнадцать, мой младший брат». И правда, я очень молодо выглядел, на лет десять моложе моего возраста. И вот сестра известила, что ее подруга будет ждать меня сегодня вечером в семь часов у озера на мостках. Хочет, чтобы я покатал ее на лодке. Это ее собственная лодка, только вот весла тяжелые, не для девичьих рук.

Вечером я пошел к озеру. Это было мое первое свидание. Первое в жизни! Что-то я читал в тот день. Да, Баратынского, потрепанный томик из поселковой библиотеки. Подошел к мосткам ровно в семь. Она уже ждала меня там. В легком платье, голые руки и ноги. Лицо тревожное, с каким-то трагическим выражением. На мостках лежат два весла. Лодка привязана, цепь обвила сваю железной змеей, на цепи замок. Катались мы долго. Солнце зашло. Но светло, июнь, белые ночи. Не помню, о чем говорили. Может быть, я рассказывал разные морские истории, травил байки. Хотя и не мастер я на длинные речи. Свежо, ветерок с озера. Говорит, замерзла. Не будет возражать, если я поведу себя посмелей и обниму ее, и мы тут еще немного на мостках постоим, а то домой так рано не хочется. Что дома делать? С тоски помирать? А если обниматься, так уж и целоваться. Вот мы и целовались. Она-то в этом деле уже опытная, сразу видно. А я впервые обнимаю и целую женщину. Назначила встречу на завтра, в тот же час, на этом же месте.

Так мы с ней и встречались все лето в разных местах: то у озера, то в парке, то у совхозных полей за школой под склоном холма. А чаще всего она назначала мне свидание в конце глухого переулка у железной дороги под насыпью в зарослях высокой травы, где нас никто не мог видеть. Ведь наши встречи были тайные, о них никто в поселке не должен был знать. Потому что у нее есть жених, и она ждет его из плавания, и осенью, как только он вернется, сыграют свадьбу, и она станет его женой... И вот я спешил к ней на свидание по тому безлюдному переулку в поздний час, к той насыпи у железной дороги. А она всегда приходила раньше и уже ждала меня, нервно обрывая траву и кидая камешки гравия, скатившиеся с насыпи. И опять я видел ее коротко стриженные волосы, почти белые, словно выжженные,

челку, лезущую на глаза. Шальные-шалые, бедовые эти глаза. И мы целовались, и больше ничего. Мы даже почти не разговаривали. А вечера становились все темней, все холодней. А мы целовались все жарче, все ненасытней.

А однажды я проспал наше свидание. Да, умудрился позабыть о нем. Позабыл начисто. К сестре пришли гости, сели за стол, выпивали. Сестра вытащила меня из моей комнаты, моей норы, где я уединился. Пришлось участвовать в их веселье. Потом я прилег отдохнуть. А когда проснулся посреди ночи, тогда только и вспомнил. Ох и скандал! Ну, скажите, как жить с такой дырявой памятью? Тогда мы из-за этого чуть было не расстались. Она меня знать больше не желает. Три дня мы не виделись. На четвертый день сама пришла к нам в дом, показать сестре новые туфли, и мы помирились.

Все-таки лето кончилось, это сумасшедшее наше лето. И наступила осень. Что же, надо было трезво взглянуть на вещи. Я собирался опять в море, а ее жених вот-вот должен был вернуться из плавания. В последний день перед моим отъездом, она хмуро спросила меня, как я ей посоветую, она вот в сомнении, колеблется, как ей быть. Не отменить ли эту свадьбу? А я что-то ей ответил. Что-то ведь я ей ответил.

Через несколько лет я опять ее увидел. Пришла навестить мою сестру. Серьги с бриллиантом, яркая помада. Яркая, как кровь. Замужем за своим моряком, капитан торгового судна.

В тот день у сестры был семейный праздник, день рождения моей племянницы. О, она уже стала большая! На руки не поднять, как прежде. Проветриться, согнать хмель. По пустынному переулку, до железнодорожной насыпи. Шел и думал: вот сейчас увижу ее, она уже давно ждет меня там, в зарослях пожухлой осенней травы, ждет в тревоге, легко одетая, худенькая, белобрысая, дрожа от нетерпения, как тогда.

Калягин Николай Иванович

Прозаик, историк русской поэзии. Родился в 1955 году в Ленинграде. В середине 80-х годов в рамках тогдашней "второй культуры" (К. М. Бутырин, Н. П. Ильин, и др.) печатался в журнале "Обводный канал".

Позже печатался в журналах и альманахах "Москва", "Нева", "Постскриптум", "Странник" и др.

Главные книги: "Сказки и истории" (печатается в «Новом русском Журнале») и "Чтения о русской поэзии" (издана в 2016 г.)

Сказки и истории

ИНЖЕНЕРЫ

(рассказ)

ТАМАРА

(притча)

Инженеры

Он мне сразу же не понравился. Я знал, что должен поступить новый инженер, но когда Афанасий привел его ко мне на участок, я подумал: «Хоть бы не зтот». Я думал, что это может быть пожарный инспектор или инженер по технике безопасности, который осмотрит участок и уйдет.

– Вот вам новый товарищ, – говорит Афанасий, – Кирилл Львович Шпанский.

Очень он мне не понравился. Главное, молодой парень, а у самого пузо колышется и глазки заплыли жиром. Смотрит не прямо, а по бокам. Такой вообще пузатый и плешивый, в очках.

Я ему говорю:

– Вы когда-нибудь имели дело с погружными насосами? Давай перейдем на «ты», не возражаешь?

Он отвечает: – не возражаю.

– С насосами не имел, – говорит, – по крайней мере, с такими, как у вас. А вообще имел. Точнее, работал.

– Ну, ничего, – говорю. – Все мы когда-нибудь начинали. Пока садись за тот стол, изучай литературу, присматривайся. Со служебной инструкцией ознакомься. Вон ту книжицу рекомендую особо – в ней всё по насосам, что тебе понадобится знать на первых порах.

– Сегодня, я думаю, уже поздно начинать, – отвечает мне с заискивающей улыбкой. – Я пока тут все посмотрю, познакомлюсь с людьми...

И сразу нырнул в курилку. До обеда слесарям анекдоты рассказывал – «знакомился с людьми». А с обеда отпросился домой. Очень он мне не понравился.

Сначала я его не трогал, дал время освоиться – учишь, проявляй инициативу, – но скоро понял, что производство его не интересует. «Как дела?» – спрашиваешь у него, имея в виду, конечно, работу, а он отвечает: «Представляешь, Игорь, ночью закололо в правом боку, вот здесь. Таблетку принял – не помогает! От грелки прошло». Или еще: дочка разбила стекло в первом классе, нужен стеклорез, а где его взять?

Зато сразу включился в общественную работу – собирает деньги в профсоюз и марки наклеивает. Лижет их своим языком.

Через месяц поручил ему первый насос, опытный образец. Мы его для грузин делали, для увлажнения помидоров. Работы проще этой у меня в то время не было. Снимай показания и подливай масло – ничего больше. Уборщица справилась бы.

Четыре дня насос работал нормально, на пятый улетел. Я как предчувствовал. Захожу на участок и слышу – стенд гремит. Бросился к аварийной кнопке, а насос уже сам прыгает мне навстречу и масляную систему за собой тащит. Попрыгал немного и успокоился. Осталась кучка металлолома, смотреть не на что и чинить нечего. Хорошо, что никого не убило.

Стою над изделием, от него еще пар идет. И от меня идет пар. И Шпанский прибегает из курилки.

– Что тут происходит? – спрашиваю у него. – Да вы что, Кирилл Львович, – обалдели?

– Я ничего не трогал, – он мне отвечает. – Что с ним? Может быть, скачок напряжения?

От этих слов у меня все побелело перед глазами, и я стал кричать:

– Какой скачок?! При чем ту напряжение?!

– В сети напряжение...

– Ну? И что?!

– Оно скачет. Или, может быть, авария на линии, тогда оно скачет.

Вы представляете? Подлец, забыл завинтить пробку, масло вытекло в поддон, ротор нагрелся и заклинился. Я хотел ему по физиономии съездить, честное слово, но тут подоспел Афанасий. Сам тощий, седой, халат развевается...

– Вы мне ответите за насос! – кричит. – Вы обязаны были контролировать нового товарища, когда он заливает это самое... черт... масло!

– Может быть, мне и в туалете его контролировать? Уж заодно? Чтобы он там не забывал расстегиваться?

Афанасий не слышит ничего, вопит:

– Обоих лишаю премии, а вас, Игорь Петрович, просто-напросто следует отдать под суд! Что я покажу товарищу Ханишвили? Вот это? Нет, вы мне ответите за этот насос как за вредительство.

В результате я один остался во всем виноват, поскольку Шпанский с обеда ушел домой и взял больничный. У него оказалась язва желудка, и очень своевременно началось весеннее обострение.

С Афанасием отношения испортились совершенно. Я ему: «Заберите от меня вашего Шпанского!» – А он: «Кто бы вас от меня забрал, Игорь Петрович?»

Хорошо. Через полтора месяца является Шпанский, веселый и довольный. За этот период у него накопился примерно миллион профсоюзных марок. Серьезно, целая гора. Он их неделю лизал, пока все не поклеил в профсоюзные билеты и карточки. Когда кончил поклейку, подходит ко мне и заявляет:

– Слушай, Игорек, у нас тут в углу совершенно зря валяются резиновые шланги. Можно, я их заберу домой? Хочу сделать для дочки гимнастическую стенку – знаешь, в журнале «Здоровье» были чертежи...

– Забирайте, Кирилл Львович, – отвечаю ему, – не стесняйтесь. Я вас собственноручно провожу до проходной и сдам охране. А на ваше место возьму трудного подростка из ПТУ – буду с ним работать и душой отдыхать после вас.

– Уже и пошутить нельзя, – говорит, не моргнув глазом. – Просто я думал, что они тебе не нужны.

– Кстати, не слышал, – говорит, – новый анекдот? Может, слышал? Вызывают Рабиновича в КГБ...

Лето прошло быстро. За лето Шпанский совсем у нас освоился и обнаглел. Лижет марки, получает зарплату. Стажил в лаборатории резиновый шланг, и слесаря сделали ему гимнастическую стенку. А я уже видеть его не могу спокойно. Как посмотрю, меня трясет.

Прохожу однажды мимо курилки – Шпанский сидит и распинается насчет сливочного масла. И я не выдержал, говорю ему при всех:

– Какой же ты все-таки гад, Кирилл Львович! Ты хочешь знать, почему не стало сливочного масла? Я тебе отвечу. Его не стало, потому что там сидят такие же работнички, как ты, на этом сливочном масле. Ты начнешь когда-нибудь работать? Вот я тебя при всех предупреждаю в последний раз: еще раз опоздаешь на работу – выгоню. А теперь иди за мной.

Привел его на участок, выбрал такой насос, куда не надо ничего заливать, принес вахтенный журнал. Смотрю, он за живот держится.

– Опять язва? – говорю. – Ловко это у тебя получается.

– Что получается?

– Я говорю: вовремя она у тебя начинает болеть.

– Нет, не болит. Покалывает немного. Так что ты говорил, Игорек, где его надо включать? Верхняя кнопка?

На другой день опоздал почти что на два часа. Я ему сказал: «Пиши объяснительную записку». Он написал: «Опоздал на работу на 1 (один) час, ввиду того, что произошла поломка трамвая. Заклинило выходную дверь».

С обеда ушел в поликлинику, возвратился в начале зимы. Полизал марки и с головой окунулся в работу: у него дочка сломала велосипед и надо выгочить новую втулочку. Выстругать спинку для саней. И где бы достать хорошей шпаклевки.

Тогда я пошел к Афанасию. Я ему сказал:

– Знаете что, Анатолий Афанасьевич? Я буду увольняться, мне надоело быть дураком. Этот Шпанский мало того что ничего не делает – он еще совращает моих слесарей, поит их после работы. Они ему за это выполняют халтуры. А я за лишних сорок рублей в месяц должен выполнять всю работу на участке и нести ответственность? Как хотите, Анатолий Афанасьевич, а я буду увольняться.

Тогда Афанасий испугался.

– Ну-ну, – говорит, – не надо дезертировать. Не надо поддаваться настроениям. Почему же вы мне раньше не сигнализировали про Шпанского. Я присмотрюсь к нему?

На другой день прибегает с вопросом: «Почему у тебя Шпанский с утра сидит в курилке?»

– Он всегда там сидит.

– Так дай ему работу.

– А он ничего не умеет делать. Вернее, не хочет.

– Вы должны его научить. Как это «не хочет»? В конце концов, вы же начальник группы – это ваш подчиненный. Вы должны дать ему работу.

На другое утро опять бежит Афанасий: «Почему у вас Шпанский опоздал на двадцать три минуты?»

– Вы у него спросите.

– Это вы должны спросить, а я не должен спрашивать. Но я спрошу, – говорит Афанасий. – Подойди-ка сюда, Кирилл Львович. Ты почему опаздываешь на двадцать три минуты?

– Да понимаете, Анатолий Афанасьевич, какая вышла петрушка. Столько народу набилось в трамвай, что я не смог выйти около завода. Пока приехал на следующую остановку, пока ждал трамвая в другую сторону – как раз и набежало двадцать пять минут.

– Это интересно, – говорит Афанасий.

Ну, мне легче не стало, но по крайней мере стало и Шпанскому иногда попадать по шее. Он забеспокоился. Однажды подходит ко мне и заявляет:

– Игорь, когда ты мне дашь работу?

– Пожалуйста! – говорю. – Вот, пожалуйста, сделайте расчет для изделия ПМН-100. Все материалы в этой папке. Расчеты мне нужны через месяц.

– ...Но у тебя здесь интегралы, Игорь.

– Что с того?

– Я немножко позабыл интегралы.

– Значит, надо вспомнить.

Вот такой разговор произошел у нас в январе, а в феврале у него началось обострение язвы. Еще через месяц, когда страхделегат приготовился его навещать, Афанасий мне говорит:

– Поезжайте-ка лучше вы сами, Игорь Петрович. У меня вызывают сомнение такие вот частые заболевания Шпанского. Что говорят врачи? Узнайте, может быть, ему не подходят наши условия труда? Вообще поговорите с ним, Игорь Петрович.

Купил апельсины, поехал после работы. Шпанский жил в центре – сами знаете, какие там грязные лестницы и как трудно отыскать нужный номер. Таблички грязные, все перепугано. На первом этаже двадцать третий номер квартиры, на втором почему-то седьмой. Насилу отыскал его квартиру и позвонил.

Слышу, за дверью музыка, пьяные голоса. От Шпанского, когда он мне открыл, здорово разило водкой.

Можете не верить, но он мне обрадовался.

– Ну, у тебя и нюх! – кричит. – Заходи скорее, у нас у Наташки день рождения! Сейчас мы с тобой распечатаем бутылочку столичной, небось не откажешься? Под грибочки, Игорь! – и норовит схватить меня за рукав.

Тогда я ему сказал:

– Кончай юлить, Кирилл Львович! С тобой все ясно!

А он держится за косяк и бубнит:

– Да ты не стесняйся, заходи ты...

И я ему ответил:

– До свидания, Кирилл Львович, выходите скорее на работу. Вас там будет ждать маленький сюрприз.

На работе я все устроил. Написал докладную записку на имя Афанасия, и мы договорились, что, как только Шпанский появится, – проведем собрание. Пусть народ решает, как с ним поступать.

В самый разгар этих событий я сорвал спину и выбыл на пять недель. Однажды после процедур решил заглянуть на работу. Подхожу к проходной и застаю такую картину: весь коллектив, по-уличному одетый, двигается мне навстречу во главе с начальником.

– Вы куда, ребята? – спросил я у крайних.

– Как куда? Кирюшу Шпанского хоронить. А ты не знал? Кирилл в четверг умер.

Я так растерялся, что сел вместе со всеми в автобус и поехал на кладбище.

Вообще-то я не хожу на похороны, не люблю. Родители мои пока живы, а что до остальных... просто не возникает охоты разглядывать вблизи весь этот ужас. Во-первых, мертвому все равно, приду я на него смотреть или не приду, а мне неприятно. Во-вторых, я плохо переносу казенную болтовню, которая обычно совершается на кладбище. «Спи спокойно, дорогой товарищ, светлая память о тебе навечно сохранится в наших сердцах». Я не собираюсь жить вечно, и меня эта глупая фраза просто бесит... И в-третьих, если я ничем помочь не могу (а чем тут поможешь), то зачем я себя буду попусту насиловать и растревлять? Ну и всё.

Поэтому на похоронах Шпанского я держался в стороне и не особенно присматривался. Я даже немного погулял по кладбищу, пока произносились эти речи. Был первый настоящий весенний день, я здорово перепачкался и промочил ноги. Помню, как все блестело на солнце: мокрая глина, венки, тополиные стволы и почки...

Потом происходили поминки на квартире у Шпанского. Всем известно, на что бывают похожи такие поминки. За столом пили водку, и хотя закуска была порядочная, ею мало увлекались. Я тоже пил водку, желая согреться.

И я удивлялся тому, как какая-то Галка Евдокимова, то ли уборщица, то ли лаборантка из соседнего отдела, распоряжается за столом и даже ходит в комнату к жене Шпанского, куда нас никого не пускают. Все ее слушаются. А Афанасий, наоборот, сидит на проходе на кухонной табуретке и мешает людям пройти в туалет. Галка его за вином посылает в прихожую – он бежит.

И все говорили за столом, восхваляя Шпанского: «Он был добрый. Ко всем хорошо относился. Был общественник. Дочку свою очень любил».

Первое время меня этот говор злил, но потом что-то мне стало мешать, какой-то шум в ушах, и я перестал различать отдельные слова. Но продолжал злиться. Потом я проглотил еще одну большую рюмку водки и сказал себе: «Стоп! Не надо увлекаться. Побуду еще полчаса – и удеру домой. Попробую перед сном набросать черновик выступления. Потому что через два-три дня меня выпишут. Будет собрание, на котором я буду выступать. О чем я должен говорить? Я должен буду рассказать правду про этого прохиндея Шпанского...»

Только когда я дошел до фамилии, я снова вспомнил, где я нахожусь. И что с ним стало. Меня всего передернуло. Я только тогда догадался, какого дурака я сваял: целый год ненавидел этого человека, и вот он умер, ускользнул от меня, испарился – и все мои чувства остались мне самому.

И когда я это понял, я повернулся к соседям и начал им говорить:

– Для чего мы живем? Для счастья, разве не так? Для этого и существует производство – чтобы все было. Чтобы было счастье.

– Я не спорю, – говорил я им, – у Шпанского была дочка, жена и все такое. Он их кормил. Хвалю его за это. Молодец! Но он это делал за наш счет. Сам не работал и другим не давал, слесарям покупал вино. Если он действительно любил дочку, тогда он не должен был так поступать. Его же дочка никогда не увидит хорошую жизнь, если все начнут... если будут так поступать. Мы же с голоду все передохнем, если не будем работать, и нас завоюют китайцы!..

Короче говоря, меня выгнали оттуда. Не дали договорить. Буквально выгнали – за шиворот вытащили из-за стола.

– Мало того, что сжил человека со света, – говорила на лестнице Галка Евдокимова, – он и дальше продолжает. Понравилось? Никак остановиться не можешь? А ты отдохни. Погулял на дармовщинку и хватит. Катись отсюда. Давай.

Понимаете, что получилось? Они там на работе собирали, как это принято, какие-то деньги на похороны. Но я-то был на больничном, я ничего не знал... В общем, получилось так, что я на этих похоронах напился на чужие деньги. И они, конечно, воспользовались и выстроили целое обвинение: со свету сжил, три рубля зажал... Одно к одному.

Все правильно, проще жить, когда заимеешь врага. К тому же общие антипатии цементируют коллектив. В этот вечер ни одна собака за меня не заступилась: кончайте, мол, ребята, отпустите, с кем не случается... Афанасий – тот струсил, как бы ему самому не досталось под горячую руку, а остальные – все. Как звери набросились на меня.

Главное, я уже ничего не имел против Шпанского в ту минуту, когда выступал за столом. Не сумасшедший же я, в самом деле, – способен понять разницу между производственным собранием и поминками. Видно, я не мог там оставаться со своими приготовленными мыслями. Меня вырвало ими.

Теперь все забылось. На работе многие уже здороваются со мной. На место Шпанского поступил новый инженер – шустрый и напористый проходимец. Он сразу же обнаружил ошибку в моей схеме расстановки насосов, всё переделал и переставил (на бумаге, конечно), экономии посчитал... Проверять его идеи на практике никто не будет (слишком дорогое это удовольствие), но мою пятнадцатилетнюю работу он как бы дискредитировал.

Этот парень серьезно меня удивляет. В технике разбирается пока слабо, но лезет напролом. Он неглупый, довольно обаятельный, и он умеет себя подать – умеет со всякой мелочью, пока он ею занимается, восемь раз попасться на глаза начальству. Начальство, что оно понимает? Но оно любит, когда человек демонстративно горит на работе.

Афанасий мечтает его поощрить и закрепить за лабораторией, посадив на мое место. Все-таки лишних сорок рублей. Ничего у них не выйдет, сам я не уволюсь.

Когда Афанасий приходит на участок и смотрит на меня, как на пустое место, я вспоминаю Шпанского. Как я злился, что мне за него приходится работать. Дурак же я был.

Ведь после прихода Шпанского я не стал работать больше. Ту же работу выполнял я при нем, что и прежде. Можно сказать, что я всегда работал за двоих. До появления Шпанского меня все устраивало. Вообще я люблю все делать сам – без помощников, которые только путают и портят. Мне моя работа нравилась. Точнее сказать, неплохо она у меня получалась... А вот он совершенно не мог работать: посмотрит из-под очков и отбежит. Куда-нибудь спрячется. По-моему, легче сразу повеситься, чем вот так всю жизнь прятаться, изворачиваться, скрывать, что не соответствуешь должности. И этим кормить семью. Как говорится, врагу своему не пожелаешь такую жизнь.

Я раньше думал, что не будет у меня нормальной жизни, пока не избавлюсь от Шпанского. А вышло по-другому. Вспомнишь теперь, как он бегал по моему участку, – брюхо трясется, нос блестит, за бок хватается каждую минуту, – это же было в моей жизни самое золотое время.

1982

Тамара

Одна женщина, ткачиха по профессии, больше всего любила телевизор.

В свои сорок шесть она мало хорошего видела в жизни, не была замужем и не имела детей. Ее все звали Тамаркой или Томкой.

Фабрику она не больно-то любила, но привыкла к ней. Когда мастер на работе просил ее остаться, она оставалась и выполняла работу. Больше всего она любила телевизор. Там был диктор; когда он появлялся на экране и проносил: «Здравствуйте, товарищи», – тогда она понимала, что нужна людям.

У него был мужественный, доверчивый голос. Про погоду на завтра он ей рассказывал, как близкому человеку.

Однажды она упала на лестнице и расшибла правый бок. Через год на месте ушиба образовалась опухоль. Врачи выяснили, что у нее рак, но не стали огорчать. Сказали: резать не надо, само рассосется. Она очень обрадовалась, потому что боялась операции.

Теперь она была на больничном и целыми днями смотрела телевизор. Она видела, что диктор держится по-другому и прячет от нее глаза, но старалась не замечать. По ночам она лежала на другом боку и думала: старость не радость... ничего... зиму долежу, а с весны начну лечиться – поеду в платную, сдам анализы...

Потом она ничего не помнила и восемь дней подряд кричала от боли. Когда отпустило, она попросила включить телевизор, но уже ничего не увидела, кроме черных полос. Тогда она сказала соседке: побудь со мной до утра, в темноте неприятно. А было два часа дня. Соседка побежала вызывать «неотложную».

Пока соседка бегала, она повернулась к стене лицом и умерла. Смотрит: диктор телевидения.

1982

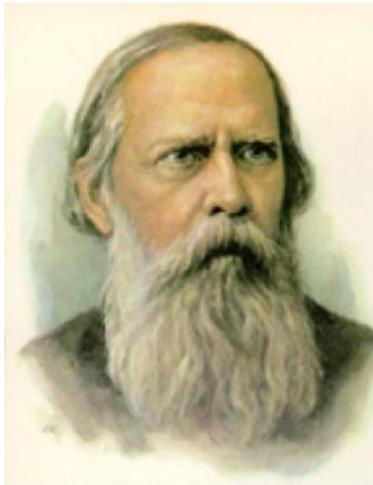
IV. ЛИКИ. ЛИЦА. ЛИЧИНЫ
(литературная и философская критика)

Александр Медведев

ПРОКЛЯТАЯ РОССИЯ, БЛАГОСЛОВЕННАЯ РОССИЯ

(О Салтыкове-Щедрине)

Русский писатель, журналист, редактор журнала «Отечественные записки»,
Рязанский и Тверской вице-губернатор.

Родился 27 января 1826 г., Спас-Угол

- **Умер** 10 мая 1889 г. (63 года), Санкт-Петербург

Среди произведений Софьи Ковалевской*, первой в России и Северной Европе женщины – профессора математики, автора повести «Нигилистка» (1884) и «Воспоминания детства», есть очерк о Салтыкове-Щедрине. Ковалевская разбирает «Болезненное место», лучший, по её мнению, рассказ писателя, в котором герой «по стечению бедственных обстоятельств принужден был поступить в тайную полицию».

Она пишет: «Когда он очутился там, ему только оставалось слепо выполнять приказания своего начальства». Так может считать человек, либо неосведомлённый в том, о чём рассуждает, либо предвзятый. Действия героя обуславливались присягой и уставом, предписывающим не слепое, а ответственное исполнение приказов точно и в срок. Не странно ли, подвергать сомнению основы государственной службы – верой и правдой охраняя интересы государства?

Гениальному в научной сфере человеку совсем не обязательно быть знатоком государственного устройства, например, права, безопасности. Подлинное или мнимое незнание специфики иных направлений деятельности отнюдь не мешает выдающемуся специалисту науки или культуры категорично давать им оценку и выносить на публику резолюции, по меньшей мере, парадоксальные. Тому подтверждение призывы академика Сахарова к расчленению Советского Союза на мелкие независимые области, которые в дальнейшем должны перейти под контроль мирового правительства. Или советы Солженицына освободиться от «подбрюшья России» – среднеазиатских республик, что в реальности, помимо прочего, повлекло к освобождению от миллионов русских, веками проживавших там. Можно говорить о необыкновенно живучей традиции части деятелей науки и культуры практиковать грубый подход к сложным вопросам жизни общества и государства, навязывая власти и народу простые решения с непростыми последствиями.

Пересказывая «Болезненное место», Ковалевская сообщает, что в определённый срок герой покидает службу, занимается семьёй и воспитанием сына. «Иногда воспоминания о прошлой жизни сыщика возвращаются к нему, как приступы скверной, отвратительной тошноты; тогда он изо всех сил старается доказать себе самому, что вовсе не был виновен». Она приводит размышления бывшего сыщика. «К чему, в конце концов, упрекать себя? Если он был слепым орудием гибели многих людей, – вина падает не на него. Эти люди устраивали заговоры против правительства, его начальник поручил ему наблюдать за ними, он исполнял только свой долг, стараясь открыть их тайны и осведомить правительство о них. То, что произошло с ними потом, его не касается. Это дело его начальства».

Сын сыщика поступает в санкт-петербургский университет. Имя отца всё ещё не забыто в городе, и вскоре «молодой человек узнаёт, что он сын бывшего сыщика, среди его друзей встречаются даже сыновья тех, которых предал его отец».

-----

* Ковалевская С. В. Избранные произведения. М.: Советская Россия, 1982 г.

Что значит предатель? Он никогда не был их соратником. Его задача состояла в разоблачении антигосударственных организаций, в нейтрализации их активных членов. Он действовал по долгу службы.

Стоит обратить внимание на то, что в университете учились сыновья репрессированных. Брату цареубийцы Александра Ульянова не чинили препятствий при поступлении в Казанский и в Петербургский университет. Родственникам более мелких государственных преступников доступ к образованию также не был закрыт. Такое положение дел не способствовало благоразумию, а внушало уверенность в безнаказанности, буде впредь у восторженной молодёжи возникнет желание сделать семейной традицией заявлять о народной воле пролитием крови служилых людей. Рассказ «Большое место» появился в печати за два года до убийства Александра II.

Уязвлённое самолюбие заставляет студента напрямую спросить: «Правда ли, что рассказывают о тебе, отец?» Для обоих наступает момент истины. Отцу «достаточно только взглянуть на искажённое лицо сына, чтобы понять, что должно произойти. (...) Вот мой судья, – думает он, трепеща перед нежно любимым сыном. Всё же он делает усилие защищаться; он излагает все доказательства, которые подготовлял столько лет, как бы в предчувствии этого ужасного момента, когда ему придётся оправдываться перед своим сыном. Но он видит, что эти доказательства не производят никакого впечатления на молодого человека, на любимом лице он видит произвольное и непреодолимое отвращение. Тогда несчастный старик перестаёт доказывать, он разражается рыданиями, и у сына не хватило сил упрекнуть его».

В рассказе Салтыкова-Щедрина и, тем более, в пересказе Ковалевской всё незаметно встаёт с ног на голову. Отец, присягнувший верой и правдой Царю и Отечеству, оправдывается перед сыном, идеалы которого в уничтожении Царя и в перекраивании Отечества на чужой лад.

Что делать молодому человеку? Один из друзей предложил отречься от отца ради того, чтобы в среде товарищей быть принятым с распротёртыми объётыями. Отец всегда был добр к сыну, и он никогда не решится на это. Но как жить, подвергаясь презрению со стороны тех, с чьим мнением он больше всего считаетесь? «Несчастный находит единственный выход из этой внутренней борьбы: он пускает себе пулю в сердце» – мелодраматический ход Салтыкова-Щедрина подаётся Ковалевской сложной психологической коллизией.

***

Талантлив Салтыков-Щедрин! не только в сатире, но и в мелодраме. Безусловно, талантлив – знает *большое место* читателя, к тому же молодого, который в силу возраста готов ниспровергать всё ретроградное, всё, олицетворяемое отцами. Уж не «Большое место» ли в пересказе Ковалевской вдохновило Э.–Л. Войнич на создание «Овода» (1897), разоблачающего коварство и ханжество католической церкви, предательство отца, символа непогрешимости? Когда косное отцовское подаётся предательским в

отношении сыновнего романтического, слеза навернётся сама собой. Тут уж здравый смысл бессилён, не о долге, не о вере и любви возникают мысли, а о мести – отцам, миру, себе.

Чтобы рассказать об этой драме в России, – поясняет Ковалевская, – Салтыков-Щедрин должен был сообщить о ней со всевозможной изворотливостью.

«На всём протяжении рассказа он ни разу не употребляет таких слов, как сыщик и тайная полиция. Он говорит о занятиях отца неопределённо и таинственно. Но русский читатель, даже малообразованный, не может ошибиться». Ещё бы! Учителями и репетиторами по отвращению к крепостному праву, рутине и прописной морали были весьма одарённые игроки на «лире скорби и печали»: Некрасов, Белинский, Добролюбов, Писарев, Чернышевский, Герцен, так что прочтение писанного даже самым изворотливым пером оказывалось заведомо безошибочным.

Но этого мало. Ковалевская жалеет, что «Болезненное место» и другие рассказы сатирика не будут поняты во Франции. Небезосновательно. Судя по тому, что в наше время лауреат Нобелевской премии по литературе С. Алексиевич доходчиво перетолковывала «всему цивилизованному миру», что косность, абсурд и зверство – три кита, на которых держится российское общество и государство, этот мир в те времена тем более не понял бы рассказ Салтыкова-Щедрина, написанный эзоповым языком. А ведь «особенно заслужил Щедрин право быть известным и оценённым во Франции, – переживает Ковалевская, – потому что всю жизнь он выражал самую горячую симпатию к этой стране, которую считал в известной степени своим духовным отечеством. Французская литература, идеи, перекинувшиеся в Россию из Франции, имели самое могущественное влияние на развитие его дарования и политических убеждений».

С пылом проникательной читательницы, с рвением человека, сознающего себя неоплатным должником свободного мира, эмигрантка Софья Ковалевская выступает переводчиком и толкователем рассказа Салтыкова-Щедрина для зарубежного читателя, попутно уже от себя разоблачая нечеловеческие российские порядки.

О молодых годах и формировании своего мировоззрения Салтыков-Щедрин писал в статье «За рубежом».

«Я в то время только что оставил школьную скамью и, воспитанный на статьях Белинского, естественно, примкнул к западникам. Но не к большинству западников, которые занимались популяризацией положений немецкой философии, а к тому безвестному кружку, который инстинктивно прилепился к Франции».

Он уточняет, что прилепился «к Франции Сен-Симона, Кабе, Фурье, Луи Блана и «в особенности Жорж Занда. Оттуда лилась на нас вера в человечество. Словом сказать, всё доброе, всё желанное и любовное – всё шло оттуда. В России, и в особенности в Петербурге мы существовали лишь фактически. Но духовно мы жили во Франции».

Не удивительно ли? Помещик, госслужащий, вице-губернатор двух

губерний задыхался в Отечестве, словно в прокопченной курной избе, и с младых ногтей ловил и жадно глотал воздух Франции, уснащённый парфюмом свободы.

Вспомним реплику В. Розанова – «Как матёрый волк, он наелся русской крови, и сытым отвалился в могилу». Безусловно, это специфическое определение таланта Салтыкова-Щедрина. Можно не соглашаться с Розановым, но нельзя игнорировать чрезмерную пристрастность Салтыкова-Щедрина в ваянии сатирического образа России и её народа. Чрезмерным оказалось и непонимание опасности бездействия власть имущих, тех, на кого направлена сатира. Полбеда, если бы они считали, что «ядовитые плевки писак» стекают с них, как с гусей вода. Беда в их беспечном невнимании – этим ядом отравлялся народ, и, угрожая праведной мстью кровопийцам и мироедам, впадал в безумие самоуничтожения. Не потому ли в разгар гражданской войны, увидев народное исступление, Розанов незадолго до смерти написал: «Целую жизнь я отрицал тебя в каком-то ужасе, но ты предстал мне теперь в своей полной истине. Щедрин, беру тебя и благословляю. Проклятая Россия, благословенная Россия».

***

Софья Ковалевская написала очерк о Салтыкове-Щедрине в Париже в июне 1889 года, задолго до гражданской войны, стало быть, ни к первой, ни ко второй розановской оценке наследия сатирика она, естественно, не могла и косвенно выразить отношения. Кроме того она, как свойственно либеральным интеллигентам, менее всего думала о народе, переполненная ненавистью к его угнетателям. Поэтому свой очерк закончила следующим.

«Его имя останется в истории не только как имя самого великого памфлетиста, которого когда-либо знала Россия, но и как имя великого гражданина, не дававшего ни пощады, ни отдыха угнетателям мысли».

Только вот что угнеталось – мысль, или всё-таки непродуманные стремления утолить жажду свободы – не откладывая, не сообразуясь с реальностью?

Крепостное право, свобода слова и собраний... Ещё Пушкин отмечал, что правительство озабочено этими проблемами, и именно правительство наиболее продуктивные и действенные меры вынашивает для их решения, не в пример фантазиям и авантюрам, исходящим от прогрессивного общества. Уже Александр I и Николай I имели не только соображения, но и программы по освобождению крестьян и реформированию государственного устройства, но как ответственные правители, не могли позволить шоковой реализации этих программ.

Полярные оценки Розановым творчества Салтыкова-Щедрина – до гражданской войны и во время её, – казалось бы, должны заинтересовать людей, так или иначе обращающихся к творчеству сатирика, и более детально разобратся в его отношении к России. Однако большинство его апологетов предпочитает видеть в нём только то, что видела Софья Ковалевская – «некрасовского гражданина», не дававшего пощады угнетателям мысли,

царю, то есть, и чиновникам всех уровней. Сатирик же не всё время угорал в душевной российской несвободе, наслаждаясь книжно-журнальным благоуханием свободы французской. Стоило ему оказаться во Франции и в Германии, как взгляды его на истинное положение дел относительно свободы, если и не изменились коренным образом, то подверглись значительной корректировке.

***

«Читатель! подивись! – восклицает Салтыков-Щедрин, – я совершенно без всякой иронии утверждаю, что нигде жизнь не представляет так много интересного, как в нашем бедном, захудалом отечестве. Конечно, это интерес своеобразный, как говорится, на охотника, но все-таки интерес».

Нет ли правды в обеих оценках сатирика Розановым? И уже точно есть она в следующих словах Салтыкова-Щедрина, и возможно, эта правда отчасти делает более понятной истоки его «беспощадности к угнетателям мысли».

«... никто так не любит посквернословить – и именно в ущерб родному начальству, – как русский культурный человек. Западный человек решительно не понимает этой потребности. Он может сознавать, что в его отечестве дела идут неудовлетворительно, но в то же время понимает, что эта неудовлетворительность устраняется не сквернословием, а прямым возражением, на которое уполномочивает его и закон. Мы, русские, никаких уполномочий не имеем и потому заменяем их сквернословием. В какой мере наша критическая система полезнее западной – этого я разбирать не буду, но могу сказать одно: ничего из нашего сквернословия никогда не выходило. Мы сквернословцы, но отходчивы. Иногда такое слово вдогонку пустим, которое целый эскадрон с ног сшибет, и тут же, сряду, шутки шутить начнем. Начальство знает это и снисходит. Да и нельзя не снизить, так как, в противном случае, всех бы нас на каторгу пришлось сослать, и тогда некому было бы объявлять предписания, некого было бы, за невыполнение тех предписаний, умирять. Во всяком случае, и по части сквернословия у русского человека собеседником может быть только такой же русский же человек. Вот почему с такою чуткостью русские следят за всяким словом, сказанным по-русски на улицах и в публичных местах».

Действительно, русские с чуткостью следят за всяким словом, и об этом стоило бы помнить всем гражданам, не склонным шадить угнетателей мысли, ибо своим *немогумолчанием*, своим *всяким словом* готовят *русский бунт, бессмысленный и беспощадный*.

Следят ли русские, попавшие за границу «духовно пожить в Париже», за тем, что говорят они о своём отечестве? Софья Ковалевская сетует, что французам не понять всей обличительной глубины сатиры Салтыкова-Щедрина. Несомненно, и до написания очерка о сатире ей приходилось не раз *доносить* до иностранных граждан суть его творчества, бичующего пороки российской государственности. Можно представить, как и в каких выражениях, она это делала, но можно обратиться непосредственно к

Салтыкову-Щедрину, описывающему соотечественников за этим занятием.

«Ах, и сквернословили же мы в это веселое время! Смешные анекдоты так и лились рекой из уст культурных сынов России. “La Russie... ха-ха!” “Le peuple russe... ха-ха!” “les boyards russes... ха-ха!” «Да вы знаете ли, что наш рубль полтинник стоит... ха-ха!» «Да вы знаете ли, что у нас целую губернию на днях чиновники растащили... ха-ха!» «Где это видано... ха-ха!» Словом сказать, сыны России не только не сдерживали себя, но шли друг другу на перебой, как бы опасаясь, чтоб кто-нибудь не успел напаскудить прежде.

Само собой разумеется, что западные люди, выслушивая эти рассказы, выводили из них не особенно лестные для России заключения. Страна эта, говорили они, бедная, населенная лапотниками и мякинниками. Когда-то она торговала с Византией шкурами, воском и медом, но ныне, когда шкуры спущены, а воск и мед за недоимки пошли, торговать стало нечем. Поэтому нет у нее ни баланса, ни монетной единицы, а остались только желтенькие бумажки, да и те имеют свойство только вызывать веселость местных культурных людей».

***

Страдало ли самолюбие Салтыкова-Щедрина, русского человека, писателя, высокопоставленного чиновника, наблюдавшего сынов России, спешивших *всяким словом напаскудить* матери-родине? Нет сомнения. Остаётся загадкой, посетили ли его сомнения на счёт того, не слишком ли сам он усердствовал, не слишком ли был беспощадным к угнетателям мысли, не зная отдыха? Может быть, следовало, хотя бы иногда, и отдыхать великому памфлетисту?

Если первая женщина-профессор делала за границей такую эффектную рекламу Салтыкову-Щедрину, выступающему против абсурднейшей русской жизни, бесчеловечного государственного устройства, то в самой России прогрессивная общественность, жадно ловившая воздух свободы «всего цивилизованного мира», тем более стремилась не отстать и даже преуспеть в возвеличивании роли сатирика в деле освобождения от векового гнёта. В определённом смысле великого памфлетиста навек сделали камертоном русофобии, хотел он того или нет.

***

Софья Ковалевская конгениальна Салтыкову-Щедрину – талантливая, высокоорганизованная, целеустремленная и плодотворная. Возможно, в жизни она превзошла его по части радикализма: нигилистическая юность, затем увлечение феминизмом и непримиримость к косной российской действительности. Знаменитая женщина-учёный родилась в семье государственного служащего, генерал-лейтенанта, командира Московского артиллерийского арсенала и гарнизона Василия Васильевича Крюковского. Это был дворянин в третьем поколении, озабоченный утверждением собственного рода во дворянстве. Можно представить, с какой испепеляющей иронией

описал бы Салтыков-Щедрин усердие генерала Крюковского, добившегося таки закрепления за ним фамилии Корвин-Круковского, по легенде, происходившей от дочери венгерского короля Матвея Корвина и польского военачальника Круковского. Характерно, что генерал русской службы не изъявил желаний вести свой род от какого-нибудь стрелецкого воеводы, а изыскал чужеземца и непременно королевских кровей. Отсюда странное на первый взгляд восстание прогрессивной дочери против ретроградной семьи не кажется странным: а сам-то генерал – не лелеял ли в душе надежду на своё особое положение по отношению ко всем остальным полу-азиатам – русским людям? Мысль юной нигилистки Софьи Ковалевской порвать с родным гнездом, вырваться из тягостного усадебного существования была развитием мысли Василия Крюковского видеть себя потомственным королевичем Корвин-Круковским, – если уж и русским, то в высшей степени европеизированным.

«В России... мы существовали лишь фактически. Но духовно мы жили во Франции» – признание Салтыкова-Щедрина можно назвать типичным. Оно уже не одну сотню лет соответствует откровенным и прикровенным настроениям значительной части русской интеллигенции, занимающей те или иные ответственные посты. И всё это талантливые русские люди, способные увлечь ярким словом наш чуткий к слову народ. У них рождаются дети, по обыкновению возникают всевозможные конфликты «отцов и детей». Всевозможные, кроме, кажется, одного: духовно эти *весёлые культурные люди* так и продолжают жить во Франции.

ЛЮДМИЛА БУБНОВА

СВОЁ, МОЁ, Я САМ

– Ты посмотри на себя!

– А что – я?!

– Посмотри – и увидишь!..

На своём сознательном веку я была свидетелем двух революций в литературе: первая случилась в послевоенном блокадном Ленинграде в 60-е годы XX века, вторая происходит уже в Санкт-Петербурге с 90-х до сего времени в стране (и далее везде, за весь мир не берусь говорить).

Революции 1917 года родили новый феномен государства: кто был никем – стал всем (так должно было быть), городской образ жизни, технический прогресс, индустриализацию, ГУЛАГ, образование масс. Немало!

Литература – зеркало жизни – сразу пыталась отразить новизну и её человеческую цену. Но скоро была идеологически узко направлена на прославление революции и коллективистского советского строя: литература, искусство стали не чем иным, как строго государственным делом. Другие мотивы осмысления действительности жёстко пресекались и беспощадно преследовались. Теперь бы сказали: «рекламное перепрограммирование» советского строя.

Но к концу 50-х – началу 60-х выросло, получило образование и вступало в творческую работу молодое поколение – дети победителей в Великой Отечественной войне – «поколением шестидесятников» их назвали впоследствии. У шестидесятников был накоплен суровый жизненный опыт: годы войны в детском или подростковом периоде, победа народа в жесточайшей войне, послевоенные тяготы восстановления (полстраны было в руинах) и образование как дар народу за Победу.

Предшественником шестидесятнического нового мышления стал Виктор Курочкин (г. р. 1923), в 1941-м «работал на заводе шлифовщиком – обтачивал зенитные снаряды»; 1942 – закончил лейтенантом танковое училище, стал непосредственным участником боёв, танкистом, «командиром самоходной артиллерийской установки», воевал на Курской дуге, освобождал Киев, форсировал Днепр, Вислу, Одер; 1945 – тяжело ранен, Победу встретил в госпитале. Писательский шедевр В. Курочкина – повесть «На войне как на войне» (1965). Герой Саня Малешкин по сути мальчишка – но Герой войны и повести.

Советская критика отозвалась о правдивой повести «с презрением о герое и неприятием повести в целом». И в литературном сообществе приходилось брать не меньшим героизмом, хотя в повести была только жизненная правда и ничего «антисоветского». Мальчик-лейтенант – не генерал, не комиссар-политрук, – значит, быть героем литературы не заслужил. Кстати, герой на войне, как правило, погибает. Писатель мучился со своей «правдой жизни» и

в других произведениях, пока не хватил инсульт, и скоро умер. Похоронен в Комаровском мемориальном некрополе.

Друзья-шестидесятники любили В. Курочкина за органичный чистый русский слог. Язык его – натуральный русский, впитанный с молоком русской матери, не из книг начитанный, искренний, живой и пластичный. Мышление писателя традиционное, привычно прямолинейное сюжетное повествование – хорошее продолжение русской литературной традиций.

Теперь я хочу сказать то, что у меня никто никогда не спросит. Существует всегда общепринятый литературный стиль, и все им пользуются, берутся за перо и пишут – писатели, так сказать. Но в отличие от нашей родной литературной провинции, оказывается, живёт и процветает так называемая мировая литература, её мы воспринимаем с точки зрения нашего собственного традиционного мышления и не всегда достоверно понимаем. Мировая литературная практика считает общепринятые стили не литературой, а беллетристикой.

Настоящей Литературе требуется НЕОРДИНАРНЫЙ СТИЛЬ МЫШЛЕНИЯ, не общепринятый, другой, может быть, субъективный взгляд на мир, на жизнь, поскольку Литература считается художественной философией, то есть даёт понимание жизни не только поверхностно созерцательное, но глубинное, разностороннее осмысление. Откуда возьмётся подобный феномен? От некоего индивидуалиста, которому претят выражения «все, мы все вместе, все мы»; ему неинтересно и то, что давно написано, он торопится сказать «своё слово» и если не успеет высказаться вовремя, его разорвёт внутренняя энергия. Наука «феноменология» отслеживает новизну, исключительность, индивидуалистское видение в литературе, музыке и других искусствах. Литературой считается именно новое видение.

(Однажды /или дважды/ доктор филологических наук Л.А. Черницкая рассказывала на собраниях секции критики и литературоведения о феноменологии в Литературе на классических примерах, но нам новые научные термины о литературе показались малопонятными из-за нашей недостаточной эрудированности.)

Так может ли у нас в русской литературе появиться художественный феномен?.. Именно в 60-е ХХ века возникла острейшая духовная необходимость в таком художнике.

И он пришёл, и
«Ничего тут странного не было.

Ничего тут странного не было. Вася сел с пилой возле дерева на проспекте и стал пилить ствол, люди прогуливались по проспекту. На Васю не обращали внимания. А когда дерево рухнуло, все смылись. А Вася пошёл домой.

Одна старушка догнала его и спросила, к чему всё это.

Он сказал:

– О, здарсьте. Первое мая, очень приятно вас видеть! А потом сказал:

– Пьезонаушники пристроить к скрипке, ка-ак жмыкнешь – о, красота?»

В. Голявкин.

Философская притча, неповторимая никем и никогда. Хотя самые простые русские слова и простейшие кратчайшие фразы. И не только СОЧЕТАНИЕ слов и фраз создают магическую картину времени – АВТОРСКОЕ мышление, ни на что не похожее.

Поясню смысл короткой притчи, потому что ни тогда, ни теперь никто ничего не понял.

А пришёл новый тип человека (Вася) – молодое поколение. Оно подпилит под корень всю прежнюю культуру. И ни одна «старушка» не может ни понять, ни помешать этому. А «ВАСЯ» мыслит уже парадоксами, похожими (тогда, в 60-е), может быть, на «буги», рок или твист.

Каждую фразу, каждое слово следует воспринимать метафорически, как символ чего-то другого, ещё неизвестного и непонятого. Именно непонятого не только сразу, но и через полвека, читателю, привыкшему к слишком ПРОСТОЙ беллетристике, не требующей раздумий.

Кстати сказать, тогда государство платило авторам за авторский лист (40 тысяч знаков). Авторы старались писать побольше, подлиннее за внушительный гонорар, чтобы можно было купить дачу или машину и т.д. – «кирпичи» получались толстые, как гонорары.

Долгоиграющей оказалась притча всего в несколько строк, её предсказание осуществилось к нашему времени. Таким образом начинала пробиваться в литературное сознание ДРУГАЯ культура метафорического стиля – «магический реализм», так называли иногда.

Как автор это увидел, откуда узнал? Похоже, поднялся над нашей землёй (вслед за Гагариным) хотя бы на высоту птичьего полёта и открылось ему видение шире, чем на земле: думать можно было глубже, чем прежде, и дальше во времени. Теперь никого нельзя встретить без пресловутого «пьезонаушника», человека уже нет – сплошной человек-мобильник.

Много нового ещё пророчил короткими и сверхкороткими рассказами-притчами этот писатель именно в 60-е годы. Слишком щедро писатель раздаривал свои короткие философские шедевры, они так насыщены мыслью, их невозможно превратить в «маскульт» и ополшить частым повторением. «Прохожий», я считаю, манифестом шестидесятников.

«Прохожий идёт по улице с непокрытой головой. Мороз и снег на улице. Локти на пиджаке протёрты, а воротник пиджака поднят вверх».

«Взрывы бомб, плач детей, облака и любовь, цветы и солнце, горе и радость, мосты через реки, моря и горы несёт в себе прохожий».

То есть: если человек появился на свет, он уже с большой буквы Человек – и заслужил своё неповторимое место в литературе, не надо ему больше ничего «заслуживать-выслуживать», весь опыт человечества у него в генах. (А у нас в стране тогда ещё была запрещена генетика.) Понятно, какая судьба могла быть у подобного открытия: нежелательно, не разрешается, запрещается... С юмором у нас давно не ладилось (с 1946 года, когда юмористический писатель М. Зощенко был исключён из литературного процесса).

Ещё одно провидение, сбывшееся наяву, – «Удары животами».

«Восемьдесят пять человек ударились животами друг о друга с такой потрясающей силой, что остался в живых один. Он съел огурец и пошёл на край Земного шара удариться с кем-нибудь животом».

В порочную природу людей издревле вписалась дурная, преступная привычка: одну войну кончать и без промедления готовиться к другой. Так и было после Великой Отечественной – кризисы шли один за другим. Государства наставляли друг на друга уничтожительные ракеты с ядерными боеголовками – вот-вот могла начаться новая атомная война. В. Голявкин про это и написал «Удары животами». А президенты, будто прочитав его притчу, поняли, устыдились и договорились: убрали ракеты подальше, поглубже закопали, пожали друг другу руки и с миром разошлись (как бы наивно это не звучало). После этого – о, радость! – мы жили сорок лет без войны. А потом снова начали безобразничать – Афганистан! Чечня! – и до сих пор продолжают держать нас в страхе.

Великого традиционалиста В. Курочкина с трудом и трением в печать пропустили – за традиционную форму повествования оценили. Но В. Голявкин принёс ДРУГОЕ мышление, да ещё в собственной форме короткого юмористического рассказа.

«Другое», говорите, а зачем нам? У нас «свое хватает», нам другого не надо, нам и так хорошо – мнение любого советского чиновника от литературы. Причём В. Голявкин (г.р. 1929) никогда ничего не писал «анти», считал: антисоветчиной отыгрываются за плохую художественную работу. Зачем мешать государственной работе чиновников, нечего художникам лезть в политику – свою литературную работу надо делать тоньше, артистичнее – художественнее. Какую гигантскую внутреннюю энергию надо было иметь для «пробивания» железобетонной стены духовной общественной отсталости. Через десять лет, в 1969 году, вышла маленькая книжка «Привет вам, птицы!», шестидесятникам стало ясно: СВОЁ может в литературе быть. Вот тут литература оживилась, омолодилась, освободилась от стагнации – духовная революция в литературе совершилась именно здесь, а потом и в других местностях. Шестидесятники принесли в литературу юмор, иронию, самоиронию, парадокс и абсурд становились иногда самостоятельной художественной формой – всё новое у нас в XX веке, во второй половине, вопреки заданности и требованиям социально-политической жизни.

Это была шестидесятническая РЕВОЛЮЦИЯ в литературе. Надо было подняться над общепринятым, чтобы это совершилось, не только на высоту птичьего полёта – к тому времени уже (!) поднимались – в Космос взлетели! С высоты «народные массы» виделись похожими на непрерывный процесс движения вещества в любой живой клетке; виделись и слышались тугие, упорные, суровые вздохи земных континентов, почувствовали, как планеты и звёзды пылят радиацией по Галактике. Космос, можно сказать, был у нас в руках, по крайней мере, нам так показалось.

Труднее было подняться над железной идеологией коммунистического режима: подозрительно, нельзя, не разрешается – запрещается...

Виктор Голявкин поднялся. И тонко почувствовал грусть, тоску, печаль, наивную доверчивость и – бесконечную усталость (от революций, войн, репрессий) каждого человека в отдельности – судя по юмористическим рассказам писателя.

Он понял, как необходимо человеку отдохнуть, робко, приветливо, чуть-чуть улыбнуться. Он увидел больших, маленьких, кривых, косых, убогих, чудаков и гениев в клещах запретов – они составляют народ, милое усталое человечество. Судя по рассказам, он полюбил их всех: не вышучивал, не издевался над своими персонажами, но с добродушной улыбкой смотрел на людей. Именно гуманность – любовь к человеку – сделала его творчество Литературой. И длилась 20 лет (60–70-е гг.). В литературе появились индивидуалисты – то, что я считаю возрождением личности после большого заидеологизированного советского коллективистского сознания. (В журналах я писала о ленинградских индивидуалистах: В. Голявкине, В. Конечком, Г. Горышине, В. Сосноре, Валерии Попове, В. Овсянникове.)

К концу 80-х сплошная ирония постепенно «овладела массами» – журналистская братия иронически веселилась над собственной и общественной жизнью, а в государственной преобладал «застой» – недвижимое – прекрасный повод для шуток и каламбуров.

В 90-е страну перевернула новая социально-политически-капиталистическая революция. Все духовные и материальные основы сдались на милость мирового (чужого) технико-технологического прогресса.

Страна разваливалась, лишалась независимости – на глазах погибала. Вместе с ней погибали её граждане – сотнями тысяч. Состояние страны и людей было хуже, чем в войну, Советский Союз окончательно развалился. Россию готовились расчленять и расчленять до основания, чтобы духу её в мире не было. Несчётное множество грабителей, преступников, предателей развелось, первыми были президенты. Начался грабёж и вывоз всего накопленного страной за границу, прежние «хозяева жизни» коммунисты сдались без боя. Производства закрылись. Госиздательства прекратили работу. Шестидесятники постарели или умерли. Пресловутый «застой» оказался благословенным временем. Страна превращалась в капиталистическую колонию – в огромный рынок сбыта товаров иностранных корпораций. Через открытые границы потоком везли иностранную продукцию. Вместо отечественной литературы мы получили море названий иностранных товаров, столько, что в нашей закрытой коммунистической стране не могли даже предполагать необходимости такого количества. Мы догадаться не могли, что столько вещей может понадобиться человечеству – у нас на всё были собственные руки, ноги и голова, нож, ложка и вилка, и вроде хватало для спартанской, необходимой, воздержанной жизни, привычно изготовленной русским.

Роскошь разных удобств – неисчислимый вещизм – сначала удивили. Но поудивлялись и начали раскошелиться. Естественно, деньги наши стали

уходить из страны иностранным корпорациям – за все роскошества заплачено с лихвой. Если бы только деньгами – собственной Родиной, человеческим достоинством, лучшими людьми и мечтами о райском коммунизме.

Человек стал не только ничем, но его вообще стало ненужно – поменьше, поменьше – и пусть остальным умным будет хорошо и просторно дышаться... Всё больше возникало социальных противоречий. Ужасающую российскую трагедию 20-го века ещё долго никто не сможет описать; люди чувствовали себя крайне подавленными.

Вот что я слышала о моей Родине.

«Россия – льдина, что погружается в пучину» З. Прилепин.

«Потеря признаков государства» Д. Козак.

«Никакая власть не справится» В. Потанин.

«Ни в одной стране такого количества проблем не бывало» С. Шойгу

«Абсолютный развал» Д. Песков.

«Технология провоцирования масс – «цветные революции» Сара Вагенкнехт.

«8 террористов заставят дрожать от страха 68 млн человек».

«Оторвать Кавказ от России – Чечня, Дагестан...».

«Самое тяжёлое НОРД-ОСТ и другие теракты...».

«Россия зависима плотно от импорта до 1998 г. Госдолг – 140% ВВП»...

«Россия перешла в режим колониальной демократии: отказ от территории, от производственных мощностей, от боевой мощи...».

В 2000-м году народ умирал по миллиону в год. Кризис традиционных ценностей. Неравенство. Кризис морали...

И так далее, и так далее.

Литература «растерялась».

Но беллетристика оживилась и начала переигрывать саму себя, «перепахивать» историю, прошлое – смотреть назад, (а не вперёд). Все размышления о прошлом с единственной целью унижить былое и убить окончательно. Ничего себе задача! Как это должно называться в мире с точки зрения интеллектуального человеческого достоинства?

Никогда такого не было – потому НЕПОНЯТНО.

Возникло много коммерческих издательств в Москве, Екатеринбурге, Санкт-Петербурге (преждем Ленинграде) – издаётся много детской литературы. Переводят иностранных авторов, судя по некоторым, что мне на глаза попадались, жизнь ТАМ пошла «ниже пояса» – в секс, в извращения. Мода пошла: пишут (писатели же!), как урок выполняют, антиутопии-кирпичи, якобы глубокомысленные (умные же!), а на самом деле попросту пошлые и многословные, путаются, путаются в тенётах слов и кое-каких мыслишек и голову не высунут из словесных сетей. Сдабривают иронией, сарказмом, заданным ещё в 60-е XX в.

Слишком дешёвые стали слова – тратить не жалко! Пишите, пишите, – читают такие же мнимоумные... Ла-ла – ла – ла...

Этот период в литературе назван постмодернизмом и пост-, пост-, пост-...

Литература со взглядом назад – ВТОРАЯ революция – ПОСТ-МОДЕРНИЗМА. Вернее назвать такое духовное состояние общества контрреволюцией: начатая с 1990-х XX века, она длится до сего времени.

Состояние как результат нахлобучившего технического прогресса, слышала, определяют так: «Человека научились просчитывать и значит – контролировать, человек НЕ принимает решения, НО думает, что решает сам... Человек – управляемая машина, теряет себя, свою автономию, своё «Я», но думает: его одарили свободой...»

Горько слушать, надоело видеть растерянного, запуганного прогрессом человека!

Возникает наивное представление: может, литература его спасёт?

Появился талантливый президент в социально-политическом поле и спас свою Родину! И мою! А вашу? Видите, возникла многозначность слова «Родина», изменились времена! Появилась оппозиция во всём.

«Я вас не выбирал!» – кричит Президенту новоявленный демократ на Болотной площади.

Каким Человеком должен быть президент, чтобы не ступешаться от острых подвохов!

Какой должна быть литература будущего спасения человеческого достоинства?

Всякой, конечно. Но в основном – литературой НОВОГО ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА.

Прежде здоровый смысл тоже был, но его сознательно нещадно разрушали, издевались над ним сами писатели за узость понятий и загнанность в госидеологию.

Чего только не было кроме: несвязность и путаница потока сознания, абсурдность существования, парадокс и хаотическая несуразность жизни. Без здравого смысла, противостоящего хаосу, всё рушится, горит, стреляет, убивает – и больно! Жалко! Горе! И сколько можно?!

Здоровый смысл тоже ведь не сам по себе существует в духовном пространстве – во времени, в окружающем и в каждом конкретном случае; и не один и тот же на все времена и случаи – в этом как раз интерес для романов.

Какой бы новый модернист подумал о человеке доброжелательно! Модернистом назовётся феноменальный писатель-индивидуалист с новым здоровым взглядом на жизнь и на человека. Как в 60-е гг. XX века появилось новое мышление: любой человек дорог литературе уже потому, что набрался храбрости родиться...

НОВЫЙ ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ может стать темой для романов БУДУЩИХ писателей, поскольку прежние о старом уже благополучно исписались.

Придётся иметь в виду: теперь мир разделён не только на две противоборствующие силы – добро и зло. Составляющих мыслится гораздо больше, и дело философии-литературы с этим разбираться и, как возможно, с миром примириться.

Из Санкт-Петербурга с любовью. 29 ноября 2017 г.

В. И. Чернышев

Романтики и мистики 60-х...

Благословенные шестидесятые годы... Университет, общежитие на Детской улице, мат-мех, читальные залы библиотек (где мы читали вовсе не книги по математике, а Дюринга, Данилевского, Рёзанова, Ницше), увлечения – марксизмом (компания первокурсников даже создала нелегальный марксистский кружок, в который, кроме "вождя", входили и мы с Казимиром, и тайные заседания и чтение "Капитала" происходили по ночам в фотокомнате), философией Гегеля и Фихте (на кухне третьего этажа вполне легально всю ночь кипело кофе, обжигающее губы, и *бытие* и *иноебытие* оспаривали друг у друга право первородства), христианством, мистикой и теософией (между которыми металась наша душа, от Священного Писания то погружаясь в таинственную стихию музыки Вагнера, то внимая смятенному бреду Раскольникова, князя Мышкина, Ставрогина и Шатова, то вслушиваясь в вдохновенное косноязычие проповедей *Вадима Салова*), увлечения таинственной мешаниной из дружбы и заговорщической конспирации, сплавившие нас в "Обществе Курта Зигеля", в котором преимущественно предавались мы поклонению Бахусу, ... и, конечно, сумасшедшие, опьяняющие увлечения музыкой, поэзией, и слабыми, но нежными и прекрасными созданиями Божественного Духа...

*Вновь настает беспокойное время Снов лихорадочных, жаркого жжения.
Вновь под покровом тоски и томления Плачет грядущего сорное семя.*

Но что же было основным в этом десятилетии, которое для меня завершилось тремя годами заточения, для Вадима – изгнанием в уральское захолустье, для Казимира – побегом на благословенную родину Канта, а для Саши Брусова (как и для многих из наших пылких современников, разочарованных романтиков, не исключая и "американского ковбоя") – горестным впадением в безудержное пьянство?

Основным было – *стремление к духовной свободе!* Мы, словно динозавр, вытаявший из глыбы льда, в который социалистическая утопия и псевдо-просвещенное мракобесие и ненависть к культуре погрузили несчастную Россию, выстрадали, вымучили, выболели свою *свободу* и, быть может, столь много затратили сил и души на это вытаивание, на сопротивление *духовному давлению*, что именно поэтому и не успели противопоставить его неправде свою *положительную* истину.

Так промчались семидесятые и восьмидесятые годы. Одни из наших современников применились к обстоятельствам, стали "реалистами", другие забились в угол, переживая заморозки, но избранные продолжали верить и ждать гласа свыше.

Девяностые годы повергли нас в изумление и отчаянье.

Социалистический зверь, казавшийся вечным, неожиданно испустил дух, но к власти пришла такая циничная, алчная и пошлая нечистая сила, что нам показала и наша борьба за свободу (на коленях) неоправданной. Неужели для "этих" мы жили словно на перроне в ожидании поезда?

Самое естественное – переживание горечи и отчаяния. Слово – последнее убежище, последнее спасение от разрушения культуры, от разрушения духа.

Мы уже растеряли гордыню, тщеславие, стремление к славе и власти, растеряли не только самоуверенность юности, но и уверенность зрелости, потускнели надежды, истрепались мечты – что же у нас осталось после всех потерь и разочарований? И осталось ли хоть что-нибудь?

И всё же, растеряли мы не всё. У нас остались стиль, талант, воображение и поэтическая пылкость, но и еще больше – воспоминания о юношеских идеалах и верность долгу. Эти воспоминания не дают успокоиться и зарастить ссадинам, оставленным бестолковой жизнью в наших сердцах. Они заставляют нас жить и писать, вопреки горестному сознанию тщеты надежд и упований.

И всё же, не все и надежды мы растеряли...

Вот почему, вопреки сознанию тщеты надежд, затеяли мы издание альманаха «Русские страницы» (январь 2006 – декабрь 2017). «Братцы! – говорю я. – Не может быть... нет, не может быть, чтобы наши усилия были напрасны. Это потому так долго созрели мы в тишине и безмолвии, что плоды этих усилий слишком важны для России. Не падайте духом, не отчаивайтесь. Быть может, нам еще удастся "выразить в звуке и слове всю силу страданий души нашей", и инобытие наше будет оправдано?»

Но только ли это для нас убежище? А та духовная отчизна, которой мы верные дети (или пасынки?), разве не нуждается в клочке собственной земли? Наши дети, наши сторонники, наши читатели? Наши друзья и современники, не всех из которых даже на этот скудный берег выбросила волна, когда перевернулся наш челн? Верность их ожиданиям не должны ли мы хранить?

Правда, немного зависит от нас, дерзнувших доверить свои чувства и мысли бумаге и печатному станку. Властители дум ныне – люди не только неискушенные, но словно бы вышедшие только что из-под гончарного круга *ученика чародея*, еще не овладевшие тайной слова, еще не овладевшие даже просто вразумительной речью, "не испорченные культурой", правилами морали и хотя бы некоторыми навыками приличий.

И вдруг я услышал голос своей души: «Соберись с силами. Соберись с последними силами! Даже если "Россия наклонилась и вот-вот упадет", ты не смеешь бежать с поля боя. Да и бой еще не окончен. То, что вы строите из обломков культуры и духа, это не убежище – некуда бежать из России! Это лестница в небо – для вас, живущих, и для тех, кто не дождался, и для тех, кто продолжит ваше дело. Лестница в небо...»

Т. М. Лестева

**Революция
в деревнях Центрального Черноземья**

(По воспоминаниям очевидца)

Не дай нам бог жить в эпоху великих перемен.

Конфуций

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был -
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!*

Ф.И. Тютчев («Цицерон»)

Времена не выбирают. В них живут и умирают.

А.С. Кушнер

В год столетия Великой октябрьской революции или «большевицкого переворота» – существует и такая точка зрения на события октября 1917 года – в литературе появляются статьи и исследования, авторы которых задаются животрепещущими вопросами: нужна ли была эта революция, можно ли было её предотвратить, а чтобы было, если бы её не было, какие силы стояли за революционным движением и т.п. Всё чаще появляются публикации наших современников, восстанавливающие какие-то отдельные эпизоды из жизни тех или иных «знаковых» деятелей того периода, характеризующих жизнь «в эпоху великих перемен». Несладкая, прямо скажем, была жизнь. Так, В. Елисеев¹ рассказал об одном эпизоде из жизни Марины Цветаевой, когда она из голодающей Москвы приехала в Усмань, чтобы обменять отрезки сатина и ситца на муку и крупу.

Мой дед, Лестев Александр Николаевич, вместе с моей бабушкой Ольгой Ильиничной, учительствовавший с 1902 года в селе Долгуша Землянского уезда Воронежской губернии (ныне Долгоруковского района Липецкой области), в конце 1960-х – начале 1970-х гг. написал интереснейшие воспоминания, о до- и послереволюционной жизни центральной России. Это исторические свидетельства *очевидца* тех событий, в том числе, естественно, и начала революции в сёлах Центрального Черноземья.

Цитирую: «Я должен оговориться, что воспоминания мои не идут точно в хронологическом порядке, а по мере возникновения в памяти, которая постоянно поставляет мне то одно, то другое событие. (...)

Революция началась и в Долгуше и в других сёлах и деревнях с погрома и полного разгрома барских усадеб и захвата земли. От барских усадеб оставались камни да пепел. Только в одном имении Ольшанце, верстах в 10 от Долгуши, имение, завод и службы сохранились: видно, крестьяне соседних деревень были дальновиднее. А в имении Верхне-Ломовец курносого барина (сифилитика) не осталось и камня на камне. И сам он умер от огорчения скоростижно. Он был не богат, десятин 300 земли. Была там же барыня по прозвищу Маргуша, всё у неё растащили мужики, даже шаль, которую она надела, стянули с плеч.

В январе 1918 года долгушинцы начали громить имение В. Я. Головацкого. В имении Варвары Борисовны Головацкой было 1000 десятин земли при селе Долгуша Ореховской волости Землянского уезда и винокуренный завод. Муж её – Всеволод Яковлевич Головацкий – учёный доктор медицины. Они имели большой, деревянный на каменном высоком фундаменте дом с подвальным этажом, в доме было 17 зимних комнат. На дворе много служб: контора, людская, поваренная и прачечная, изба садовника, много сараев для хлеба, для скота конюшни и проч. В имении было 50 голов крупного рогатого скота, 40-50 рабочих лошадей и проездная тройка белых арабской породы лошадей для выезда господ.

---

¹ В. Елисеев «Станция Усмань – последний привет». В Сб. «Серебряный голубь России 2016». Материалы конкурса «Серебряный голубь России 2016», СПб, 2017. Составитель Лестева Т. М.

Имение не считалось богатым и, по словам конторщика Безбородова Алексей Милькогоновича, дон-жуана, несмотря на заикание, приносило в эти предреволюционные годы убытку 6-7 тысяч руб. Этот убыток покрывался доходами от винокуренного завода, на котором в осенне-зимний период винокурения работало 40-50 крестьян долгушинцев, а руководил ими немец Карл Егорович Пеныр.

В январе 1918 года долгушинцы начали громить имение В. Б. Головацкой. Дело было утром, часов в 10. Когда я услышал об этом, я поручил уроки Ольге Ильиничне, а сам побежал посмотреть, что происходит в имении. Дом окружила громадная толпа молодёжи, во дворе шёл грабёж, брали мужики барских лошадей, коров, свиней, овец, сбили замки с амбаров, где была мука, хлеб, насыпали в мешки, кто сколько сможет довести на подводе, в саду тоже стояли и ходили люди, раздавалась стрельба из ружей или пистолетов, разбивали стёкла в доме.

Я остановился с двумя знакомыми у ограды сада с мельником Двигубским Володей еврейского типа с чёрной окладистой бородой и с зажиточным кулаком Корольковым Иваном Ильичом из деревни Нетеперова (верстах в двух от Долгуши). Не помню, кто из них сказал: «Вот и нас скоро будут громить». Постояв немного, я вошёл в дом, который охраняли солдаты. В доме был переполох. Барыня то и дело падала в обморок, как только раздавалась стрельба под окнами в саду. Всеволод Яковлевич, муж её, заботливо помогал ей придти в сознание. Там же ухаживала за ней одна пожилая женщина из деревни Кожинки (в 3-х верстах от Долгуши). Я не помню, как подошла ко мне Варвара Борисовна и сунула в руки пальто гимназическое их сына, и деревянную настенную вешалку и одну или две шляпы. Что она говорила, не помню. Шляпы взял у меня Фёдор Егоров, мужик долгушинский. И мы снова пошли по домам.

У крыльца барского дома стояли запряжённые в сани пара белых лошадей. Люди грузили на сани пианино. Сани были большие. На козлах сидел барский кучер, представительный, сильный, с большой бородой, лет пятидесяти. Лошадей держал за повод сельский староста (ещё были старосты) Мартин Иванович по прозвищу Пискунов. Ему было лет 40-45, был он крепкий, ловкий, с небольшой бородой, не из зажиточных, середняк, как потом называли таких хозяев.

Вышли из дома Варвара Борисовна и Всеволод Яковлевич, сели в сани, и лошади побежали. Когда я оглянулся, немного погодя, люди, преимущественно молодые мужики, парни, бабы и девки стали бить в доме подряд все окна, ломать двери, рамы, тащить, кто что захватил – стулья, столы, посуду и проч. На другой день от имения ничего не осталось, только одни стены».

Александр Николаевич тепло отзываясь о докторе Всеволоде Яковлевиче Головацком (1861 года рождения), который бесплатно лечил больных крестьян. Он получил звание доктора медицины, защитив в Санкт-Петербурге в 1887-88 гг. диссертацию на тему: «Загрязнение почвы выгребными ямами». Александр Николаевич отмечает – со слов конторщика, что в предреволюционные годы имение В. Д. Головацкой было убыточным, а убытки покрывались за счёт принадлежащего им винокуренного завода. Цитирую

воспоминания о трагических событиях, произошедших вскоре после разгрома усадьбы Головацких.

«Винокуренный завод охраняли присланные из уездного города Землянска солдаты, их было человек 10. Они, эти охранители завода, стали бойко торговать оставшимся на заводе спиртом, его было тысяч десять вёдер в большой цинковой цистерне. Продавали за вещи – ситец, одежду, обувь – и за деньги – керенские и николаевские. Продажа шла большей частью ночью, днём меньше. Я договорился с Вениамином Николаевичем, братом Анны Николаевны, дал ему денег, не помню сколько, и он пошёл и принёс литров 8 - 10. Поделили.

И вот уже весною, в марте, кажется, на заводе случился пожар. Загорелся спирт в цистерне. Рассказывали очевидцы, что загорелся спирт от спички, брошенной солдатом. Лампа там потухла, он стал её зажигать и бросил горевшую спичку на пол, а пол был залит сплошь спиртом, когда его наливали из-под крана цистерны в посуду покупателей. Спирт вспыхнул и загорелся в цистерне. А мужчин и парней набилось в заводе человек 40 - 50. Началась давка, люди, облитые спиртом, горели, метались к выходу, дело было ночью, в темноте падали, их затаптывали. Ужас! Сгорело по подсчётам 30 человек. Все мужики из деревни Трусовки – 9 человек – сгорели, некоторые ещё жили день-два. Я видел днём уже, как метался от ожогов маленький лет десяти мальчик из деревни Ростобуево (рядом с именем). Умер бедняга. Спирт горел даже на реке, куда бежали спасаться обгоревшие».

Единственное, что не было разграблено и разрушено – это сады. «Чудом каким-то уцелели в Долгуше в имении Головацкой два яблоневых сада, которые в 1922-23 г. поручили мне беречь. В обоих садах было по 750-800 плодовых яблонь. Урожай я сдал в Землянск в сушёном виде. После меня не помню, кто заведовал садами. В отечественную великую войну они были вырублены до основания».

Покинувшие Долгушу Головацкие жили в своей квартире в Задонске, где доктор Головацкий трагически погиб, лет пять спустя. «Через несколько лет после разгрома имения Головацкой в 1923-24 г. Головацкий Всеволод Яковлевич и его супруга – Варвара Борисовна – были зверски убиты в своей квартире в Задонске ночью. Дело было так. Наверху этого дома жил какой-то тёмный фельдшер, завидовавший доктору Головацкому, что к нему приезжали много больных и привозили, кто что мог. И вот из-за этой подлой зависти этот фельдшер с своими дружками решили погубить доктора. Чтобы обмануть его, фельдшер постучался к доктору, который жил в нижнем этаже, что его требуют к больному. Доктор открыл дверь, и в ту же минуту грабители накинлись на него с ножом и стали колотить, а заодно резать и Варвару Борисовну. Мне рассказывал коммунист Болгов, начальник Задонской милиции, что такой ужасной картины, которую он увидел в квартире, он не видел даже на войне. Вся комната, где убивали, была залита кровью. На теле Головацкого обнаружили 28 колотых ран. Трупы были страшно изуродованы.

Фельдшер, сделав своё чёрное дело, вышел ночью же на балкон стал кричать и жечь бумагу, чтобы вызвать милицию. Его арестовали потом, дружков его не нашли. Он симулировал сумасшествие, подержали его в тюрьме недолго, убиты- то были помещики, и тем дело кончилось».

Александр Николаевич, по-видимому, ошибся относительно убийства Варвары Борисовны. Когда я опубликовала в 2005 году в книге «Путешествие по семейному архиву» воспоминания деда, мне позвонил из Москвы какой-то мужчина. Он приехал в Петербург, купил эту книгу и сказал, что он приобретает её по просьбе родственников Головацких. Он рассказал мне, что Варвара Дмитриевна не погибла, ей удалось каким-то образом выбраться в Москву, где она и жила. Но до последних дней она скрывала, что была женой Всеволода Яковлевича, говорила, что была только прислугой у доктора. К сожалению, в тот момент я не расспросила визитёра о родственниках Головацких, для которых он покупал книгу, не сохранился и его телефон.

И вот, перечитывая воспоминания Александра Николаевича, обращаю внимание на то, что Варвара Дмитриевна отдала моему деду пальто его сына. К 1918 году у Александра Николаевича было уже семеро детей – пятеро сыновей и две дочери. В семье Головацких был сын – Головацкий (Имярек) Всеволодович. Он или его дети жили в Москве? Знали ли они о том, что Варвара Дмитриевна была по происхождению помещицей или узнали об этом только из воспоминаний Александра Николаевича?

Из какой семьи происходил сам Всеволод Яковлевич? Вероятно, он был сыном писателя Якова Фёдоровича Головацкого (1814 - 1888 гг.), который по информации словаря Брокгауза и Эфрона с 1848 года возглавлял кафедру русского языка и литературы в Львовском университете, был деканом и ректором университета и «...На лекциях и в печати Г. отстаивал интересы галицко-русской народности от враждебных поползновений поляков и немцев». В 1841 году Я. Ф. Головацкий окончил богословский факультет Львовского университета. В этом же году он женился на Марии Андреевне Бурачинской. В их семье было шестеро детей. Позже он переехал в Россию, в Вильно, где отказался от униатства и всей семьёй приняли православие.

В перечне Воронежского дворянства есть «Личное дело о правах на дворянское достоинство. Головацкий Всеволод Яковлевич 3 мая 1904 г. – 3 мая 1904». О Варваре Дмитриевне (в замужестве Головацкой) пока не удалось найти никаких сведений. В Интернете нашла ссылку на Головацкую О. Я. (Яковлевна? – *Т.Л.*), которая «...вместе с братом В. Я. Головацким написала воспоминания об отце – Я. Ф. Головацком, филологе, историке, поэте». Они опубликованы в книге Аристов Ф. Ф. «Карпатско-русские писатели», т. 1, М., 1916, с. 109-112. Может быть, потомки О. Я. Головацкой интересовались судьбой этих помещиков? Думаю, что для краеведов Долгуши и Задонска есть тема для изучения...

Мой дед начал писать свои воспоминания с сомнений, будет ли их кто-нибудь читать. Теперь, почти полвека спустя после их написания, я полагаю, что его сомнения можно развеять: читают. И, цитируя Ф.И.Тютчева, он – «высоких зрелищ зритель» – сказал своё слово, внёс свою крошечную лепту в сохранение исторической правды о кровавых событиях революционного движения в сёлах центральной России.

«Времена не выбирают», но историческая правда должна быть правдой, а не переписываться регулярно заново в зависимости от направления политического ветра, дующего из правительственных кругов.

Санкт-Петербург

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Виктор Елисеев

СТАНЦИИ УСМАНЬ...- ПОСЛЕДНИЙ ПРИВЕТ!

Именно так заканчивается очерк М. И. Цветаевой «Вольный проезд».

А все начиналось 6 сентября 1918 года в Москве. В Институте кавалерственных дам, где располагался Отдел изобразительных искусств Марина Ивановна, добилась пропуска в Тамбовскую губернию «для изучения кустарных вышивок». Но ехала она за пшеном. В прологе своего очерка она помечает: «Вольный проезд (провоз)в 1/ 2 пуда...». В Москве у неё остались две дочери - Ариадна и Ирина. Последней шел второй год. Тревога за дочерей и заставила её покинуть голодающую Москву. Дочь знаменитого профессора И.В.Цветаева, основателя Московского музея изобразительных искусств имени А. С.Пушкина, известная поэтесса была вынуждена спастись от «костлявой руки» голода своих любимых дочерей.

С великим трудом ей удалось сесть в первопрестольной в поезд:

«... В последнюю минуту – точно ад разверзся: лягз, визг. Я: “Что это?”. Мужик, грубо: “Молчите! Молчите! Видно ещё не ездили!”. ...Страх, как перед опричниками, весь вагон – как гроб. И, действительно, минуту спустя нас всех, несмотря на билеты и разрешения, выбрасывают. Оказывается, вагон понадобился красноармейцам...». Спасло её чудо: « В последнюю секунду N, его друг, тёща и я благодаря моей командировке, всё-таки попадаем обратно...». И только в поезде, она «трагически» уясняет, что «едем мы на реквизиционный пункт и ...почти что в роли реквизирующих...» По дороге она знакомится с «тёщей», сын которой служит в реквизиционном отряде.

Вот наконец, и станция Усмань: «12-й час ночи...Чайная. Ломящиеся столы. Наганы, пулемётные ленты, сплошная кожаная упряжь. Веселы, угощают. Мы, чувствуемые, все без сапог, – идя со станции чуть не потонули». Хозяйками чайной были две старухи, в глазах которых Цветаева прочитала и раболепство и ненависть. Сын «тёщи» оставил их на ночлег здесь же в чайной. Марина Ивановна «уложилась» на пол «просто», в то время как «тёща» спала на «хозяйкиных подушках и перинах». Но отдохнуть пришлось недолго. Нагрянули с обыском, у хозяек чайной искали золото. Обыск продолжался «до свету».

Этим же утром Марина Ивановна с тремя спутниками покинула чайную. Двое из них уехали в бывшее имение князя Б.Л. Вяземского, которого зверски год тому назад убили на станции Грязи солдаты-дезертиры и, по словам Цветаевой, это «знаменитая, по зверскости, расправа». А затем «тридцать вёрст пешком по стриженному полю, чтобы выменять ситец (розовый) на крупу. Но крестьяне категоричны: «Нет, нет, ничего нету, и продавать – не продаём и менять – не меняем. Что было, то товарищи отобрали. Дай Бог

самим живу остаться». Москвичка предлагает им на обмен спички, мыло и ситец. И было у Цветаевой три куса мыла, пачка спичек и десять аршин сатина. Изба поразила поэтессу: «... всё коричневое, точно бронзовое: потолки, полы, лавки, столы, котлы... Скамьи точно в стены вросли, вернее – точно из них выросли...». Большинство крестьянок с недоверием отнеслись к «московке», ибо «... москвичи, счастливые, вам все от начальства идет...». В другом месте, предлагая обменять ситец на куриные яйца, она слышит «Курочка ня нясутся!» и «... готова передуть не только всех их кур, но их самих- всех! – до десятого колена...».

А затем ей довелось побывать и на усманском городском базаре: «Юбки – поросята – тыквы – петухи. Примиряющая и очаровывающая красота женских лиц. Все черноглазы и все в ожерельях. Покупаю три деревянных игрушечных бабы, вцепляюсь в какую-то живую бабу, торгую у ней нашейный тёмный, колёсами, янтарь и ухожу с ней с базару – ни с чем...».

Жить больше было негде и пришлось возвратиться вновь в чайную, где одна из хозяйек «возмущена янтарём», и эта «хамка» заставляет мыть пол. Очень внимательно следит и приказывает: «Ещё лужу подотрите! Повесьте шляпку! Да вы не так! По половицам надо! Разве в Москве у вас другая манера? А я, знаете, совсем не могу мыть пола – знаете: поясница болит! Вы, наверное, с детства привыкли? Молча глотаю слезы...».

Многое она повидала и услышала. Даже «местную» поговорку записала: «Господи! Убить того до смерти, того – у кого есть сахар и сало!», а мужик, подвозивший её до города Усмань, сказал: «Не было смиреннее нашего города!».

Однажды на реквизиционном пункте она «схлестнулась» с большевиком Капланом, который обвинил её в «раскачивании советской власти...». Здесь же она познакомилась со «Стенькой Разиным» – кавалером двух Георгиевских крестов, у которого «... Лицо круглое, лукавое, веснушчатое: Есенин, но без мелкости...». Она подарит ему на память перстень.

А потом был отъезд со станции, где «... мешочные холмы и волны, в промежутках вздохи, платки, спины...» и гневные восклицания: «Москву объели, деревню объедать пришли! Ишь натаскали добра крестьянского!». А её «добро»- «трофеи» заключались в 18 фунтах пшеница, 10 фунтах муки и трёх фунтах свиного сала. Но каждый из этих фунтов, наверное, был на вес золота. Ей с великим трудом удалось втиснуться в вагон при помощи того же «Степана Разина». В последние секунды она увидела руку, которая махала ей отъезжающей вслед. Рука с её перстнем.

Более чем на неделю она «задержалась» в Усмани. Это была по сути невероятная отчаянная поездка поэтессы, испытавшей унижения, голод и страшные мытарства походов по деревням, хождения по грязи на станцию за кипятком. Всё это она отразила в «Вольном проезде». И ещё от неё остался так называемый «усманский» цикл стихотворений. Среди них: «Ты дал нам мужества», «Два цветка ко мне на грудь», «Колыбель, оваянная красным», «Под рокот гражданских бур», «Офицер гуляет с саблей». И знаменитые цветаевские «Глаза», датированные 9-м сентября 1918 года:

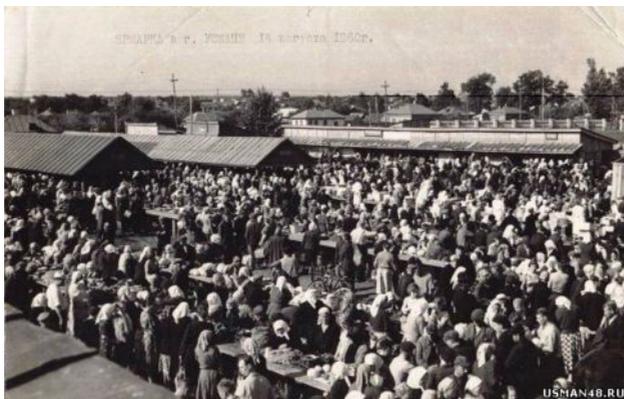
Привычные к степям – глаза,
Привычные к слезам – глаза,
Зелёные – солёные –
Крестьянские глаза!
Была бы бабою простой –
Всегда б платили за постой-
Все эти же – веселые –
Зелёные глаза...
Привычные к степям – глаза,
Привычные к слезам – глаза...
Что видели – не выдадут
Крестьянские глаза!

А очерк «Вольный проезд» она напишет в двадцатых годах в Париже, и он увидит свет в журнале «Современные записки». В память о пребывании своём в Усмани она долгое время хранила ожерелье из янтаря и подарила его другой великой поэтессе Анне Ахматовой.

12 октября 2002 года, когда мировое сообщество отмечало юбилей поэтессы, на здании железнодорожного вокзала (правда, новое здание – В.Е.) станции Усмань в память пребывания Марины Ивановны была установлена мемориальная доска, автором которой является липецкий скульптор Валентин Челябин.

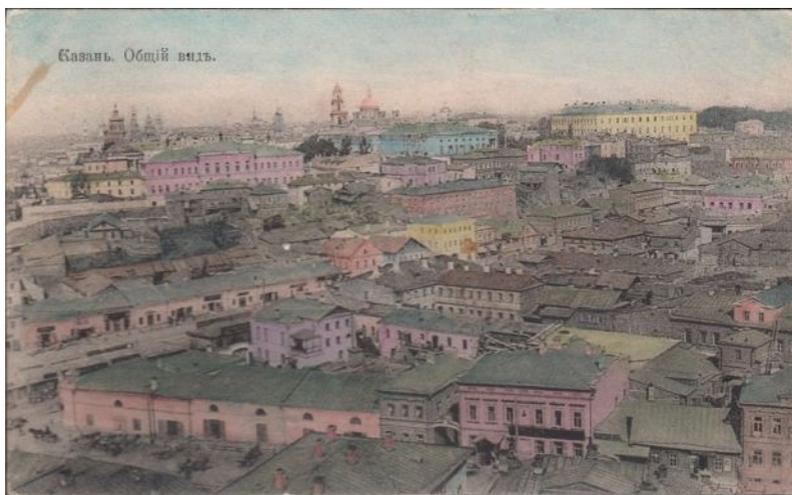
Липецкая обл., с. Добринка

А. А. Неучев

***Именование Казань.
Смысловые своды строения***

Легенда о месте основания Казани

Именование Казань. Смысловые своды строения.

Имя Казань, века сопровождая пути исторического действия людей, стало историческим памятником. Стало частью фона, порождающего народное самоосознание. Именование Казань содержит спектр взаимосвязанных идей, присущих этому мировоззренческому фону. Для того чтобы удостовериться в обозначении именем города концепции, мировоззренческой доктрины, учения, рассмотрим группу слов, производных от корня КЗ и связанных с именованием Казань.

Первые шаги в обзоре сделаем, руководствуясь смыслом простым: предводительством будничных, повседневных забот о чреве. Именование Казань одного корня с кумыкским словом «къазмалар²». Кумыки – тюркоязычные жители степного Прикаспия. Къазмалар – название зимнего пастбища.

Зимний выпас скота в Прикаспии обозначает и русское слово «тебенёвка». Тебенёвка – декодер смысла имени Тебен (Фивы) одной из столиц Древнего Египта. Различны написание, произношение имён Казань и Тебен. Но горизонт восприятия «пропитание во время невзгод» у них общий. Общий смысл избавления от невзгод в названиях городов Казань и Тебен может быть признаком одного их статуса. Статуса столиц, управляющих производительными силами окормляемых столицами пространств. Общий смысл разных именовании можно рассматривать и как признак принадлежности их названий к одной школе мысли. А также как признак исторической связности городов.

Дополним смысловую группу. **Окормляющей** (сравн. **Кремль**) функции власти придаёт выразительность и внятность не только аллегорический образ зимнего пастбища. Персы уподобляют действие централизованной власти действию оросительной системы. В Индии одним из символов таковой власти служит зонг, защищающий от дождя и зноя. В суфийской притче эпитет властителя – «высокие врата премудрости». У кипчаков (половцев) образом, поясняющим назначение и действие власти, служил казан, котёл. В смысловой связи с оными ёмкостью и знаком контура управления поведением сталкивается и именование Казань столицы Татарстана.

В обыденном сознании казан, котёл, легко сопрягается с горизонтом управления “заботы о чреве”. Жизнеобеспечивающий смысл таковых забот, их распространённость, их лидерство в управлении повседневной работой ума, а также в культе «Моё», – предельно ясны. Но важны и другие горизонты смысла, скрытые в знакомом предмете хозяйственной утвари.

В русском языке котёл большого размера называется чан. В речи татарской чаң – колокол. Колокол – образ уже такого контура управления, как концепция, мировоззренческая доктрина, учение. К обозначению мировоззренческой доктрины, незаметно работающей всегда и повсюду, как свет и язык, мы и отнесли в самом начале именование **Казань**. Убедимся в сродстве имени города и класса истин незримого храма памяти и духа, продолжая рассмотрение слов со смысловым ядром, передаваемым корнем КЗ.

² Словообразовательный элемент «лар» – признак множественного числа.

Следующее слово, однокоренное с именованием **Казань**, передаёт идеи обилия, производного не от пастбищ и стад, а от силы внимания, от богатства умом. “**Күз**” – название ока в татарском языке. Око – лидер среди оповещающих нас органов чувств. Образ Ока – приемлемая аллегория представлений о верховном порядке значимости наблюдательных, аналитических задач столицы, власти. Образ Ока сопутствует и представлению о значении школы мысли, создающей учение, концепцию, мировоззренческую доктрину, дающую подъёмную силу народу как субъекту исторического действия. В ранней древности глазом, поднятым над степью, величается шумерский бог Энлиль. Египтянами, тогда же, пеленгующим Оком рычагов надмирной власти воспринималось созвездие Большой Медведицы. (Образом старейшины богов Шумера Ана была звезда Полярная. Энлиль – первенец Ана.) В иносказании народной речи о богатстве умом, позволяющим пеленговать скрытое содержание настоящего и будущего, – снова появляется котелок, варящий либо не варящий.

Согласимся, что имени Казань подстать семантика ока и взора, семантика разведывательная, оповещающая, укрепляющая державу и понимание истины. В языке русском имя Казань и однокоренное существительное “күз” (глаз) сотаборны, одностадны с навигационными глаголами «казать», «показывать». Действия «казать», «показывать» присущи примерам вестническому, лидерскому и учительству, оконтуривающим и синхронизирующим поведенческие модели, производные от класса истин мировоззренческой доктрины. Точка касания к оной благодарующей доктрине и её классу истин – имя Казань.

Родство названия «күз» глаза и имени Казань продолжает ряд признаков связи именованного города с движением культурных сил ранней древности. Иероглиф в виде Ока – главный в записи имени египетского бога Осириса. Эпитеты Осириса – «укрепитель истины», «создатель злаков и стад» вписываются в контекст нашего исследования имени города.

В мифологии Древнего Египта Осирис существует в образах человека и полоза, змея. Герб Казани – крылатый змей по имени Зилант. Фигура Зиланта своими вершинами совпадает с вершинами созвездия Осириса Орион (егип. Сах, рис. 1). Попарно близкородственные согласные З и С, Л и Р в корнях имён **Зиланта** и **Осириса** укрепляют мысль о соприродности этих фигур народного духа и священных сущностей. Об общем их происхождении.

Зилант для народного духа – носитель той же, что Осирис и его знак Орион, первозданной доктрины о свете и об укладе жизни. На её совершенные свет и порядок с рождения настроен алгоритм работы сознания человека. Начертанием созвездия Орион, обозначающего неземнородный замысел о жизни, прообразованы наличники окон (рис. 2) и формы букв греческой Ξ (Кси), латинской X (Икс)... Устойчивое звуко сочетание КС, буквами Ξ и X передающееся, близнечно смысловнесущей паре КЗ корня имени Казань. Пары КЗ и КС – два горба на одном смысловом верблюде упрямого мечтания. Либо две зыбки на нём. Мечта – самое начало его, будущего, надлежашего устройства. В зыбке одной – сердечный, душевный жар, в зыбке другой – ревностный зодчий ум.

Перейдём к связи именованья Казань с мировоззренческой доктриной более близкой во времени, нежели египетская, с навигационной доктриной ислама. Одного корня и смысла с именем Казань категория Казаа оной доктрины. Категория Казаа охватывает такое писание и речение Всевышнего Аллаха, как плоть Его творения. Наполнение Казаа предопределено Всевышним изначально и по составу, и по времени.

Категории Казаа как происходящему по воле Всевышнего предстоит категория Кадар. Кадар – предопределение Всевышним Аллахом всего созданного от изначального времени и всего, что будет создано. Категория Кадар основана на могуществе Всезнания Творца, не ограниченного ни временем, ни местом³.

Надмирный контур управления Кадар и категория Казаа в работе неразделимы, как крылья Зиланта, трапеции Ориона, как рога лука, как сопутствующие воды Казанки и Волги. Контур управления Кадар – дофеноменальный уровень замысла о миропорядке, уровень концепций, программ, уровень проектный⁴. Казаа – уровень процессов, творений, воплощений, уровень объектов. К названию Казань, тщательно подобранному городу умом, изошрённым премудростью, относится осуществление порядка, что задуман был Творцом. Арабская буква Каф, заставная в написании имени Казань, символизирует собою Его, Творца, тайнодейственную первосилу. О том, что распознаётся оная сила не всеми, Г.Х. Андерсен сообщает в сказке «Принцесса на горошине».

Осуществляют задуманный Творцом порядок люди. Прародительская методология сохранения и передачи знаний кодирует и бальзамирует добытые знания в образах исповедального культурного наследственного вещества. Исповедальное наследственное вещество и комплекс свойств людской элементной базы, сооружающие здание грядущего, обозначается образом горящих углей. Горящие угли – значение диалектного татарского

Рис. 1. Псоглавый и гусетулый крылатый творец и страж совершенного света и порядка Зилант. Геометрически и идеографически Зилант входит в одну совокупность с созвездием Осириса Орион (егип. Сах) и с изображениями Египетских царей на пилонах храмов. Математическая процедура сравнения по сходству вершин контуров фигур позволяет рассматривать их как одно целое.

³ Мусульманский календарь 2010 года, 2 июня. Казань.

⁴ Сравн. славянск. Правь – мир идеальных образов и света; китайская категория Ли.

существительного куз. Так мыслители древности частной мерой жара, пыла горящих углей соединили имя города и представление об основании и о характере служения, требующимся для надлежащего устройства общего настоящего и будущего. Тексты храмовой архитектуры Руси, Индии, Ирана дублируют свойство, выраженное образом горящих углей, в золотых куполах, шатрах и шпилях крыш.

Зародыши благодарующего, воспроизводство миротворчески активных элементов системы, их гармонию с платформой прародительского исповедального наследия (то и другое обобщает суфийская аллегория “горящие угли”), поддерживает Кизр (Хидр). Кизр – бессмертный глава суфиев и дервишей, одарённый Всевышним Аллахом подобной Своей мудростью и способностью переходить границу стран небес и земли. Кизр – единственный из бессмертных, являющийся жителям мира дальнего в реальном человеческом облике. Из аятов 26 и 27 суры 72 “Аль Джин” (Джинны): *“и не даст Он узнать сокровенное у Него никому, кроме тех, к кому Он соизволил как к посланнику”* следует пребывание Кизра (Хызра, Хидра) в достоинстве пророка. Во вступлении к поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» прародительское исповедальное наследие оглашает учёный кот⁵ Лукоморья. Двигается кот-краснобай по охватывающей дуб⁶ золотой цепи – аллегории цепи преемственности. Основания исповедального наследия и языка,

Рис. 2. Типовая форма наличников, прообразованная контуром, трапециями звезд Ориона (египетск. Сах, рис. 1). Переплёт окна повторяет египетский иероглиф со значением «врата горизонта». Город Мензелинск. Татарстан.

⁵ В татарской речи *кот* – сущ. 1. – мифол. дух, душа. 2 – счастье, благодать. 3 – уют, красота. Кот – символ универсиады в Казани в 2013 году. В виде кота египтянами изображался бог Ра. Ра – название Волги на карте из «Географии» Клавдия Птолемея (рис. 3) и на картах Византии.

⁶ Дуб Лукоморья входит в ту же группу образов, что дуб – священное дерево оракула Зевса в Додоне, на северо-западе Греции. Слово мистерия происходит от названия мистраль северо-западного ветра. Пример мистерии – Новогодний праздник. Из ствола дуба Додонской рощи был изготовлен киль корабля Арго. Киль подсказывал аргонавтам верный курс или сам удерживал его.

укоренение и возвышение, одухотворение ими сознания ислам относит к иерархической ступени Кизра⁷, соединяющей страны небес и земли. Одно из имён Кизра, курирующего курсопрокладывающее уразумение премудрости, благодатное богатство умом и нравственным законом, – Кутуб. Имя существительное, обозначающее книгу, – китап.

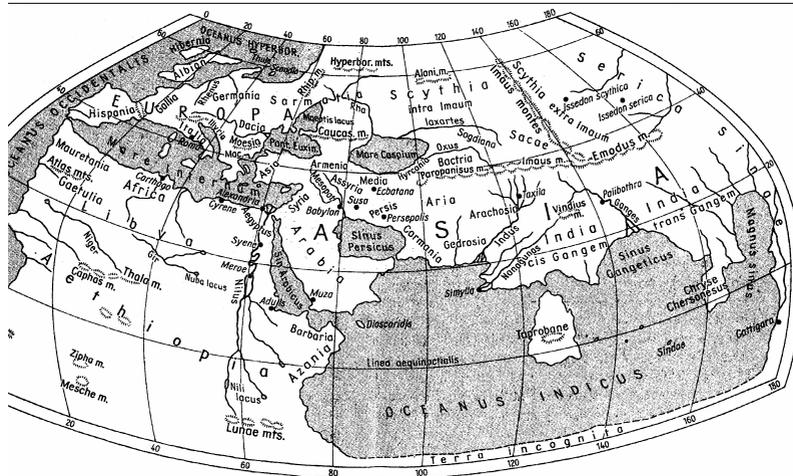
В суфизме аллегии “горящие угли” родственна аллегория “извлекать мозг из кости”. Распространяется она на благотворную силу внимания и на задачи школ мысли итожить опыт, пеленговать будущее и кодировать добытые знания в образах и отношениях. Например, в игрушках Муз, в образах и отношениях сказок, мифов, басен и притч, в народных орнаментах и праздниках...

Лексическое обозначение аллегии «извлекать мозг из кости» – смыслоносущая пара КС, близнечная паре КЗ, – смысловому ядру имён Казань и Кизр. Сама по себе смысловая единица КС является основанием арабского названия к’асар изложения истории пророков. Перевод названия Аль Каусар суры 108 Корана, связанного со смысловой единицей КС, – обилие. Другой язык использует семантику КС в именовании ксе́ндз священника. «Ведуны обилие держат» – аксиома русского прародительского исповедального наследия о значении для прошлого, настоящего и будущего силы внимания, богатства умом, школы мысли, самоосознания, на которые указывает аллегория «извлечение мозга из кости». Касимовна – отчество прекрасной Елены в сказке В. А. Жуковского. Пара КС – смыслоносущая для слова космос. В Коране космос – «порядок, что задуман был Творцом». Человеческая жизнь имеет смысл как служение этому порядку.

На способ сохранности и на действие жара “горящих углей” (куз) исповедального наследственного вещества указывает арабское слово корня КС – существительное кисса. Его значения – описание, история, сказка. Вспомним, что герои народных сказок отличаются целеустремлённостью, не знают неопределённости и неустойчивости в оценке происходящего, располагая разнообразными средствами самовыражения. К их деятельности применим и однозначный с диалектным существительным куз (горящие угли) глагол кузгатырга. Его значения – шевелить, двигать, берeditь, будить, ставить, возобновлять, поднимать, начинать. Повторим, что прародительское исповедальное наследие, благодарующее духовный суверенитет и нравственный закон, создано опытом, школой мысли, пылом сердец, силой внимания и упрямым мечтаньем о должном содержании будущего. В стихотворении А. Н. Майкова упрямое мечтание – ревностный зодчий, сооружающий здание грядущего. Оно устремлено овеществлять иерархию задуманного Творцом, воплощать идеальные образы интеллектуального зодчества, связывать чистый исток и прекрасное далёко.

---

⁷ Пророк Мухаммат (благословение и мир ему) сказал о субстанции речи: *“Пока не будет совершенства в сердце, не будет совершенства Имана. Пока не будет совершенным язык, не будет совершенным и сердце”* (Мусульманский календарь на 2006 год, с. 87. Казань. Иман. 2005).

КАРТА ПТОЛЕМЕИ

Рис. 3. Сводка географических представлений античного мира на карте из «Географии» Клавдия Птолемея (ок. 90 ... ок. 160). Волга носит египетское название Pa (Rha), как и на картах Византии. Моря Каспийское и Аральское – единое водное пространство. Форзац книги Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова и Института всеобщей истории РАН «Древний Восток в античной и раннехристианской традиции».

Кисса, прародительская методология сказок, эпосов, орнаментов опирается на такой канал проводящей сети высшего знания, как чувство. С колыбели образные модели исповедального сказочного наследия закладывают алгоритм оценки окружающего и происходящего. Сказочное прародительское мировоззренческое исповедание настраивает предпонимание – автопилот, ориентирующий сознание в суматошном и зыбком пространстве текущих событий (сравн. действие кля Аргю). Сказки создают механизм, закладывают рефлекс, соединяющий новый элемент – ребёнка – с памятью народа как суперсистемы. Сказка – это и информационное обеспечение новых элементов суперсистемы с возобновляемой элементной базой, и информационное обеспечение устойчивости страны как суперсистемы. Дают настройку сознанию, знакомят с храмом памяти и с моделями поведения и другие игрушки Муз – дочек Мнемозины, богини памяти.

Народные сказки, орнаменты, родная речь свидетельствуют о первоходной школе мысли, о концепции и мировоззренческой платформе, создавшей страну-суперсистему. Идеограммы этой платформы собирают элементы в суперсистему, её аллегорические образы ориентируют на общий вектор целей. Вектор целей субъекта исторического действия. Заметим, что ту же настройку сознанию дают народные календарные праздники и обряды, сопутствующие им мелодии, орнаменты, военные парады, домашние

церемонии, символы, обычаи и другой инструментарий мировоззренческой доктрины.

Вернёмся к гербу Казани (рис. 1). Рассмотрим ещё раз детали изображения Зиланта как признаки связи с мировоззренческой платформой Древнего Египта. Заметим в идеограмме герба гусиный корпус и собачью голову крылатого Зиланта. Гуси – священные птицы богини Исиды в её культе за пределами Египта. Названию гуся **каз** в татарском языке тождественна заставная часть именования Казань. В исконной календарной обрядности соседнего и соязычного Башкортостана, в тёмном декабрьском предзимье есть дни гусей. Согревающее сердце охотника истолкование «Гусятница» имени города согласуется как эпитет с образом владычицы Исиды через гусей – её священных птиц. Эпитет «Гусятница» кодирует в смысловом уровне назывном и предметном уровне сакральный, соединяющий землю и небо.

Рис. 4. Очевидно сходство египетского блостительного бога Инпу и утешителя Христофора Псеглавца православной иконографии. В росписи храма Богородице-Успенского монастыря в Свяжске его раздутые ноздри указывают на связь образа с тайнодейственной областью причин. Христофор Псеглавец росписи храма Богородице-Успенского монастыря в Свяжске – выразительный признак сцепления исторического прошлого Египта и Поволжья.

Эпитеты Исиды, великой богини всей истории Древнего Египта – мать природы, госпожа стихий, великая чарами. Исида – Богоматерь. Храмы Богоматери Исиды сооружались египтянами выше столиц по течению Нила. Выше Казани, в Свяжске, стоит посвящённый Богоматери монастырь. Богородице-Успенский. Очень редкое в православии изображение Христофора Псеглавца в его росписи (рис. 4) – преобразование египетского бога Инпу (Анубиса), бога-бальзамировщика. Воспитанник, племянник и верный помощник Исиды Инпу изображался собакоголовым. Как и Зилант герба Казани.

Функция очарования, закреплённая за Исидой эпитетом «великая чарами», – функция фоновая и началообразующая (ачарья, санскр. – начало). Подобная функциям воздуха, земли, воды, света, рождения, лидерства, тыла... В имени и образе Казани начало очарования передаётся связностью с существовательным кыз (девочка, девушка, невеста).

Оживим выборку сопутствующего пониманию имени Казань как построения ещё одной персоналий. «Жузькина мать» – уникальное, не изменяемое и не перенятое в межкультурных контактах идиоматическое

выражение. Означенное, как и имя Кизр лидера суфиев, парой КЗ, оно вправе претендовать на значение волоконца в смысловой пряже именованья Казань. Место бытования идиоматического выражения можно считать местом исконного почитания этой чудотворной и неуловимой пери, отображающей свойство национального характера. Свойство ментальное, фоновое.

Код с загадочного идиоматического «Кузькина мать» выражения возможно снять. Сделать это позволяет форма знаков Ξ (Кси) и X (Икс) звукосочетания КС, близнечного корню КЗ. Форма обеих букв производна от созвездия Осириса Орион (рис. 1). Кузьку, Кузьму мы можем в нём же и угадать. Мать Кузьмы – всегда рядом. Это Сириус, звезда Исида, превосходящая яркостью все другие. В русской речи «мать» – иногда звучащее обращение мужа к жене. Исида – сестра и жена Осириса.

Обозрев нашу выборку слов и фигур, согласимся, что частные меры элементов выборки образуют ансамбль и указывают на важные условия жизни, которые требуют умелых действий, особого внимания... В имени Казань эти частные меры спряжены в объёмлющую их меру общую. В меру, имеющую отношение к природе завершенности и совершенства. Эта мера – лидерство и требования к нему. В окрестном Казани ландшафте мера лидерства как покровительственной гармонии неземнородного замысла о жизни непротиворечиво отображается Волгой (Ра на карте Птолемея, рис. 3).

Трудолюбивый профессор и скиптроносец математики, скромный казанец и стихотворец Н. И. Лобачевский в своём стихотворении «Разлив Волги при Казани», опубликованном в 1834 году⁸, раскрывает образом реки характер лидерства и распространяет его на страну.

*Царица рек в торжественном теченье
К далёким Каспия обширного водам,
Ты уклоняешься к Казани на свиданье
С ней, древней матерью татарским городам!..
Её со всех сторон, как друга, обнимаешь,
И трепетной струёй приветствуешь луга,
И тихо с голубых рамен дары слагаешь
На оживлённые Булака берега...
Вот шумный пир!.. Но что таинственным и важным
Вещаешь ей глаголом волн своих?
Свои ли радости, ея ли войн отважных
И славы древние напоминаешь дни?
Ах, прежде и Казань надменная гуляла
При полноводии раздольная весны,
И ратью бурною широко заливала
Покорные поля окрестные страны.
Прошла ея пора: воителей потомки,
Как грязный ил изсохшая реки,*

⁸ Литературный журнал «Заволжский муравей», № 17. Найдено Г. Тарзамановой. Предоставлено А. В. Осиповым.

*Как славного меча ничтожные обломки,
Теперь умолкнуше лишь славою громки.
Как исчезает всё!.. Но Ангел запустенья
Ужели некогда вспарит и над тобой?
Ужели и твоих изсякнет волн стремленье
И Волга зарастёт болотною травой?
И где суда твои крылатые скользили
Увязнет странника усталая нога?
Куда они с собой веселье привозили –
Осиротелые умолкнут берега!..
Нет!.. бытие твоё до вечности продлится,
Как память ясная великих дел.
Великое в веках безсмертием хранится
И не ему ничтожество – удел.
Ты поражаешь ли поля опустошеньем?
Ты похищаешь ли надежды поселян?
Нет! На водах твоих всегда благословенье
Почит благодарных стран,
Тобой питаемых, тобой обогащенных!
Ты и земли безвредная краса,
И, светлые, в струях твоих невозмущенных,
Как в чистой совести сияют небеса.
Вот образ мирного могущества России!
Её разлив не страшен никому.
Великодушие обуздывает силы,
Всегда, везде покорные ему.
Стремится ль, смелая, на гордые Балканы,
Иль с Араратских гор прольётся на Иран?
Ломаются одни несчастных цепи льдяны,
И усмиряется неистовый тиран.
Зато, когда и прах коварных истребится,
России не придёт конец;
Могущества не скоро сокрушится
Увековеченный добротою венец.*

Таковы построение имени Казань и его ансамблевая смысловая конфигурация лидерства и учения о нём.

Заключим наше исследование смыслового спектра и статуса имени Казань необходимым замечанием. Замечанием о том, что значение лидерства в имени города не обладает свойствами исключительности или предпочтительности. Добротному лидерству как покровительственной гармонике совершенного замысла о жизни равновелико благодатное значение тыла. Оно отображается в сопрягающемся с именем Казань и почтенном для человечества образе котла. Без тыла не может ни наступать, ни удерживаться, ни просто существовать ни один фронт. Без работы тыла невозможна никакая победа. Тыл не даёт остыть жизни семьи и страны, как сельская кузница не даёт

остывать жизни селения. Способность котла быть образом-кодом фоновой функции тыла очень важна для понимания содержания именованной Казань, для понимания места города в иерархически организованной целостности и суперсистеме, называемой страной и цивилизацией. Казань – столица, образ и символ тыла России. Заметим общую смысловнесущую пару ТЛ в словах котёл, тыл, туловище, и в имени Тал мифологического медного великана, оберегавшего от вторжений остров Крит.

Поиск аналогии подходу к построению имени города в решении современных задач. Подход, подобный подходу прародителей к именованию города, присущ разработке и испытаниям такого комплекса, как боевой самолёт. На одной опытной машине оценивается и доводится работа агрегатов (привод управления, редукторы, гидросистемы...). На другой – отрабатывается силовая установка. На машине третьей исследуются и корректируются лётно-технические характеристики. На четвёртой – совершенствуется аэродинамика полёта. Для отработки навигационного комплекса и комплекса вооружения строятся свои машины. Отдельно проверяется способность самолёта выдерживать силовые нагрузки боевого маневрирования. После испытательной отработки всё названное сопрягается, фокусируется в образце боевого комплекса, называемом «эталонным самолётом». Его возможности, превосходящие потенциал машин оппонентов, свидетельствуют о лидерстве мысли страны в авиастроении и материалах для него.

Именование Казань так же эталонно. Его смысловой спектр подразумевает жизнеобеспечивающее значение лидерства мысли о настоящем и грядущем страны, о месте тыла в их надлежащем устройстве, о гармонии небесного и земного контуров управления настоящим и будущим. Попытки истолкования имени города вне этого большого сцепления мотивов, образов и слов схожи с притчей о неосознанности происходящего муллой Насреддином. Священнослужитель обнаружил однажды на своём подоконнике королевского сокола. Мулла никогда раньше не видел такого необыкновенного «голубя». Насреддин обрезал ему клюв, укоротил когти и выпустил сокола, говоря добросердечно в напуганности: *«Ну вот, теперь ты больше похож на птицу. О тебе, видно, плохо заботились».*

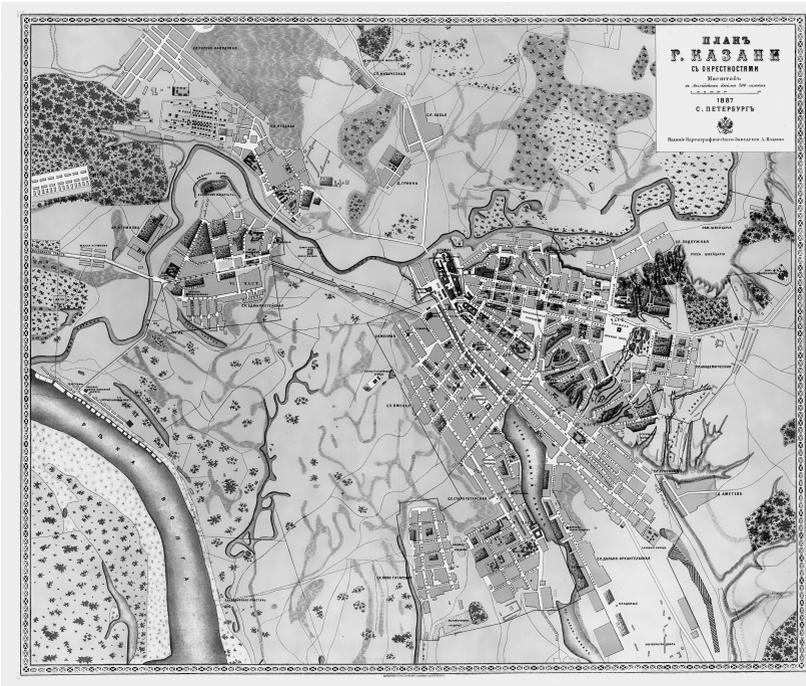

Легенда о месте основания Казани.

Мы выяснили, что имя Казань оповещает о двух сложных и важных функциях в жизни сообщества. Это функции лидерства (казать, показывать) и функции тыла (казан, казна). В разной масштабности, в разных условиях, в разное время лидерство решает задачу управления потенциалом (казна, кадры) и усилиями людей, приводящих в действие производительные силы страны. Легенда о месте основания города дополняет оповещение имени Казань пеленгом места Казани на оси культуры сообщества. За авторами имени города и легенды о месте его основания надо признать и заботу о духовном суверенитете и единстве его жителей. Подчеркнем, что, с математической точки зрения, легенды – отображения. Отображения, по меньшей мере, какой-то части истины. Легенды издавна служат передаче и усвоению сведений, непосильных для интеллектуального инструментария рассудка и обыденного сознания.

Легенда коротка и слажена. По сути, она гласит о концептуальных основах системы власти. За советом о месте закладки города обратились к человеку, значение которого в разных школах мысли описывает синонимический ряд: волхв, маг, чародей, мудрец, провидец, посланник, шейх, избранный сосуд Божий... Мастер дал совет, для нас сверхъ-естественный: *«Постройте город там, где сам собой закипит котёл, врытый в землю».*

В легенде таковое место обнаружили на Булак-речке (рис. 1).

Ознакомимся со смысловыми соразмерностями и связями образов и отношений легенды о выборе места для Казани. При всей краткости легенды, её образы и отношения наделены особенностями, позволяющими сопоставить их со схожими особенностями в различных образных построениях других географических и временных координат. Философия индуизма признаёт в качестве критерия «общая особенность» общее чувственное впечатление от различных объектов. И мыслит одну причину таковой общности. В математике общая особенность служит признаком принадлежности внешне несхожих объектов к одному множеству.

Рассмотрим в качестве признака, единого во многом, особенность сверхъестественности, присутствующую в легенде. Сформируем небольшую выборку с этим признаком. Сверхъестественно закипание воды в котле, врытом в землю на берегу Була́ка. Сверхъестественно умение прочесть письмо, не вскрывая конверта, описанное в египетской сказке⁹. Сверхъестественно путешествие Мухаммата в мечеть отдалённой, предопределившее успех его посланнической миссии и мировоззренческой доктрины. Сверхъестественны фигуры сфинксов, в их числе Зиланта герба Казани. Сверхъестественны силы былинных и мифологических героев. Сверхъестественность присуща зачатию овдовевшей Исидой сына Гора от репродуктивного органа погибшего Осириса, вылепленного богиней из глины взамен съеденного нильскими рыбами. Сверхъестественны неземнородные дарования лидера суфиев и дервишей Кизра, имя которого одного корня с именованием Казань...

Из выборки очевидно, что свойство сверхъестественности как признак принадлежности к множеству не меняется от преобразований фигур группы. Оно присуще всем перечисленным в выборке элементам. Они и представляют собою широкое ассоциативное поле легенды о месте основания Казани. Множество со свойством сверхъестественности как признаком принадлежности к нему даёт пеленг места Казани на прародительской оси и на оси культуры человечества.

Сосредоточимся на соразмерности заставного эпизода легенды. На обращении за советом о месте для города к носителю одухотворённого ума, обладателю первых интеллектуальных и нравственных сил. Обращение – утверждение легенды о благодатности этих сил, об их изначальном первенстве и свойстве единственности. Заставный эпизод легенды – переоформление того же интеллектуального принципа творения, что свойствен космогоническим построениям египетской мифологии.

Утвердив первенство и единственность одухотворённой мысли как меры и порождающей силы, оные космогонии: мемфисская, гелиопольская, гермопольская дружно извещают о первозданном острове, созданном в Океане божественными сущностями. Прежде воссуществовавшими по творческой

---

⁹ Прочтение письма, не вскрывая конверта – метафорический перенос требования к лидерству успешно и устойчиво решать задачи с весьма малой вероятностью их осуществления. Есть и другие образы решения таких задач управления. Это различение горошины сквозь гору тюфячков и перинок в сказке Г.Х. Андерсена. В сказке русской сама управленческая задача того же характера сформулирована так: «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что».

причине самоосознания. В космогонии Гермополя¹⁰ первозданный участок суши в Океане называется «Огненный остров». В легенде о месте основания Казани сверхъестественный образ закипания воды в котле, врытом в землю – отзвук, гармоника, реминисценция гермопольской первосуши с названием «Огненный остров». На карте Казани и её окрестностей (рис. 1) различим остров, что образуется потоками Волги, Казанки и Булака вкупе с цепью из трёх озёр Кабан¹¹.

Следом глубокой архаики исследователи считают версию космогонического мифа Гермополя, в которой на холме изначального первоострова снёс яйцо некий птах с эпитетом Великий Гоготун, невесть как и откуда прилетевший во тьме. Из яйца оного звучного птаха воссуществовал бог Солнца, давшего вещественные свет и тепло. Изображалась птица мифа в виде гуся. Если обратиться к значению «гусь» заставной части «каз» имени Казань, то можно рассматривать и смысловой перенос «гусятница» при истолковании имени города. Истолкование соединяет смысловые горизонты назывной, переносный и горизонт сакральный, высший. Гуси – священные птицы великой богини Исиды в её культе, вышедшем за пределы Египта. «Гусятница» и владычица Исида в образе девочки-подростка украшает ратушную

Рис. 2. Юная Исида с гусями на площади перед ратушей университетского города Гёттингена. Земля Нижняя Саксония. Германия.

площадь германского города Гёттингена (рис. 2).

Гусь, лебедь – древнейшие образы, связанные с ведическим представлением о совершенном свете, прежде всего сущем (царевна Лебедь сказки о царе Салтане А. С. Пушкина, затмевающая собою свет дневной;

¹⁰ Современный Даманхур. Гермополь – греческое именование города. Его Египетские имена – Унут, Ашмунен, Хемену (коптск. Шмуну). Значение коптского именования – «Восьмёрка». Столица XV нома Верхнего Египта. Центр культа бога Луны и мудрости Тота. Греки отождествляли Тота с Гермесом. В описании Плутарха премудрый Тот – «царь жизни богов». Космогония Гермополя вошла в силу более четырёх тысяч лет тому назад.

¹¹ В описании «Илиады» Океан – река.

гадкий утёнок сказки Г. Х. Андерсена как аллегория носителей этого света...). Змей Зилант герба Казани летуч, гусетул и воспринимается людьми как образ первородной доктрины о совершенном свете и укладе жизни. Казанский Кремль стоит на высоком холме на берегу реки Казанки. Не с вод ли Казанки прилетел на огненный гермопольский первоостров звучный гусь Великий Гоготун?

От парадоксальных, на первый взгляд, мысли и вопроса о гусе – совершенном свете космогонического мифа отвлечёмся на почтительное слово прародительским знаниям. Прародительские сила внимания и могущество мысли, забальзамированные в кодах мифологических и ландшафтных образов¹², поразительны. Гермопольская космогония выделяется из других сходством свойств её Океана со свойствами хаоса, сформулированными математиками. Они называют характерной чертой хаотического движения эргодичность (перемешивание) или транзитивность наугад взятой траектории. Последнее означает, что случайно взятая точка со временем побывает в любой заранее взятой окрестности любой другой точки. Похожие свойства гермопольского Океана причинно обусловили появление «атомов мыслей» об упорядоченности и разупорядоченности у четырёх пар божеств, обитавших в первобытных Океане и трясине в облике змей и лягушек. Созидательные силы этой Великой Восьмёрки Гермополя противостояли потенциалу трёх пар божеств потерь, разрушения, небытия. Через десятки веков квантовая хромодинамика откроет, что для поддержания локальной симметрии, возникшей из более простой симметрии глобальной, необходимы восемь компенсирующих силовых полей.

Обратимся к географии и топонимике. На карте (рис. 1) видно, что основание будущему городу положено в месте, разумно отдалённом от русла Волги (на картах Птолемея и византийских Волга названа именем Ра, тождественным имени египетской священной сущности). Военная мысль признает выгодным и два водных контура сообщения города с магистральным потоком Ра: Казанку и Булак. Во время оно протока Булак с её озёрами – это возможность скрытого размещения и манёвра флота; преимущество внезапности его появления.

Булак в татарской речи – подарок. В языке кумыков бълүк – даровая взаимопомощь. В языке цезов, в Дагестане же, булукли – жёлудь. Пропитание для кабанов и крупнейший информационный объект, хранящий программные данные природы о будущем богатыре леса. Кабан – название трёхчастного озера в русле Булака.

---

¹² Художественный образ – способ описания сложного явления в аллегорической форме. Аллегория – отображение сложного простым и доступным пониманию. Примеры воссоздания, моделирования сложного явления в аллегорической форме – миф, притча, народная сказка... Гусь, лебедь – ведические аллегорические образы совершенного довещественного света... Жёлудевидные головы амарнского стиля заменили сфинксов как образное приближение умения распоряжаться данными...

В Средиземноморье кабан был почётным приношением Гераклу на учреждённых в честь героя празднествах гераклеях. В мифологии греческой образы героев Геракла (акль, араб. – ум, интеллект), Персея (pars, лат – часть) соединяют в себе, собою разномасштабные начала. Начало божественное и бессмертное – отца, и земное начало – матерей, отцу повиновавшихся. В школе мысли Китая человек – средоточие Земли и Неба. Модели Греции и Китая совместимы по общим признакам сопряжённости и подчинённости начала земного и начала божественного, меры общей и меры частной. Протока Булак и её цепь озёр Кабан соединяет разномасштабные Волгу и Казанку, обнимающие Казань, подобно соединяющему страны небес и земли контуру работы сознания героев мифов Греции и человековедения Китая.

Рассмотрим Казанку и Булак как дублирующие друг друга пути сообщения. Некогда это дублирование было важным для жизнестойкости города. Два водных контура, Казанки и Булака, прочитываются в контексте мифа об Исиде и Осирисе. Они сходны с двухконтурностью жаберного и лёгочного дыхания рыбы оксиринха, позволяющей переносить безводье. В мифе об Исиде и Осирисе рыбы оксиринх, лепидот (рис. 3) и фарг съели репродуктивный орган Осириса, намеренно выброшенный в Нил братоубийцей Сетом. Ландшафтная особенность двух потоков, изоморфная особенности двойного дыхания рыбы оксиринха – метафорический перенос представлений о жизнестойкости концепций, идей-оснований общественного устройства, олицетворяемых Осирисом в египетской культурной модели. Соприродность образов Осириса и Зиланта герба Казани как грандиозных фигур народного духа засвидетельствована в тексте о значении имени города. С позиций теории признаков неверно не замечать, не учитывать сходство особенностей легенды, имени и окрестностей Казани с образами в египетских и иных построениях ранней древности. Следы движения египетских культурных сил есть и в Прикамье.

Рис. 3. Ископаемая рыба *Lepidot lennieri* Sanvage. Экспозиция Зоологического музея. Санкт-Петербург. Муляж. Дар музея Естественной Истории Гавра. Франция.

Следы движения египетских культурных сил есть и в Прикамье.

Переместимся в культурное поле арабское. Легенда о поиске места для основания Казани именем Булак её объекта с особыми свойствами связана с рассказом о Хасибе и царице змей из «1001 ночи». В рассказе египетский царевич Булукия тоже ищет место с особыми свойствами. Ищет утаённое пространство – исток учения

Мухаммата¹³. Эта линия рассказа из «1001 ночи» – реминисценция

¹³ Появление учения, понимания, озарения, совершение открытия, воодушевление сходны с фазовым переходом в физике. Его простейший пример – закипание воды. Жар углей, вскипание воды, прозрение – суфийские аллегории состояния сознания.

сообщения суры 17 Корана о таинственной мечети отдалённой. Мистический перенос Мухаммата в мечеть отдалённую – предзнаменование успеха распространения его учения. Повествование о Мухаммате наследник престола Булукия находит в сундуке отца. Стремясь больше узнать о нём и о миссии, Мухаммату ещё только предстоящей, Булукия отправляется в странствие. И попадает страну царицы змей Ямлихи. В Каир царевича возвращает Кизр.

Обратимся ещё раз к признаку общего чувственного впечатления. В изданном в Казани сборнике «Из глубины столетий» приводится касающееся змей наблюдение Ахмеда ибн Фадлана ибн ал-Аббаса ибн Рашида ибн Хаммада, секретаря посольства багдадского халифа на Волгу¹⁴. Ибн Фадлан пишет: *«Я видел, что змей у них такое множество, что вот на ветке дерева, право же, иной раз накрутится десяток их и более. Они не убивают их, и они им не вредят. Право же, как-то я увидел в одном месте длинное дерево, длина которого была более 100 локтей (50 м). Оно уже упало. И вот ствол его огромный чрезвычайно. Я остановился, глядя на него, и вдруг оно задвигалось. Это меня устало. Я посмотрел на него внимательно, и вот на нём змея, близкая к нему по толщине и длине. Когда же она увидела меня, она спустилась с него и скрылась между деревьями. Я же пришёл испуганный и рассказал об этом царю и тем, кто был у него на приёме. Они же не придали этому значения, а он сказал: «Не беспокойся, она не сделает тебе вреда».*

Связность легенды о поиске места для Казани и рассказа о Хасибе и царице змей проявляется более в общем корнеслове именовании. В имени Булукия египетского царевича – та же тройка смыслоносущих согласных, что в имени Булак протоки, на берегу которой основана Казань. Тройка работает и в имени Балкис милоликой супруги пространновластного царя Сулеймана из сказки туркестанской царицы в поэме Низами «Семь красавиц». Мера общего корнеслова может свидетельствовать о смысловой соразмерности имён. Об их общем происхождении¹⁵.

Царственность образов разумноустой Балкис и искателя Булукии – признак принадлежности корнеслова БЛК высоким областям жизни сердца и думы. Сцепление с ними тройки БЛК подтверждают числовые эквиваленты. Сумма числовых эквивалентов арабских букв Каф, Лам и Ба равняется 132. Её же даёт пересчёт записанного по-арабски имени Мухаммед (М = 40; Х = 8; М = 40; М = 40; Д = 4). Повторим, что географическое пространство – исток учения посланника Аллаха, ещё только грядущего, ищет египетский царевич Булукия, движимый своими сердцем, думой и вызовом сверхъестественного.

¹⁴ Посольство посетило центр Поволжья в 922 году, прибыв через Среднюю Азию. Подробные записки о путешествии араба ибн Фадлана считаются авторитетными.

¹⁵ Философия индуизма различает за общим чувственным впечатлением от разных объектов один его источник.

Группа согласных БЛК (КЛБ) в арабском языке как раз и указывает на сердце и на придание формы. В спектре значений тройки также идеи отличия одарённостью, лидерства как проявления божественного покровительства. Сердце – суфийский символ природной склонности к тайному, к сверхъестественному, к метафизическому контакту. Сердце понимается древними египтянами как приёмник сигнала сокровенных знаний¹⁶. К функции «придание формы» тройки КЛБ отнесём создание плоти творения¹⁷, речи, выработку мировоззренческой доктрины, концепции, воссоздание цельного облика сложного явления в форме теории и в образной аллегорической форме (царевна Лебедь)...

Имя Казань и сопутствующая имени легенда об основании города – то же воссоздание в аллегорической форме составных частей, иносказательное обозначение необходимых условий движения сообщества к надлежащему содержанию будущего. Объемлющих, как и язык, все сферы жизни людей. В имени города кодировано представление о лидерстве и его качествах. Представление о тыле, что тоже позволяет жизни не остыть. Легенда же о месте основания Казани сочетает город, отчётливо столичный в замысле, и с интеллектуальным принципом творения, и с жизненно необходимым сознанию вызовом сверхъестественного, и с широкими хронологическими горизонтами культуры человечества, и с «импортозаместительным» призывом багдадского суфия Хусейна ибн Мансура аль-Халладжа к самоосознанию и духовному суверенитету: *«Ищи скрытое пламя на своей собственной земле... Недостойно человека одалживать свет где-либо ещё»*¹⁸.

---

¹⁶ *«Я исследую своё сердце, отыскивая то, что не есть Ты. Я не вижу отчуждённости между мной и найденным, только сродство между Тобой и мной»*. Хусейн ибн Мансур аль-Халладж (ок. 858 ... 26. 3. 922), суфийский мастер.

¹⁷ Пребывающее, плоть творения, рассматривается богословами как оформленное писание и речение Всевышнего. Отсюда следует священный смысл существования природы, человека и речи. Форма милости Всевышнего к людям – его посланники и вестники. Пресуществление их и Провидения благодарующих свойств – добротный лидер как необходимая фигура организующего плана. В жизнедеятельности не одних только людей.

¹⁸ Сравни. “Жизнь и труды преподобных отец наших Мефодия и Константина, в монашестве Кирилла, учителей славянских”. М. 2002. *Когда мать, Мария, по рождении Константина, отдала его кормилице, чтобы та выкормила его, он никак не желал питаться чужим молоком, но только молоком матери своей. Очевидно, благочестивая отрасль не должна была питаться чужим молоком.*

Сравни. Книга Притчей Соломоновых. 17:24. *Мудрость – пред лицом у разумного, а глаза глупца – на конце земли.*

Выразительные формы разные. Смысловое содержание – общее.

ПОЧТА РЕДАКТОРА

Алексей Марковский

Путевые заметки о музыкальной моде.

Еврейский театр

На почту Редактора пришло несколько статей неизвестного автора. Они, оказывается, есть и в интернете в свободном доступе, но я их не стал скачивать оттуда, а печатаю так, как получил по почте от автора (так что они «легитимны»), но я их прочитал, чтобы не просочились ошибки. Не буду говорить об их достоинствах и недостатках, мне они интересны как живое свидетельство о жизни разнообразных людей на нашей общей родине.

Объяснюсь подробнее. В советской школе я впитывал одну и ту же твердокаменную идею: **«Россия – тюрьма народов»**. Эту мысль вбивала в наши головы *советская власть*, о которой многие сегодня сожалеют. Возможно, при этой власти блаженствовал желудок, но множество «истин», которыми мы дышали, были лживы и тлетворны. Мне трудно найти общий язык с защитниками советского прошлого (в котором и я вижу положительные элементы, в частности, я был счастлив дружбой с прекрасными людьми ушедшего поколения) – потому что я охотнее сдохну от голода, чем буду задыхаться от лжи.

Россия в 19-м и начале 20-го столетия не была *тюрьмой народов*, не была отсталой страной (сравнительно даже с Францией и Англией), жизнь в России была счастливее, чем в Европе, искусство и наука и культура процветали, кроме старообрядцев не были гонимы (увы, их гонения меня наполняют скорбью) даже иноверческие церкви, даже «черта оседлости» была ничтожным злом в сравнении с преследованием десятков миллионов при советской власти (в том числе и евреев – вы не читали десятки воспоминаний об их сломанных судьбах в СССР?)! Я живу ныне в том числе и в деревне, иногда тащу к их домам пьяных в стельку односельчан, мое деревенское детство прошло при **советском крепостном праве**, читаю о разгроме и сожжении десятков тысяч помещичьих усадеб и православных храмов после революции, – жаль, что царь освободил крестьян так рано! (напишите мне, защитники разгрома!)

Будем печатать в журнале исследования и воспоминания о жизни в СССР и в России – евреям, полякам, немцам, чухонцам, русским, татар, калмыкам, пусть современный человек хоть что-нибудь знает. Рая на земле не было и позавчера. Но **и я и мои прадеды жили, любили, рожали, работали и творили!** И даже были счастливы!

Путевые заметки о музыкальной моде.

Недавно пообщался с некоторыми интересными людьми и решил написание данного весьма неглубокого очерка. Прошу простить!

1. БЛЮЗМЕНЫ И РОКАБИЛЛЕРЫ.

Все началось, естественно- с блюза. А затем случились и рокабиллеры. В Мемфисе и Чикаго, на Миссисипи и вообще практически на всем Юге, Рэй Чарльз и Каунт Бейси со своим певцом Джимми Рашингом, Лайтин Хопкинс и Джо Тернер, Роберт Джонсон и Бэсси Смит, стали исполнять когда-то классический блюз. Традиционными атрибутами классических блюзменов были шляпа и миссисипский галстук, представлявший из себя два кожаных шнура, завязывавшихся на шее. Современные блюзмены пошли дальше, и уже довольно эклектичны в одежде; так например Скримин Джей Хоакинс одет совершенно по-паплиньи и гламурно. Впрочем - это уже позднейшие наслоения к классическому блюзу. Сильное представление о культуре блюза может дать фильм «Перекресток». Так же, как персонажи этого кино, истинные блюзмены помешаны на игре на губной гармошке. Это делает у нас известный тусовщик Игорь «Дырявый Ботинок» Кириенков.

В Питере блюзовыми командами являются THE JAMMIN' HATS и THE BLUES ALLIGATORS. Лидер THE JAMMIN' HATS Николай Northlander Волков выступает, как и положено- в большой шляпе и джинсовой куртке, и естественно- играет на губной гармошке, как и его коллега- «аллигатор» Сэм. Екатерина La Liberte является лидером группы STRAWBERRY FIELDS, которая также играет у нас блюз и ритм-энд-блюз. Также она считает себя и хиппи, но о них позднее.

Рокабилли и психобилли (объединим здесь эти два направления), в нашем городе представляют такие коллективы, как например - MEANTRAITORS (пожалуй - единственная русская современная группа, достигшая клубного успеха на Западе). Как и их британские коллеги- THE METEORS, они укоротили густые преслеивские коки до минимального размера, и они стали чем-то напоминать мини-ирокезы, что и указывает на их родство с панками.

2. ХИППИ И РАСТАМАНЫ.

Про этих напишу побольше, благо материала случайно больше попало. Какие же «прибамбасы» у современных хиппи?

Что касаясь «олд», то у них там «все сложно». Хиппи- это не музыкальное направление, а скорее- культурное явление, поэтому символами хиппи-музыки являлись как гитарист Хендрикс, так и блюзовая певица Джопплин, равно как хардовые ZEPPELIN, и, естественно- как отцы-основатели- THE BEATLES в своем позднейшем проявлении.

Все в мире- причина и повод. Поводом для возникновения субкультуры хиппи была песня «All you need is love». Это было время надежд и время протеста

против войны во Вьетнаме. Все закончилось в 1975-м «Отелем «Калифорния». Ибо, как сказано в популярном фильме советской эпохи: «Земляничные поляны «Битлз» сменились асфальтовыми джунглями панков». Матушка Тэтчер разрушила светлые мечты...

Сергей Иванов, президент клуба «Valhalla R. C.» (г. Ростов-на-Дону):

«На данный момент накопилось слишком много интерпретаций термину «хиппи», но изначально слово обозначало «людей, осознавших самих себя и окружающую природу, мудрых в отношении познания добра, равенства и братства, противостоящих силам зла с помощью любви». Углубившись более конкретно в лингвистику и идейность понятия, можно выделить основу «хипи», человек, который понял или осознал что-либо. Длительное время как такового «хиппи» не существовало, «дети цветов», «прекрасные люди» никак кроме себя не называли. Лишь 5 сентября 1965 года Майкл Фаллон, впервые, в одной из газет Сан-Франциско, использовал именно «хиппи», описывая странных молодых людей обоего пола, с длинными волосами, в разноцветных одеждах, с пестрыми повязками на руках, ногах, голове. Ох как встали костью в горле власть держащих эти самые волосатики! Они напомнили не только Французскую революцию и Великий переворот 1917 года в России, но и явились знаменем относительности денег и могущества правящих кругов. Народные бунты и революции богачи, обворовавшие бедных, будут бояться всегда, до кончины самой Истории. Мысль о возможности потерять банальное, во многом духовно ничтожное, злато вызывает у них судороги дикого безумия, сомнений, что в свою очередь порождает страх»)

Появление острого числа свободомыслящих людей, т.е. хиппи, вызвало, судя повсему, именно такие мысли. Цель оправдывает средства. Не важно, что среди хиппи свои же сыновья, дочери, братья и сёстры. С ними стали бороться очень забавным способом. Вхожие к ним агенты подталкивали к наркотикам и содомии, утверждая, что так все достигнуто нирваны. Случился удивительный парадокс – нирван наступила на самом деле, на некоторой период. Ещё не было тяжёлой наркоты, но уже была благодатная травка, ещё не было асексуального разврата, но уже была свободная гетеросексуальная любовь»

Послушаем Екатерину La Liberte: *«Разноцветная одежда, конечно, также является намеком на всякие наркоманские глюки, на психоделический опыт того, кто ее носит. Моя яркая одежда отражает мой богатый внутренний мир, рваные джинсы и фенечки, и распущенные волосы - свободу и пацифистский настрой».*

Вера Матвеева, студентка филфака СПбГУ, писала курсовую работу, в которой подробно исследовала феномен хиппи, и изменение их образа во времени.

Многие атрибуты хиппи, такие как «Волшебная Шляпа», активно используются в общемузыкальной тусовке. К примеру- на квартирнике у Глеба Пинского на «Чкаловской», когда нужно собрать деньги на «отбитие» билетов иногородним гостям. Многие музыканты и слушатели носят фенечки и ксивники, и это никого давно не удивляет, хотя их первоначальный «сакральный» смысл давно потерян.

Растаманство - направление, возникшее на Ямайке, и втайне проповедовавшее стремление ямайцев(то бишь, по крови- африканцев),на историческую родину. Можно сказать, что это тоже хиппаны, тока черные. Многие воззрения и атрибуты схожи с ними.

Три основных цвета - красный, желтый и зеленый, у растаманов символизируют, соответственно: кровь(?), солнце и землю.

Впрочем, в последнее время в растаманство проникла эклектика, так, например, Сергей Шиподько из группы ПАРОВОЗ ДО КУБЫ использует в своей повседневной одежде, и в сценических выступлениях также и глэм-вещи, такие как сваренную одежду,handmade и значки. Не правда ли-напоминает чем-то моду 80-х.?. Для выступления в более «пафосных» клубах Сергей надевает разные цветные кофты.

Регги-танцоры (ragga-jungle),одеваются в свободные штаны, используют специальные тапочки и кроссовки для танцев.

3. ПАНКИ И МЕТАЛЛИСТЫ.

Или может, следовало бы написать: «Металлисты и панки»(?);хотя RAMONES поначалу «панк» не играли, а BLACK SABBATH так никакой субкультуры лично собою не создали?

Но это все лирика. Нас же интересует нынешнее время. А в наше время в России «идейных» панков не то, что почти, а вообще не осталось.

Как говорит Виктор Бокон из группы НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:

«По жизни я одеваюсь обычно: брюки, рубашка, туфли, куртка. В последнее время редко одеваю гады, казаки, кеды, даже косуху.»(лексику и орфографию для убедительности, как и в предшествовавшей прямой речи оставляю без изменений).

И вот еще его слова: *«Ну..... сложно себя к кому-то приписывать.....: что-то из "Русских рокеров", что-то из "Панков", "Хипи" много-много....вообще по жизни я нигилист больше!»(смайлик- его)©*

Да и вообще- английский истинный панк уже не в фаворе. На его место пришел полукоммерческий «калифорнийский» стиль, который развивают многие питерские коллективы, например, КАРУСЕЛИ. Многие люди из тусовки уже и не понимают таких личностей, как Никонов, которые пишут социальные тексты, и советуют им, если им что-то у нас в стране не нравится, уезжать за границу, благо ныне есть такая возможность.

Металлисты - люди в принципе необщительные, и никто мне интервью давать не захотел. Одно могу сказать - самые депрессивные из них - это «блэки». И бухают металлоги тоже нехило. Вот наш первый барабанщик Витя, вообще, как говорится - не «вылезал».

И еще металлисты даже летом ходят в косухах и кожаных сапогах. Да вы и сами знаете, видели!:)

4. АЛЬТЕРНАТИВЩИКИ И ЭМО.

Про «гранж» писать не буду (см. мою предыдущую статью «Отрыв»). Напишу про их последователей и «губителей».

С 1995 г. в мире музыки безраздельно царствовала так называемая альтернатива, которую можно разделить на 4 основных подвида: индастриал, пост-гранж, рэп (фанк)-кор и пост-хард-кор; причем, надо сказать - многие группы, начинавшие играть в одном ключе (к примеру - рэповые PAPA ROACH), в дальнейшем меняли свои пристрастия и прогрессировали уже в другом направлении (в данном случае - в сторону хардкора). Мода на определенную одежду у «альтернативщиков» не так строга, и поэтому обыватель может их отличить только по количеству и качеству пирсинга.)

И мы все, конечно, понимаем, что окончательный анализ этого музыкального стиля и «раскладывание по полочкам» будут осуществлены только по прошествии некоторого количества времени, и - будущими исследователями, для которых все это уже не будет современностью.

В середине 2004 года мой друг Винсент рассказал мне про появление «новых людей» - эмо.

Так как же должны одеваться «новаторы»? Мой друг эмо Женя Real-Sugar Сладков (ник в контакте может быть другим, не суть☺) так ответил на мой вопрос: «*Привет! даже незнаю.. в принципе эмо все разные должны по идее быть.*» (тоже оставляю как есть)))))))

Григорий Гавриленко из группы NEIROSFERA: *«Ну если кратко, то одежда не должна чего то значить, одежда, как и музыка у каждого человека ассоциируется с определённым образом жизни и образом мышления...»*

Следовательно: эмо-бой и герлы не обяз одеваться в розово-черное и носить на сумках плюшевых мишек; поэтому Наталья «Несс» Ракицкая – вокалистка TOY FABRIQUE, совсем не эмо, хотя и увлекается «мягкими игрушками», а музыка ее группы слишком тяжела для «эмоционального рока». Действительно- нынешние «эмо» и «скримо» вряд ли тождественны тем музыкантам «вашингтонского саунда», которые рубились в 80-е.

А вы никогда не задумывались: культура «эмо-деток» абсолютно инфантильна по своей сути. Вы можете, например, представить себе взрослого «эмо» (!!!), в отличие, например, от взрослых панков или старых металюг в цепях? ..

На этом закончу свой краткий очерк, не ставивший целью полное изучение вопросов музыкальной моды, а просто зафиксировавший некоторое мое умонастроение.

До новых встреч!:)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЕВРЕЙСКОМ ТЕАТРЕ.

Начиная свои заметки о еврействе в театре, сразу оговорюсь, что не претендую на научное исследование в данной области. Скорее, предлагаемая читателю статья является художественным осмыслением этой темы, сделанным литератором, а не учёным. Здесь я постараюсь рассказать о собственных архивных изысканиях, а также провести небольшой литературный анализ некоторых произведений. Если бы я стал вдруг пересказывать труды других авторов, это напомнило бы советский анекдот о защите одной дамочкой диссертации по «Истории КПСС». Там она постоянно ссылалась на цитаты из Ленина, Маркса, Крупской, пока какой-то «продвинутый» оппонент не указал ей на то, что пора кое-где вставить и собственное мнение.

До сих пор тема еврейского театра является малоизученной искусствоведами. Конечно, по сравнению с 90-ми годами прошлого века, монографий на эту тему стало больше, открылись многие архивные документы, с которых был снят гриф секретности, но тем не менее, информации всё равно хочется побольше.

Если мои читатели захотят получить подробный рассказ о конкретных датах истории еврейского театра в России, то могу отослать их к таким монографиям, как «Еврейский театр в Петербурге» Е. М. Биневича и «Национальные театры Петрограда-Ленинграда (1917 – 1941)» Т. М. Смирновой. В мою задачу это не входит. Множество архивных данных собрано в специализированном издании РГГУ «Документы по истории и культуре евреев в архивах СПб». Сейчас та же группа исследователей подготовила подобный справочник по архивам Москвы.

Традиционными театрализованными представлениями у евреев, начиная с эпохи позднего Средневековья являлись «пуримные спектакли» («пуримшпили»), а также ханукальные постановки. Они основаны, соответственно – на книгах Эстер (Эсфирь) и неканонической 1-ой Маккавейской книге Библии. Трактовка сюжетов в народных спектаклях могла быть довольно вольной и соответствовать культурно-исторической среде, в которой существовала данная община. Между прочим, тот же РГГУ провёл ряд фольклорных экспедиций, во время которых специалисты общались со старыми евреями, которые в детстве, находясь в «черте оседлости», запомнили некоторые детали традиционного празднования. «Крайняя» экспедиция состоялась в 2009 г. До нашего времени во многих еврейских общинах и синагогах ставятся пуримшпили и спектакли на Хануку. Современность наложила отпечаток на их семантику. Так, например, ортодоксальным предшественником пуримшпиля являлась костюмированная служба в синагоге, во время которой иудеи трещали в трещотки. Интересный обычай: во время праздника выбирали «пуримного раввина». Так сводили счёты с нелюбимыми руководителями общины. Действие же современной версии может происходить где угодно – в модном ресторане, или во Флоренции времён Возрождения, в Москве 30-х

годов, или в эпоху стилиг 60-х. В наше время принято устраивать масштабные представления и на Рош-А-Шана (еврейский Новый Год). Большинство еврейских постановок выдержаны в традиционном национальном ключе, когда эстрадные номера чередуются с драматическими сценками, а в духовных организациях – ещё и с проповедями.

Против создания национального еврейского театра было не только царское руководство Российской Империи, но и ортодоксальные еврейские раввины, противившиеся всему новому, а также – ассимиляции евреев в русской культурной среде. Весьма неоднозначную деятельность во второй половине XIX в. вёл Натан Ротшильд. В 1863 г. он начал финансирование в Санкт-Петербурге «Общества для распространения просвещения между евреями в России». Декларируемой в уставе Общества задачей являлось прививание у российских евреев интереса к русскому языку и литературе. На самом же деле тайной целью этой организации было изучение иврита и последующая эмиграция в Эрец-Исраэль. История, конечно же – расставит свои акценты относительно деятельности семейства Ротшильдов (как отрицательных, так и положительных), и их многовекового влияния на мировую геополитику. С другой стороны, довольно презрительное отношение было у представителей Гаскалы (еврейского Просвещения). Они возражали против театральных представлений на языке идиш, который ошибочно считали остатками древнего иврита. По их мнению, он был слишком искусственен и просторечен. На самом деле идиш, как доказано филологами, не принадлежит к группе восточных языков, являясь новоевропейским наречием.

В Российском государственном историческом архиве сохранились документы, рассказывающие о пьесах на еврейскую тематику, ставившихся в Российской Империи. Большинство из них готовились для Киевского театра. Это объясняется «чертой оседлости». Не обладаю информацией о том, играли ли на киевской сцене еврейские актёры, либо роли иудеев исполняли русские и украинцы, но факт остаётся фактом: многие произведения разрешались к представлению. Иногда еврейская тема пробиралась и на петербургские подмостки, как например – опера «Юдифь» А.Серова. Примечательно, что костюмы для спектакля выполнил художник и археолог Н.Набоков, сделавший эскизы на основе исторической реконструкции.

Примечательны сюжеты некоторых пьес. Приведу содержание двух из них, т.к., их не ставят на современной российской сцене, поэтому хочу познакомить с ними читателей.

Вот, например – трагедия в 3-х действиях в стихах «Маккавеи». Признаюсь, найдя в архиве документ о разрешении её к постановке, я ожидал, что фабула основана на событиях библейской истории. Каково же было моё удивление, когда я узнал, что главными действующими лицами являются еврейка Соломония и её сын с греческим именем Марцелл. Марцелл влюблён в язычницу Антигону (!!!), при этом он холоден к своим согражданам. В Антигону влюблён и главный антагонист Антиох. Живя в царском дворце, она втайне поклоняется израильскому Богу. Вместе с Марцеллом она планирует побег, чтобы собрать верную дружину и сбросить наместника. Антиох

распознаёт планы молодых людей и предаёт их жестокой казни. В катарсисе злодей познаёт истинного Бога и впадает в отчаяние. У меня сложилось впечатление, что сюжет пьесы находится под явным влиянием греческих трагедий.

Ещё одна история: пьеса «Расправа пана Тысяцкого». В реляции указано, что она «написана для народа» и в связи с этим разрешена к представлению. Кроме того, в заключении сказано, что пьеса «не содержит ничего предосудительного». Главный герой – еврей-корчмарь Берко. Однажды в его питейном заведении гостит казак Хома Передеринко.

В подпитии казак говорит, что хотел бы знать, сколько стоит кусок золота с кобылью голову. Берко, уверенный в том, что Хома действительно обладает этим сокровищем, захотел выманить золото как можно дешевле. На самом деле оказалось, что казак видел такой кусок только во сне. Берко поздно спохватился! Еврей подал на хохла жалобу, но своими словами Хома впоследствии оправдался перед Тысяцким. В это самое время в корчму прибывает сам Тысяцкий. К нему приводят цыгана, обвинённого в конокрадстве. Тот оправдался тем, что лошадь, которую он якобы украл, лежала на издыхании посреди дороги, и ему пришлось через неё переступить. В это время лошадь понесла, и цыган оказался верхом на ней.

Также в Государственном историческом архиве мы встречаем запрещение на постановку фантастической драмы в 5 действиях «Вечный Жид». «На основании реляций 13 июня 1853 г. запретить 1 декабря 1861 г.». Она предполагалась к постановке для Кронштадтского театра, «была на рассмотрении цензуры и запрещена для представления». Известно множество литературных произведений об Агасфере (Вечном Жиде), но самой популярной в России книгой почему-то является весьма посредственный беллетристический роман Эжена Сю.

Зато Цензурной (Пятой) экспедицией Третьего отделения «к представлению одобрена» 14 января 1861 г. драма в 5 действиях и 7 картинах «Манихим Бен Израиль» драматурга Золотова. Сюжет заимствован из романа Шпиндлера «Еврей». «По справке к протоколу возвратить». Пьеса также предназначалась для Киевского театра.

Редкий случай для того времени – 19 октября 1865 г.: «Доклад цензора о рассмотрении пьесы Мазенталя «Дебора» в переводе А. Иванова («...не содержит ничего предосудительного, была на рассмотрении цензурой и дозволена к исполнению»). Это рапорт Главного управления по Делах печати. Цензор Нильский.

Официальной датой создания первого профессионального еврейского театра считается 1876 год, когда Авраам Гольдфаден основал первую постоянную труппу в Яссах. Правда, уже с начала XVIII века некоторые ашкеназские коллективы ставили пуримшпили за деньги. В Яссах же впервые был представлен оригинальный репертуар, фундаментом которого были пьесы самого Гольдфадена.

Со второй половины XVIII века еврейских бродячих актёров называли «бродерами». Существует две версии появления этого названия. Первое: по

названию г. Брод в Галиции, где это движение обрело рождение; вторая: по имени Берла Бродера, создавшего в середине века первый певческий ансамбль, который гастролировал в местечках Галиции, Румынии и Подолии.

Теперь, что касается города на Неве. После революции в Петербурге стали возникать многочисленные еврейские труппы. Почти все они, в том числе – Еврейский театр-студия (будущий ГОСЕТ), носили полупрофессиональный характер. Творческие коллективы обычно занимали небольшие помещения. Многие коренные ленинградцы и не знают, что в послеоктябрьском Петрограде, так же как и в Москве, был свой Малый театр. Он находился на набережной реки Фонтанки, 65. Именно на этой сцене в мае 1919 г. впервые дебютировал Еврейский камерный театр (ЕКТ), как стали называть театр-студию.

Нельзя не отметить работу в ГОСЕТе таких выдающихся художников как Марк Шагал, Натан Альтман и др. Об этом много написано. В отличие от них Моисей Левин оформлял спектакли в ленинградских театрах, и это никак не было связано с еврейской тематикой. Предположительно он учился у Альтмана. Начало карьеры Левина связано с ТЮЗом, где он оформил декорации и костюмы к спектаклю «Дон Кихот». Он был главным художником Театра Комедии, БДТ и Театра Марионеток. С 1935 г. он начал работать на «Ленфильме» и таким образом, стал связан ещё и с кино. Впоследствии ударился в экспрессионизм. Его работы всегда отличались авангардизмом, неожиданными ракурсами, смещёнными плоскостями.

Классиками еврейской драматургии стали в тот период Шалом-Алейхем и Шолом Аш. Впервые из-под их пера вышло достоверное описание местечкового быта. По сравнению с их реалистической прозой и пьесами, И.Л.Перец начал использовать в своих произведениях приёмы символизма. Это отчётливо видно в таких его опусах, как: «Луна рассказала», «О чём поёт скрипка» и «Ночь на старом рынке». Перец был также режиссёром своих пьес в Одесском театре. Универсализм, сочетание функций драматурга, режиссёра и актёра вообще было свойственно крупным еврейским деятелям театра. Таковыми были Гольдфаден, Грановский, Михоэлс.

К символическому направлению можно отнести и «Голем» Г.Лейвика. Конечно же, сразу напрашивается аналогия с гораздо более известным одноимённым произведением – романом Майнринка. Написанные примерно на одном историческом отрезке, они – тем не менее, являют собой разные жанры. Немецкий писатель лишь вскользь упоминает старинную легенду. Она является только исторической декорацией для бытово-мистической пьесы про взаимоотношения скромного резчика камней с окружающим его городским миром Праги начала прошлого века. Написанная в 1921 г. драма Лейвика была мрачным пророчеством грядущей Катастрофы. Но и во время Второй Мировой – в гетто, евреи умудрялись ставить сценки из спектаклей, в том числе – и из «Голема».

Знаменитый «Гадибук» Ан-ского основан на проведённых его автором этнографических экспедициях в местечках, где местные жители рассказывали ему старинные притчи.

В начале 20 века евреи-издатели в Петербурге выпускали журнал «Дневник театра и искусства».

После Великой Отечественной войны был закрыт единственный оставшийся в СССР еврейский театр – ГОСЕТ. Какое-то время существовал только его Биробиджанский вариант, да и то некоторый период он только по документам находился в Биробиджане, базируясь в Москве. В 1987 г. в столице был открыт театр «Шалом».

В настоящем театралам можно посетить несколько спектаклей на еврейскую тематику, идущих на петербургских подмостках. Отмечу самые яркие постановки, такие как: «Поминальная молитва» Г.Горина по мотивам рассказов Шолом-Алейхема, в Театре на Литейном и в «Комедиантах»; «Крики из Одессы» И. Бабеля в Молодёжном театре на Фонтанке; «Еврейское сватовство» Й. Бар-Йосефа в Театре на Васильевском; а также оперу «Иудейка» Ф.Галеви в Михайловском театре. Сообщу, что название «Иудейка» является политкорректной формой первоначального названия произведения – «Жидовка». Действие оперы перенесено из эпохи Возрождения в фашистскую Германию.

Лирическое отступление: во время посещения театра на Васильевском сади меня сидел очень нетрезвый мужчина, неведомым образом проникший на спектакль. Во время пьесы он громким голосом повторял за актёрами все их реплики. После того, как его призвали к порядку, он заснул прямо во время представления, и оглашал зрительный зал громким храпом.

Есть желание сравнить две из вышеперечисленных постановок, поскольку, как мне кажется, они характеризуют два различных подхода. Спектакль по «Одесским рассказам» Бабеля не отклоняется от аутентичной фольклорной канвы первоисточника. Там в изобилии присутствует еврейский юмор, стереотипические характерные черты и музыка народов Малороссии. В противоположность Театру на Фонтанке, герои «Еврейского сватовства» оторваны от привычной культурной среды. Всё «еврейство» в этой камерной пьесе с небольшим количеством действующих лиц заключено в том, что иногда один из главных героев к определённому случаю вспоминает какую-то из библейских мудростей.

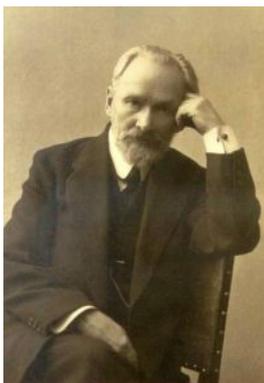
Буквально на днях познакомился с ещё одним питерским и еврейским драматургом. Зовут его Игорем Иосифовичем Мощицким. Он является членом Гильдии драматургов. Пьесу под названием «Звезда из местечка» лично я увидел на фестивале в Доме актёра, а ранее она ставилась в театре «За Чёрной речкой». Игорь Иосифович – автор многих драматических произведений, в том числе – ещё одной на иудейскую тему – «Ничья со смертью», но мне хочется поговорить о «Звезде». Пьеса пронизана еврейской культурой, как мир Божественным Светом. В ней присутствуют, в хорошем смысле, все основные жанровые клише, например – режиссёр и актриса репетируют сцену из «Уриеля Акосты», а потом Абель произносит шекспировский монолог Шейлока. Одним из актёрских тренингов, предложенных Стельмахом своей «блуждающей звезде», было произнесение скороговорок с использованием шипящих звуков.

Используя фразу из спектакля Мощицкого, можно чётко сказать, что еврейский театр не «мёртв, как кладбище».

VI. ИСТОРИЯ В ЗЕРКАЛЕ ПИСАТЕЛЬСКИХ СУДЕБ

В. И. Чернышев
Предисловие Редактора

В. В. Розанов

Перед Сахарной

Василий Васильевич Розанов (1856 - 1919) - русский религиозный философ, литературный критик и публицист, один из самых противоречивых русских философов XX века.

В. И. Чернышев. ПРЕДИСЛОВИЕ к книге Розанова.

У Розанова интересно всё. Можно уехать в деревню, обложиться его книгами, зажечь печку или камин, поставить на стол свечу, бутылку сухого вина – и долго-долго читать всё день за днем – во-первых, получится большое удовольствие от чтения, во-вторых, многое в мире станет понятно, предстанет в виде некоей более стройной системы – хотя и не всё, не до конца.

В его книгах не философия мира, а размышление о мире, выраженное в деталях, *в подробностях*. Как известно, дьявол скрывается в деталях, то есть в *подробностях* – ну а раз дьявол, то и Истина, ибо без дьявола истина НЕ полна. Итак, чтение Розанова интересно, но и полезно, оно необходимо для познания Истины. Но и Библия необходима, вместе Ветхий Завет (то есть собственно Библия, книга евреев, Священное Писание еврейского народа, основание иудаизма) и Новый Завет (Священное Писание Европейских народов, отчасти Ближнего Востока... не будем говорить о других, другим оно слегка навязано, это уже между прочим...) Но и Маркс, и Вейнингер, и Фрейд, и Мережковский... И русская классическая литература, и Серебряный век, и Константин Леонтьев... И... Господи! ... Но тогда что я могу сказать попугачу на дороге, автомобилисту, который меня подвозит до станции? Что ты уже опоздал, надо было начать читать лет хотя бы с пяти, как я, тогда к ста годам... или чуть раньше... может быть истина бы тебе и забрезжила? И своему внуку Паше правильно я внушаю, что давно уже пора бегло читать, скоро мальчику четыре года, а у него еще внимание рассеяно, нехорошо... Надо спешить. Я еще должен успеть проконтролировать этот важный, важнейший путь познания Истины!!! (В Новом Завете слово **книжники** употребляется осудительно раз четыреста, про Истину говорится три раза, и вразумительно только то, что сказал Христос про себя, мол это он и есть Истина. И богословие в основном отвергает Культуру, то есть и философию, то есть как раз все то, где про Истину говорится больше всего, и Церковь... А я с современными епископами даже выпивал, со многими разговаривал, многие мне понравились... я издал немало крупных богословских трудов, например Дионисия Ареопагита, ранее не издававшегося в России... или так, в отрывках... Как-то на Новый год пил с духовником тогдашнего *«главного в государстве, идущего по капиталистическому пути»* (как говорили китайцы при Мао), и он на меня произвел весьма благоприятное впечатление!

К чему я это всё вспоминаю? К тому, что среди священнослужителей не меньше умных людей, чем среди мирян (хотя их вообще не так много, как иногда думается, и среди писателей и ученых их не больше, чем среди крестьян или тех водителей, которые останавливаются на дороге, чтобы меня подвезти – таковых пять процентов от всех).

Но Розанова я помещаю на этих страницах не потому, чтобы о нем написать, восхваляя себя, и не потому, чтобы вас просветить (Муриков и без меня его прочитал внимательнее чем я), и не для того, чтобы себя подкрепить, свои истины – он так «расхристан», что неизвестно, больше подкрепляет или сводит с ума – но сие необходимо для **журнала**, для обоснования его

направления, политики, состава, аромата... Я Повар, я варю журнальную похлебку, по стенам висят пучки трав, овощей, в пакетах пряности, специи, в ларе картошка, капуста... можно ведь всего наобум накидать – будет невкусно, даже несъедобно... Можно долго рассматривать, сравнивать, размышлять... выкипит вода, прогорит огонь, мы, читатели, останемся голодными ... Но я талантливый повар, кидаю как будто наобум, но во мне есть **вкус, мера, интуиция**. Номера журнала делаются как будто и в спешке, а потом смотрю: Ай да Пушкин... то есть, нет, *ай да Васька, ай да ...* ммм... *ёшкин кот!*

Но еще не всё. Я математик. Вы помните теорему Пифагора? Треугольник со сторонами 3, 4, 5 оказывается прямоугольным, в Древнем Египте с его помощью строили прямой угол. Указанные натуральные числа называются *египетскими*, а все остальные подобные тройки чисел – *пифагорейскими*.

Таких троек чисел (напр. 5, 12, 13) бесчисленное множество. Теорема Пифагора увязывает бесконечность в один мешок, все сии тройки в ней содержатся. И хотя подробности гораздо живее, зримее, осязаемее общих философских рассуждений, в подробностях содержится жизнь и человек, а в общих рассуждениях «мир в целом», народ, бытие, пространство, время, Бог,... ни черта в них не содержится, я вам скажу, если бы содержалось, то я и не печатал бы и не читал Розанова, Мережковского, Толстого, Достоевского (учитывая еще, что как философы последние *так себе*...) Философия жива и содержательна лишь постольку, поскольку она является рассуждением о конкретной жизни, судьбе, литературе, Войне и мире, Братьях Карамазовых. Я написал гениальную книгу «Легенда о великом инквизиторе» – но моя ли это заслуга? Это всего лишь **Книга отражений**, как и всё, что я пишу. Я счастливым образом отражаюсь от гениев, поэтому что-то из себя представляю (а журнал отражается от его авторов, которых мы вместе собрали, не один я, и я еще отражаюсь от журнала). (Кстати, кроме *пифагорейских чисел* есть еще «спичечные коробки», аналогичные прямоугольным треугольникам, с целыми ребрами и диагоналями, например, три таких коробка с диагоналями 3, 7, 11 – и далее до бесконечности – открыл ВИ. Числа сии называются **ведьминскими**...) (Вспоминаете, почему? Упоминаю же, чтобы знали и трепетали. Не из-за меня только, а из-за АС.)

Но все же, если всю Истину выводить из *подробностей*, даже из 137 томов лучших философов, из 713 томов лучших богословов, из 7219 томов лучших писателей, то нашей жизни не хватит, и мой внук Паша истину не узнает тоже. Посему я пытаюсь привлечь математику. Она позволяет все натуральные числа свести к одному символу N , все нечетные – к $2N + 1$, ПРОСТЫЕ, увы, не сводятся к формуле... но зато *пифагорейские* сводятся, а *ведьминские* хотя еще я не свел, но это уже скоро.

Каковы основные темы журнала?

1. **Детки** (Тут и по Достоевскому, и по Розанову, и в «Братьях Карамазовых», и в «Легенде» Розанова, и в его «Семейном вопросе», и у меня на деток завязана вся критика и все противостояние христианству, связанное с его злым отрицанием «плотской» любви).

2. **Евреи и масоны** (тема Розанова и Мурикова: причины Русской революции, причины несчастий России). И вдруг я чувствую: *Надоело!* Устал. Всё евреи и евреи, одни евреи кругом, да столько евреев и во всем мире не найдется! Даже если они плохие, то рыдания по поводу их «плохоты» напоминают рыдания родителей двоечников в пригородной школе: *Дети наши были золотом! Да вот связались с городской шпаной!*

Где они ее нашли? Отчего связались? Отчего мы, остальные, даже в темноте об них не споткнулись?

И еще вспоминаю. В Девяностые годы нашему Издательству в чем-то пытался помочь Дм. Сергеевич Лихачев (а ведь мы издали величайший памятник Русской письменности, один из семи великих в Европе, рукописный свод с 700-ми акварелями – и если б не я, то Россия лишилась бы своей Великой национальной реликвии, ибо рукопись уже обветшала, краски стали осыпаться, даже слайды выцвели – но, правда, именно за ее издание меня и посадили в 2004-м году, зря Критик думает, что я обижен на советскую власть – не на советскую, а на всяческую, в России власть только об одном и мечтает, как пишет не то Салтыков не то Чехов: *Хватать и не пущать!*) Но Дмитрий Сергеевич хотя и был академиком, но властью не был, и одному знакомому я и похвастался, что вот-де он печется о нас. «Да ты что?!!!! – воскликнул знакомый, воздев руки. «Да ведь он же ма­тёрый масонище!!!!»

Нет, ребята, так мы скоро можем совсем «зыхать з глузду!» Поэтому от темы Розановской я хотя отстать не могу, но надо спокойнее все взвесить и соразмерить, в том урагане, который нас сносит, они не повинны, они такие же матросы на корабле как и мы. В Гитлере было столько ж еврейской крови, сколько и в Ленине, так что же, именно эти капли и создали русский интернационал-фашизм и немецкий национал-фашизм? Не всё сходится. Если даже Маркс, Вейнингер и Фрейд тлетворны (как и Ленин и Гитлер), то почему я, русский из русских, единственный из русских нашел ошибки и в марксовой «прибавочной стоимости», и в ленинской борьбе до истребления, а остальные им молятся? Евреи заставили? А я с ними дружу. И не заставляют они меня Марксу молиться, а даже над моим пристрастьем к нему смеются.

Кстати, это мне обыкновенная женщина подсказала, что *в основе результатов деятельности лежит энергия деятельного человека, умноженная на мысль и организацию труда – но НЕ труд сам по себе*. Смотри, говорит она, вот стоит автомобиль наш на всех парах, ревет и пыхтит, и жрет бензин, но пока мы за него не сядем, проку от него никакого!»

3. И все остальное, что в этой главе Розановских размышлений я представляю теперь вашему вниманию, именно теперь в этом номере необходимо, **фобии и филии**, о которых пишет А. Медведев в очерке о Салтыкове-Щедрине так необходимо перекликаются с нашей нынешней судьбой. «*После Гоголя, Некрасова и Щедрина совершенно невозможен никакой энтузиазм в России. Мог быть только энтузиазм к разрушению России*» – пишет Розанов. Слово это не Достоевский отравил нас всех рассказом об изувере-крепостнике, затравившем ребенка собаками, так что кроткий Алеша Карамазов так восклицает на вопрос Ивана, что надо бы сделать с этим помещиком: РАССТРЕЛЯТЬ! И именно этот рассказ в нашей

крови, русских читателей, и не из-за Салтыкова Александр Блок в своих записных книжках в 18-м году оправдывает сожжение Шахматова и своей библиотеки крестьянами, дескать, помещики, баре своим господством их довели до этого. Блок вместе с большевиками, он вместе и с теми, кто сжег сто тысяч дворянских поместий, все серебро, украшавшее деревенскую Русь, кто сжег пятьдесят тысяч православных храмов, всю позолоту Земли Русской.

Я прочитал воспоминания учителя о погроме одного помещичьего гнезда, и две ночи не спал. Вы не знаете, сколько за эти сто лет (а не только в революционные годы) погибло книг, рукописей, икон, картин? Изделий из дерева, бронзы, драгоценных металлов, мебели и украшений? Паркета, лепки, садов и парков? Столярами и резчиками, плотниками и каменщиками, даже иконописцами были бывшие деревенские жители, отправлявшиеся в города на заработки – результаты именно их труда и их жизни уничтожил революционный народ. Возможно, сознательно. Определенно, сознательно. Это было восстание «Большого народа», тлетворного, на «малый народ», отмеченный печатью божией, но не против «крепостного права». Лемма Шафаревича оказалась права, только наоборот. Это не страсть к пролитию крови, не алчность по крови, не каинова печать – но ненависть высокого к низкому. Есть множество рассказов о том, как матросы вели себя в Зимнем Дворце, как жгли на паркете костры. Кто защищает диктаторов, тиранов, владык? Народ содержит в себе не только страх перед властью, но восхищение ею, любовь к власти, которая его угнетает.

И теперь пусть читатель читает очерк Розанова, соединяющий в единое целое множество разнородных очерков, представленных в нашем журнале.

Но в чем моя миссия? Я должен переделать «Работу над ошибками» русской философии и литературы. Если они правы, если и христианство было Истиной, и Церковь и Царь – тоже, то – почему же произошла Революция?

В. В. Розанов

Перед Сахарной

В-я привезла на Рождество две двойки, по немецкому и арифметике. Ее встретили сухо и почти не разговариваем. Она опешила. Заглядывает в глаза, улыбается виновно и заискивающе, но мы не обращаем внимания. Однако, когда прошли дни, – ее впустили в комнату к Шуру, куда собрались две курсистки, она сама (Шура¹) и все детишки.

Я что-то копался, когда вошли в кабинет и сказали: "Идите к нам, папочка: как весело". Скучая, что оторвали, – я, однако, вошел.

На полу – "подножках" и табуретках – разместились, кроме трех больших – все маленькие: Таня, Вера, Варя, Вася, Надя. Все были в ажитации, и, когда я тихо сел, – почти не заметили.

Играли "В свои мнения". Эти "мнения" составляли определения вещей, имя коих писалось на бумажке.

Меня поразили многие из мнений, и, когда все кончилось, – я захватил бумажки и здесь воспроизвожу их.

Вопрос: Что такое цветы?

"Цветы одушевляют человека, когда он бывает угнетен чем-нибудь и освежают его душу" (Вася).

"Цветы да еще дети одни украшают землю" (Вера).

"Дыхание красы".

"Цветок есть последняя отрада человека, посаженный в землю около гробовой доски" (Варя).

"Цветы – внешняя улыбка природы, их запах – тайное признание ее" (курсистка),

"Цветы – это песнь природы" (Наташа²).

"Без цветов мир стал бы мертвее самой смерти" (Шура).

(Вторично заданная та же тема, или второе мнение при первом же задании):

"Цветы – покорное создание, которых каждый смертный может сорвать и растоптать" (Вася).

"Цветы – это маленькие и нежные создания Бога, которые остались как печальные воспоминания о Рае" (Вера).

"Цветы, как люди, – горды, нежны".

"Цветы -в природе -милые, светлые, разноцветные. В своих чашечках они скрывают мечты... своим благоуханием они сдувают муки и тягость. – Цветы в душевной комнате. Скучно, серо... Вьются нежные цветы у пыльного окна. Подходишь. И встают золотые воспоминания о чем-то далеком" (повидимому, Таня).

Вопрос: Что такое ум?

"Ум – очень трудно определить тому, кто его имеет; для тех же, кто его не имеет, ум – святое счастье и богатство" (курсистка).

"Вечно "Горе от ума" (Шура).

"Ум – это счастье несчастливых" (Наташа).

"Ум – руль" (Таня).

Вопрос, Что есть высший героизм?

"Самоотверженно к себе, радостно умереть за ближнего и даже за самого низкого преступника" (Надя или Вася).

"Героизм есть высшая отвага и стремление к великому делу" (Варя).

"Высший героизм есть самоотречение. Только тот сможет создать великое и прекрасное, только тот может, как герой, отпечатлеть своей рукой на истории и в измученных душах людей, кто скажет: я для всех, но не для себя. Это есть истинный герой человечества" (Вера).

"Жажда сгореть в любви" (Таня). "Высший героизм – стереть свое лицо" (Шура). "Героизм – ни один раз в жизни не солгать" (Наташа). "Героизм есть лишь вспышка, но не огонь" (курсистка). "Истинный героизм заключается в силе любви, заставляющей забыть свое мучительное я" (вторично – Тани).

[Дети, их смех и отношение к миру – высшее антихристианство.]

"Высший героизм – сказать про себя самое смешное и низкое" (вторично Шуры).

"Героизм есть необыкновенная жизнь человека, иногда незаметная, а иногда заметная" (по-видимому, – по почерку – Вася или Надя).

"Как мы можем спрашивать, что такое героизм, когда вся жизнь Христа есть высший подвиг героизма" (судя по почерку, кажется. Вера).

Вопрос: Что? труднее всего на свете?

"Всего труднее в жизни полюбить ненавидящего тебя" (курсистка).

"Труднее всего в жизни побороть себя" (курсистка). "Прожить без любви" (Наташа). "Забыть себя" (Шура).

"Самое трудное – сказать в старости то, что говорил в молодости" (по-видимому, Вера).

"Сохранить юность" (по-видимому, курсистка). "Верить и прожить честно, без фальшивых прикрас" (Таня).

"Труднее всего в жизни – просто, без затей ее прожить" (по-видимому, курсистка вторично).

"Труднее всего в жизни забыть о себе" (Шура вторично).

"Самое трудное – стать выше своих страданий" (Вера).

"Труднее всего переживать предсмертный час, если был грешен" (Вася, – sic!).

"Труднее всего в жизни переживать муки" (Вася вторично). "Труднее всего в жизни пойти выпить молоко и лечь спать" (Пучок – Надя).

Смеялись больше всего последнему. Дивились больше всего Васе. Он был по пояс мне, совсем маленький. Пораженный, я его отвел в сторону (после игры) и спросил: "Разве ты думал о смертном часе?"

"Думал". – "Ну, это мне тяжело умирать так, а ты?..". – "Нет, папа. Какие у тебя грехи? Если тебе захочется согрешить, то ты удержишься". – Прыснув со смеху и замирая в страхе, я пошел и рассказал Шуре "своего Ваську".

Но... потеряны листки с "любовью".

– "Что такое любовь?". Ответили разное. Но Варя – вся проказа вне этого "наказанного" Рождества – поспешила утешить родителей и успокоить общество: "Любовь существует для пользы отечества".

Этому-то больше всего мы и смеялись тогда.

* * *

Еврей находит "отечество" во всяком месте, в котором живет, и в каждом деле, у которого становится. Он възвляется, врастает в землю и в профессию, в партии и в союзы. Но это не фальшь, а настоящее. И везде действует легко (с свободой) и с силою, как родной.

Он в высшей степени не чужой везде, со всеми. Общее предположение, что евреи ведь чужие, – верно только в половине. В каком-то одном и таинственном отношении они и есть везде и всем чужие. Но столь же верно и неодолимо то, что они и близки, до "единокровности", со всеми.

Отсюда проистекают некоторые мелочи, например знаменитое "жидовское нахальство", которого сами евреи не замечают и даже не понимают, о чем мы говорим. Нас поражает и мы не выносим, что в России они ведут себя и разглагольствуют, "как мы"; а они и чувствуют себя, "как мы", и так говорят и ведут себя.

Отсюда (отчасти) побои, и – то, что евреи так этого не понимают.
(в клинике около мамы).

* * *

Когда идет добро от священника и когда идет добро от мирского человека, и собственные "измерения добра" в одном и другом случае одинаковы, – т. е. равны: доброе слово здесь и там, утешение здесь и там, милостыня здесь и там, – то есть разница какая-то в благоухании. Добро священника благоуханнее добра светского человека.

Отчего это? Явно чувствую. Чувствую не потому, что я "таких убеждений". Не ум чувствует, а нос чувствует.

(припомнился разговор с одним добрым батей).

Эх, попы. Поправьтесь! – и спасете Русь.

* * *

Мне не нужна "русская женщина" (Некрасов и общественная шумиха), а нужна русская баба, которая бы хорошо рожала детей, была верна мужу и талантлива.

Волосы гладенькие, не густые. Пробор посередине, и кожа в проборе белая, благородная.

Вся миловидна. Не велика, не мала. Одета скромно, но без постного. В лице улыбка. Руки, ноги не утомляются.

Раз в году округляется.

(иду от Пр. Гор.).

* * *

– Это что часы-то? Остановились? Большие, с белой доской. С тяжелыми гириями, из которых к одной был прицеплен еще старый замок.

– Это худо. Это к чему-нибудь. И мамаша задумывалась. Правда, энергией своей она все преодолевала. Но когда они останавливались, это было дурным часом в ее дне.

(в Ельце).

* * *

Часы ходили еле-еле. Вековые. От покойного Дмитрия Наумыча (мужа, отец "друга").

За него она вышла замуж, п. ч. он был тихий и удобный для воспитания брата ее. Ей было 15 лет, брату 4 года. Но она все сообразила и планировала, и не вышла за "бойкого", который был бы "самой люб", а за удобного.

Она была постоянно веселая, и любила, чтобы было все чистое, комнаты и нравы, – и поведение сыновей и дочери.

Умирая, завещала похоронить "вместе с мужем". "Вместе родили детей", "вместе лежать в земле", "вместе идти к Богу".

* * *

"Три-три-три Фру-фру-фру Иги-иги-иги Угу-угу-угу".

Это хорошо. После "Синтетической философии" в одиннадцати томах Герберга Спенсера³ – это очень хорошо.

(Статья о футуристах⁴ Рог-Рогачевского с примерами из их поэзии).

А не верят люди в Бога, Судьбу и Руку. Но Он дерет за ухо не только верующих, но и не верующих в Него.

* * *

Теперь стою в банке, перевод или что, – смотрю по сторонам: где тут международный плут, с его "печатью на лице", которого бы ловил Шерлок Холмс.

(Начитавшись Ш.-Хол.) Перевожу последнюю уплату за монеты Осману Нури-бею в Константинополь.

* * *

Много можно приобрести богатством: но больше – ласковостью.
(мудрость евреев).

* * *

Булгаков честен, умен, начитан и рвется к истине.

Теперь – к христианству.

Но он не имеет беды в душе, ни бедствия в жизни. Он не восклицал никогда "тону!" – среди ужаса. Он профессор, а не обыватель; ученый, а не человек. А христианство (думается) открывается именно "немудрым земли" в особых точках и в особые минуты. И, кажется, проникнуть особенно глубоко в не свои темы ему не удастся.

* * *

Как поправить грех грехом – тема революции.
(на извозчике).

И поправляющий грех горше поправляемого.

* * *

– Отдай пирог! Отдай пирог! Отдай пирог! Вера лежала животом на полу в Шуриной комнате, 10-ти лет. И повторяла:

– Отдай мне пирог!!

Шура выбежала ко мне и, смеясь "до пупика", спрашивала:

– Как я отдам ей пирог?

– Какой "пирог"??

– Вчера, вернувшись из гостей, она вынимает из кармана завернутый в платок кусок торта и говорит:

– "Это, Аллюсенька, тебе".

– Конечно, я съела. Сегодня она на что-то рассердилась, кажется, я сделала ей замечание, и требует, чтобы я ей отдала назад торт. Говорю: – Как же я "отдам", когда я съела? – Она кричит (юридическое чувство):

– Все равно – отдай! Мне нет дела, что ты съела. Шура смеялась (курсистка). Вера плакала. В гневе с Верой никто не может справиться, хоть ей всего 10 лет. Она всегда безумеет, как безумеет и в увлечениях.

(на семейной карточке "Он. л." она одной рукой обнимает, другую устала в бок).

* * *

Бредет пьяный поп... Вдовый и живет с кухаркой... А когда рассчитывается с извозчиком – норовит дать Екатерининскую "семятку" (2 коп.) вместо пятака.

И тем не менее я отделяюсь от Влад. Набокова, профессора Кареева и дворянина Петрункевича, и подойду к нему...

Почему же я к нему подойду, отделяясь от тех, когда те разумны, а этот даже и в семинарском-то "вервии" лыка не вяжет?

По традиции? Привычке?

Нет, я выбрал.

Я подошел к мудрости и благодати. А отошел от глупости и зла.

Почему? Как?

Да около Набокова станет еще Набоков и около Кареева станет еще Кареев...

Как бы они ни множились и как бы цепь их ни увеличивалась, она и в середине, и на концах, и в бесконечности не обещает ничего еще, кроме Набокова и Кареева или Тьера и графа Орлова-Чесменского, Захарьина и князя Юсупова; а рядом с попом может стоять сейчас же митрополит Филарет, да и сам Св. Серафим Саровский. Чего, и дальше: "за руку с попом" не погнушается взяться и древний Платон, сказав: "Он – от моей мудрости".

А я прибавлю: "Нет, отче Платоне, – он превзошел тебя много. Ты догадывался, а он – знает, и о душе, и о небесах. И о грехе и правде.

И что всякая душа человеческая скорбит, и что надо ей исцеление".

* * *

Вина евреев против И. Христа была ли феноменальная или ноуменальная? Т. е. только "эта толпа" "не могла понять" и, главное, "теперь" – ну, "при исходе времен"? Или – от корня, издревле, от Моисея и даже Авраама? Было ли больно все от истока начиная, или – только в устье? В последнем случае, т. е. если только "нравы" и сейчас, – не для чего было отменять обрезания и всего жертвенного культа, и суббот и храма.

В этом случае была бы у христиан сохранена библейская семья; сохранено бы было живое и животное чувство Библии, а не то, что "иногда читаем". Не было бы ужасного для сердец наших противопоставления Евангелия и Ветхого завета.

Ничего не понимаю. О, если бы кто-нибудь объяснил.

* * *

Как задавили эти негодяи Страхова, Данилевского, Рачинского... задавили все скромное и тихое на Руси, все вдумчивое на Руси.

"Пришествие Гиксосов". Черт их знает, откуда-то "Гиксосы" взялись; историки не знают откуда. Пришли и разрушили египетскую цивилизацию, 2000 лет слагавшуюся. Потом через 1^ю века их прогнали. И начала из разорения она восстанавливаться; с трудом, медленно, но восстановилась.

(придя с Айседоры Дункан домой).

Как хорошо, что эта Дункан своими бедрами послала все к черту, всех этих Чернышевских и Добролюбовых. Раньше, впрочем, послали их туда же Брюсов и Белый (Андрей Белый).

О, закрой свои бледные ноги⁵.

Это было великолепно. Поползли на четвереньках, а потом вверх ногами. И тщетно вопияли Лесевичи и Михайловские:

– Где наш позитивизм? Где наш позитивизм!!! Позитивизм и мог быть разрушен только через "вверх ногами".

На эмалевой стене Там есть свет чудных латаний.

Дивно. Сам Бог послал. Ничего другого и не надо было. Только этим "кувырканием" в течение десяти лет и можно было прогнать "дурной сон" литературы.

* * *

Вчера разговор в гостях. И выслушал удивительный взрыв отца:

"Моему 13-летнему сыну, который никогда не знал онанизма, в гимназии сказали никогда не дотрагиваться до... потому что хотя это наслачительно, но вредно для здоровья. Он дотронулся и сделался онанистом.

10 чиновников в мундире министерства просвещения, из которых каждый был шпион и ябедник, учили его "не послушествовать на друга своего свидетельства ложна". И он стал клеветником и злословцем.

Те же десять чиновников, из которых каждый был предатель и втихомолку занимался социализмом, учили его "быть патриотом". И он возненавидел свое отечество.

Таким образом, когда он "окончательно получит образование" и сделается никуда не годным человеком, ему выдадут бумажку, по которой он может получить всякое место на государственной службе.

Перед ним будут "открыты все двери".

Он войдет в наиболее широкую, выберет девицу с кушем и женится. Теперь он сделается не только "полезным гражданином", но и в высшей степени "приятным членом общества". У него станут занимать деньги. Ему везде станут предлагать "председательство". Он станет заниматься "благотворением". Когда он умрет, поп скажет хорошую речь".

(русская цивилизация).

Я подумал молча про себя.

Нет. Мой Вася жив. С ним никогда этого не будет. Берегись, Вася. Берегись "русской цивилизации".

* * *

За попа, даже и выпивающего, я трех кадетов не возьму. Только злой поп ⁶ (поп А-бов) – невыносим. Он хуже всякого человека. В нем этот яд становится хуже, проклятее, смраднее, стрелчатее яда во всяком другом человеке.

Отчего это? Тоже – тайна. "И взяв кусок с блюда и обмакнув в соль – подал ему" ⁷. И всякий исповедник Христа, если он зол, – увеличивается в зле на всю величину Христа и становится Иудой.

* * *

"Знаешь (и она назвала одного любимого мною умершего писателя), если бы он теперь жил, он не показался бы интересным. Он был тогда интересен (в 90-е годы). Люди с каждым годом растут; душа с каждым годом растет, и человек теперь не то, что был 15 лет назад".

(мамочка, в постели, 13 янв.).

* * *

Греки – "отец"; и римляне тоже – "отец". Даже сухопарый чиновник – и он "отец". Одна "жидова" – Вечная Мать. Отсюда проистекает их могущество и значительность.

(идя из клиники).

* * *

Батя. С Урала, член Госуд. Думы. Еду с дочкой на извозчике. И говорю:
– Сколько платите за квартиру?
– Сорок.
– Сорок?! Сколько же комнат?
– С прихожей 4.
– Как же вы помещаетесь? Из кого семья?
– Я. Да брат студент, технолог. Да сестра замужняя с ребенком. Да папаша с мамашей. И еще брат двух лет.
– Как же вы спите?
– Я в столовой на кушетке, брату в прихожей на ларе стелют. Сестра с мужем за перегородочкой. Папаша с мамашей за другой перегородочкой.
– Сестриному-то ребенку сколько будет?
– Полтора года.
– А меньшому брату вы, кажется, сказали два?
– Два.
– Это хорошо. Сестра-то еще не беременна? Она помолчала.
– Это хорошо. Тесно, а тепло. И отец еще молодой?
– 53 года: а когда на именинах были гости, то говорили, что ему едва сорок можно на вид дать. Лицом белый и большого роста. И живот, – хотя не очень большой.
– А мамаша?
– Мамаша совсем молодая. Ей только 42.
– Совсем хорошо! То-то и фамилия у вас красивая. Нет красивее на Руси, т. е. не может быть красивее такой фамилии: тут и "мережки" и "золото". Оттого, что вы старые люди на Руси.
Курсистка улыбнулась. По задумчивому виду я вижу, что ей тоже пора замуж. Уже 19 лет.
Так растет добро на Руси. Или не сказать ли по-церковному: так произрастает и густится пшеница Господня на землях тучных.
Берегите тучность земли. Берегите, берегите. Хольте, вспахивайте, – молитесь дождичка.
Солнышка молитесь. И во благовремении полной пригоршней бросайте зерна в землю.

* * *

Что истинно интересно?
Своя судьба.
Своя душа.
Свой характер.
Свои тайны ("сокровенное души"). С кем хотел бы быть?
С Богом. Еще с кем?
С тем, кого истинно любишь. Таков за всю жизнь один-два.
Что нужно?

* * *

После Гоголя, Некрасова и Щедрина совершенно невозможен никакой энтузиазм в России.

Мог быть только энтузиазм к разрушению России. – Вот и 1-е марта, и полупаралич турецкой войны, и "ни одной победы" в Маньчжурии. Вовсе не Алексеев и еще какой-то "гофмейстер" – Абаза – устроили "авантюру на Ялу" ⁸, а превратили в "авантюру" возможную победу и расширение земли своей господа "Современника", "Отечественных записок" и "Русского богатства". Победа вообще никакая стала невозможна, пока не явился "международный еврей" Азеф, который вообще стал всею этою гнилью "торговать", продавая "туда", продавая "сюда", – и вообще всякому, кто бы ему дал на вино и женщин.

* * *

Да, если вы станете, захлебываясь в восторге, цитировать на каждом шагу гнусные типы и прибауточки Щедрина, и ругать каждого служащего человека на Руси, в родине, – да и всей ей предрекать провал и проклятие на каждом месте и в каждом часу, то вас тогда назовут "идеалистом-писателем", который пишет "кровью сердца и соком нервов"... И весь-то мотив этого, что "сопричисляющий вас" с залихватской русской фамилией Рог-Рогачевский пишет в журнале еврея Кранихфельда ⁹, и "чей хлеб кушает, того и песенку поет".

– Если ты не изменник родине – то какой же после этого ты русский? И если ты не влюблен в Финляндию, в "черту" и Польшу – то какой же ты вообще человек?

Что делать в этом бедламе, как не... скрестив руки – смотреть и ждать.

* * *

"Ни я, ни вы, ни Новоселов ц.... не нужны", – написал NN.

– Это что, дело стоит даже крепче: ей чести не нужно, "правильных документов на торговлю" не нужно.

Лопаты, приставленные к забору, баят глубоким строем:

– Нам нужны только доходы. Остальное уже обеспечено им.
(получив письмо от NN).

* * *

Да почему он "скиталец"? ¹⁰ Везде принят, все кланяются. Религиозно-философские собрания сочли "за честь", когда он одно из них посетил, придя в середине чтений и обратив всех внимание черною блузою, ремешком и физиономией "под Максима" ¹¹. Почему же он "скиталец", и кто его "изгнал", и откуда он "исключен"? "Качества его произведений" никому (вероятно) не приходили на ум, пишет ли он стихами или прозой, публицистику или "так рассказы" – никто не знает, и только всякому известно, что "есть еще другой Максим, который называется Скитальцем", и тоже с ремешком и в блузе. Да это скорее – граф, "его сиятельство" и уж во всяком случае "превосходительство".

В первый раз проходят какие-то в литературе с фальшивыми физиономиями "под другого", в чужой прическе и совершенно не своим "видом на жительство".

Барин, который называет себя "Ванька с Сенной".

* * *

NN бы заговорил другим языком, если бы из его дома вывели за ручку Ан. Мих., со словами: "На все четыре стороны, прощальга", а Васюка присудили бы с двухлетнего возраста "здорово живешь" в солдаты без срока. Тогда были бы песни другие, и он не приравнивал бы это к бедной кофточке и грубому слову кухарки, с добавкой, однако: "Заочно от меня". То-то "заочно": ну а что, если бы на глазах? – сказал ли бы он только: "Будьте, Катерина, мягче: мы все – христиане".

И Новоселову с его "мамашей" тоже всего этого не нужно. Но что, если бы его "мамашу" стали бить кнутом на конюшне, как в Петербурге сек с конюхом (при пособии конюха) свою жену гвардеец, – урожденную Варгунину, за которою взял 150 000 приданого, но уже во время ее первой беременности сказал ей, что его, как дворянина, компрометируют поклоны на улице и посещения на дому ее купеческой родни и чтобы сама она постаралась, чтобы эти родные "не навязывались" и не "ходили к нам", а затем начал – и сечь (на конюшне). Отец, Варгунин, обратился к властям, но, согласно NN и Новоселову, получил "кукиш с маслом" в утешение, т. е. "ни развода, ни отдельного паспорта на жительство", ни вообще – "прав у отца на дочь, раз она обвенчана". И только уплатив еще 75 000 "правильно-каноническому, повенчанному" мужу, отец вызволил дочку из "благодатного благословения церкви".

Так была подробно, с именами, рассказана в "Гражданине" князя Мещерского эта петербургская история. Я не прочел, к сожалению; но со слов "Гражданина" рассказывала вслух всем гостям эту историю за обедом Анна Ивановна Суворина. Да что: разве не такую точь-в-точь историю рассказывает в "Семейной хронике" С. Т. Аксаков? ¹² И у Аксакова все духовенство прочло это; прочло и ничем не отозвалось.

Так вот, вы полюбуйте, сперва, и NN. и Новоселов, на эту Варгунину, да и вы, Иван Павлович, да и Цветков с Андреевым.

А я же до благосклонного ответа скажу:

– Пока это есть, представляется каким-то мазурничеством говорить о "цветочках" Франциска Ассизского и прочих чудесах.

* * *

Чем "молиться" на секретаря духовной консистории (однако же, ведь не в ней суть, она "приложися" во временах), то уж лучше помолиться вотяцкой "Керемети" ¹³: все-таки живее, да и фольклор по крайней мере.

Это я говорил (писал) Рачинскому и страшусь, что придется говорить NN.

Вот где возможен поворот к: "вернемся к египетским богам, потому что они кормили нас и мы не были голодны".

И ведь Израиль в пустыне был бы прав, если бы не прилетели перепели. Вот и кое-кто и кое-что (лицо и потом возникшие учреждения) пусть "пришлет перепелов" и "источит из камня воду". Если кое-кто и кое-что бессильнее Моисея, – нельзя удивиться и нельзя будет негодовать, если люди вдруг из-за "перепелов" начнут заворачивать к Моисею, да и к египетским богам.

* * *

Мерзавцы-канонисты подумали бы, что с коровою привычною расстаться нелегко, квартиру удобную передают неохотно: по какому же праву и по какому скаредному мотиву они вообразили, они наклеветали на людей, они закричали в печати и, ранее Гутенберга, кричали в манускриптах, что мужья-человеки все такие же мерзавцы, как они сами (т. е. как канонисты) и сейчас побросают жен и перейдут к "молоденьким и сладеньким", если Рачинский и NN вдруг "согласятся на развод". Но они злы, эти мерзавцы, и хочется им засадить "гной в кости" ("худая жена – как гной в костях человека", – Соломон в "притчах"). И, пользуясь идеализмом, отвлеченностью и мечтательностью NN и Рачинского, они (канонисты) им все "навевают" о человеческом легкомыслии и недобротели, соображая про себя: "С гноем-то в кости нам человек все заплатит".

Канонист-профессор (был процесс о наследстве – недавно) оставил 100 000 дочерям. Занимал именно по бракоразводным делам "стол" в высоком духовном учреждении. Автор книг и статей в "Христианском чтении" и в "Отдыхе христианина". 100 000 из "профессорского жалованья" не скопишь.

* * *

...Скука, холод и гранит.¹⁴

Что это, стихотворение Пушкина?

– Нет, это каноническое право. "Кормчая", Суворов, Красножен, Сильченков, еще кто-то, многие. Как говорится где-то в Библии: "Взойди на башню и посмотри, не идет ли это на помощь осажденным войско?" – Посланный вернулся и сказал: "О нет, – это идет стадо скота и подымает пыль".

* * *

Вот идет по тротуару проституточка. Подойду к ней и разделю... последнюю папироску. Она одна мне "своя" в мире: такая же бездомная, тоже без отца, без матери, также никому не нужная, также ей никто не нужен. Дам ей папироску, она закурит, я докурю. Потом пойдем к ней. И будет она мне жена на ночь.

Как и мне на час работы нужен каждый хозяин, и я говорю о всяком через час – "провались".

(за корректурой своей статьи о Страхе¹⁵: место ее о "меланхолии в Европе").

Подошла Пучок²⁴ и молча поцеловала папу в щеку; в рубашонке, сейчас в постель (ночь). Нет, я теперь не такой: мне мама дала другое. – Но ведь не у всех была "наша мама", и другие – именно таковы.

(т. е. "меланхолия в Европе" происходит от КОРНЕВИДНОЙ в Европе бессемейности; от того, что семья там есть случай и удача).

* * *

Моя прекрасная душа! Моя прекрасная душа! Моя прекрасная душа!

"Как ты, пачкунья, смеешь это думать?"

– Моя прекрасная душа. Моя прекрасная душа. Моя прекрасная душа.

"И лукавая? и скрытная? обманная?"

– Моя прекрасная душа! Моя прекрасная душа! Моя прекрасная душа.
"Весь запутанный? Скверный?"

– Моя прекрасная душа. Моя прекрасная душа. Моя прекрасная душа.
(Бреду ночью из редакции, 3-й час ночи. Кругом проститутки.)

* * *

Собственно, есть одна книга, которую человек обязан внимательно прочитать, – это книга его собственной жизни. И, собственно, есть одна книга, которая для него по-настоящему поучительна, – это книга его личной жизни.

Она одна ему открыта вполне, и – ему одному. Собственно, это и есть то новое, совершенно новое в мире, ни на что чужое не похожее, что он может прочитать, узнать. Его личная жизнь – единственный новый факт, который он с собою приносит на землю. Он рождается для своей жизни, и его жизнь есть дар Божий земле. Каждого человека Бог дарит земле. В каждом человеке Земля (планета) получает себе подарок. Но "подарок" этот исполнен внутренними письменами. Вот прочесть-то их и уразуметь и составляет обязанность всякого человека. И если он добр к людям, расположен к ним, если "у корыта (мир) мы все щенята", – то без церемоний и ужимок, без стыда и застенчивости, без кокетничанья скромностью, он должен сказать "пороссятам у корыта": "Братья мои, вот что написано в этой книге. Вникните все и читайте меня. Может, кому понадобится. Может, иной утешится через меня в себе. И "третий добрый молодец" позабудется, – без зла, а с добрым смехом. Ибо злым смехом ни над каким человеком нельзя смеяться".

Поэтому "Уедин.", собственно, каждый человек обязан о себе написать. Это есть единственное наследие, какое он оставляет миру и какое миру от него можно получить, и мир вправе его получить. "Все прочее не существенно", – и все прочее, что он мог написать или сказать, лишь частью верно; "верное" там не в его власти, не в его знаниях.

* * *

В белом больничном халате и черных шерстяных перчатках, она изящно пила чай с яблочным вареньем. Едва открыл дверь – вся в радости.

– Что же это ты чай в перчатках?

– Я уже с 12 часов одела их. Сама, – и на больную руку сама.

Я и забыл, что больную всегда мы одевали, – я или Надя (горничн.).

Прислуга куда-то разбежалась.

– Можешь надеть на меня платье? Я в две минуты одел серый английский костюм (сшитый для Наугейма).

– Едем.

– Подожди. Сперва к Варваре Андреевне (близ Клиники). Она меня каждый день проводывала, – и ей мой первый выезд. Отбыли.

– Теперь едем (кататься)?

– Нет. Еще к Скорбящей (на Шпалерной).

– А кататься? Отдыхать?

– Потом уж и кататься.

(21 января 1913 г.).

* * *

Купа седых (серых) волос давала впечатление львиной головы, и когда она повернула умеренно-массивную голову, – то (так как она была против статуи Екатерины) я не мог не залобоваться этим "Екатерининским видом" сурового, бронзового, гордого лица. Оно было прекрасно той благородной грубостью, которая иногда нравится более, чем нежность. Перейдя к плечам, я увидел, что они как будто держат царство. Муж – сухой, узкий. Второй ряд кресел, по 10 р., – должно быть, "товарищ министра" или большая коммерция. Но явно – и образование. Сколько лет? 60 или не менее 55. Но никакой дряхлости, изнеможения, рыхлости.

Я дождался, пока еще повернулась: белым скатом лебяжья грудь была открыта до "как можно". Бюст совершенно был наг, увы – неприятным или недогадливым современным декольте, которое скрывает главную прелесть персей – начало их разделения и оставляет видеть только один могучий скат.

– Такое ведь неприличие смотреть внимательно на декольте.

И я никогда не смотрел на него прямо.

Но 60 или 55 лет меня взволновали. Оттого именно, что мне казалось неприлично глядеть прямо, я был поражен удивлением, что она так декольтирована в 55 или 60.

"Однако если она открылась, то ведь, конечно, для того, чтобы видели. И смотреть внимательно на декольте не только не обижает, но скорее обижает, если не смотрят".

В первый раз мелькнуло в голову: "Америка", "эврика".

И я посмотрел прямо, как никогда. И хотя она перевела глаза на меня, продолжал смотреть прямо.

Вдруг каким-то инстинктом я провел языком по губам... По верхней губе... Раз... три... четыре... Теперь она сидела так, что мне были видны только шея и щеки. Станный инстинкт: она, как львица, полуоткрыла рот и, тоже высунув язык, провела по нижней и верхней губе, и немного лизнув щеки. Я никогда не видал "в Собрании", и очень пышно, такой манеры – за всю жизнь не видал! – Но она сделала движение языком (высунув!) так, что это не было ни безобразно, ни отвратительно.

Балалайки играли "Осень" Чайковского. Звуки шептали и выли, как осенний ветер. Музыка чудная. Но эта манера неужели не взаимный сомнамбулизм? Так как нельзя верить, чтобы она читала мои мысли. Она сидела во 2-м ряду, я в третьем, немножко наискось и сзади. Немного вправо от нее.

Муж сидел прямо. Он сухой и прямой. Он чиновник.

К моей добродетели надо сказать, что в переполненной зале Дворянского собрания я не заметил ни одной женщины. Только эти 55 лет.

(22 января).

* * *

Я – великий методист. Мне нужен метод души, а не ее (ума) убеждения.

И этот метод – нежность.

Ко мне придут (если когда-нибудь придут) нежные, плачущие, скорбные, измученные. Замученные. Придут блудливые (слабые)... Только пьяных не нужно...

И я скажу им: я всегда и был такой же слабый, как все вы, и даже слабее вас, и блудливый, и похотливый. Но всегда душа моя плакала об этой своей слабости. Потому что мне хотелось быть верным и крепким, прямым и достойным... Только величественным никогда не хотел быть...

"Давайте устроимте Вечерю Господню... Вечерю чистую – один день из семи без блуда...

И запоем наши песни, песни Слабости Человеческой, песни Скорби Человеческой, песни Недостойнства Человеческого. В которых оплачем все это...

И на этот день Господь будет с нами".

А потом шесть дней опять на земле и с девочками.

* * *

Христианству и нужно всегда жить о бок с язычеством: в деревнях – бедность, нужда, нелечимые болезни, труд. Конечно, там христианство. В городах Невский, "такие магазины": христианству некуда и упасть, все занято суетой, выгодой. Но мне кажется об этом не надо скорбеть. Это – натуральное положение планеты. Христианство даже выигрывает от этого, потому что "в вечной борьбе с язычеством" оно тем самым делается вечно *in statu nascentis* ¹⁶.

(на концерте Андреева в Дворянском собрании).

* * *

Первый из людей и ангелов я увидел границу его. А увидеть грани, границы значит увидеть небожественность.

Первый я увидел его небожественность. И не сошел с ума. Как я не сошел с ума? А может быть, я и сошел с ума.

* * *

Какая-то смесь бала и похорон в душе – вечно во мне.

Творчество – и это, конечно, бал. Но неисполненный долг в отношении людей ужасные похороны.

Что я им дал? Написал "сочинения"? В "Понимании" ¹⁷ я тешил себя. Да и вечно (в писан.) тешил себя.

Накормил ли я кого?

Согрел ли я кого?

В конце концов, действительно 10 человек согрел и кормил, – это и есть лучшая моя гордость.

* * *

Я счастлива.

(1-й выезд из клиники. Матовое лицо. Без улыбки. И как "дело" это: "Я счастлива". Первый раз это слово за три года. 29 января).

* * *

Самый плохой мужчина все-таки лучше, чем "нет мужчины".

И женщины бросаются.

И "самая плохая женщина есть все-таки женщина".

И мужчины – ищут.

Так произошла проституция и "совершенно невозможные браки".

(за Айсед. Дункан).

* * *

Вот две вещи совершенно между собою несходные.

Бог захотел связать их.

Тогда Он в ночи взял нечто от одной вещи и перенес в другую. А от другой нечто взял и перенес в первую.

Пробудившись, каждая почувствовала, что ей чего-то недостает. И встала и возмутилась. И почувствовала себя несчастною. Она почувствовала себя потерпевшею в мире, ненужною миру.

И стала искать "это мое потерянное".

Эти искания и есть тоска любовных грез.

Все перешло в брожение, хождение, странствование.

Все стали искать, тосковать.

– Где мое? Где мое?

– Где мой Утраченный? Где мой Потерянный?

И найдя – женщины брали и целовали.

И найдя – мужчины улыбались и целовали.

Так произошли поцелуи, и любовные, и не только любовные.

Произошли объятия, произошли вздохи.

Мир зарумянился. Мир стал вздыхать; поблуднел.

Мир забеременел.

Мир родил.

* * *

Почему я, маленький, думаю, что Бог стоит около меня? Но разве Бог стоит непременно около большого? Большое само на себя надеется, и Бог ему не нужен, и, ненужный, отходит от него.

А маленькому куда деваться без Бога? И Бог – с маленькими. Бог со мною, потому что я особенно мал, слаб, дурен, злокознен: но не хочу всего этого.

* * *

Страхов так и не объяснил, почему же "мы враждуем против рационализма" (Интереснейшее, "хватящее за сердце" его рассуждение в предисловии к "Мир как целое"²⁰. Прим. 1916 г.– В. Р.). Изложив его мысли, "рационально изъясняющие природу" (в статье "Идея рационального естествознания"¹⁸), я тоже почувствовал в уме и душе что-то неприятное, тяжелое и тоскливое.

Действительно – "враждуем с рационализмом", и именно и особенно разумом. Отчего? Что за загадка?

Умерщвляется всякая поэзия в природе, всякий в ней каприз и прихоть, всякое "отступление от нормы" и гений, "преступление и наказание" (а они в природе есть). Уничтожается картина и добродетель.

Построить так (в уме своем) "рационально природу" – плюнешь и отойдешь. "Ну тебя к черту". "Заприте сад,– никогда не пойду в него". "Спустите с цепи Шарика,– не могу его видеть".

Природа. становится глубоко рациональною, но и глубоко отвратительною.

Облетели цветы И угасли огни.¹⁹

Природа – не дышит. Это – труп ее, а не она. А кто же захочет долго быть "в мертвецкой" и даже там "закурить папироску".

В "лесу из Страхова" папирки не закуришь.

А закуриваем. Т. е. природа вовсе не "из Страхова" и вовсе не "рациональна".

Вероятно, он свою идею взял "из немцев" и даже только изложил. Или "сколотил" из разных мест их объяснений, из Шеллинга, Окена или откуда-нибудь из маленьких. Эта "немецкая природа" действительно не дышит.

Итак, откуда же "тоска" ("тоска от рационализма" – по Страхову)? Да как же не быть тоске перед гробом, и как не быть тоске после преступления? Раз мы умерщвляем в рационализме природу, мы, естественно, совершаем над нею преступление, хотя только в уме своем. Но самый этот ум, который тоже жив, возмущается, тоскует, принужденный к этому логическому препарированию живого предмета.

Нет, природа не рациональна. В ней есть рациональное, но это – бок ее, а не она вся, не брюхо ее. Ньютон утром и вечером пил чай, и в этом был правилен, регулярен и рационален. Но если бы кто-нибудь, войдя сзади ночью в его комнату, указал другому на его согнутую над письменным столом спину и объяснил:

– Вот это – Ньютон, регулярнейший человек Оксфорда: ежедневно утром в 7 часов и вечером в 8 он пьет кофе. Поэтому называется "Ньютон" и считается самым добродетельным и самым мудрым человеком в городе...

...то, выслушав, мы воскликнули бы:

– Идиот. Какое идиотическое объяснение и мудрости и добродетели! Зачем ты взялся за Ньютона, когда ты мог бы объяснить его лакея, а еще лучше – как устроен тот ларь, на котором спит этот лакей! {Теперь, в 1916 г., думаю иначе: мозг наш – фалличен (2-й, после мозга в поясных позвонках, центр полового возбуждения, именно через грезы, мечты), и он, в то же время "источник разума", враждует против "рационализма", так как этот последний, будучи "чистяком", – гнушается взять в объяснение мира эту половую "нечисть". Тогда мозг чувствует себя угнетенным и тоскующим, как бы принудительно обесфосфориваемым и иссушенным. Отсюда, при рациональных объяснениях, прямо физиологическая в нем тоска и боль, "вывих мозга". Обратно, "мистические" и "религиозные" объяснения мира и природы радуют мозг, озаряют его, кормят его, ибо в глубине и сокровении они всегда суть фаллические объяснения ("творец вещей" и "податель жизни" и т. д.).

* * *

Кто же научил меня крестить подушку на ночь (и креститься самому)? Мамаша. А мамашу – церковь. Как же спорить с ней.

(перед сном).

Я и испытываю (перекрестя подушку) это простое, непонятое, ясное: что отгоняются дурные мысли, что ко всему миру становлюсь добрее.

* * *

Только человек, помолвившийся поутру и помолвившийся к ночи, есть человек; до этого – животное. Усовершенствованное, обученное, но животное.

* * *

Церковь есть устроительница душ и устроительница жизней. Церковь домоводственна.

Церковь – зерно цивилизации.

(2 февраля).

Завтра 3-е вливание в вены.

* * *

Все они – сладкие и демократичные.

И безжалостные.

(педагоги нового фасона).

Н-ня, опустясь на пол и положи тетрадь на кушетку, сидела в труде. Два часа ночи.

Взял. Посмотрел.

"Теорема. Общие кратные двух чисел суть общие кратные наименьшего кратного (?? В. Р.) двух из них и третьего числа" (!!!?В.Р.).

(Билибин: "Теоретическая арифметика" ²¹).

Не понимаю. Вчитываюсь, вдумываюсь, усиленно вдумываюсь, и не могу понять, сообразить, усвоить, что такое тут "требуется доказать" ("теорема"), – а не то уже, чтобы понять ход и сущность доказывания этой теоремы. Мне 57 лет, дочке 15; я прошел классическую гимназию и университет, она же в 7-м классе гимназии N-ой. ²²

Гимназия с курсом "естествознания", физики и химии, рациональная, – и с дикими насмешками законоучителя N над чудесами Библии и прямо с выражениями перед классом, что "в Библии рассказывается много глупого" и заведомо ложного.

Но что "я", "мы" не понимаем...

– Может быть, Мусин-Пушкин (Попечитель Спб-ского учебного округа.) понимает? Мотает головой.

– Может быть, понимает Кассо? Тоже мотает головой.

– Но ведь вы все хорошие люди и развитые? Обе головы утвердительно кивнули.

– Тогда отчего же то, чего не понимают министр и попечитель, должна "непреренно" знать бледенькая девочка в 15-16 лет?

* * *

Для безличного человека программа заменяет лицо. Программа вообще издали кажется лицом. Вот почему, по мере того как общество падает, выражается, как способных людей в нем становится меньше и меньше, – программы пылают, все обряжаются в программы, – и, кажется, живешь не среди людей, а среди программ. На самом же деле и в глубине вещей программа есть просто неприличие.

Ведь программа – "не мое" на "мне". Она есть всегда плагиат и обман "на счет того лица, которое имеет программа".

Можно ли представить себе Кольцова, держащегося "партии демократических реформ"? Гоголь или Пушкин "с программой" – это что-то чудовищное. Напротив, Кутлера и нельзя себе вообразить без программы. Если он "без программы" – он ничего.

Без галстука, шляпы и вообще голый. Голый и жалкий. Без "программы" он только спит. Но уже просыпаясь одним глазом, говорит лакею или жене: "Душечка – скорее программу!"

Вот происхождение Набоковых и Родичевых. И вот из кого состоит парламент.

* * *

Пошлость Н.– это что-то историческое,

С кулаками, с бубенцами, с колоколами – требует ото всех, чтобы все здоровались с прислугой непременно за руку, не спросив, желает ли еще этого прислуга; и устроив у себя, чтобы эта же прислуга моментально спрягивалась за дверь, поставив кушанье заранее на особый стол сзади (т. е. сзади общего обеденного, для сидения гостей, стола). Через это достигается, что гости вовсе не видят прислуги, и "дом хозяйки" как бы "сам себе служит", обходясь "без рабовладельчества". Гости – каждый – берут себе жаркое на тарелки и наливают суп из кастрюли. Таким образом, достигается "братство, равенство и свобода". После обеда гости коллективно тащут доску (тесину) с надписью черною краскою и огромными буквами: кооперация... И я тащил, дабы хозяйке было хорошо.

Теперь читает лекции, чтобы все ели только травы, – как бы до нее не было вегетарианского стола; требует ассоциаций и назначает великому живописцу в пошлой своей пьесе играть роль дворника, в фуражке, с метлою и в грязном "пинжаке". Обращает его дивную кисть – каждый день работы которой есть национальное приобретение России – в средство иллюстрировать свои знаменитые романы, пьесы и дневники, под крикливыми заглавиями – "Почему мы рабы", "Эта" и еще что-то, из ее жизни, не то русской, не то американской. Изгоняет из писем и из многочисленных аншлагов в своем имени "Церера" буквы Ъ, э, ь, ь и і... Это что-то такое, чему нет имени или чему имя найдется в каком-нибудь восклицании... Право, ее можно назвать "девица-0-если-бы!!!"...

При этом - полна, здорова, спокойна, уравновешенна. Никакого признака нервов. Все в высшей степени рассудительно? и обдуманно.

"Бейте в трам-трам громко!" – "Смело входите на крыльцо от 3-х до 5-ти .в среду", и Въезд на столбе ворот... Все это достойно кисти Р. или стихов Кузьмы Пругкова...

И побежденный и влюбленный Голиаф кисти рисует и рисует победившую его амазонку... всегда почему-то со спины... Не может не кинуться в глаза, что лицо ее, выпуклое, большое, отлитое, и через все это как бы "сутуловатое", имеет отдаленное сходство со спиною. И он ее изображает с этой исключительно содержательной стороны, или – интересной, значительной, осмысленной, "незачеркнутой". С единственной – которую не зачеркнул Бог. Но здесь nota bene, уже о художнике: что, кажется, в центре его таланта и ума лежит именно "постижение спин человеческих", – спин, поясниц, ног, – а не лица человеческого. И не в этом ли разгадка его странного порабощения.

1□ года, что я знал их, они были моим кошмаром. Я дома все думал: "Что такое? Почему? Откуда?" И разгадки не находил и не нахожу.

* * *

Твердость есть отличительное качество Рцы. Прочие замечательные умы, которые мне встречались в жизни, колебались, сомневались, изменялись, росли. Рцы решительно ни в чем не изменился, не вырос, не умалился – и не переменял ни одного мнения. При этом у него были некоторые порочные мнения или, вернее, суеверия, предрассудки, навыки жизни, методы жизни, – например, ничегонеделанье, – но он, в полном убеждении и о великих качествах этого "ничегонеделанья", при всем ужасном страдании его же самого от него и при страдании от него его горячо любимой семьи, – нисколько о нем и в нем не поколебался за 20 лет, как я его знаю, вижу, выдаю. Это можно было бы назвать "деревянностью", "застоем", "кирпичностью", и вообще это – так и есть во всяком; но в Рцы – отнюдь этого нет, и притом – в нем одном. Он ежеминутно, даже в ватере, работает умом, вечно напряжен, "руки и ноги" ума (отнюдь не физики!) в вечном движении. Его молекулярная жизнь так же напряжена, как его anatomica недвижна.

*Tu es Petrus*²³... это о нем сказано.

Камень.

И плещут на камень волны со всех сторон, но он недвижим.

И светит солнышко. А он все так же темен и непроницаем для солнца.

Мимо проезжал экипаж. Задел колесом. Разбилась колесо, разбилась экипаж, вывалились люди и кричат от боли.

А камень все молчит.

– О чем ты думаешь, камень?

– Я думаю о том, что было с основания мира и что будет к концу мира. Ибо я положен здесь от основания мира. И я пролежу здесь до конца мира.

– Ты слушаешь музыку Россини?

– Да, и музыку Россини (Рцы ее любил).

– Ты любишь покушать?

– Да, и люблю покушать.

– Фу... оборотень, леший, лешее начало мира. В тебе Бога нет. Совести нет. Стыда нет.

– Бог есть во всем.

Так лежит он, темный, в темном углу мира. Кровать. Стол. Образ. И "Новое время" (горой старые ??).

– Что вы в Новом-то времени читаете?

– Последние сплетни.

– А образ?

– Это древние молитвы.

– И вы их сочетаете?

– Непременно. Последнюю сплетню так же необходимо знать, как необходимо знать самую древнюю молитву.

– И башмачок барышни?

– Да... Когда, оглянувшись, она поправляет подвязки и из-под приподнявшейся верхней юбки видны белые фестончики нижней юбки (Это – не "для примера", а он подлинно – купил такую карточку, – рассказал о ней дома, и дома смеялись и пересказывали.)

- А потом "Господи помилуй"?!
– Отчего "потом"? В то же время.

* * *

Вечное – в мгновениях. Вечное именно – не века, не времена, не общее, а "сейчас".

Их и записывай, – как самое важное, что вообще увидел в жизни.

Почему это важно, как "студента арестовали" и "что он думал, когда его вели в полицию". Таких павлиньих перьев – сколько угодно. Но Пучку одному пришло на ум надписывать "поспешно" на письмах, идущих к знаменитой "Гузарчик". И это, – потому что "единственно", – достойно книги и печати. Это – прекрасная жизнь, во всем ее божественном величии. А то – сор. И я сор – пропускаю, а величие записываю.

(Как произошло "Уед").

* * *

Вся натура моя – мокрая. Сухого – ничего.

Пожоже на воду синюю и грязную в корыте, в котором прачка стирала белье. Вот и во мне Бог "стирал белье" с целого мира. И очень рад. Много я узнал о мире из этой стирки, и полюбил много в мире, "принюхавшись к старым панталонам" всех вещей.

* * *

Почему это важно, что "я думаю о Чернышевском"? Сегодня думаю – это, п. ч. во мне мелькнула такая-то сторона его деятельности, лица и слога. (В "Уедин." – о Чернышевском, м. б., верное, а м. б., и неверное.) Завтра мелькнет совсем другая сторона его же, и я напишу другое. И ни одно, ни другое не имеет иного значения, как "минуты моей жизни", и ровно нисколько не важно для самого Чернышевского и нисколько его не определяет. Ибо все мы

Се – раб, се – червь.²⁵

Но как тогда Вера радовалась найденному под подушкой пуделю (игрушка автоматическая), то вот это вообще – было, и – не пройдет, как минута ее восторга. Что же важнее, ее восторг реальный или – то, как А. В. Тыркова²⁶ начинает свою повесть рассказом об обыске у студента, – и потом, конечно: "повели" и "что он думал".

Мысли наши, как трава, вырастают и умирают. Но радости и печали суть какие-то отлагания в Склад Вечности.

Эти отлагания я и записываю в "Уед".

Все прожитое – вечно. А продуманное прошло.

* * *

Наша молодежь отчасти глупа, отчасти падшая. И с ней совершенно нечего считать. Бриллиантики, в нее закатившиеся (или, вернее, в ней сущие), это сами хорошо понимают, тайно страдают, тайно находятся в оппозиции товариществу, и также втайне думают то же самое (т. е. "падшая").

Молодежь – в руках Изгоевых. Ну и пусть они носят ее на руках, а она носит их на руках. Эти муравьи, таскающие пустые соломинки, нисколько не интересны.

* * *

В самом деле, писатель не должен смотреть на то, что написал много страниц; даже не должен утешаться тем, что произвел своими писаниями или своею личностью много волнения в печатном же мире,— и, наконец, даже в самой жизни, в политике или культуре. А — "что, в конце концов, из этого вышло" или "что, в конце концов, он сотворил и оставил". Это совсем иное, нежели "хорошо написанные страницы", и даже "очень хорошо написанные" и "очень много". До конца жизни писатель этим вопросом не задается. "Шуми ветер, неси — листы: а ты, писатель, как Древо же Жизни, роди новые и новые листы". Это упоительное представление молодости сменяется другим: "А где добродетель?" — т. е. в чем итог написанного? Иногда его нет после всего шума. Вот что хотел Страхов сказать мне надписью на портрете подаренном ("боюсь, что при всей талантливости из вас ничего не выйдет"). И я не умею о этой "добродетели" сказать ни "да", ни "нет". Скажу только доброму учителю в могилу: "Старался, Ник. Ник.,— и паче всего старался за идеализм в философии и за доблестную в Россию веру".

(в вечер отправки портрета Страхова в фототипию Прокудина-Горского).

* * *

Пустынная земля есть голодная земля. И земледелец, насаждая сады, засевая поле,— насыщает ее голод.

За это, что он ее насыщает, земля выкидывает ему "сам 24" колос.

Вот Деметра.

* * *

И Деметра улыбалась, Баубасто с ней шутила.

Несколько лет уже, с тех пор как добрый Туренский (чиновник контроля,— из духовных) подарил мне III-й том архим. Хрисанфа — "Религии древнего мира"²⁷, я заметил следующее поразительное там сообщение:

"Когда Деметра, сетовавшая о похищении дочери своей Персефоны Плутоном, пришла, разыскивая ее, в Элевзис, то Баубо, жившая здесь вместе с Триптолемом и Евмолпом, угощая богиню (подчеркиваю далее я), поднесла ей отвар из полбы, [текст на греческом]; но богиня, удрученная горем, не хотела пить его. Тогда огорченная Баубо (слушайте! слушайте! внимайте, внимайте!) [текст на греческом] (т. е. обнажила свои стыдливые части и показала на них богине). Богиня после этого повеселела и приняла питье (Климент Александрийский в "Admonit. ad gentes"²⁸ ["Увещание язычникам"]). Арновий рассказывает это иначе, нежели Клим. Александрийский; он говорит, что Baubo partem illam corporis, per quam secus foemineum subolem solet prodere, facit in speciem laevigari nondum duri atque striculi pusionis, redit ad Deam tristen et retegit se ipsam"²⁹ (Aglaaph., t.II, 819,820; Хрисанф, т. III, стр. 550-551, примечание). [Баубо, сделав ту часть женского тела, через которую появляется плод, гладкой, подобно младенцу, еще не покрытому волосами, вернулась и показала ее грустной богине (лат.)]

Перед этим — несколько выше — у архим. Хрисанфа: "В Элевзинских и Дионисовых мистериях, — говорит с негодованием блаженный Феодорит,— ....

[текст на греческом: Мы видели фаллос Диониса, перед которым преклоняются, и женский срам – несчастье женской чести – перед которым испытывают благоговейный страх (греч.)]

Но ведь это– в рассказах Клим. Ал. и Арновия, – *modus vivendi inter se virginum aeternarium sive virginium utriusque sexus?!!!* [способ существования вечных дев между собой, т. е. дев того и другого пола]. Через миф и "якобы шутки" Баубасто, как и в "тайнствах Диониса", греки выразили *admirationem, adorationem et divinationem* [поклонение, молитвенное обращение, обожествление (лат.)] (богиня Деметра) этой, как мы именуем, "аномалии" пола...

Мы же через наименование "аномалией", т. е. "странностью", "неожиданностью", говорим: "Не по-ни-ма-ем"... Что нам "непонятно" – они были вправе истолковывать. Мы же с "не понимаем" не имеем даже права возразить,

Возвращаясь к "шуткам Баубо", мы должны отметить, что "улыбнувшаяся" Деметра "стала пить" вовсе не "отвар полбы", и последний играет роль "для отвода глаз" "непосвященным", – тем именно, которым не находили возможным что-либо "рассказывать о содержании тайнств"!.. Им и говорили: "да она пила просто полбу!", "отвар из ячменя"! А если бы он спросил, любопытствуя, для чего Баубо вышла к богине в таком странном виде и совершила неприличный жест, – то, посмотрев в глаза спрашивающему, "посвященный" ответил бы: "Баубо просто шутила". – "Шутила? зачем?" – "Да потому, что была богиня печальна". Таким образом, "посвященный" отвязался бы от спрашивающего. Но замечательно, что "улыбнулась" Деметра и утешилась от неутешного горя по утраченной дочери – не при виде полбы, а – взглянув на странное одеяние или раздеяние Баубо.. Неужели нужно еще что-нибудь говорить, чтобы разъяснить вдумчивому "ученику", что именно утешившаяся богиня начала "пить" и каковы настоящие отношения Баубо и Деметры? Миф определенно говорит, учит, открывает, что "пьющие эту влагу жизни приобщаются бессмертия и становятся небожителями". Мысль мифа идет далее и учит о происхождении божественного и богов на земле: быть может, Баубо и Деметра были обе простыми и равночастными женщинами, – но равенство и сходство между ними нарушилось, когда Баубо не захотела пить, и ничего у госты не спрашивала, – а тоскующая гостя захотела пить, и отказом от фигуральной "полбы" показала, что она хочет другого питья. Баубо была слишком эллинка и жила в эллинские времена, чтобы не понять, чего гостя хочет. Она вышла в другую комнату, приспособилась и, вернувшись к госте, недвусмысленным жестом ей выразила, что "согласна" и "готова".

– Гостя улыбнулась и начала пить...

В тот же момент, как бы отделясь от земли, ... она оставила Баубо внизу, а сама поднялась в сонм олимпийских небожителей, около Зевса, Хроноса, Урана, Геры, Гелиоса, Аполлона, получив имя поклоняемой "Деметры".

Таким образом, миф... миф и "тайнства" греческие... учили и открывали избранным и немногим, что то, около чего мы девятнадцать веков ставим "не

знаю", – существует и никакими гонениями не могло быть истреблено, ибо оно протягивает нить связи между землею и небом... И что происхождение "существа человека" не предполагаемо – божественно, а фактически – небесно и божественно, а обнаруживается это в неистребимом инстинкте людей, хотя бы очень немногих, повторять неодолимо "ни к чему не нужное", "ни из чего не истекающее", вполне "анормальное", если не признать суть небесную в сем: и тогда вот это *adoratio et divinatio* становится понятно, нормально и естественно.

? 1. Но это – есть.

? 2. Стало быть – суть небесная.

Арх. Хрисанф ни одним словом не сопровождает сообщения Климента и Арновия. Но замечательно, что Катков в "Очерках греческой философии" 29 тоже говорит "о шутках Баубо": но и принимает их за "шутки", "шутливость", за "игру" с богиней, не догадываясь, что под видом и зрелищем шутящей Баубо греки излагали таинства. Нужно бы посмотреть у С. Н. Трубецкого в "Метафизике Древней Греции", да лень. М. б., мои бывшие друзья справятся.

Египтянки, провозая в Серапеум нового Аписа, заглядывали в глаза юношам и напевали из Толстого:

Узнаем коней ретивых По таким-то их таврам. Юношей влюбленных
Узнаем по их глазам.³⁰

Тут встретил их пьяный Камбиз:

Из Толстого?! Запрещено! Святейшим Синодом!

И пронзил Аписа.

В Мюнхене я видел останки-мумии Аписов. Увы, мертвые они были отвратительны. Чудовищные бока и страшные рога. Умерший даже архиерей не стоит живого дьячка. И вот, когда Апис пал, о нем запели:

"– Умер!.. Умер, Возлюбленный!.." – "Женщины рвали на себе одежды и посыпали головы землею" (истории религий).

Так и египтянки, вспоминая длиннокудрого Владимира Соловьева, при выходке пьяного Камбиза, – процитировали из него:

Ныне так же, как и древле, Адониса погребаем... Мрачный стон стоял в пустыне, Жены скорбные рыдали.³¹

Дьякон подтягивает:

И ныне и присно и во веки веков.

* * *

Что я так упираюсь <+>? Разве я любил жизнь?

Ужасно хорошо утро. Ужасно хорош вечер. Ужасно хорош "встречный человек при дороге".

И мои три любви.

(на Забалканском, дожидаясь трамвая;

собираемся в Сахарну) (яркое солнечное утро).

* * *

Пьяный сапожник да пьяный поп – вся Русь. Трезв только чиновник, да и то по принуждению. От трезвости он невероятно скучает, злится на обращающихся к нему и ничего не делает.

(на полученном письме со стихотворением; любящее) (в трамвае на Забалканск).

* * *

...да ведь и оканчивается соском, как в обыкновенном детском "рожке" ("выкормили ребенка на рожке"). Даже снизу углубленьице есть – для положения языка: чего нет в детской соске.

Приспособленность, соответствие, сгармонированность – большая, чем в необходимейшем питании детей. Для чего?

5000 лет смотрели и не видели. Розанов увидел. Первый

Какое изумительное открытие Небесной Гармонии.

(на пути в Сахарну).

* * *

Никогда не упрекайте любовь.

Родители: "увидите ли вы любовь детей, не говорите им, что еще "не пришла пора любить". Они любят и, значит, любят, и – значит, пришла их "пора". Та другая, чем была у вас "пора", и она вам неизвестна, ибо вы другого поколения и другой души и других звезд (гороскоп).

И вы, дети, когда уже бородаты и кормите своих детей, не смейте делать изумленных глаз, увидев, что отец или мать начали опять зарумяниваться. Не отнимайте радости у старости. Ибо Саре было 90 лет, когда она услышала: "У нее родится сын". И засмеялась. Но Бог услышал, как она засмеялась за дверью, и сказал мужу ее, столетнему (Аврааму): "Чего она смеется: хоть 90 лет, жена твоя родит от тебя младенца, и произойдет от нее множество народа".

Ей уже не хотелось: но теперь она захотела, видя и узнав от мужа, что захотелось Богу.

Ибо Он – Великий Садовод. И не оставляет пустою ни одну кочку земли. И поливает бесплодное и удабривает каменистое, и всему велит производить семя.

Верьте, люди, в Великого Садовода.

И страшась отмщения Его, ибо Он мститель за поруганную любовь, никогда не улыбайтесь о ней.

Услышите ли о ней, увидите ли – благословите и останьтесь серьезны.

Что бы и когда ни услышали – не улыбайтесь.

Ибо улыбнуться о ней – значит лишить любовь надежд. Между тем любовь есть уже надежда, а надежда есть уже любовь к тому, на что надеется.

И не отнимайте крыл у любви: она всегда летит. Она всегда ангел, и у всякого.

(10 мая; услышав рассказ о Джорж Элиот и Т.; дай Бог обоим счастья).

* * *

Я отростил у христианства соски...

Они были маленькие, детские; неразвитые. "Ничего".

Ласкал их, ласкал; нежил словами. Касался рукой. И они поднялись. Отяжелели, налились молоком.

Вот и все.

(моя роль в истории) (7 мая; жду возле Технологического трамвая) (сборы),

* * *

"У нее голубые глаза", – сказал древнейший завет о любви и насадил для нее рай сладости.

– Нет, глаза у нее черные, – сказал второй завет о любви. И указал ей могилу.

С тех пор любят украдкой, и тогда счастливо. А если открыто, то "все уже сглазили".

(8 мая, вагон; едем в Сахарну).

* * *

Целомудренные обоняния... И целомудренные вкушения... То же в лесу, что здесь.

И если в лесу невинны, почему виновны здесь?

(вагон; близ "Барановичи"; 9 мая)

Комментарии А. Н. Николюкина

Летом 1913 г. В. В. Розанов отдыхал вместе с семьей в Бессарабии, в имении Е. И. Апостолопуло – Сахарна. Записи этого года составили книгу, получившую название "Сахарна" и разделенную писателем на три части: "Перед Сахарной", "Сахарна", "После Сахарны". По тону, характеру, манере книга непосредственно примыкает к "Уединенному" (1912) и "Опавшим листьям" (1913, короб 2-й – 1915). В предисловии к "Сахарне" намеренная нелитературность, свобода письма, интимность и доверительность тона утверждаются Розановым как принципиально значимые для него:

"Ах, книги, книги... Сочинения, сочинения... Что-то несется в душе. Кому? Зачем? Знаем ли мы источник, корень написанного? В особенности, понимаем ли мы смысл написанного, и автор и читатель? Читает книгу одно поколение, читает книгу другое поколение. Всем она одно скажет? Я думаю, смысл книг, как и растений, и цивилизаций, и каждого из нас, смертных, уясняется окончательно лишь тогда, когда мы или вот книги – умрем.

Что пишу? Почему пишу? А "хочется". Почему "хочется"? Господи, почему Ты хочешь, чтобы я писал? А разве без Твоего хотенья я написал хоть одну строку? Почему кипит кровь? Почему бежит в жилах? Почему сон? Господи, мы в Твоих руках, куда же нам деться?

Мне кажется, кому не соответствует книга, – не должен ее читать. Не пришло время, не пришла минута. Не настало "такого настроения". Или "такое настроение" прошло. Ах, мы страшно разные люди, и бесконечно разны наши минуты.

А если так бесконечно разнообразен мир, не всякие ли книги, в сущности, "должны быть". "Распустим немного губы", не будем сжимать их. Холоду, суровости, в сущности, слишком много. Ну, вот мы сжали губы и замолчали. Какой толк? Даже чаю напиток нельзя без беседы.

Зачем гордо замыкаться в себе? Зачем вообще всякое недоверие друг к другу? Мы все люди и ужасно слабы. Но уже сказав "слабы", выиграли в силе, потому что выиграли в правде. Не нужно абсолютностей. Господь с ними. Ограничимся ограниченностью, кой-какой помощью друг другу, и вообще будем вместе.

Книга, в сущности, – быть вместе. Быть "в одном" со мною, и, пусть верит читатель, я буду "с ним" в его делишках, в его дому, в его ребятках и верно приветливой милой жене. "У него за чаем".

Не будем, господа, разрушать "русскую компанию". И вот я издаю книгу" (Литературная учеба.– 1989 – ? 2.– С. 89).

Первая часть ("Перед Сахарной") печатается по корректуре невышедшей книги (ЦГАЛИ, ф. 419, оп. 1, ед. хр. 227).

¹ Шура – А. М. Бутягина, дочь В. Д. Розановой от первого брака.

² Наташа – Наталья Николаевна Розанова (1879-1950), дочь старшего брата писателя.

³ "Синтетическая философия" Герберта Спенсера – основной труд Г. Спенсера "Система синтетической философии" (1862-1896).

⁴ статья Рог-Рогачевского о футуристах – статья В. Л. Львова-Рогачевского "Символисты и их наследники" (Современник. 1913. Х9 6-7).

⁵ О, закрой свои бледные ноги – моно стих В.Я.Брюсова (1895).

⁶ поп А-бов – Альбов И. Ф., священник, с которым Розанов вел переписку.

⁷ "И взяв кусок с блюда и обмакнув его в соль – подал ему" – Евангелие от Иоанна, 13, 26.

⁸ 7 марта, "авантюра на Ялу" – 1 марта 1881 г. был убит Александр II, в 1904 г. во время русско-японской войны на реке Ялу 1-я японская армия нанесла поражение Восточному отряду генерала М. И. Засулича.

⁹ ...пишет в журнале еврея Кранихфельда – "Мир Божий", впоследствии "Современный мир", где В. П. Кранихфельд вел отдел "Литературные отклики".

¹⁰ ...почему он "скиталец" – псевдоним писателя С. Г. Петрова.

¹¹ "под Максима" – имеется в виду А. М. Горький.

¹² ...разве не такую точь-в-точь историю рассказал в "Семейной хронике" С. Т. Аксаков – подразумевается глава "Второй отрывок из Семейной хроники. Михаила Максимович Куролесов".

¹³ ...помолиться вотяцкой "Керемети" – Кереметь – (чувашск.) – творец зла. Моления Керемети совершались при эпидемиях и т. п. в священных рощах кереметах, где жрец приносил в жертву животное черной масти. Ср. в "Уединенном": "Племянник (приехал из "Шихран", Казанской губ.) рассказывал за чаем: "В день празднования вотяцкого бога (кажется, Кереметь), коего кукла стоит на колокольне в сельской церкви, все служители низшие, дьячок, пономарь, сторож церковный, запираются под замок в особую клеть, и сидят там весь день... И сколько им денег туда (в клеть) вотяки накидывают!!! Пока они там заперты, вотяки празднуют перед своим

богом..." Это – день "отдания язычеству", как у нас есть "отдание Пасхе"... В "клетях" православные сидят как бы "в плену", в узилище, в тюрьме, даже поихнему "в аду", пока их старый "бог", а по-нашему "черт" выходит из христианского "узилища", чтобы попраздновать со своим народцем..." (Розанов В. В. Уединенное. М., 1990. С. 26).

¹⁴. Скука, холод и гранит – строка из стихотворения А. С. Пушкина "Город пышный, город бледный" (1829).

¹⁵. статья о Страхове – "Идейные споры Л. Н. Толстого и Н. Н. Страхова" в газете "Новое время", 1913, 24, 28 ноября, 4 декабря. 16. in statu nascentis – в состоянии зарождения (лат.).

¹⁷. в "Понимании" – книга В. В. Розанова "О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки, как цельного знания". М., 1886.

¹⁸. "Идея рационального естествознания" – статья Розанова. Впервые: Русский вестник. 1892. ? 8. С. 196-221; затем вошла в I том книги "Литературные изгнанники" (СПб., 1913. С. 65-106).

¹⁹. Облетели цветы и угасли огни – неточная цитата из стихотворения С. Я. Надсона "Умерла моя муза!" (1885).

²⁰. "Мир как целое" – труд Н. Н. Страхова "Мир как целое. Черты из науки и природы" (СПб., 1872).

²¹. Билибин: "Теоретическая арифметика" – книга Н. И. Билибина (1899-1914) "Теоретическая арифметика. По Бертрану" вышла 4-м изданием в СПб. в 1899 г.

²². имеется в виду вторая жена И. Е. Репина, писательница Н. Б. Нордман-Северова.

²³. Tu es Petrus – Ты Петр еси (Евангелие от Матфея, 16, 18).

²⁴. Пучок – дочь Розанова Надя.

²⁵. Се – раб, се – червь – Я царь, я раб, я червь, я бог – из стихотворения Г. Р. Державина "Бог" (1780-1784).

²⁶. повесть А. В. Тырковой – очевидно, речь идет о книге А. В. Тырковой "Ночью" (СПб., 1911).

²⁷. "Религия древнего мира" – Хрисанф (Ретивцев В. Н., 1832-1883) "Религии древнего мира в их отношении к христианству" (Т. 1 – СПб., 1872; Т. 2 – СПб., 1875; Т. 3 – СПб., 1878).

²⁸. "Admonit ad gentes" – сочинение Климента Александрийского (II-III вв.) "Увещание язычникам".

²⁹. Катков в "Очерках греческой философии" – "Очерки древнейшего периода греческой философии" (1854) М. Н. Каткова; "Метафизика в Древней Греции" (1890) С. Н. Трубецкого.

³⁰. Узнаем коней ретивых – строки из стихотворения А. С. Пушкина "(Из Анакреона). Отрывок" (1835). Так цитирует это стихотворение Стива Облонский в романе Л. Н. Толстого "Анна Каренина" (Ч. I. Гл. 10).

³¹. Ныне так же, как и древле – Розанов цитирует первые строки стихотворения В. С. Соловьева: Друг мой! Прежде, как и ныне, Адониса отпевали. Стон и вопль стоял в пустыне, Жены скорбные рыдали.

ОТКЛИКИ ВОЗМУЩЕННОГО ЧИТАТЕЛЯ

Прошло сто лет после Бури... Тогда мы не справились с кораблекрушением, теперь последний шанс – вот почему русской философии и литературе нужен наш журнал, и я и все мы – последние видящие на корабле.

Вы не замечали, что даже самому смирному человеку хочется вмешаться, например, идешь мимо компании подростков, раздается грязная ругань, мальчики ругаются – да не так, как мы когда-то, не приобщаясь к *запретному*, волнуемому, с трепетом, как герой, идущий на баррикаду, а *буднично*, словно жвачку жуют и выплевывают, и девочки вторят, так же безотчетно – хочется или оплеуху дать, или одернуть, но понимаешь, что натолкнешься на вспышку агрессии и ничего положительного не достигнешь?.. Или едешь в трамвае, разговаривают мужики и бабы, о политике, о жизни, несут что-то несусветное, и становится тягостно, и тоже хочется вмешаться и даже обругать...

Но бесполезно вмешиваться в глупую речь обывателей, не читавших даже Розанова, забывших уже Толстого и Пушкина, не открывавших Достоевского и Тургенева, если и Толстой и Достоевский несут подчас не меньшую чушь!

Ну а Розанов?

Вот он пишет: «Муж гвардеец кнутом сек жену свою, за которую взял 150.000 приданого, в «Гражданине» рассказана эта история, Церковь прочла и не поморщилась, ибо «повенчана» и да убоится мужа, и только уплатив еще 150.000, отец вызволил несчастную дочь». Розанов описывает это с сердечной болью, ибо его лично касается, его церковь не стала разводить с «Суслихой» и он всю жизнь мучился, что дети его «незаконно-рожденные» - и тут же: «Бредет пьяный поп... Вдовый и живет с кухаркой... А когда рассчитывается с извозчиком – норовит дать Екатерининскую "семитку" (2 коп.) вместо пятака. И тем не менее я *отделяюсь* от Влад. Набокова, профессора Кареева и дворянина Петрункевича, и подойду к нему... Ибо он выше их и даже мудрее Платона, ибо с Богом.»

Ну так подлинно не юродивый этот придурок, этот властитель наших сегодняшних душ? Какие фантазмагии в его душе? Что он понимал о Новом Завете, о Христе, о Боге, с которыми даже иногда спорил? Что «учение Маркса всеильно ибо верно», или что верно, потому что всеильно?

Если аксиома, что Христос истинный Бог, и все что сказал и он и его ученики – абсолютная истина – то чего ты тогда вякал против попов и церкви? Смирно стой на коленях и не рыпайся! И на костер поведут, не забудь поблагодарить за спасенье души!

Но, правда, не ты ли, Василий Васильевич, вдруг возопил, когда пьяная чернь подожгла Россию с четырех углов: *А, может, Салтыков-Щедрин был и прав в своей критике российской государственности?!*

И еще пишет так: «Вина евреев против И. Христа была ли феноменальная или ноуменальная? Т. е. только "эта толпа" "не могла понять" и, главное, "теперь"- ну, "при исходе времен"? Или – от корня, издревле, от Моисея и даже Авраама? Было ли больно все от истока начиная, или – только в устье?

В последнем случае, т. е. если только "нравы" и сейчас,— не для чего было отменять обрезания и всего жертвенного культа, и суббот и храма.

В этом случае была бы у христиан сохранена библейская семья; сохранено бы было живое и животное чувство Библии, а не то, что "иногда читаем". Не было бы ужасного для сердец наших противопоставления Евангелия и Ветхого завета.»

Казалось бы, В.В. так глубоко понимает сущность христианства, и то, что **Христос пришел принести себя в жертву**, и мог придти куда угодно, и поэтому в назначенной и предопределенной им жертве не может быть виноватых, во-первых; и то, что толпа, собравшаяся на Голгофе, никак не представляла еврейский народ, даже жителей Иерусалима, во-вторых; и то, что сам Христос был в положенное время обрезан, то есть стал иудеем, и заявлял неоднократно, что пришел НЕ отменять старый закон, а подтвердить его, в-третьих – так возможно ли говорить о том, что иудаизм был изначально болен, или еврейский народ, если от той лозы он и возрос, и ученики его, и все рассуждения апостола Павла основаны на том, что еврейский народ и был той маслиной, к которой можем быть привиты мы, язычники, то есть неевреи, и вот мы и оказались привиты – кто отменял единство двух Заветов?

В Новом Завете содержится то, что содержится, на его содержание не могли повлиять ни евреи, ни иудаизм как религия, ни иудеи как церковь.

Христос сказал (или потом отменил?), что **он пришел к своему народу**, то есть к евреям, пришел его спасти через принесение себя в жертву. Так спас он свой народ или нет? Основная проблема, которая была в то время перед евреями, состояла в их пленении Римом, и восстание Баркохбы и было попыткой **спасения**. Евреи так дело и поняли, и объявили Баркохбу спасителем, но после разочаровались в нем, потому что он потерпел поражение (и значит, их не спас, и значит не спаситель). А Христос? Он ли их спас? Владычество евреев не изменилось, Иерусалим был разрушен, и храм Иерусалимский, который он клялся восстановить в три дня, был разрушен тоже. (Восстановил ли его Христос?)

Правда... евреи оказались пленены, рассеялись по миру, как во времена Вавилона и Египта, Баркохба не победил Рим, Христос даже и не пытался объединить своих соотечественников против Рима...

Но... его ученики навязали его учение прежде всего правящему слою империи, в частности, учение о непротивлении злу насилием, и Римская империя пала. Кто ее погубил? Именно христианство, для меня это очевидно.

Евреев падение Рима не спасло... Спасло ли нас то, что еврейского Спасителя (от которого они отказались, не поверив ему) мы объявили Богом европейских народов?

Русь пережила две катастрофы. Во-первых, разгром монгольскими ордами и татарское иго. По христианскому учению о том, что вся власть от Бога, во-первых, и что мир не надо исправлять, а только себя самого, во-вторых, русская церковь противилась сопротивлению русских татарам, и когда Дмитрий Донской выступил с войском против Золотой Орды, Церковь его не поддержала, только монах-отшельник Сергий Радонежский.

Вторая катастрофа случилась в 17-м году, и церковь не призвала народ к сопротивлению большевикам, и только один иерарх вступил с ними в борьбу (а церковь, подчиняясь большевикам), вступила в борьбу с ним.

«Ничего не понимаю. О, если бы кто-нибудь объяснил?!» - восклицает Василий Васильевич Розанов.

Вот для того я и призван, редактирующий и ум и сердце, редактирующий литературу, но пытающийся редактировать и жизнь и мир – объяснить наконец то, что ты не понимаешь.

Если бы ты не водил меня за руку, часто в потемках, не видя ничего и сам, ушибаясь о мир, ушибая и меня, то я ничего бы не понял. Без тебя и всех тех, которых я пытаюсь уже редактировать, и меня бы не было – но так и должно быть, что-то я увидел благодаря русским философам и литераторам, что-то увидел благодаря множеству замечательных людей, с которыми меня связала моя путеводительная жизнь, что-то дала мне Россия в целом, ее природа, история, память, народ, язык и письменность, что-то увидел и сам...

Я чувствую ярко, что незримо нитями связан с множеством людей начала двадцатого столетия, они мне передают эстафету, и со мною близкому кругу единомышленников (или одиночек).

В 1917-м году не отказались ли русские от христианства? Если вы скажете, что это большевики приказали – так в 33-м не Синедрон приказал евреям? К тому же тогда римские солдаты распинали Христа и Пилат судил его, а ныне русские мужики жгли и ломали храмы...

Сто почти лет прожили без церкви. Ныне вернулись. Вернулись ли? Все ли вернулись?

Во всяком случае, сегодня, мне кажется, еще важнее понять истоки и смысл русской революции, которая была одновременно и социальной, и религиозной, и культурной, и национальной (а эта поставила проблему не только освобождения из-под власти империи окраинных народов, но и освобождения русского народа от ига империи!)

Никаких задач не решила Русская революция, только довела русский народ до катастрофы. И ни я ни наши авторы ничего не изменят – но мы можем хотя бы узнать истину и правду, а если мы их узнаем, то тектонический сдвиг мироздания, быть может, произойдет только в силу **знания** – не такой уж дикий и пустой Русский тысячелетний народ с великой тысячелетней Историей и культурой, даже и с противоречивой церковью (историю которой мы должны узнать не по суальным православным житиям, а по действительной жизни великих русских людей, жизни, которая для наших читателей откроется на страницах этого журнала).

).

Александр ЗНАТНОВ

О ЕПИСКОПЕ АНДРЕЕ (КНЯЗЕ УХТОМСКОМ)
«Наш современник». 2007. №1. С. 192-228

ЕПИСКОП АНДРЕЙ

ИСТОРИЯ МОЕГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА

Тетрадь первая

Тетрадь вторая

Два брата, князя Ухтомских, Андрей и Алексей, оставили значительный след в русской истории. Александр (Андрей) Алексеевич, родившийся в 1872 г., окончил в 1895 году Московскую духовную академию и связал свою жизнь с церковью, Алексей Алексеевич окончил Московскую духовную семинарию, два года провел в монастыре, затем поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета и стал всемирно-известным ученым-физиологом, сформулировав *Учение о доминанте*, равносильное учению Ньютона о *Всемирном тяготении* или учению ВИ о *Всемирном притяжении любви*. Академика Ухтомского культурные люди в России знают как ученого, в дальнейшем мы познакомим читателя с отрывками из его философских сочинений, также замечательных, а теперь публикуем книгу его брата, практически в России не известного, создателя Катакомбной церкви. Я уверен, что знакомство с этими великими личностями поможет и нам, читателям, хоть немного подняться над «смрадом болот». Епископ Сергей Страгородский (о котором ниже идет речь), подчинивший церковь большевикам, председательствовал по поручению Победоносцева на собраниях Религиозно-философского общества Мережковского в начале XX в.

Редактор.

О ЕПИСКОПЕ АНДРЕЕ (КНЯЗЕ УХТОМСКОМ)
«Наш современник». 2007. №1. С. 192-228

Александр ЗНАТНОВ

В славной и горестной истории Русской церкви XX века есть архиерей, стоящий словно бы наособицу. Но не отдельно, а всегда среди простых людей и в гуще событий.

Потомок легендарного Рюрика, князь *Александр Алексеевич Ухтомский* родился в российской глубинке, в селе Вослома Рыбинского уезда Ярославской губернии, 26 декабря 1872 г. Родители мечтали о традиционной для аристократа военной карьере, но несмотря на диплом Нижегородского кадетского корпуса им. графа А. А. Аракчеева, девятнадцатилетний юноша в 1891 г. избрал духовное поприще. В 1895 г., будучи выпускником Московской духовной академии, защитил кандидатское сочинение на тему «О гневе Божиим» и принял иноческий постриг. В 1907 г. был хиротонисан в епископа Мамадышского, третьего миссионерского противомогометанского викария (то есть без кафедры и паствы) Казанской епархии. Ровно через 30 лет принял мученическую смерть.

Владыка всю жизнь посвятил Церкви Христовой, за нее и пострадал.

За стремление восстановить на основе церковных канонов выборы священства и соборность приходской жизни епископ несколько лет находился под негласным надзором охраны. За непримиримость по отношению к знаменитому Григорию Распутину он был в 1911 г. неожиданно для всех перемещен из Казани в Сухуми. После Февральской революции 1917 г. его кандидатура была выдвинута на Петроградскую митрополичью кафедру. Газета «Новое время» сочувственно писала: «М. В. Родзянко горячо отстаивал кандидатуру епископа Андрея, с именем которого связаны надежды на решение наболевшего вопроса русской церковной жизни – на реформу прихода. Епископ Андрей, как отметил М. В. Родзянко, был одним из тех немногих смелых пастырей, которые подняли свой голос против распутинской скверны». (Выборы митрополита // Новое время. 1917. 25 мая (№ 14785). С. 5.) Судьба распорядилась иначе: еп. Андрей остался вместе со своей родной уфимской паствой, правящим епархиальным архиереем которой он был назначен в 1913 году.

В 1918 – 1919 гг. владыка окормлял духовенство 3-й армии адмирала А. В. Колчака. С 1920 г., за редкими продохами свободы, он постоянно томился в тюрьмах, ссылках, лагерях. По приговору «тройки» при УНКВД СССР по Ярославской области святитель Христов был расстрелян 4 сентября 1937 г. в тюрьме Ярославля.

Личность епископа Андрея (князя Ухтомского) всегда привлекала к себе внимание. При жизни он был любим церковным народом, уважаем братьями по вере, гоним властями предрержащими, а после смерти подвергся казни историков.

Речь здесь пойдет об одном событии из биографии владыки Андрея, которое тесно сплелось с послереволюционной историей Русской церкви, да так, что последствия оно сказываются доселе.

В то время как еп. Андрей сидел в Ярославском политизоляторе НКВД, митр. Сергей (Страгородский) опубликовал в единственном христианском периодическом издании, разрешенном И. В. Сталиным, «Журнале Московской патриархии», свой богословско-исторический приговор в отношении еп. Андрея: «Классическим примером попытки друг друга перехитрить при переносе благодати священства из <...> церкви в раскол является «чин», устроенный в сентябре 1925 г. в Ашхабаде е. Андреем Ухтомским и убежавшим из церкви архим. Климентом. По поручению старообрядцев Климент приехал к еп. Андрею приглашать его перейти к ним. Е-<пископ> Андрей прекрасно знал, что старообрядцы примут его к себе только по второму чину, то есть с отречением от никонианства и чрез миропомазание, и все-таки согласился. Но, отрекаясь от никонианства, он воспользовался софизмом: исправления Никона послужили толчком для церковных реформ Петра I; а на почве последних выросло новое направление в церковной жизни, породившее обновленцев. Следовательно, отречься от обновленчества – значит отречься от никонианства. Помазал себя и миром, но старался думать, что совершает не таинство миропомазания, а простое помазание в знак духовной радости по случаю совершившегося. Климент, которому предстояло получить от е. Андрея хиротонию в архиереи, поспешил закрыть глаза на все эти маленькие неточности. Е. Андрей стал старообрядческим архиереем, а Климент получил хиротонию. Однако старообрядцев такое *qui pro quo* не удовлетворило; они не признали ни Андрея своим, ни Климента архиереем». (Сергий (Страгородский). Значение апостольского преемства в инославии // Журнал Московской патриархии. – 1935. № 23-24. С. 11.)

Известный до революции как деятельный участник «Союза русского народа» митр. Вениамин (Федченков), вернувшийся после Великой Отечественной войны из США в СССР, в своих воспоминаниях 1954 г. следом за митр. Сергием (Страгородским), секретарем которого состоял в 1910-х гг., обнаруживает, что у еп. Андрея «была странная симпатия к старообрядцам». По мнению митр. Вениамина, «...Епископ Андрей и после революции все пугался в этом увлечении людьми старой веры, кончил чуть ли не отрывом от церкви». (Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М.: «Отчий дом», 1994. С. 243.)

Исходя из этой официальной версии, историк Московской патриархии, митр. Мануил (Лемешевский) утверждал в знаменитой «Библиографии русских епископов», что еп. Андрей «28 авг. 1925 г. перешел в старообрядческий раскол, приняв от них миропомазание, за что патриаршим местоблюстителем митрополитом Петром был запрещен в священнослужении». (Die Russischen Orthodoxen bischofe von 1893 bis 1965. Bio-Bibliographie von mitropolit Manuil (Lemesevskij) bis zur Gegenwart von P. Coelestin Patock OSA. Teil I. Erlangen, 1986. S. 251.)

Современный церковный историк Лев Регельсон сдержан: «Ушел в старообрядчество». (Регельсон Л. Л. Трагедия Русской церкви. 1917-1945. М.; Крутицк. патр. подворье, 1996. С. 538.)

Внимание к судьбе владыки было устойчиво как в России, так и за рубежом. Находившийся в изгнании православный публицист и миссионер Владимир Марцинковский писал: «Как теперь стало известным, еп. Андрей перешел к старообрядцам, последовав примеру петербургского профессора – архимандрита Михаила (ставшего епископом у старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию)». (Марцинковский В. Ф. Записки верующего. Из истории религиозного движения в Советской России (1917-1923). Прага: Изд. автора, 1929. С. 36.)

Новейший биографический справочник «За Христа пострадавшие», выпущенный коллективом московского Тихоновского богословского института, рассказывая о судьбе еп. Андрея, почти дословно повторяет митр. Мануила: «1925, 28 августа – перешел в старообрядческий раскол; принял миропомазание от старообрядцев-беглопоповцев в г. Полторацке. 1926, 26 апреля – запрещен в священнослужении заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским)». (За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую православную церковь, 1917 – 1956: Биографический справочник. Кн. 1: А-К. М., 1997. С. 85.)

Считающаяся в настоящее время самой авторитетной «Православная энциклопедия» вообще утверждает следующее: «28 авг. 1925 г. в Полторацке (совр. Ашхабад) предпринял попытку соединения с беглопоповцами с совершением над собой миропомазания и произнесением «Исповедания веры». (Православная энциклопедия. Т. II. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2001. С. 364.) Этот конфузливый эвфемизм – «предпринял попытку» – весьма характерен в нашу колеблющуюся и ни в чем не уверенную постмодернистскую пору.

А что же сами старообрядцы?

Например, беглопоповцы постановлением своего Главного церковного совета от 1 ноября 1925 г. и 23 мая 1926 г. не признали присоединения к ним епископа Андрея. Этот факт подтверждают и чрезвычайно осведомленные в те годы обновленцы. (См.: Староцерковники и старообрядцы. (Материалы для истории разложения староцерковничества) // Вестник Священного синода Православной российской церкви. 1927. № 9-10 (22-23). С. 27, 28.)

Рогожские энциклопедисты до сего времени терзаются сомнениями: «наш али не наш»: «Вопрос о правомерности отнесения еп. Андрея к числу архиереев Белокриницкой (старообрядческой. – А.3.) иерархии по-прежнему считается открытым вследствие как неразработанности архивных документов, так и крайне непродолжительного периода его пребывания на свободе». (Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: «Церковь», 1996. С. 26.)

Впрочем, упомянутый приговор синодского митр. Сергия все-таки

оказался обжалован. Невзирая на переход еп. Андрея в «старообрядческий раскол», он был канонизирован Русским зарубежным синодом в 1981 г., хотя уже в 1993 г. на Архиерейском соборе еп. Григорием (графом Ю. П. Граббе) был поставлен, но не утвержден вопрос о «деканонизации» владыки. Глаголемые «истинные православные христиане» (ИПХ), составляющие катакомбное движение в Русской церкви, основателем которого считается владыка, тоже канонизировали его в 1999 г. В Уфимской и Казанской епархиях РПЦ еп. Андрея почитают как местночтимого святого и продолжают слать обращения в Московский синод о его всероссийской канонизации.

Так перешел ли он действительно в старообрядчество?

Современный биограф святителя М. Л. Гринберг в своем псевдонимном исследовании «Жизнь и деятельность епископа Андрея (кн. Ухтомского)» много внимания уделил «старообрядческому фактору» в его жизни и попытался реконструировать события на основе косвенных свидетельств. В качестве приложения к своей книге он опубликовал вторую тетрадь еп. Андрея «История моего старообрядчества». При этом сетовал на то, что не знаком с первой, в которой подробно изложены события «присоединения» владыки к старообрядчеству. Исследователь писал: «До сего времени нам не удалось обнаружить рукописи, и мы, к сожалению, вынуждены пользоваться лишь беглым обзором тогдашних событий во второй части «Истории», а также тенденциозно (разрядка моя. – А.З.) изложенными сведениями, исходившими от обновленцев и лагеря митрополита Сергия (Страгородского)». (Зеленогорский М. Л. Жизнь и деятельность епископа Андрея (князя Ухтомского). М.: «Тerra», 1991. С. 111.)

В самом деле, вместо предположений лучше опираться на факты. Тем более когда они изложены не просто очевидцем, но самим участником событий, что мы и делаем, впервые публикуя сокровенную первую часть наконец-то разысканной нами «Истории моего старообрядчества» епископа Андрея.

В настоящее время книга владыки Андрея «История моего старообрядчества» готовится к выпуску в свет в московском издательстве «Алгоритм».

ЕПИСКОП АНДРЕЙ

ИСТОРИЯ МОЕГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА

Часть первая

1926 г., ноября 30-го

Епископу Петроградской православно-старообрядческой общины
святителю Геронтию[1] на молитвенную память,

Епископ Андрей

За м. с. о. н., Г. И. Х. С. Б. п. н. а.[2]

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

С самым тяжелым чувством начинаю этот свой небольшой труд. Всегда я писал только то, что хотел писать. А тут сейчас начинаю писать только потому, что вынуждаюсь обстоятельствами. Мне казалось, что неизвестные два документа относительно моего воссоединения со старообрядцами, разошедшиеся в рукописи среди людей, интересующихся этим вопросом, достаточны для людей, понимающих дело и любящих его. Я разумею два документа под заглавием: «Акт воссоединения» и «Исповедание веры епископа Андрея»*. Но оказалось, что этого очень недостаточно; оказалось, что наши руководители церковной жизни вполне не понимают сущность этих документов и их оценили правильно только руководители беглопоповского раскола [3] во главе с бывшим ректором Саратовской семинарии и ныне беглопоповским архиепископом Николою Позднеевым [4]. Этот Никола понял указанные документы и отверг всякое «воссоединение», признав один только бывший ранее раскол. Таково отношение к воссоединению с стороны беглопоповцев, основанное на глубоком <не>понимании дела и личных эгоистических целях.

Но почему наши «православные» не желают «воссоединения» со старообрядцами; почему для них нужен только раскол, этого я понять никак не могу. Невольно при этом вспоминаю один инцидент на Киевском миссионерском съезде 1908 года [5]. Там присутствовало 34 (тридцать четыре) епископа. Такого съезда епископов за последние два-три века на Руси не было. На съезде председателем был назначен (от синода) архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) [6]. И вот на епископском совещании под председательством митрополита Антония Вадковского [7] был поднят вопрос о восстановлении памяти и церковного почитания святой Анны Кашинской [8]. Архиеп. Антоний Волынский просил епископов воспользоваться случаем и, кроме того, от имени 34 епископов написать и подписать воззвание к старообрядцам с предложением обсудить пути примирения с ними.

Епископы в ответ долго молчали, и это красноречивое молчание только прерывалось мелким шепотом и сопровождалось недоуменными взглядами. Наконец один из епископов (Владимир Екатеринбургский) начал расспрашивать о том, кто это Анна Кашинская, и с изумлением узнал, что она была двуперстница [9] (то есть почти раскольница). Тогда стали раздаваться следующие вопросы: удобно ли восстанавливать ее церковное почитание ввиду такого обстоятельства... Такие речи вывели из терпения не очень сдержанного архиеп. Антония, и он сказал почти буквально следующие слова: «Я воображал, что буду делать доклад людям, хоть сколько-нибудь осведомленным со старообрядчеством, но вижу, что здесь люди, совсем его не знающие; признаюсь, я ошибся и снимаю свое предложение».

Только доброта и находчивость митрополита Антония Вадковского сгладили впечатление от этого авторитетного архипастырского рассуждения о старообрядчестве; но воззвание к старообрядцам так и не было написано.

Вот мне и думается, что только полная неосведомленность, что такое старообрядчество, заставляет наших «православных» так неправо, так лживо говорить обо мне и моих отношениях к расколу и к старообрядчеству.

И если это только неосведомленность, то да простит Господь этих неосведомленных людей – хотя для епископов, стремящихся завладеть руководством всею жизнью, такая неосведомленность едва ли простительна.

Но если здесь есть еще нечто большее, вроде сознательной клеветы, то такое отношение к церковному делу великой важности уже вполне преступно и не извинительно.

Читатель должен сам разобраться, нужен раскол или не нужен и кому нужен раскол в церкви, а я, с своей стороны, предупреждаю читателя этих и последующих строк, что мое личное мнение таковое: раскол в Русской церкви есть величайшее несчастье и тяжкий грех тех, кто не хочет служить делу церковного объединения.

Раскол должен быть изжит и уничтожен, а старообрядчество, святая древнерусская община, должно быть образцом для устройства общин православных.

Вот к чему я стремлюсь, вот какие мои цели по отношению к старообрядчеству и к расколу.

1. ПОВОД К НАПИСАНИЮ ЭТИХ СТРОК

Поводом к написанию этих строк явилось воззвание митрополита Нижегородского Сергия [10] к моей уфимской пастве, полученное в Уфе 22 августа 1926 г. и озаглавленное так: «Благочестивым прихожанам уфимской Симеоновской церкви и прочим единомысленным с ними почитателям еп. Андрея» [11]. Если бы не было этого воззвания, я не имел бы достаточного основания к тому, чтобы тратить время на эту мою работу – по моему мнению, совершенно излишнюю. Но митрополит, заместитель местоблюстителя патриаршего престола, пишет на меня неправду, возводит на меня

клевету пред теми, кто считает меня своим епископом. Разве этого мало, чтобы постараться пред моею паствою выяснить неправду заместителя местоблюстителя? Я считаю, кроме того, своим долгом, защищая себя, хотя бы между прочим указать, какие легкомысленные личности стоят и могут еще стоять очень долго в нынешние времена во главе управления Русской церковью. Пусть это знают те, кому дорога церковная жизнь, кто боится ее болезнями...

Итак, переписываю полностью все воззвание митрополита Сергия к моей пастве. Оно таково:

«Ко многим другим разделением, какими в наше мятежное время обуреваются св. Церковь Христова, прибавилось и ваше уфимское разделение. Там ищут – кто власти, кто житейских удобств, вы ищите, по-видимому, правды, разделяетесь от нас из-за любви и уважения к вашему бывшему архипастырю, епископу Андрею. Так как «центральная церковная власть» (как называет ее ваш приходской совет в своем постановлении от 25 мая / 7 июня) в лице местоблюстителя митрополита Петра [12] и меня, его заместителя временного, несправедливо, по вашему мнению, обидела еп. Андрея, то и не нужно этой центральной власти; она не оказывается даже сколько-нибудь удовлетворяюще каноническим требованиям, и Симеоновскому приходу остается только молиться о том, чтобы истинная центральная власть «была дарована от Бога», а пока руководствоваться распоряжениями митрополита Агафангела [13] от 5 мая 1922 года.

Намерения ваши как будто благие, а конец их – то же разделение; нешвенный хитон Христов опять раздражается к соблазну малодушных и к торжеству врагов креста Христова.

И вы и мы одинаково верим, что Церковь Христова не только духовно, но и видимо едина и что это видимое единство Церкви выражается, между прочим, в том, что всякая страна имеет своего первого епископа (Апостол, прав. 34) [14] и что послушание первому епископу, если он не осужден церковным судом или не обличен в ереси, обязательно для всякого православного епископа, клирика и мирянина (Двукр. соб., 15–17). Ни над владыкою митрополитом Петром, ни надо мною церковного суда не было. Точно так же никого из нас вы не обличаете в ереси. Почему же послушание нам представляется вам необязательным? Почему вы готовы молиться, чтобы скорее дарована была вам власть, которой бы вы слушались, а существующей законной церковной власти слушаться не хотите? Почему распоряжение бывшего первого епископа (владыки Агафангела) вы исполняете, а распоряжение первого епископа, которого вам Бог дал для настоящего времени, исполнять не хотите? Послушание ведь состоит прежде всего в отказе от своей воли и своего выбора. Если же вы одному законному указанию повинуетесь, а другого, столь же законного, слушаться не хотите, то это уже не послушание, а произвол и самочиние, живущие по которому «падают, – по словам Писания, – яко листья».

Вам кажется совершенно несправедливым запрещение, наложенное на еп. Андрея. В своем гневе на такую, по вашему мнению, обиду вы готовы

объяснить действия патриаршего местоблестителя и мои разными своекорыстными происками и доносами преосвященного Иоанна [15], чем угодно, только не обязательным для нас желанием охранять во святой Церкви благочиние и нерушимость священных канонов. Но разберемся в этом деле по возможности спокойно и без раздражения.

Прежде всего прошу вас верить, что еп. Андрея я знаю и, вместе с вами, считаю его по жизни безукоризненным человеком, строгим аскетом и самоотверженным пастырем; при всем том он человек и, как человек, может и ошибаться и увлекаться своими мнениями дальше, чем следует, и в увлечении принимать за истину то, что имеет только вид истины, а на деле заблуждение или, на языке духовной жизни, – «прелесть». Недаром сказано: «многие пути кажутся человеку правыми, но конец их погибель» [16]. Чистосердечно увлекаясь желанием послужить спасению многих, но не сообразив своего желания с волею Божиею, выраженной для нас в церковных постановлениях, еп. Андрей пришел к деяниям, которые вместо славы и спасения многих грозят посрамлением и погibelью и ему, и всем, кто пойдет за ним.

28 августа прошлого года в Асхабаде беглопоповцем Климентом совершен чин приема еп. Андрея в старообрядчество. Теперь еп. Андрей утверждает, что этим чином не он, еп. Андрей, перешел к беглопоповцам, а наоборот, беглопоповцы соединились с ним и чрез него с православною церковью.

Но дело нужно брать таким, как оно совершилось. Мы знаем, что при приеме кого-либо в церковь читается исповедание веры и отрекается от ересей не принимающий, а тот, кого принимают. Точно так же крещается, миропомазуется или исповедуется не принимающий, а опять тот, кого принимают. Наоборот, оглашение читает принимающий, а не принимаемый. Между тем 28 августа оглашение как раз читал Климент, а отрекался от ересей, исповедовался и, наконец, миропомазался еп. Андрей. Значит, принимающий был беглопоповец Климент (и, конечно, в беглопоповство), а принимаемым – еп. Андрей.

В этом смысле понимал чиноприем и совершитель его Климент. В докладе своему церковному начальству 15 сент. 1925 года он рассказывает, что, во-первых, и поручение, данное ему, состояло в том, чтобы вести переговоры с епископами господствующей Российской церкви о переходе их к старообрядцам и в случае согласия кого-либо из них «принять такового в лоно древлеправославной Христовой Церкви вторым чином» [17]. Во исполнение какого поручения Климент и обратился с указанною совершенно определенно целью к одному из архиереев «господствующей Российской церкви» [18], к еп. Андрею, и когда тот на принятие вторым чином в Климентову «церковь» согласился, то, говорит Климент, он мною и был принят в старообрядчество, то есть не просто приглашен быть у старообрядцев епископом, как хочет представить дело еп. Андрей (о приглашении речь шла уже после чиноприема), а именно принят как член заблудшей «господствующей церкви» в Церковь древлеправославную Христову.

Несомненно, и «никонианство» [19], от которого отрекался еп. Андрей, для Климента и др. беглопоповцев означало не «Живую церковь» [20] (от нее еп. Андрею отрекаться не было нужды), а именно нашу православную Христову Церковь, именуемую беглопоповцами «господствующей» [21].

Такому пониманию чина соответствуют и сопровождавшие его подробности. Вместе с еп. Андреем присоединилась, как мы знаем, и приходская община со своим храмом. И вот храм подвергся малому освящению, «окроплен св. водою». Антиминс же, замечает Климент, «у них древнего образца», то есть с восьмиконечным крестом [22] (вот почему его не переменили при обращении храма в старообрядческий).

Следовательно, как бы ни старался епископ Андрей толковать по-своему совершённый над ним чиноприем, для Климента и других беглопоповцев это был переход еп. Андрея в беглопоповство, а не наоборот. Но в таком случае оказывается не достигнутой единственная цель, которую оправдывает еп. Андрей свой поступок: соединение беглопоповцев с православною церковью. Не подозревая, что их соединяют с этой церковью, и даже совсем не желая этого соединения, беглопоповцы, конечно, не могли оказаться незаметно для себя в ограде церковной, как, например, не исповедующий грехов не может получить их разрешения. Не может еп. Андрей утешать себя и тем, что беглопоповцы, хотя они и не желают соединения с нашей церковью, но вошедшие каким бы то ни было путём в общение с ним, православным епископом, тем самым получили для себя источник благодати. Источник благодати есть сама св. Церковь Христова; мы же, епископы, остаёмся такими источниками только до тех пор, пока действуем от имени и с согласия церкви, то есть послушные её постановлениям, и находимся в общении с нею. Выйдя из послушания церкви, тем более потеряв общение с нею (в лице православного патриарха), епископ перестаёт быть и источником благодати.

В конце концов акт 28 августа обнажается во всей своей кощунственности: православный епископ, не имея в мыслях отречься от церкви, тем не менее позволяет беглопоповцу совершить над собою обряд присоединения вторым чином. Если еп. Андрей видел, что Климент понимает дело по-своему, он должен был остановить обряд и растолковать, как он должен понимать. Если же о подлинных намерениях и мыслях Климента еп. Андрей узнает только теперь, он не может молчать, потому что молчание в данных условиях равносильно согласию с заблуждениями беглопоповцев и отречению от церкви. Еп. Андрей должен во всеуслышание объявить о происшедшем недоразумении и оплакать свою великую и соблазнительную ошибку.

За одним грехом следует другой: не пытаясь ничем рассеять очевидного недоразумения, еп. Андрей посвящает Климента во епископа. Говоря языком церковных канонов, это значит: бывшего православного священника, отрекшегося в своё время от православной церкви и принявшего кощунственное (для нас) миропомазание, за это подпавшего запрещению (а может быть, даже извержению из сана), никем не разрешённого и даже не очистившего свою

совесть от этого греха хотя бы покаянием пред православным духовником, еп. Андрей не только допускает к священному служению и к причащению св. тайн без увольнительной грамоты от своего архиерея, но и возводит на высшую степень – во епископа. Уже одним этим еп. Андрей порывал общение с православною иерархией и подлежал запрещению и даже извержению из сана.

Узнав о происшедшем 28 августа, патриарший местоблюститель наложил на еп. Андрея запрещение. Вы жалуетесь, что еп. Андрей наказан без суда, без объяснения с его стороны и даже без уведомления о запрещении.

Но запрещение и не является судебным наказанием. Это лишь предсудебная мера, обычно применяемая в тех случаях, когда предъявляется обвинение, грозящее лишением сана. В случае суда над пресвитером последовательную эту меру обязан применить к обвиняемому епархиальный архиерей, а когда обвиняется архиерей, то же должен сделать первый епископ.

Уведомление о наложении запрещения несомненно было послано еп. Андрею, но, вероятно, затерялось по дороге. Впрочем, хотя бы и не было принято мер к уведомлению, это не может служить оправданием для еп. Андрея, так как он и сам не исполнил своей обязанности сообщить о происшедшем 28 августа местоблюстителю. По 34-му апостольскому правилу, епископ не может делать без воли первого епископа ничего превышающего его власть как епархиального.

Воссоединение беглопоповцев – дело, конечно, не епархиальное, хотя бы по одному тому, что они живут во многих чужих для еп. Андрея епархиях. Следовательно, прежде чем начать это дело, еп. Андрей должен был испросить на него благословения у местоблюстителя. Если же обстоятельства вынуждали его действовать безотлагательно, он должен был уведомить местоблюстителя немедленно по совершении дела, чтобы получить от первого епископа утверждение совершённого или какие-либо другие указания. Молчание еп. Андрея в данном случае означает только нежелание повиноваться местоблюстителю, непризнание над собою канонической власти последнего.

О том же непризнании говорит то, что, зная теперь о запрещении, еп. Андрей продолжает священнодействовать, не боясь запрещения канонов (напр., Карф., пр. 38 и другие). Правда, вы пишете, что он это делает по просьбе народа. Но при хиротонии мы все обещались «ничего не творити вопреки канонов, хотя бы и от множества народа нудимы».

О непризнании местоблюстителя говорит и совершение еп. Андреем нескольких хиротоний архиерейских без благословения, хотя, конечно, он знает, что такие поставления не имеют силы (Антиохийского собора пр. 19). Не может быть оправдано это совершение и какою-нибудь гнетущую нуждою, потому что в самых хиротониях не было ни экстренной, ни даже вообще никакой нужды (что видно хотя бы из того, что еп. Мельхиседек, поставленный еп. Андреем для Туркестанской епархии, в ней, однако же, не остался). Не оправдывает и ссылка на словесное благословение <патр. Тихона [23]>, распространяемое только на те хиротонии, которые совершены были

при его жизни и которые были потом утверждены. С кончиной же святейшего патриаршие права и власть полностью перешли к местоблюстителю.

Мы знаем по 15-му прав. Двукратного собора: «аше который епископ... дерзает отступить от общения со своим патриархом и... прежде соборного оглашения и совершённого осуждения его учинит раскол, таковому святыи собор определяет быти совершенно чужду священства. Такой разрыв извинителен только в том случае, когда патриарх обличен в ереси». Но повторяю: каким судом осуждены и лишены должностей патриарший местоблюститель митрополит Петр и я, его заместитель, и в каких ересях мы обличены, чтобы можно было не считаться с нами?

Так, позабыв долг канонического послушания первому епископу, еп. Андрей доходит до чистого самочиния и, мечтая соединить с православными внецерковных старообрядцев, на деле производит новый раскол среди православных, то есть совершает грех, не омываемый, по учению св. отцов, не только исповедничеством, но даже и кровью мученичества. Невольно приходит на ум страшное изречение пророка: «Егда реку праведнику жизнею жив будеши, сей же уповая на правду свою и сотворит беззаконие, вся правда его не воспоминается, – в неправде своей, юже сотвори, в той умрет» (Иезек., 33:13).

Сознаю, что вам тяжело читать и слушать все сказанное о вашем любимом пастыре. Не легче и мне все это писать; однако, если ваша привязанность к нему одушевлена истинною евангельскою любовью, ваш долг не в том, чтобы несмотря ни на что поддерживать своего пастыря даже в его ошибках и заблуждениях; этим вы только утвердите его на ложном пути и сами с ним погибнете духовно.

Ваш долг – употребить все ваше усердие и всю любовь к нему, чтобы возвратить его на его прежний прямой путь. Убедите его и своею любовью облегчите ему нелегкий крест покаяния. Пусть я недостойный носитель звания первого епископа. Но что о мне говорить, «аз токмо свидетель», притом временно и даже, может быть, на очень короткое время поставленный случайно (но для веры не без воли Божией) на этом месте. Вопрос же идет о вечном спасении многих и о благосостоянии и единстве святой нашей православной церкви, которую Христос стяжал Своею Кровию.

И так от имени Христова просим – примиритесь с Богом (2 Кор., 5:20) [24].

Сам же Господь, пречистые утробы Своя неизследимые благи отвержай всякому приходящему к Нему с желанием и любовию теплою, да управит путь ваш к этому святому делу и да даст нам снова вместе с вами и с возлюбленным пастырем вашим, еп. Андреем, едиными устами и единым сердцем славить Его пресвятое имя Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

Подпись: за патриаршего местоблюстителя Сергий,
митрополит Нижегородский.

16 (29) августа 1926 г. Н. Новгород».

Вот воззвание митрополита Сергия, адресованное моей уфимской пастве.

2. НЕПРАВДА ЗАМЕСТИТЕЛЯ МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ

Прочитав послание митрополита Сергия, я ощутил чрезвычайно сложное чувство. Мне нередко в жизни приходилось быть предметом всякой разносторонней клеветы, но чтобы клевета была подписана столь высокопоставленным лицом – это я переживаю впервые. Я был ошеломлен и за себя, и за дело церковное. Поэтому я и прошу беспристрастного суда читателей, прошу читателей помнить всю огромную важность обсуждаемого дела, разобраться в нем беспристрастно и сказать свое мнение об епископе, который авторитетно подписывает явную фактическую неправду. И еще прошу читателей сказать, каким образом епископ, желающий (чрезвычайно желающий) руководить жизнью всей Российской церкви (легко сказать!), каким образом местоблюститель патриаршего престола может говорить фактическую неправду; это для меня представляется чем-то столь грустным, столь печальным, что я готов только горько плакать, ибо в чьих же руках находится управление св. Церковью. В какую же яму вожди слепые [25] могут завести верующих людей, доверяющих на слово всяким митрополитам, местоблюстителям, заместителям и т.п. Положение прямо отчаянное, если рассуждать по-человечески. Но будем верить, что Сам Господь не оставит людей своих, когда пастыри изменяют служению своему (см. Иезек., гл. 34).

Теперь перехожу к подсчету всей той неправды, которую наговорил на меня митр. Сергий. Я не буду возражать на те комплименты по моему адресу, которыми митр. Сергий хочет выразить сочувствие ко мне. Эти комплименты тоже неправда – ибо от меня аскетизмом и не пахнет, и пастырь я самый грешный, что великолепно доказал в своем воззвании митр. Сергий, если он говорил правду. А он меня называет безукоризненным человеком, а потом на целом листе перечисляет мои преступления, вроде «кошунства», обмана, непослушания почтенным первым епископам и т. д. Хорош «безукоризненный человек». Хорош «самоотверженный пастырь»... Немного же митрополит Сергий требует от «безукоризненного и самоотверженного» пастыря... Каково же у него представление о своих пастырях «укоризненных»? Воображаю, что за пастыри.

Я не повторяю этой ошибки митрополита Сергия и буду говорить без комплиментов, я буду говорить только о великой и разнovidной неправде, которую митрополит Сергий написал в своем послании моей пастве обо мне.

Итак, начинаю перечислять эти неправды митр. Сергия.

1) Епископ Андрей доходит до чистого самочиния и, мечтая соединить с православными внецерковных старообрядцев, производит новый раскол среди православных.

2) Епископ Андрей согласился на принятие в «Климентову церковь» вторым чином и позволил беглопоповцу совершить над собою обряд присоединения вторым чином.

3) Вместе с епископом Андреем присоединилась («как мы знаем», пишет м. Сергий) и приходская община со своим храмом.

4) Храм (где молился еп. Андрей) подвергся малому освящению.

5) Для беглопоповцев чин, совершённый над еп. Андреем, был переходом епископа Андрея в беглопоповство, а не наоборот.

6) Еп. Андрей был «принимаемым» в беглопоповство, а принимающий был <архим.> Климент.

7) От «Живой церкви» епископу Андрею не было нужды отречься.

8) При приеме еп. Андрея в старообрядчество оглашение «как раз читал» <архим.> Климент, а отрекался от ереси, исповедовался и, наконец, миропомазался еп. Андрей.

9) Архимандрита Климента, отречьшегося от православной церкви, никем не разрешенного и даже не очистившего свою совесть покаянием пред православным духовником, еп. Андрей возводит на степень епископа.

10) Запрещение есть предсудебная мера.

11) Когда обвиняется архиерей в каком-либо преступлении, то запрещение должен произвести первый епископ.

На все эти неправды (или клеветы) я вынуждаюсь дать обстоятельный ответ со всеми подробностями. Но я постараюсь написать именно историю моего старообрядчества, а не полемизировать с митр. Сергием и тем более не защищаться пред ним, ибо это совершенно бесполезно для церковного дела и чрезвычайно скучно.

3. БЛАГОСЛОВЕНИЕ, ПОЛУЧЕННОЕ МНОЮ ОТ ПАТРИАРХА ТИХОНА

Самое тяжелое обвинение, которое мне бросает митр. Сергей, – это то, что я, решив послужить делу объединения старообрядцев-раскольников [26] со всеми старообрядцами и новообрядцами православными, не спросил на это благословения и разрешения у патриаршего местоблюстителя, митр. Петра. Мое мнение о митр. Петре я скажу ниже и скажу мое мнение и об его правах на «местоблюстительство». А пока я должен сказать, что дело молитвенного воссоединения со старообрядцами-беглопоповцами мною было начато в 1917 году во время собора, с ведома и благословения патр. Тихона, и все, что я сделал в Асхабаде (Полторацке [27]) в 1925 году, – все сделано было мною только потому, что каждый шаг мой в этом деле был обдуман еще восемь лет назад и проверен такими авторитетами, как патр. Тихон и митр. Антоний (Храповицкий). Иначе на самочинный поступок я не решился бы, несмотря на всю его привлекательность. И если я имел бы возможность сделать великое дело, доброе дело (великой важности) и не сделал, то подпал бы суду церковному за свою леность, ибо в св. Писании сказано: «Кто понимает делать добро и не делает, тому грех» (Иак., 4:17). Чтобы на мне не было этого греха, я и сделал то, что мне велел сделать Господь. На все сделанное мною я имею оправдание в моей совести и в совести тех, кто с моим делом знаком.

Мои переговоры со старообрядцами в 1917 году прервались из-за московских беспорядков. А потом, в 1924 году, в Бутырской тюрьме я узнал, что беглопоповцы обошлись без моих услуг и взяли себе епископом живоцерковника, архиепископа Николая Саратовского, бывшего тридцать лет ректором семинарии и с принятием его вторым чином в раскол проклявшего буквально всю свою жизнь и деятельность.

Мне было горько слышать, что беглопоповцы сделали такую трудно поправимую ошибку, и я только на память для других церковных деятелей записал все переговоры, которые я вел с беглопоповцами в 1917 г. Начал я этот коротенький труд под заглавием «Письма о старообрядчестве» [28] еще в Бутырке, а окончил в Асхабаде в 1925 г., за месяц до моего знакомства с архимандритом Климентом.

Теперь эти строчки, написанные мною совершенно случайно, имеют для меня огромное нравственное значение, а для церковной жизни они имеют и каноническое значение. Из этих десяти «Писем о старообрядчестве» имеет ближайшее значение для дела моего объединения со старообрядчеством только одно – восьмое. Это восьмое письмо я здесь и выписываю полностью. Оно озаглавлено у меня так: «Беглопоповцы в октябре-ноябре 1917 года»; содержание его такое:

«Мое знакомство с беглопоповцами в Москве осенью 1917 года [29] началось с того, что нижегородский монах из беглопоповцев Иероним пригласил меня на обед к председателю московского беглопоповского братства Льву Алексеичу Молехонову [30]. Я с удовольствием принял это приглашение, угадывая, что это будет трапеза веры и любви.

Я не обманулся: за обедом мы два-три часа проговорили о возможности для меня быть епископом беглопоповского братства...

Через две-три недели повторились и приглашение и обед, с тою разницею, что на обед были приглашены представители беглопоповства из всей центральной России: Тулы, Калуги, Брянска, Поволжья.

Обсуждали вопрос опять о возможности для меня быть «беглым» епископом.

Конечно, мне было предложено «перемазывание» [31], то есть принятие меня в беглопоповское братство «вторым чином». Но я, конечно, решительно отказался от всякого «перемазывания». Я сказал, что я православный епископ и ни в каких ересях не состоял и потому и не могу отказываться от какой-либо ереси. Вместо этого кощунственного отказа моего от православия я предложил такой чиноприем.

Я вхожу в храм беглопоповский как странник, в подряснике, в полуманке и в клобуке с посохом. При входе в храм верующие братья меня спрашивают:

– Ты кто еси и по что пришел еси само?

Ответ мой: Аз есмь епископ единыя, Святыя, Соборныя, Апостольския церкви.

Вопрос: Како веруеши?

Ответ: Верую во единого Бога Отца, Вседержителя и проч. – И так далее – весь чин архиерейской присяги по Большому Потребнику патр. Иосифа [32].

После этого вся братия обращается к епископу со словами: «Святитель Церкви Христовой, аще тако веруеши, сотвори милость и будь епископом нашим, и сотвори молитву, и принеси на алтаре нашем жертву Господу о всех и за вся».

После согласия епископа он облачается в мантию, получает от братии

жезл, идет ко св. вратам, и просит у братии обычное прощение, и начинает литургию по чину.

К моей великой радости, этот чиноприем, мною составленный, на другой день был принят всем собранием приехавших гостей. Но вместе с тем они категорически потребовали от меня полного отъединения от патр. Тихона. Я услышал от одного из присутствовавших следующие слова: «Мы верим вам и не знаем патр. Тихона и не верим ему; он при перемене обстоятельств снова войдет в контакт с кем угодно».

Я был не подготовлен к такому обороту дела и отказался от такого неканонического поступка. Но, к моему удивлению, я был вызван еще раз на другой день к Л. А. Молехонову, мне предложили такую комбинацию – чтобы я пришел к старообрядцам по составленному мною и принятому чину, но лишь с благословения моего духовника и без ведома патр. Тихона. Вместе с тем просили меня, чтобы я хотя бы сам себя помазал драгоценным для них патриаршим дониконовым миром [33].

Я просил разрешения переговорить с моим духовником, который был моим руководителем с 2 декабря 1895 года (архиеп. Антонием Храповицким).

А мой духовник, исполнив свои канонические обязанности, радостно благословил меня на подвиг служения старообрядчеству и на исполнение вышеизложенных просьб его представителей.

Это его решение было передано Л. А. Молехонову, а затем началось бегство из Москвы всех, кому было можно убежать, и вскоре и мой отъезд в Уфу.

Потом последовало восстание чехов на Волге, а потом мое четырехлетнее сидение по тюрьмам за защиту отделения церкви от государства. За это время в Москве образовалась «Живая церковь», и беглопоповцы взяли себе епископа из «Живой церкви». По моему мнению, это большая ошибка, ибо к живоцерковникам совсем нельзя иметь доверия и они среди старообрядцев могут произвести только соблазны и разделение и не могут умирить страждущие души.

***

Изложенное в этом восьмом письме я в свое время рассказал всем, кому рассказывать мог: протоиерею Виктору Пояркову, нынешнему скандалисту-епископу Иоанну; епископу Филиппу Городецкому [34], викарию Нижегородскому, когда встретился с ним в тюрьме; епископу Анатолию Самарскому [35], когда мы оба были в ссылке в Асхабаде; епископу Нижнетагильскому Льву [36] при встрече с ним в Ташкенте, под арестом, и ни одного возражения на эти переговоры мои и предложения мои я не встречал. Все относились почти с сочувствием к моим переговорам со старообрядцами. А так как я лично этими переговорами дорожил чрезвычайно, то и записал о них все, что помнил – на память для себя и для других. Эти свои «Письма о старообрядчестве» я кончил приблизительно в июне 1925 года, а 15 августа этого года ко мне явился мне совершенно неизвестный даже по переписке беглопоповский архимандрит Климент Логвинов с просьбой, чтобы я согласился быть беглопоповским епископом.

4. МОИ ПЕРЕГОВОРЫ С АРХИМАНДРИТОМ КЛИМЕНТОМ

Архимандрита Климента я встретил на вокзале Асхабадском при исключительных обстоятельствах. Я встречал митрополита Новгородского Арсения [37], приезжавшего в Асхабад из Краснозаводска*. Встретив митрополита, отказавшегося ехать ко мне на обед, я нос к носу встретился с каким-то смиренным иноком в беденьком беленьком коротком подряснике, который подошел ко мне и спросил меня: здешний ли я житель и как найти епископа Андрея. И эта встреча произошла тогда, когда всякий приезжавший ко мне подвергался чрезвычайно бдительному надзору и обыскам.

Архимандрит Климент без всякого обыска оказался моим гостем и скушал митрополичий обед (состоявший из картошки вареной и жареной). Потом он сказал в общих словах цель своего посещения Асхабада и намеченный дальнейший путь свой. На другой день он мне показал все привезенные им документы и просил меня на основании привезенных уполномочий быть беглопоповским епископом.

Я внимательно изучил все им привезенное, и сейчас припоминаю следующие документы:

- 1) его паспорт;
- 2) предложение архиеп. Николы, выданное архим. Клименту, отыскать второго беглопоповского епископа [38];
- 3) чье-то (не помню чье) приказание архимандриту Клименту принять из «господствующей» церкви нового епископа не иначе как вторым чином;
- 4) книжку печатную с описанием всех документов по делу о принятии архиепископа Николы Позднева из «господствующей» церкви в беглопоповство [39]; из этой книжки для меня стало ясно, какую видную роль играет сам архим. Климент в беглопоповстве. Для меня стало несомненно, что это второе лицо в маленькой «иерархии» беглопоповцев.
- 5) Подлинные документы с подписями архиепископа Николы, с его проклятием всех ересей и всей его собственной деятельности до 70 лет его жизни... Этот документ для меня был почти источником ужаса. До какой степени растерянности и падения мог дойти несчастный старик, ректор семинарии, чтобы подписать себе этот приговор!
- 6) Очень большую пачку удостоверений и доверенностей, данных архимандриту Клименту саратовскими, сибирскими и еще какими-то беглопоповскими общинами, которые просили отца Климента отыскать им епископа, близкого к ним.

Вот документы, которые мне предъявил архим. Климент и просил меня быть их епископом. Я спросил: а что он будет делать, если я откажусь вовсе от всяких разговоров с ним на эту тему? Архимандрит Климент ответил: в таком случае я поеду далее до Нарымского края и буду за Церковь Божию страдающих епископов просить, чтобы кто-нибудь из них согласился послужить беглопоповцам. Он мне показал и список этих епископов, в котором значился митрополит Агафангел и епископ Серафим [40], уфимский викарий. Других не помню – в этом списке было более двадцати епископов.

Тогда я спросил: почему же он обратился ко мне первому? Он ответил, что мое имя очень популярно среди старообрядцев и что поэтому он и приехал ко мне первому.

После этого я спросил Климента, когда он отошел от православия и почему. Он мне ответил, что ушел из Курской епархии при архиепископе Питириме Курском [41]. Больше я его ни о чем не спросил, потому что немедленно вспомнил о скандальном следствии, которое велось над архиепископом Питиримом в свое время и о котором мне рассказывал бывший обер-прокурор синода А. Н. Волжин [42]. У меня моментально блеснула мысль: «Ага, ушел от Питирима, значит, человек не дурной». После этого нашего разговора я передал о. Клименту свои «Письма о старообрядчестве» и сказал ему, что ни о втором, ни даже о третьем чине [43] принятия меня от «ересей» я не могу и говорить, как православный епископ, страдающий как раз за тот строй церковно-общественной жизни, который так дорог старообрядцам. Я, кроме того, прибавил архимандриту Клименту, что с принятием в беглопоповство архиеп. Николы считаю себя уже свободным от тех обещаний, которые я дал в 1917 году на совещаниях у Л. А. Молехонова, что приезд его – архимандрита Климента – для меня и неожиданный, и может быть источником больших душевных волнений, чего я не хотел... Дело в том, что за мое вмешательство в церковную жизнь Туркестана я уже просидел год в тюрьме, а теперь весь приезд Климента мне грозил всякими осложнениями вроде Соловков или, по крайней мере, «объяснениями», которые были для меня вовсе неприятными. На этом кончились наши первые разговоры с архим. Климентом 16 августа, и я повел его на ночлег к моему давнишнему – с 1902 – 1906 годов – другу, Константину Николаевичу Погатуеву, у которого и оставил о. Климента для свободного обдумывания всего того, что он от меня слышал.

На другой день архим. Климент сказал мне, что он внимательно прочитал мои «Письма о старообрядчестве», что радуется моей любви к старообрядцам и что он готов согласиться на тот чиноприем, который изложен в моем «восьмом письме». Я был удивлен таким быстрым согласием архим. Климента на мои проекты и несколько заподозрил его в легкомысленном отношении к делу. Кроме того, я представил себе такое положение: «воссоединимся» в молитве архимандрита Климента, а потом этого «воссоединения» могут не признать беглопоповцы, и я останусь в своей ссылке никем не понятым, – мои цели будут поняты неправильно, а дело воссоединения старообрядцев и новообрядцев ни на шаг вперед не подвинется. Поэтому я дополнительно поставил архим. Клименту следующие условия:

1) что я после «воссоединения» не буду иметь никакого отношения к архиепископу Николе, как живоцерковнику;

2) что я соглашусь быть номинальным епископом для беглопоповцев только (ибо я не могу быть фактическим епископом, находясь в ссылке) в том случае, если архим. Климент согласится быть действительным епископом и действительно даст беглопоповцам радость иметь своего епископа.

Кроме этого я предупреждал архимандрита Климента, что его шаг очень

рискован, ибо его поступок по отношению ко мне могут не понять православные, и вовсе его отвергнут старообрядцы-раскольники. Поэтому я рекомендовал ему в беспересадочном вагоне доехать до Самарской беглопоповской общины, а из Самары посетить сильную общину Бугурусланскую, чтобы хоть в этих ближайших общинах познакомиться с их настроением и объяснить им, что ему поручено было принять епископа из «господствующей» церкви, а я, епископ Андрей, принадлежу к церкви не только не «господствующей», а систематически гонимой, поэтому формально не подхожу по воззрению старообрядцев под «второй чин».

Архимандрит Климент возразил, что ехать в Самару и Бугуруслан бесполезно, потому что, де, голоса все равно разделятся, а все скорее примирятся с совершившимся фактом моего «воссоединения». А он имел основание думать, что доверие ко мне среди беглопоповцев полное.

Что касается своего архиерейства, то архимандрит Климент против него долго и твердо возражал, чем подкупил меня в свою пользу.

Наконец, через 3-4 дня наших переговоров, о. Климент во всем согласился со мною и был со мною очень откровенен – в такой степени, что рассказал, каким малым авторитетом у беглопоповцев пользуется архиепископ Никола, что у него почти и благословения не берут. Он рассказал об организации беглопоповского Высшего церковного совета во главе с А. М. Рыболовым [44], человеком во всех отношениях недостойным со времени его службы у Бугрова [45], и т. д.

Но после того как я убедил архим. Климента в том, что и я и он должны помириться на том, что выработали в 1917 году комиссии у Молехонова, мы оба натолкнулись на непреодолимое в нашем деле затруднение. Дело в том, что по той программе-чину моего воссоединения с беглопоповцами, который был выработан в 1917 году в Москве и изложен в моем «восьмом письме», и самое воссоединение должно было произойти в Москве, в московском беглопоповском храме, куда я и должен был прийти [46]. А в Асхабаде такого храма не было, не было у нас и чина хиротоний по патриаршему дониконову чину. Последнее затруднение можно было устранить и выработать какой-либо приемный чин, но как и чем восполнить отсутствие беглопоповского храма? Это затруднение было чрезвычайно тяжело, даже непреодолимое, ибо для беглопоповцев выходило уже не «воссоединение», а просто присоединение к православию в православном храме, где я молился все время, пока был в Асхабаде.

Но Господь опять почти чудесно послал свою помощь в святом деле. Явился нам на помощь отец игумен Матфей.

5. ОТЕЦ ИГУМЕН И ЕГО ОБЩИНА

Эта праведная душа нам, то есть мне и архим. Клименту, помогла положить начало этому великому делу, которое должно закончиться молитвенным воссоединением всех русских людей в единой святой соборной Церкви.

Игумен Матфей был ранее чиновником среднего ранга в казенной (или контрольной) палате. Его жена была начальницей собственной женской

гимназии. И муж и жена пользовались в местном обществе уважением и были известны как люди очень религиозные. Поэтому никто не удивился, когда Леонид Трифонов (таковы были имя и фамилия отца Матфея до монашества) принял священство и стал священником Асхабадской кладбищенской церкви.

Когда меня в 1923 г. в июле месяце выслали в Теджен, то я и застал отца Матфея еще отцом Леонидом и усердным богомольцем на кладбище.

Вскоре отец Леонид приехал ко мне и стал просить пострижения в монашество. Я с радостью согласился исполнить его просьбу и в первых числах сентября 1923 г. постриг его с именем Матфея и возвел в сан игумена.

А в конце сентября патр. Тихон дал резолюцию о возведении игумена в сан епископа, но отец Матфей, по своей скромности, решительно от этого отказался.

Вскоре после этого волна живоцерковничества докатилась до Асхабада, и все храмы асхабадские были переданы живоцерковникам.

Игумен Матфей, человек безупречной жизни, разумеется, не согласился подчиниться живоцерковническому прижиму и ушел из своего храма. Он поселился среди своей паствы, в молитвенном доме, который его же паства ему же и отвела. Через несколько времени, после многочисленных жалоб в Москве, получено было оттуда распоряжение один из храмов передать «тихоновцам» – «староцерковникам».

Кладбищенский храм – самый маленький из асхабадских храмов, поэтому и решено было тихоновцам отдать именно этот храм.

Всего естественнее и справедливее было бы передать этот храм отцу Матфею. Но он слишком был честен и безупречен и слишком любим был среди всех жителей города; поэтому было решено ему храма не давать. Нужно было среди «тихоновцев» отыскать такого подлеца, который был бы приятен во всех отношениях. И такой подлец нашелся: это был священник Димитрий.

Он приехал в ссылку с какою-то молодою особою, «воспитанницею». Вскоре было установлено заинтересованными людьми (хозяевами квартиры – сектантами-молоканами [47]), что эта молодая особа не воспитанница, а жена этого батюшки. И сектанты-молокане выгнали этого попа из своей деревни. Этот пастырь стал умолять, чтобы его более к диким молоканам не посылали, а оставили среди православных, которые уже приучены к развратным попам.

Вот этому-то попу Димитрию и была предоставлена асхабадская кладбищенская церковь в надежде, что и московское приказание через это будет исполнено, и молиться в ней все-таки никто не будет. Так поп Димитрий оказался назначенным настоятелем храма без всякого благословения епископа. Димитрий начал зазывать в свою вновь открытую лавочку всяких посетителей всякими соблазнами. Отца Матфея соблазнял доходами, меня соблазнял молитвою обо мне; прихожан зазывал всякими другими удовольствиями.

Игумен Матфей решительно отказался идти в мошенническую компанию

попа Димитрия. А я, зная всю подкладку определения на настоятельское место этого пастыря-подлеца, вполне одобрил поведение отца Матфея и не стал посещать кладбищенского храма.

Тогда православные потянулись из этого храма в молитвенный дом к отцу Матфею.

Нужно было спасти авторитет пастыря-подлеца. И вот из Красноводска переводят самого митрополита Новгородского Арсения (15 авг.), а потом из Теджена (1 сент.) епископа Льва, которые и стали ревностными богомольцами попа Димитрия и опорой его пастырского авторитета.

Я предупреждал митр. Арсения о той скверной роли, которую играет в церковной жизни Димитрий Т-рев, говорил я митр. Арсению о крайнем неблагоповедении этого попа и получил ответ: «Ну-с, да-с... теперь девственников не сыщешь...»

Но, поддерживая попа Димитрия, митр. Арсений иногда заходил помолиться в молитвенный дом отца Матфея; а снисходительность митрополита к Димитрию дошла до того, что он допустил даже такой инцидент. Однажды митр. Арсений был в храме и стоял в алтаре. Говорил проповедь старый священник Павел Успенский о безбожии вообще, и в частности о безбожии пионеров. Вдруг «настоятель» Димитрий перебивает проповедника, запрещает ему продолжать проповедь и вслух произносит многозначительные слова: «Мы дали подписку об этом проповедей не говорить».

Митр. Арсений и после этого находит, что «православие» попа Димитрия безусловно, а игумен Матфей и его «православие» были уже под сомнением, ибо он не был согласен с «самим» митрополитом, ибо митрополичье снисхождение к подлости было уж очень противно отцу Матфею, и он стал после этого нигде не зарегистрированным, в некотором роде «беглым» попом.

Вот этот-то отец Матфей и дал приют в своем молитвенном доме для молитвенного соединения старообрядцев-беглопоповцев со всею Христовою Церковью, от всей души сочувствуя этому делу и молитвенно в нем участвуя.

Он предварительно долго читал мои «Письма о старообрядчестве» и когда узнал, что еще покойный патриарх Тихон благословил мне начать это воссоединение, то решил помочь этому доброму делу.

После этого архимандрит Климент начал ходить на богослужение к отцу Матфею в общину, и спустя какое-то время была послана телеграмма в Сатку к епископу Руфину [48] с просьбой немедленно приехать в Асхабад. Самое «воссоединение» было отложено до приезда еп. Руфина, потому что я еще не мог ручаться, что еп. Руфин – мой полный единомышленник.

Итак, в молитвенном доме «православного» игумена Матфея, отошедшего от молитвы с «тихоновцами», примирившимися со всяким безобразием, решено было осуществить все предположенное и прочувствованное еще в 1917 году.

6. 28 АВГУСТА 1925 ГОДА

Когда уже все мои переговоры с архим. Климентом были окончены и мы условились обо всех подробностях чина «воссоединения», то я не считал возможным скрыть от митр. Арсения наши планы. Митрополит меня отговаривал от «рискованного шага», говорил, что мои намерения неканоничны, что я должен отправить архим. Климента к митрополиту Крутицкому и т.п. Я возразил, что канонично все, что полезно для церкви и что делается во славу Божию; напротив, неканонично то, что на основании буквы канонов делается во вред церкви. Я просил митрополита Арсения разделить наше убогое по обстановке торжество первой молитвы со старообрядцами, бывшими раскольниками. Но митрополит Новгородский наконец мне признался, что «в вопросе о расколе он недостаточно компетентен». На этом наши разговоры об архим. Клименте и прервались.

Но митр. Арсений на этом не успокоился и послал в дом К. Н. Потатуева, где жил архим. Климент, архим. Евгения Кобранова [49] уговорить Климента не связываться со мною, а прийти к митр. Арсению для соответствующих переговоров. Архим. Климент на это сказал мне: «Зачем я к нему пойду?» Московские старообрядцы уже ходили к митрополиту Петру и спрашивали, не пожелает ли он подать им руку общения. Но от митр. Петра выслушали, что «тихоновцы» представляют из себя нечто «идеологически целое с живоцерковниками, и только по тактическим соображениям они временно разошлись»...

«А если так, то что мне прибавит митр. Арсений?» – говорил архим. Климент и на приглашение митр. Арсения ответил отказом.

Я не имел основания настаивать на этом вполне ненужном визите.

После этого архимандрит Климент и я стали составлять и переписывать в нескольких экземплярах «Акт воссоединения» и «Исповедание веры епископа Андрея». Если бы у нас в руках был полный чин архиерейской хиротонии времени патр. Иосифа, то у нас не было бы никаких затруднений с этим делом, но у нас ничего не было, и пришлось все составлять по памяти или по различным отрывкам из разных документов, случайно бывших в руках. И вот это было написано.

1. Исповедание веры епископа Андрея

Я, епископ Андрей, Единой Христовой Соборной и Апостольской Церкви, возведенный в сан епископа в 1907 году, 4 ноября, при мощах казанских святителей, старообрядцев Гурия и Варсонофия, и в день их памяти (4 октября), ныне испытывая гонение от «господствующей» иерархии за свободу св. Церкви Христовой, исповедую пред св. Церковью, что патриарх Никон, своими мудрованиями нарушивший жизнь Соборной Церкви и любовь Ее, тем положил начало расколу в Русской церкви. На ошибке патр. Никона утвердился этот русский цезарепапизм, который со времени патриарха Никона подтачивал все корни русской церковной жизни и наконец вполне выразился в образовавшейся так называемой «Живой церкви», ныне «господствующей», явно арианствующей и нарушающей все церковные

каноны. А я, хотя и грешный и недостойный епископ, но ни к какой «господствующей» иерархии не причислял себя по милости Божией и всегда помнил заповедь свят. ап. Петра: «Пасите Божие стадо, не господствуя над наследием Божиим» (1 Петр., 5:3). Зная это, уфимские единоверцы еще в 1919 году, в январе месяце, избрали меня во единоверческого старообрядческого епископа саткинского [50]. С этого времени я уже состою старообрядческим епископом. И когда «Живая церковь» стала «господствовать» над народом Божиим, разрушая церковные уставы, то я немедленно, без колебаний, от нее отрекся. Ныне, скорбя всю душою о великих бедах в Церкви, я готов отдать себя всецело на служение древлеправославным христианским старообрядческим общинам для приведения воедино всего русского, ныне разрозненного, церковного стада Христова. Сего ради аз, епископ Андрей, от выше писанныя Никоновския глаголемые ереси отрицаюся, – как от ереси цезарепапистов, создавших «Живую церковь», ибо принадлежу к истинной православной вере Единыя Святыя Соборныя и Апостольския Церкви древлеправославных христиан.

Прежде всего отвергаюся и отрицаюся всякого неподобного еретического мудрования и глаголю сице: вси еретицы, осужденные на седми вселенских и поместных соборах и отвергнутые святыми отцами, да будут анафема.

Вси возмутившие древнее, вселенское православие Святыя Церкви и учинившие вся виновниками раскола и раздоров в своих тяжких грехах, да получат от Господа обличение на Его Страшном суде от мук, уготованных им.

Но вси, отвергающие ныне апостольския и святоотеческия предания, содержимья древлеправославной вселенскою церковью, – да будут анафема.

Порицающие двоеперстное сложение для крестного знаменья и именующие оно арианством, македонианством, несторианством и иными многими хулениями, – да будут анафема.

Порицающие восьмиконечный крест Христов и нарицающие его брынским раскольническим, – да будут анафема.

Отрицающие предложение священнодействуемой просфоры в Тело и Кровь Христову с надписанием: «Се Агнец Божий, вземляи грехи мира», – да будут анафема [51].

Проклинающие и глаголющие по староцерковному преданию аллилуйя по дважды с провозглашением «Слава Тебе, Боже» и порицающие сию божественную песнь богомерзкою македониевскою ересью и раскольническим суевием, – да будут анафема [52].

Не принимающие в руководство священных правил, отлучающих за тяжкие грехи от святого причащения на некия лета и разрешающие браки в воспрещенных святоотческою Церковью степенях родства, – да будут анафема.

Отрицающие уставы церковные творити земные поклоны на молитве во святыя посты, – да будут анафема.

Вся прочия явленныя и неявленныя ереси, и всех ересеначальников и безбожию учащих, и всех единомудрствующих помощников их, и

последующих им, и хвалящих их всех, анафематствую, отрицаюся и отめщуся от ереси их.

Вся же в моем служении Христовой Церкви буду действовать по совести моей и не раболепствуя лицемерно, не болезнуя враждою, завистью, упрямством и мздопримством, но со страхом Божиим, со искреннею Бога и ближнего любовью, полагая всему моему намерению, яко вину конечную, – славу Божию и спасение душ человеческих, и всей Церкви православной русской созидание и соблюдение св. канонов.

Посему все, кто есть единоведец мой и почитает уставы св. Церкви, аще в Грузии, аще в Греции и в иной стране, яко истинный сын св. Церкви Христовой, – да будут благословенны.

Аминь.

Второй документ был заготовлен такой:

2. Грамота. Акт воссоединения

В лето от Рождества Христова 1925, августа 28 дня в молитвенном доме Асхабадской старообрядческой общины во имя святителя Николая Мирликийского – чудотворца члены этой общины во главе со своим епископом Андреем (архиепископом Томским) и настоятелем общины игуменом Матфеем воссоединились в молитвенном общении с древлеправославными общинами саратовскими, семипалатинскими, забайкальскими и других мест.

Представитель этих общин, отец архимандрит Климент Логвинов, предъявил необходимые к тому полномочия.

Так Божиим промыслом состоялось воссоединение доселе диавольским ухищрением разрозненных частей Единой ризы Христовой, Его Пречистого Тела, святой Его Церкви.

Воссоединение последовало с соблюдением всех церковных правил по заповеди Христа Спасителя, святых апостолов, святых отец и семи вселенских и девяти поместных соборов.

При этом епископ Андрей произнес от своего имени и всех, кто за ним пожелает последовать, свое исповедание веры по-древнему, с соответствующим отречением от ересей (текст отречения прилагается). Свою готовность служить неизменно Единой Соборной Апостольской Церкви епископ Андрей запечатлел, сам себя помазав святым миром [.] и исповедью, и вместе с тем просил архимандрита Климента и в его лице всех древлеправославных христиан ему помочь в его трудах по приведению жизни православных христиан к единению в древлецерковном ея благоустройстве, ибо ныне все христиане должны иметь попечение друг о друге, по слову великого апостола, рекшего: «Все бых вся, да всяко некия спаси» (1 Кор., 9:22).

После сего архимандритом Климентом к епископу Андрею была сказана краткая речь такого содержания: «Ваше преосвященство, преосвященнейший архипастырь, лично от себя и от всего нашего старообрядчества прошу вас хранить учение и заветы Христа Спасителя, Священное Писание и предание, и постановления семи вселенских соборов и девяти поместных, и учение

святых отец. Прошу вас, владыко, принять нас под свое покровительство и вести нас, грешных, истинным путем в горний Иерусалим, в царство небесное, как Христос сказал: добрый пастырь полагает душу свою за овцы, ины овцы, которые не от двора сего и тыя вам подобает привести ко Христу, по слову Его: да будет едино стадо и един пастырь».

Итак, после приглашения епископу Руфину немедленно приехать в Асхабад я и архим. Климент заготовили эти два документа и стали ждать епископа Руфина.

Ныне, через год после того как эти два документа подверглись самой беспощадной и злой критике (а они в таком виде и остались при подписи их) со всех сторон, можно только благодарить Бога, что в них не нашлось ни одного слова, о котором можно было бы пожалеть. Одно лишь слово вызывает недоумение: почему в акте воссоединения община игумена Матфея названа старообрядческою. Но дело в том, что кладбищенская община, где ранее служил отец Матфей, и новый его молитвенный дом одинаково носили имя святителя Николая... Вот и нужно было как-нибудь вторую отличить от первой, и архимандрит Климент решил назвать эту вторую общину отца Матфея «старообрядческою», а я не протестовал, ибо, конечно, эта вторая община отца Матфея гораздо более по духу старообрядческая, чем просто новообрядческая.

С этими заготовленными документами мы и стали ждать приезда еп. Руфина. Но тут случилось маленькое мистическое обстоятельство. Православная семья Потатуевых, у которых поселился архимандрит Климент, пожелала отслужить у себя на дому всенощное бдение под 29 августа (усекновение главы Иоанна Предтечи), но решительно отказалась приглашать кого-нибудь из наличных «тихоновцев» – принципиальных безобразников. Потатуевы стали просить о. Климента отслужить бдение, а он согласился. Но тут я запротестовал... Все-таки формального пред Святою Церковью воссоединения нашего в молитве не было. Отец Климент не был православным священнослужителем. И вот я и решил, неожиданно даже для себя, молитвенное воссоединение с архимандритом Климентом произвести утром 28 августа, для того чтобы вечером он уже служил бдение у Потатуевых.

Богослужение у отца игумена Матфея начиналось в 6 часов утра, и мы решили общим советом чин воссоединения произвести в пять часов утра, до богослужения, чтобы не было лишних свидетелей и лишних по городу разговоров. Но каково же было наше общее изумление, когда к пяти часам утра уже пришли к богослужению богомольцы, и неожиданные, и нежелательные. В этом я усмотрел волю Божию, чтобы в нашем святом деле все было явно для всех. И я отложил наше скромное торжество, чтобы произвести его после литургии.

Прошу прощения за излишнюю подробность: я очень волновался за все время наших переговоров с архимандритом Климентом и просил у Господа помощи и подкрепления. И вот за литургиею я это подкрепление и получил.

Мне припомнился тропарь свят. Димитрия Ростовского [53], который начинается словами: «Православия ревнителю и раскола искоренителю». Я очень обрадовался этим словам, ибо я собирался через несколько минут послужить только святой Православной Церкви и уничтожить самый корень раскола: искоренить раскол.

Во время запричастного стиха я исповедывался у отца Матфея (он стал духовником и других моих сомолитвенников) и сказал ему: «Батюшка, я очень смущаюсь, и если Бог вам откроет, что нет благословения на моем начинании, то я от всего откажусь». Отец Матфей сказал мне прекрасные смиренные слова: «Я не могу Вам дать своего совета, потому что не знаю о старообрядчестве всего, что нужно, но если совесть Ваша чиста и если Вы хотите послужить только святому делу, то это долг Ваш».

Таково было указание моего духовника, полученное мною пред самым моим воссоединением в молитве с старообрядческим архимандритом Климентом.

Через десять минут началось и это воссоединение. Оно состояло в следующем.

На средину храма поставлен был образ Нерукотворного Спаса. Я встал против образа в мантии и омофоре, то есть в том виде, как приобщался св. тайн. Справа встал игумен Матфей, а слева архимандрит Климент, надевший епитрахиль, фелонь и поручи. Он сделал обычный семипоклонный начал [54], поклонился мне и сказал: «Благослови, владыко». Потом стал читать молитвы, начиная с «Царю Небесный» – частью вслух, частью тайно. Потом обратился ко мне с вопросом, как я верую. Я в ответ прочитал, обратясь лицом к народу, «Символ веры» по старообрядческому тексту [55]. На второй подобный вопрос я прочитал вышеписанное и мною составленное «Исповедание веры». После этого архимандрит Климент подал мне миро; и я помазал себе лоб со словами: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа» [56]. А после этого архимандрит Климент произнес торжественно ектению обо мне как о епископе и совершил отпуст. После этого принял впервые благословение, и мы вместе совершили заключительный семипоклонный начал. Настроение богомольцев при этом было сознательное и торжественное, за исключением одной грозной монахини, которая говорила: «Все это пустяки, для спасения низкие поклоны не больно-то нужны» [57].

После этого все, за исключением этой православной монахини, подписались под «Актом воссоединения» как очевидцы, а вечером 28 августа отец архимандрит Климент служил у Потатуевых бдение.

7. 3 СЕНТЯБРЯ 1925 ГОДА

2 сентября после долгих ожиданий наконец приехал епископ Руфин. Удивительно, что и он, как и отец Климент, на вокзале не сказал ни слова, встретил сразу лицо, которое и доставило его ко мне. Признаюсь, я его ждал с серьезным беспокойством. Я думал, что его нужно будет долго просить, чтобы он стал хорошим епископом для беглопоповцев, как был ранее хорошим епископом для православных. Но еп. Руфин, выслушав о причинах,

почему его так неожиданно вызвали в Асхабад, восторженно приветствовал святое дело и согласился последовать во всем моему примеру, что и исполнил. Мне после этого оставалось только благодарить Бога за Его милость, укрепившую нас исполнить волю Господню и иметь к людям такое милосердие, чтобы не оставлять людей Божиих, как овец, не имеющих пастыря (Мф., 9:36).

После переговоров с еп. Руфином я пошел на богослужение в общину отца Матфея, а епископ Руфин и архимандрит Климент остались дома молиться по старообрядческим книгам.

Богослужение на другой день, 3 сентября, было назначено в три часа утра с тем расчетом, чтобы к 6 часам все окончить и в том же молитвенном доме дать возможность отцу Матфею служить обычную литургию, конечно, на другом антиминос. Такая предосторожность была вполне необходима, потому что никто из участников этого события нисколько не хотел немедленно отправиться на Соловки: мне лично всего неприятнее было подвергаться опасности ареста будущего епископа Климента, которому предстояла большая свободная работа.

Так в три часа утра началось богослужение, с наречением архимандрита Климента в епископа «гомских старообрядческих общин». После наречения архимандрит Климент стал совершать проскомидию, а еп. Руфин читал часы.

После часов архимандрит Климент читал свою епископскую присягу с осуждением ересей и с клятвенным обещанием служить св. Церкви до Страшного суда Господня.

Литургию начал я один до самой хиротонии, антиминос был при этом служении один из освященных в Теджене епископом Львом Нижнетагильским. Хиротония была совершена так, как она совершается в Греции и у старообрядцев – с троекратным обхождением вокруг Святого Престола (у наших православных это троекратное обхождение почему-то пропускается).

После хиротонии вновь хиротонисанный епископ стал кончать литургию, епископ Руфин всю литургию пел по древнему обиходу, а я и отец Матфей были в числе простых богомольцев. К шести часам утра богослужение кончилось, и мы все подписали заранее приготовленные документы. Около 6 часов утра мы все с соблюдением всякой осторожности возвращались домой, когда начинался прекрасный теплый асхабадский день.

Настроение у всех нас было воистину пасхальное. Мы даже не говорили между собою. Внутренняя радость была так велика, что мы сначала долго не могли начать связного разговора. Ведь совершилось, в конце концов, почти чудо. Совершилось великое событие, совершилась великая хиротония, которая могла (и может) начать собою целую эпоху в жизни православия. И все совершилось так свято, так благополучно, с таким молитвенным подъемом и так беспрепятственно среди всяких врагов, что явная милость Божия и благословение Божие как бы почтили на этом деле. В девять часов утра мы уже простились с епископом Климентом, который чрез Краснозаводск направился обратно в Саратов, а вечером уехал из Асхабада и епископ Руфин – обратно в Сатку. Я опять остался в своей ссылке...

Так среди страшного расстройтва нашей церковной жизни совершилось маленькое событие, которое является светлым лучом среди непроницаемой тьмы и за которое можно только благодарить Бога.

8. ПЕРВАЯ ИЗЛИШНЯЯ ПОДРОБНОСТЬ (ДЛЯ МИРЯН)

Повторяю, что моему воссоединению со старообрядцами можно было только радоваться и благодарить за них Бога. Но грехи и страсти человеческие испортили и это святое дело. И как всегда, во главе всякого раскольнического движения стоит и стояла иерархия всех степеней: против молитвенного объединения со старообрядцами прежде всего выступил митрополит Новгородский Арсений, который по всему Асхабаду, а потом и по всей России оповестил, что я ушел в раскол и что он прервал со мной молитвенное общение. (Я-то уверен, что он и ранее обо мне не очень усердно молился.) Это известие все наши ханжи и духовные сквернословы подхватили с удовольствием и чему-то при этом ужасно обрадовались и что-то обличали. Все это закончилось воззванием митр. Сергия к уфимцам, которое помещено выше и которое является квинтэссенцией клеветы против меня. Повторяю, что оправдываться пред митр. Сергием мне нет оснований. Наоборот, я попросил бы его самого принести предо мною и пред Уфимскою епархиею покаяние в том, что он погубил половину епархии, толкнув ее в живоцерковничество. Правда, он от своего живоцерковничества отрекся, но Уфимская-то епархия его отречения не слыхала. А нешвенный хитон Христов в Уфимской епархии оказался, с одной стороны, изорванным в 1922 году вследствие бесхарактерности митр. Сергия, а теперь, в 1926 году, тот же митр. Сергей рвет этот хитон с другой стороны. Иначе говоря, если бы митр. Сергей не вмешивался в дела Церкви, то церковный хитон был бы целее и не было бы тяжких попыток облекать Христа в хитон неправды.

Прошу прощения за это невольное отступление от темы и продолжаю, что я <намереваюсь> не полемизировать с митр. Сергием, а принужден выяснить те недоразумения у мирян, которые прочитают воззвание митр. Сергия. И чтобы не быть голословным, призываю на помощь свидетелей. Эти случайные свидетели у меня имеются даже в Уфе. Эти две мои духовные дочери: Домника Овчинникова и Екатерина Шубинкина; они жили со мною в Асхабаде и были свидетельницами всех моих разговоров и переговоров с архимандритом Климентом [58].

Ныне, познакомившись с воззванием митрополита Сергия к уфимцам, они были глубоко возмущены тою неправдою, которою полно это воззвание, и подали церковно-приходскому совету Уфимской симоновской общины следующее заявление:

«Познакомившись с воззванием митрополита Нижегородского Сергия от 16 (29) августа 1926 года, которое он адресовал почитателям епископа Андрея, мы, нижеподписавшиеся, считаем долгом своей совести сообщить не только почитателям епископа Андрея, но и всей Русской церкви то, что мы своими ушами слышали и своими глазами видели из жизни епископа Андрея за август-сентябрь 1925 года.

1. Архимандрит Климент никакого оглашения над епископом Андреем не читал. Противоположное утверждение митрополита Сергия есть неправда.

2. Епископ Андрей отрекался только от сообщества «Живой церкви» и всякого насилия над чужою совестью в духе епископа Иоанна Пояркова. Утверждение митр. Сергия по этому поводу – неправда.

3. Архимандрит Климент никогда епископа Андрея своим миром не мазал. Туманное утверждение противного (что епископ Андрей миропомазался) есть третья главная неправда митр. Сергия.

4. Митр. Сергей пишет, что вместе с еп. Андреем присоединилась к старообрядцам и православная приходская община. На это мы можем сказать, что в этой общине мы молились до самого отъезда из Асхабада в марте 1926 г., и она ни к кому не присоединялась, а как была православной, так и осталась. Утверждение митр. Сергия о противном – четвертая неправда в его письме.

5. Утверждение, что молитвенное воссоединение епископа Андрея произошло таким образом: в молитвенном доме православного игумена Матфея собрались православные богомольцы к обычной литургии; часть их знала о готовящемся событии, часть не была осведомлена. Еп. Андрей за литургиею приобщился св. тайн, а пред приобщением исповедовался открыто у игумена Матфея. За литургиею с самого начала присутствовал старообрядческий архимандрит Климент, в своей старообрядческой полумантии. После литургии епископ Андрей обратился к присутствующим с краткой речью о том, как он рад воссоединению со старообрядцами, представитель которых десять дней молился в нашей общине.

После этого архимандрит Климент, надев епитрахиль и ризу, поклонился епископу Андрею и сказал: «Владыко, благослови». Епископ Андрей поклонился, но не благословил его. После этого началось обычным порядком какое-то богослужение, прерываемое долгими, тайными молитвами архим. Климента. Среди этих молитв епископ Андрей вслух читал «Символ веры» однажды и то исповедание веры, которое было заранее составлено епископом Андреем и ныне распространено по России.

После этого епископ Андрей сам себя помазал елеем (или миром). А в заключение архимандрит Климент сказал очень проникновенное слово о том, как приславшие его старообрядцы ждут помощи от еп. Андрея, и после этого уже молился об епископе Андрее как о своем епископе.

Таким образом, мы можем удостовериться, что сообщение митр. Сергия об раскольническом отречении епископа Андрея от ересей есть чистая неправда: такого отречения вовсе не было, да и не могло быть в православной общине игумена Матфея.

6. А что община игумена Матфея была вполне православна, это для нас вполне ясно и из того, что митр. Новгородский Арсений еще 1 сентября 1925 года молился в общине за литургиею и перестал посещать ее только после этого числа.

7. Митрополит Сергей утверждает, что епископ Андрей на принятие его вторым чином в Климентову церковь согласился.

На это утверждаем, что с самого приезда архимандрита Климента в Асхабад епископ Андрей категорически заявил, что о втором чине он и говорить не желает и представляет архимандриту Клименту искать еще кого ему угодно, и что он, епископ Андрей, своим долгом считает и может исполнить лишь то, что ему благословили сделать его духовные отцы.

10 сентября 1926 года, подписи: Домника Овчинникова, Шубинкина Екатерина».

Таков состав мирянок-свидетельниц на воззвание митр. Сергия. Остается спросить митр. Сергия: откуда он взял свои сведения и как он мог их подписать? И неужели он, с 1905 года сидя в Святейшем синоде, всегда был так преисполнен ошибок, как в моем деле? Неужели в каждом его деле столько больших и малых ошибок? Правда, стоит ли при таких склонностях к ошибкам браться за серьезное дело? А церковное дело теперь в таком серьезном положении, что ошибки очень вредны...

9. ВТОРАЯ ИЗЛИШНЯЯ ПОДРОБНОСТЬ (ДЛЯ АРХИЕРЕЕВ)

Еще я считаю нужным остановиться на выяснении вопроса, что такое принятие в церковное общество «вторым чином», а в связи с этим сказать, что такое таинство миропомазания. Поразительно, что два ректора духовных академий – митрополиты Новгородский Арсений и Нижегородский Сергей – по-видимому, не имеют никакого представления ни о том, что такое этот «второй чин», ни о том, что такое таинство миропомазания. В «Акте воссоединения» моего со старообрядцами сказано, что я сам себя помазал св. миром. Оба ректора академии уверяют, что я чрез то «позволил беглопоповцу совершить над собою обряд присоединения вторым чином». Так буквально пишет митр. Сергей и такова его литургическая каноническая безграмотность, ибо меня беглопоповцы только потому и не хотят признать своим епископом, ибо «второй чин» заключается в таинстве миропомазания, а не в простом (хотя бы и молитвенном и благоговейном) помазании миром.

А наши митрополиты, ректора академий, доктора богословия, этого простого различия между таинством миропомазания и помазанием миром не чувствуют, между тем старообрядческие начетчики прекрасно в этом разбираются.

Итак: помазался ли я сам миром старообрядческим?

Ответ мой: да, помазался. И помазался с молитвенным благоговением «во имя Отца и Сына и Св. Духа», и исповедую, что пережил святое настроение после этого. Да, я сам себя помазал миром, которое так дорого старообрядцам и которое они называют дониконовским.

Вопрос: было ли это таинство миропомазания?

Ответ: ни в коем случае. Ибо таинство миропомазания никогда так не совершается.

Приведу несколько примеров помазания миром, которое в то же время нельзя считать таинством миропомазания.

Прежде всего: многие священники, наиболее благочестивые, после помазания миром новокрещенных детей, вместо того чтобы обтирать кисточку о какую-нибудь тряпку, помазывают остатками мира свой лоб или голову. Это делают иереи благоговейные, а неблагоговейные просто бросают кисточку со святым миром в ящик, в постоянную пыль. Что же, это поведение благочестивых священников можно рассматривать как таинство миропомазания?

Далее, история Русской церкви знает такой случай: во время пребывания в Москве антиохийского патриарха Макария, при патриархе Никоне, этот патриарх Макарий совершил в Великий четверг обряд освящения мира [59]. Во время освящения оба патриарха, Макарий и Никон, сошли с амвона и подошли к сосуду с елеем, а остальные архиереи держали над головами их раскрытое Евангелие. А после освящения этого мира оба патриарха этим миром взаимно помазали друг друга, а потом стали миропомазывать всех присутствующих, начиная с архиереев. Вот исторический факт [60]. Что же это было? Кошунство со стороны патриархов? Вторичное таинство миропомазания? А первого для них было недостаточно? Нет, нет. Это было своеобразное выражение духовной радости со стороны присутствующих при мироварении епископов и мирян. Это было помазание миром, совершенно не предусмотренное канонами, но это, конечно, не было таинство миропомазания.

Еще пример. Всем известно, что русские цари при короновании помазывались миром. С точки зрения канонической и догматической это было помазание миром и ни в коем случае не таинство миропомазания.

И я лично считал это таинством только будучи гимназистом пятого класса, а когда стал разбираться в смысле церковных указаний, то стал уже критически относиться к детским учебникам.

Итак, таинство миропомазания не есть только помазание миром, а есть нечто несравненно большее. Таинство миропомазания есть таинственное введение новорожденного в св. Церковь, в благодатное церковное общество и через это введение – получение новокрещаемыми сугубых даров Св. Духа. Ранее, как известно, таинство миропомазания совершалось иначе: оно состояло в возложении рук (см. Деян., гл. 8:4-17). Поняв это возложение рук как акт введения новокрещаемого христианина в сообщество земной церкви, легко понять, что власть совершать это таинство должна принадлежать исключительно главам земной общины, апостолам и епископам.

Так это обстоит и ныне: служители миропомазания и совершители этого таинства – епископы, освящающие св. мир, вручающие это миро пресвитерам для должного употребления. Сейчас перед нами лежит превосходная книжка неизвестного нам автора (по-видимому, изд. Петербургской духовной академии) под заглавием «О познании таинств святой Церкви». В этой книжке читаем о таинстве миропомазания следующее:

«Дух Святой есть жизнь всего таинственного тела верующих во Христа, тела Христова. Ибо как тело одно, но имеет многие члены и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, – так и Христос. Ибо все мы

одним духом крестились в одно тело и все напоены одним духом (1 Кор., 12:12-13).

Таким образом, принятие нами Духа Святого в таинстве веры есть не только оживотворение наше в собственном нашем духе, но еще более – соединение, или, так сказать, сращение каждого из нас, как членов, с целым телом Иисуса Христа, которое есть Церковь (Кол., 1:24), общество истинно верующих. Таким образом, священное миро служит привитием каждого из нас, по выражению апостольскому, как ветвей, от естественной дикой маслины отсеченных, привитием по природе к хорошей маслине (Рим., 11:17, 24), к Церкви Божией, и делает их общниками корня и сока маслины (ст. 17) в составе христианства, оживотворенного Духом Божиим. Иначе если ты не будешь на едином корне, в едином составе растения, или, говоря другою притчею, в союзе, в единении с целым телом Христовым, то будешь отдельная ветвь или отдельный член: состояние, не положенное в законах Жидителя, в законах жизни. Так точно в Церкви Христовой, по слову апостольскому, христиане суть различные члены одного тела (1 Кор., 1:27) и без взаимного общения духа нет в них истинной жизни о Христе Иисусе. В этом-то отношении священное миропомазание наше есть такое божественное священнодействие, которое утверждает за нами все выгоды и преимущества духовного нашего единения во едино тело о Христе Иисусе...

Таинственная купель родила тебя: но ты в ней так еще одинок, как родившийся младенец, если бы он представлен был самому себе. А теперь, когда с духовным рождением твоим тотчас присоединяется чрез миропомазание и духовный союз твой с Церковью, ты тоже во Христе, даже и в младенческом твоём состоянии, как обыкновенное дитя, на попечении у родителей и окруженное любовью того общества, к которому оно принадлежит. Вместе с тем обеспечена и его естественная жизнь, и общественная».

Вот прекрасное толкование внутреннего значения таинства миропомазания.

Миропомазание состоит в том, что епископ или доверенный его пресвитер вводит в общение с Церковью всякого приходящего к Ней. Значит, есть вводящий и вводимый, есть миропомазующий и миропомазуемый, и нигде и никогда не было такого совершения таинства миропомазания, когда не было бы ни помазующего, ни помазуемого, а был только помазующий самого себя. Ясно, что когда я сам себя помазал миром старообрядческим, то таинства миропомазания я сам над собою не совершил. И митрополит Сергей, доказывая противное, делает грубейшую литургическую ошибку. А когда уверяет он доверчивых людей (которые еще верят его высокому сану), что я принят беглопоповцами вторым чином, то есть чрез миропомазание, то говорит явную неправду, ибо меня нынешние беглопоповские вожди и не признают ныне своим епископом именно потому, что я принят архимандритом Климентом не вторым чином[61].

Постановление Высшего церковного совета беглопоповцев от 1 ноября

1925 года и от 23 мая 1926 года приблизительно таково: «Признать единогласно не нашими епископами Андрея Уфимского и Руфина Саткинского потому, что они были приняты быв. архимандритом Климентом неправильно и не согласно канонических правил, и не вступать с вышеназванными епископами ни в какое церковное общение» [62].

Итак, митрополит Сергей напрасно говорит неправду: я не принят беглопоповцами, то есть руководителями беглопоповства, но они прекрасно понимают, что никто не может сам собою совершить таинство миропомазания.

И оба митрополита, и Арсений и Сергей, теперь могут вполне торжествовать: раскол остается расколом. Каноны остаются в полной своей сохранности: и митрополиты православные, и начетчики старообрядческие во главе с бывшим ректором семинарии Поздневым одинаково ссылаются на священные каноны, чтобы доказать свою каноническую правду...

И они чему-то радуются, когда нужно только горько плакать.

А люди верующие, действительно дорожащие церковным единением, плачут над такою каноническою правдою наших книжников и богословов. Я получаю целый год письма от беглопоповских иереев, вроде такого, полученного мною с Ветки: «Это (непризнание меня епископом у беглопоповцев) для меня очень печально; почему бы неправильное не исправить, а недоконченное не докончить. Все это можно; только нужно с обеих сторон побольше любви и ради общего блага сделать незначительные уступки и не разорять дела Божия».

Так пишут мне многие беглопоповские иереи, чистые души, ищущие любви.

Но где ее найти?

Наши книжники и богословы, вроде митрополитов Сергия и Арсения, с одной стороны, и Рыболова и Позднева, с другой, уперлись на том, что раскол в Русской церкви должен стоять во всей своей греховной неприкосновенности. И только об этом и хлопочут. Да простит им Господь их настроение. Патриарх Тихон держался и нынешние руководители Белокриницкого духовенства [63] держатся других взглядов.

Да поможет им Господь в их великих святых стремлениях и начинаниях.

10. О СТАРООБРЯДЧЕСТВЕ, О КАНОНИЧЕСКИХ ПРАВАХ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ И МОИХ КАНОНИЧЕСКИХ ОБЯЗАННОСТЯХ

Итак, митрополит Сергей, требующий от меня подчинения себе как первому епископу и налагающий на меня обязанность в чем-то пред ним каяться, высказался против моего воссоединения со старообрядцами...

Это было бы для церковного дела чрезвычайно грустно, если бы... если бы митрополит Сергей был канонически избранным первым епископом и отображал собою взгляды всей иерархии. Да, это было бы доказательством того, что иерархия не на высоте положения.

Но посмотрим на канонические достоинства всех действий митрополита

Сергия и его канонические права нарушать мир, например в Уфимской епархии.

Все права митрополита Сергия основываются на том, что эти права ему были переданы митрополитом Петром. Но оказывается, что эти права ему переданы митрополитом не единолично, а коллегии, состоящей из трех лиц: Сергия, митрополита Нижегородского, Михаила, митрополита Киевского [64], и Иосифа, архиепископа Ростовского [65]. В этом назначении сказался весь административный талант митрополита Петра, ибо когда он был удален от управления, то оказалось следующее положение:

1) митрополит Михаил сидит в Киеве и хоть и может, но не хочет быть в этой коллегии;

2) митрополит Сергей сидит в Н. Новгороде без права выезда;

3) еп. Иосиф хочет, но не может занять свое место в коллегии, потому что оказался неудобен для кого-то по каким-то соображениям.

По этим причинам коллегия из этих лиц оказалась неосуществимой фантазией митрополита Петра.

Вследствие этого произошла крупная неприятность и неожиданное выступление архиепископа Екатеринбургского Григория [66], после чего состоялась классическая резолюция митрополита Петра следующего содержания. Выписываем полностью:

«1 февраля 1926 года. С глубокою скорбью осведомились мы из настоящего доклада (архиеп. Григория), что в православной церкви начались разделения, могущие вызвать раскол, что высокопреосвященный митрополит Сергей проживает не в Москве, а в Нижнем, откуда не вправе выехать и где не дано ему свободы строительства и церковного управления, и что высокопреосвященный митрополит Михаил совершенно отклонил от себя наше поручение по исполнению обязанностей патр. местоблюстителя, а высокопреосвященный архиепископ Иосиф не может принять его, так как он совсем неизвестен подлежащей советской власти.

Если с нашей стороны для успокоения верующих и блага церкви требуется особое распоряжение и изменение такового от 5 декабря 1925 года, то в интересах мира и единения церковного признаем полезным временно, до выяснения нашего дела, поручить исполнение обязанностей патриаршего местоблюстителя коллегии из трех архипастырей: Николая, архиепископа Владимирского [67], Димитрия, архиеп. Томского [68], и Григория, архиеп. Екатеринбургского.

При этом считаем долгом пояснить, что только эта коллегия является выразительницей наших, как патриаршего местоблюстителя, полномочий по всем вопросам, за исключением вопросов принципиальных и общественных, проведение в жизнь которых допустимо лишь с нашего благословения.

Означенная коллегия, по соглашению с властями, пользуется правом пригласить для совместной работы потребное количество других архипастырей. Со своей стороны предлагаю архиепископов Сильвестра Вологодского [69] и Серафима Орловского [70] и епископов Николая Тульского [71], Сергия, управляющего Самарской епархией [72].

Преосвященным епископам Виссариону [73], Тихону [74] и Иннокентию [75] благословляем отправиться на свои епархии.

Подпись: патриарший местоблюститель Петр».

Такова резолюция митр. Петра.

Из нее совершенно ясно следует:

1) что митрополит Петр никогда не доверял митрополиту Сергию единоличного управления и не вручал его;

2) что митрополит Сергей единолично рассылать свои указы и запрещения вне пределов своей епархии абсолютно не имеет ни малейшего права;

3) что митрополит Сергей, послав Уфимской епархии свое воззвание против епископа Андрея, действовал вполне неканонично;

4) что вообще его мнения относительно старообрядчества не имеют никакого канонического значения и могут никого не интересовать.

Такие выводы для дела объединения св. Церкви имеют большое значение, и ревнители церковного мира, конечно, должны очень утешаться, если они с нашими выводами согласятся. А из резолюции митрополита Петра других выводов сделать нельзя.

И если митрополит Сергей из выписанной резолюции митрополита Петра вывел заключение, что только единоличное его управление канонично и для церкви чрезвычайно полезно, то это такая его развязность, которую ничем иным нельзя объяснить, как крайним самообольщением и уж, конечно, <чуть ли> не «прелестью». Однако имеется одно правило каноническое, которое делает эту развязность не только необоснованною, но определенно антиканоническою.

Читаем правило 3-го вселен. Ефесского собора: «Вообще повелеваем, чтобы единомудрствующие с православным (и вселенским) собором члены клира отнюдь никаким образом не были подчинены отступившим или отступающим от православия епископам». (См. толкование еп. Иоанна Смоленского.)

А мы знаем определенно, что митрополит Сергей был живоцерковником и «отступившим» от соборного православия, а по его действиям мы видим, что он и ныне «отступающий», ибо в жизнь Уфимской церкви вносит только великое смущение, действуя вопреки всем канонам, относящимся к делу.

И вот в этом отношении и митрополит Петр, и митрополит Сергей делают по отношению ко мне ошибку несравненно более грубую, чем сделал в свое время патриарх Константинопольский Никифор по отношению к преподобному Феодору Студиту...

Делаю выписки из двух писем преподобного Феодора к патриарху Никифору, который причислил преподобного Феодора к отщепенцам от Церкви. Препод. Феодор писал:

«Вы отщепенцы от Церкви», – сказала твое блаженство. Блаженнейший, какой скорби справедливо должна была предаться душа наша при этих словах. Как не высказать оправдания пред твоею святостью, чтобы молчанием

не подтвердить обвинения. Но прежде оправдания я с почтением докладываю, что не должно как пришлось отверзать слух для всякого желающего сказать что-нибудь против кого-нибудь и без суда высказываться против обвиняемого лица. Егда закон ваш, говорится в Писании, судит человеку, аще не слышит от него прежде и разумеет, где творит (Ин., 7:21). Так следовало поступить и тогда, когда твое блаженство услышало тяжкое и прискорбное о нашем смирении. Подлинно, какое зло больше отделения от Церкви и того, чтобы овца лишилась архипастыря и сопастыря? Ибо и нам, грешным, хотя и недостойным, принадлежит помазание от Бога в чин пастыря, чтобы, осмелюсь сказать: спорить, рассуждать, внушать и наедине, и пред другими по преданному от Господа учению – между тобою и тем единым или при двою; а кто и после того будет упорствовать, тот, как говорит Он, буди тебе якоже язычник и мытарь (Мф., 18:15–17). Мы же доселе ничего такого не слыхали от святой души твоей ни чрез посланного, ни лично и не получали внушения; и таковой произвела приговор. Да рассудит совершенство твое, справедливо ли причинена эта скорбь чадам твоим. Перейдем и к самому оправданию, отдавая отчет пред вездесущим Богом и пред твоею святостью. Мы не отщепенцы, святая глава, от церкви Божией, – да не случится этого с нами никогда. Хотя мы и повинны во многих грехах, однако мы – православные и питомцы католической церкви, отвергающие всякую ересь... Мы отверзали смиренные уста свои теперь, когда вызваны к этому. Сколько зависело от меня, я всячески остерегался, чтобы это дело не обнаружилось (то есть принятие патриархом Никифором блудного и ранее запрещенного иерея Иосифа в число патриарших священнослужителей), рассуждал сам себе: так как я не имею епископского достоинства, не могу обличать, то для меня достаточно оберегать себя самого и не входить в общение с ним (то есть с блудным иереем) и теми, кто заведомо служит с ним. Итак, просим и умоляем, чтобы святая душа твоя склонилась обуздать этого человека. Блаженство твое да знает истинно и ясно, что если не будет сделано этого, то... в Церкви нашей, свидетель Бог и избранные ангелы Его, произойдет великий раскол. Сжался же, пастырь добрый, помоги, врач сведущий, пастве твоей, отлучи одну овцу от одного только священнослужения, и ты достигнешь всего, и паршивостью одного да не заразится Церковь, юже стяжа Господь и Бог наш кровию своею (Деян., 20:28). И с предшественником твоей святости, святейшим патриархом, мы снеслись таким же образом по настоящему делу; да не будет нам чести с тобою, говорили мы, ни в сем веке, ни в будущем, потому что ты допускаешь прелюбодея безразлично иметь общение с твоею святостью. Поэтому справедливо (иметь общение) и праведно, и нужно, для избежания соблазна, народу Божию, чтобы недостойно вторгшийся был отлучен от священнослужения, а мы продолжали бы поминать твою святость. Если же этого не состоится по грехам нашим, то да не будет, говорим не из страха, но из сострадания к обществу, да не будет с нашим смирением сделано святостью твоею что-нибудь неправильное и незаконное. Ибо мы со своей стороны потерпим силою Божию, что бы ни случилось по Его соизволению, но свидетельствуем твоей святости пред

лицем Христа в слух святых ангелов, что великий раскол произойдет в нашей Церкви. Хотя мы и подчиняемся власти, как люди, но и властью священных и (руководящих) и божественных правил управляемся и руководствуемся. О пустяках пусть пустословят желающие, и клеветники пусть клеветуют. Мы готовы на всякое оправдание, на всякое опровержение обвинительного предложения. Удостой нас священной твоей молитвой».

Так писал своему патриарху преподобный Феодор Студит, обличая одну ошибку патриарха. Преподобный Феодор был в это время только игуменом своего монастыря. А мне, грешному епархиальному епископу Уфимскому и Томскому, приходится обличать бесчисленные ошибки митрополита Петра и митрополита Сергия и по Уфимской епархии, и по Туркестанской, и по Казанской, и по Томской, и я все-таки готов сказать этим двум митрополитам то же, что сказал преподобный Феодор своему патриарху, готов повторить все и кончить словами: «Удостойте и нас священной вашей молитвы».

Итак, митрополит Сергей тяжко погрешил пред миром церковным и правдою Христовою, вторгшись в дела Уфимской епархии при нарушении всяких церковных правил. Между тем я, по милости Божией, при всем своем недостоинстве, ни разу не сошел с почвы священных канонов, ни вообще с почвы евангельской любви. Даже когда митрополит Сергей обвиняет меня в самовластии, я должен сказать, что и в этом случае мое кажущееся самочиние не только не противоречит канонам, а может быть, на них обосновано, ибо в отношении к старообрядчеству вообще и к архимандриту Клименту, в частности, я сделал только то, что заповедано канонами, и иначе поступить (нельзя) не мог. Действительно, ко мне, православному епископу, обратился представитель десятков тысяч старообрядцев с просьбой быть их епископом. Эти старообрядцы не имели епископа, а теперь желают иметь... Ранее у них были только «бегствующие» попы, а теперь они хотят иметь своего «древлеправославного епископа».

Что я сделать мог? Послушаться высокоученого митр. Арсения и отослать отца Климентя в Москву или еще куда, а самому заниматься солнечными ваннами? Это, конечно, дело самое безошибочное и беззаботное, но существует правило апостольское 52-е: «Аще кто, епископ или пресвитер, обращающегося от греха не приемлет, но отвергнет, да будет извержен из священного чина, опечаливает бо Христа, рекшего: радость бывает на небесах о едином грешнике кающемся». Вот я и не захотел опечалить Христа и сделал все, что мне подсказывала моя совесть и что мне благословил сделать патриарх Тихон. Но из-за всего этого очень рассердились и опечалились митрополиты Арсений и Петр и Сергей. И какая сила заставляет их так волноваться? И зачем у них явилась такая тоска, что архимандрит Климент принял у меня, древлеправославного епископа, благословение?

Между тем имеется еще одно каноническое правило, которое для этих премудрых митрополитов может быть очень назидательное и успокоительное: «Аще епископ (напр., еп. Андрей) нерадети будет о возвращении от еретиков принадлежащего церкви по спискам или самих кафедр, то да увещают его

тщательные епископы (напр., митр. Петр или митр. Сергей) и да покажут ему его нерадение, дабы не имети ему извинения. Аще же в течение шести месяцев от дня увещания пребывая в той же епархии, не возьмает попечения о долженствующих возвратиться к кафолическому единению: с таковым да не сообщаются, доколе не исполнит того» (Карф., 137).

Вот какая прекрасная обязанность возлагается священными канонами на соседних «тщательных епископов». Они должны всячески обличать и всячески поощрять нерадеющих епископов, если они не имеют попечения «о долженствующих возвратиться».

А наши «соседние епископы» ныне ужасно сердятся на меня за то, что я сделал попытку к полному уничтожению раскола в Русской Церкви. Теперь я и не знаю, кого же я должен слушаться, священннх канонов или наших епископов к очевидному вреду церковной жизни, или исполнить долг перед Богом и людьми?

«Судите, справедливо ли пред Богом слушаться людей (хотя бы и первосвященников – см. Деян.: 4:6) более, нежели Бога» [76].

Я остаюсь при решении, что я сделал в деле молитвенного объединения со старообрядцами только то, что мне благословил сделать Господь устами моих ближайших духовников и что проверено и канонами, и голосом церковного народа, и покойным патриархом Тихоном.

Иного я сделать не мог.

А если бы ничего не сделал, то подпал бы суду священннх канонов и своей совести.

11. ТРЕТЬЯ СОВЕРШЕННО ИЗЛИШНЯЯ ПОДРОБНОСТЬ (ДЛЯ ВСЕХ)

Остается теперь мне только сказать, что я вот уже год днем и ночью думаю и передумываю, отыскиваю каких-нибудь ошибок в деле моего молитвенного воссоединения с архимандритом Климентом и возведения его в сан епископа. Я молюсь Богу, чтобы Он Сам, Господь, открыл мне эти ошибки, чтобы мне их исправить. И до сих пор я могу только сказать, что все, что моими грешными руками и моею грешною малодушною головою совершено, все совершил Сам Господь Спаситель, ибо все свято, и благодатно, и почти чудесно. И намерения у всех участников этого события были безупречны, и все дело, ими сделанное, чисто и безупречно. Все это сделано нашими грешными руками не для себя.

От меня некоторые мои доброжелатели требуют покаяния. Но я решительно не могу найти во всем вышеизложенном чего-либо такого, в чем мне нужно было бы каяться и раскаиваться. А нельзя заменять истину Божию ложью (Рим., 1:25) и называть зло добром и добром злом, нельзя служить явной неправде.

Ведь произошло, в конце концов, чрезвычайное событие: представитель беглопоповского согласия, представитель нескольких десятков своих общин, предложил и вручил свое миро православному епископу и за это только просил молитв этого епископа о себе и своих доверителях. И любовь этого

епископа к страждущим старообрядцам, запечатленная этим миром, конечно, останется неизменной, и как бы беглопоповские руководители в 1926 году ни старались испортить дело, начатое их предшественниками в 1917 году, это будет только их грех, а благодать Божия будет делать свое дело и найдет иных деятелей. И эти деятели исполнят волю Божию, и не будет раскола в Русской Церкви, и нешвенный хитон Христов не будет раздражаться на Руси. Но нельзя же ткать этот хитон из неправды и облекать Господа Спасителя в хитон неправды. Между тем все обвинения митрополита Сергия против меня основываются на главном моем преступлении, будто я нарушаю 34-е апостольское правило. Митр. Сергей пишет: «Видимое единство Церкви выражается между прочим в том, что всяческая страна имеет своего первого епископа» (Ап. 34).

Читаем это правило так: «Епископам всякого народа подобает знати первого епископа в них и признавати яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения: творити же каждому то, что касается до его епархии и до мест, к ней принадлежащих. Но и первый ничего не творит без рассуждения всех. Ибо тако будет единомыслие и прославится Бог и Господь в святом Духе, Отец и Сын и Св. Дух».

Таково 34-е правило. Похоже ли оно на то, что выписал митр. Сергей? Не «всякая страна» должна управляться «первым епископом», а всякий народ. Это огромная разница: «страна» была Россия, а в этой «стране» было около 100 народов... И теперь их остается немногим менее. Значит, у нас и должно быть по 34-му апостольскому правилу около ста «первых епископов», между собою равных. Была до 1920 года «страна» Турция, в ней был совсем не один «первый епископ», а четыре вселенских патриарха и несколько десятков митрополитов автокефальных (все «первые»). Вот это соответствует канонам и 34-му правилу, которые митрополит Сергей чудовищно извращает, когда требует, чтобы «первый епископ» города Нижнего Новгорода самодержавно управлял и Тифлисом, и Якутском.

Далее в 34-м правиле сказано: «первый епископ ничего да не творит без рассуждения всех других епископов».

Иначе говоря, когда первый епископ после общего совета с другими епископами сделает распоряжение, это распоряжение будет обязательно для всех. А в других случаях эта обязанность значительно смягчается. Между тем митрополит Сергей вполне забывает это требование того же 34-го правила, и получается впечатление, что «первый епископ» имеет право просто быть самодуром и самодержавно командовать, как ему вздумается [77].

Но этого каноны решительно не допускают. Есть каноническое правило, что даже сам патриарх не может отрешить подвластного себе епископа, но должен предложить его дело рассмотрению собора в своем присутствии (святого Кирилла Александрийского правило 1-е).

Так права первого епископа священными канонами очень ограничены, и эти каноны совсем не позволяют первому епископу узаконивать какие-нибудь его собственные беззакония и требовать их исполнения только потому, что они подписаны первым епископом.

Имеется еще выразительное каноническое правило, которое читается так: «Епископ от единого предела да не переходит в другой ни по самовольному вторжению, ни по насилью от народа или по принуждению епископов, но да пребывает в церкви, которую принял от Бога в жребий себе в начале, и да не переходит от нея» (Антиохийского собора 21-е правило).

А меня митрополит Крутицкий Петр не более, не менее, как лишил кафедры – без вины, без суда и следствия, еще задолго до моего «воссоединения» со старообрядцами. Почему же и для чего? По каким канонам? А я ведь не только назначенный епископ, а дважды избранный в Уфе.

Что же за издевательство надо мною и мою паствою со стороны местоблюстителя? Или это чужое приказание?

И, наконец, известны ли митрополиту Сергию правила 76-е апостольское и 23-е Антиохийского собора, по которым ни митрополит Петр, ни митрополит Сергей не могут считать себя «первыми епископами»? 23-е правило Антиохийского собора читается так: «Епископу не позволяется вместо себя поставляти другого в преемники себе, хотя бы он был и при конце жизни: аще же что таковое соделано будет, то поставление да будет недействительно. Но да соблюдается постановление церковное, определяющее, что епископа должно поставлять не инако разве с собором и по суду епископов, имеющих власть произвести достойного, по кончине преставившегося».

Таков закон. А по какому закону митрополиты Петр и Сергей оказались вершителями церковных дел?

Или воля патриарха Тихона выше священных канонов?

Но допустим, что в целях церковного благоустройства патриарх Тихон вынужден был по требованию минуты не считаться с этим законом. Это возможно и допустимо.

Но в избрании митрополита Крутицкого было нарушено не только указанное церковное правило, но и воля самого патриарха Тихона, ибо в завещании патриарха Тихона стоят еще два имени: митрополит Кирилл [78] и митрополит Агафангел.

Почему же третий – Крутицкий – предпочтен первым двум? И кто предпочел, и кто его насильственно навязал всей нашей стране «первым епископом»?

Да, наша страна есть страна неограниченных возможностей и великих странных грехов вообще и подлогов, в частности.

На все наши недоуменные вопросы может быть только один ответ: митрополит Петр очень удобен для всей этой анонимной компании, которая его избрала и посадила на место «первого епископа». Вот разгадка всех загадок.

И наше несчастное «православие» теперь принуждено возиться с такими удобными людьми, как митрополит Петр и ему подобные. А митрополит Сергей с удивительной скромностью уверяет, что его Бог дал. Нет, Бог такие несчастья только попускает.

Разумеется, старообрядцы, если они не потеряли разум, никогда не признают такого управления церковью и не подчинятся ему. И я согласен с ними, а не с теми, которые способны признавать на себе любую «главу»: и распутинскую [79], и живоцерковническую, и еще какую угодно, ибо русские люди давно усвоили русский догмат: «что ни поп, то батька».

Я отрицаю этот догмат всецело. И в этом отношении я старообрядец. Я верую и люблю Святую Соборную и Апостольскую Церковь и не могу помириться, чтобы соборная жизнь Св. Церкви уродовалась и обращалась в канцелярско-приказную, подчиненную какому-нибудь случайному диктатору.

Кончаю свою речь. Кончаю покаянием в одном моем опрометчивом поступке. В ноябре 1917 года я, в числе других епископов, подписал определение синода о назначении архиепископа Сергия митрополитом Владимирским. Да, я это сделал, и это была моя ошибка. Конечно, дело обошлось бы и без меня; митрополит Сергей и без меня был бы возведен в митрополиты. Но в его митрополитстве, хотя очень мало, и я виноват. Это моя ошибка, мое учленение, или, на языке духовной жизни, прелесть, – как говорит митрополит Сергей. Менее было бы на митрополите Сергии греха, если бы он не был митрополитом, а еще лучше, если бы он послушался 21-го прав. Антиох. собора и остался бы в Финляндии, «которую принял от Бога в жребий себе в начале», а нынешний жребий, который он сам себе избрал, явно ему не по силам.

В частности, его обращение к уфимцам просто стыдно читать – так оно по тону задорно, а по содержанию антицерковно и наполнено неправдою.

1926, сентября 17

Уфа

Епископ православных

и православно-старообрядческих общин

Андрей

ИСТОРИЯ МОЕГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА

Тетрадь вторая

Вместо предисловия

В 1927 году я написал, сидя в Уфе, первую часть «Истории моего старообрядчества». Эту первую часть я писал тогда от великой скорби и стеснения сердца, вынужденный к тому страшной клеветой, которую возвели на меня сам заместитель местоблюстителя патриаршего престола м. Сергей и его бессовестные приверженцы и последователи. Я тогда писал не столько историю, сколько самозащиту... Тогда против меня пущено было все в ход: и ложь, и клевета, и обман; и все – только для того, чтобы испортить мою святую цель примирить «беглопоповцев» с бывшей господствующей иерархией. Я вынужден был защищаться и вынужден был назвать лжецов – лжецами и клеветников – клеветниками. Иначе поступить я не мог. Но мне это было страшно тяжело, потому что моя невиновность в преступлениях, мне не ведомых, мало кому была интересна, а мои клеветники преспокойно оставались на своих местах, продолжая исполнять распоряжения высшего своего начальства. – В это время, в 1926 году, печатались против меня целые брошюры, на которые я ответить, конечно, не мог: типографии принимали и могли исполнять заказы только противощерковные и печатали только то, что угодно митр. Сергию и его почитателям, – т.е. что было вредно для церковной жизни.

Вот в таких условиях мне приходилось писать первую тетрадь «Истории моего старообрядчества», – в настроении полной безнадежности и бесцельности моего писания. Ведь убеждать рясофорных докторов богословия и доказывать им, что лгать не похвально, – правда же, – занятие неблагодарное! С другой стороны, – доказывать легкомысленным русским гражданам, что легкомыслие в серьезных делах есть преступление, – это значит – только терять время! Легкомысленных граждан учат только исторические синяки, – только тогда они немного исцеляются от своего легкомыслия...

Итак, начинаю вторую часть своей «Истории». И начиная сейчас писать с чувствами, совершенно иными, чем те, с которыми я писал в 1927 году. Сейчас пишу с надеждой великой, с благодатной радостью в душе. Тогда, в 1927 году, мою жертву Господь не принял! Нашлись тогда злые люди и у «беглопоповцев» и преступные люди у «никониан», которые вместо мира и любви пожелали раздоров и разделений. Ныне явно благодать Божия зовет «никониан», чтобы они откинули ложь и неправду и возлюбили подлинную правду церковной жизни.

Сам Господь начинает строить жизнь церковную после того, как нецерковные пастыри оказались явными предателями Церкви Христовой и хриstopродавцами. Господь ныне исполняет слово Свое, сказанное чрез пророков: «Я пересмотрю овец Моих и высвобожу их из всех мест, в которые они были рассеяны в день облачный и мрачный (Иез. 34).

1. Воспоминания в сторону «беглопоповцев»

Чтобы эта тетрадка была понятнее для читателей, я начну с воспоминаний.

В сентябре 1917 года ко мне обратились так называемые беглопоповцы с просьбой быть у них епископом. В это время я был в Москве на Соборе 1917 года. Я принципиально согласился, но с тем, что уфимская паства моя останется в моем ведении. Вел со мной переговоры со стороны беглопоповцев Лев Алексеевич Молехонов. Он же собрал в Москве маленькое совещание из представителей других своих общин. На этом совещании после долгих рассуждений согласились, что мое соединение с этой группой старообрядцев произойдет так: я приду без облачения в Московский (на М. Андрониевской ул.) храм беглопоповцев. Они встретят меня вопросом: кто я? – Я отвечу сначала, что я епископ православной единой, святой, соборной Апостольской Церкви, а потом прочту Символ веры и пространное исповедание веры, который чтет всякий, рукополагаемый во епископа. Далее я, по просьбе беглопоповцев, сам себя помазываю тем святым миром, которое они в 1917 году называли и считали патриаршим, оставшимся от патр. Иосифа. – На этом «чиноприем» мой и должен был окончиться.

Обо всех этих переговорах знал мой духовник, харьковский архиепископ Антоний, и обо всем был осведомлен патр. Тихон, которые и одобрили мои намерения.

Таким образом – с обеих сторон все было вымерено, высчитано, обдуманно и по-человечески выходило вполне для всех приемлемо. После этого я уехал в Уфу.

Но наступили события 1918 и 1919 гг. – Беглопоповцы меня надолго потеряли; я оказался в Сибири, а потом – в тяжелой неволе. В 1922 году явилась «Живая церковь»; и среди живоцерковников оказался викарный Саратовский епископ Николай Позднев, бывший ректор Саратовской духовной семинарии. – Этот недостойный старик так наконец возмутил всех своих предательским поведением по отношению к своему главному епископу, что его саратовцы выгнали.

Тогда он решил стать старообрядцем; а беглопоповцы до такой степени потеряли смысл церковности, что приняли его в качестве своего «главы». – Такова стойкость в убеждениях у бывших ученых воспитателей «никонианского» юношества! И таково непонимание церковной жизни у сменившихся, новых руководителей беглопоповства, которые отвергли белокрыницкого митр. Амвросия, старца несомненно честного, и сделали главою своей иерархии человека заведомо бесчестного.

Когда в 1923 году узнал я обо всем этом, я счел себя свободным от тех обещаний, которые в 1917-м я дал Л. А. Молехонову. – Но в 1925 году, когда я был в ссылке в Асхабаде, то ко мне явился беглопоповский архим. Климент и стал снова меня просить, чтобы я был епископом у беглопоповцев. – При этом он представил мне кроме рекомендаций, какой он хороший человек, – еще целую кучу всяких уполномочий и доверенностей, выданных ему от различных беглопоповских общин, которые просили его отыскать им епископа.

Я согласился исполнить все, что обещал Л. А. Молехонову, но категорически отказался признать Николу Позднева своим архиепископом. – Кроме того, я согласился быть епископом у беглопоповцев только с тем условием, что архим. Климент сам примет от меня посвящение в епископы и будет фактически дееспособным епископом, ибо сам то я надолго был прикован к Асхабаду иди еще к другому какому месту.

Климент принял все мои условия и 28 августа 1925 года мы впервые молились вместе с ним Богу в истинно-православном, т.е. не цезаро-папистическом храме; я со своей стороны исполнил все, на что получил благословение патр. Тихона. – 3-го сентября 1925 года я рукоположил (вместе с еп. Руфином) Климента во епископа, уполномочив его быть как бы моим заместителем, пока а не пользуюсь свободой передвижения. – Вместе с тем я говорил еп. Клименту, что наше дело столь святое и великое и мы переживаем такое ответственное время, что не должны допускать ни малейшей лжи ни а своих делах, ни даже в своих словах.

На этом мы с ним и расстались в тот же день 3-го сентября. А вскоре я получил от еп. Климента известие, что беглопоповцы ни меня, ни его не признали своими епископами и что он, Климент, в сущем сане принят а число епископов Белокриницкой иерархии.

Через несколько времени я узнал, что еп. Климент вел себя среди своей братии не совсем по-епископски и своей братии наговорил того, что дало ей право подозревать и меня в нечистых и злокозненных по отношению к старообрядчеству намерениях.

На этом я заканчиваю свои воспоминания об отношениях моих к беглопоповцам. Это все изложено гораздо подробнее в ч. I «Истории моего старообрядчества».

Так моя попытка примирения с беглопоповцами и желание привести их положение в сколько-нибудь приличное, в каноническом отношении, закончились вполне грустно – совершенно безрезультатно.

Но насколько эта попытка закончилась безрезультатно в отношении беглопоповцев, настолько она имела вовсе печальные результаты в отношении ко мне.

В это время управлял всей русской православной толпой митр. Крутицкий Петр (Полянский). Это был московский самодержец в духовном сане, с помощью многих и сложных шахматных ходов занявший это место. А ведь известно, что русские люди без хорошего самодержавного кулака обойтись не могут. – Так вот этот митр. Петр, духовный самодержец, опираясь на самодержца совсем не духовного, узнав о моей молитве со старообрядцами в Асхабаде (узнав по каким-то сплетням), запретил мне священнослужение... Это было бы ужасно как страшно, если бы ранее я признал Петра самодержцем над собой. Но так как я отказался признать Петра в апреле 1925 года самодержцем, – как признали другие, – то в октябре этого года я не признал, разумеется, и его запрещение. В 1926 году в июле это запрещение повторил преемник Петра митр. Сергей еще более подлыми путями, чем Петр, пролезший в звание председателя патриаршего Синода и назвавший

себя заместителем местоблюстителя. Но глупая Москва способна мириться со всякой подлостью! Помирилась она и с подлостью Сергия... – Этот Сергей, зная, что я в Уфе, написал к моей пастве письмо, преисполненное клеветы на меня, будто я отпал от православия, будто бы вторым чином присоединился к беглопоповцам и пр. – Мне не много нужно было употребить усилий, чтобы доказать, что это ложь и что заместитель местоблюстителя – просто лжец! Два слова отступления. – Что я подвергся резкой клевете митр. Сергия – это не так важно. – А важно вот что: что вся наша казенная полемика со старообрядчеством всегда была сплошною клеветою на старообрядчество. – Все эти лжепрофессоры Ивановские, Субботины, все эти миссионеры: Крючковы, Александровы, Белоликовы, – все это была продажная, казенная компания, делавшая на борьбе со старообрядчеством себе карьеру и сознательно клеветавшая на старообрядчество. Старообрядчество же было ненавистно петербургским жандармам потому, что оно требовало свободы слова, свободы совести и свободной церковной общечности. – По существу, борьба правительства со старообрядчеством и была борьбою с гражданскими свободами; а миссионеры ее искусно сводили к спорам только об аллилуйя, о двуперстии, о поклонах; и побеждали своих соперников только путем клеветы на них. Подлинные исторические документы о старообрядчестве открыл проф. Н.Ф.Каптерев и в 1889 году начал их печатать, но проф. Субботин добился, что печатание этих документов было запрещено Победоносцевым, и они появились в печати лишь в 1911 году.

Теперь продолжаю. – Вот этой протоптанной дорожкой клеветы и лжи и пошел митр. Сергей и оклеветал меня. Но в Уфе среди «никониан» уже нашлись смыслящие люди и не поверили клевете Сергия, как не поверили клевете Петра. – При этом случились два обстоятельства, которые послужили на пользу мне лично и на пользу церковному делу.

У меня в то время были два викарных епископа – Антоний и Питирим. Оба они пожелали проверить все, что касалось меня в деле воссоединения со старообрядчеством. Антоний отправился проверять меня в Москву, добился доверия в канцелярии патриаршего Синода и лично проник в синодский архив, чтобы изучить документы, касающиеся меня.

Каково же было его удивление, когда он еще весной 1927 года убедился, что в Синоде – в архиве нет решительно никаких документов обо мне, – ни о моем «уходе в раскол», ни о моем «запрещении» и пр. Он спросил в Синоде, что же это значит, и получил чрезвычайно характерный ответ: «вероятно митр. Петр только попутать хотел еп. Андрея»!..

Еп. Питирим, бывший староафонский 70-летний монах, человек умный, хотя и малограмотный, поехал не в Сергиевский Синод, который он не признавал, а поехал в Ярославль к митр. Агафангелу, чтобы ему доложить подробно обо всем, что касается Уфимской церковной жизни и выслушать его мнение. Митр. Агафангел выслушал еп. Питирима очень внимательно в течение нескольких часов (два дня) и сказал моему викарию и ставленнику (которого я рукоположил во епископа во время первой моей ссылки, в Теджете в июне 1925 г.), еп. Питириму, чтобы он не смущался, что мое

церковное поведение безупречно и что лишь в целях церковного мира он, митр. Агафангел, советовал бы мне не совершать архиерейских хиротоний, а в целях осведомления уфимцев и других верных сынов Церкви, он – митр. Агафангел, советовал бы мне все мое «дело» отдать на суд ближайших по крайней мере, – трех епископов.

«Но это мой только совет, а на месте видней, что нужно делать», – так сказал еп. Питириму митр. Агафангел [1].

Еп. Питирим, вернувшись в Уфу, обо всем этом рассказал мне, а Старо-Уфимский еп. Аввакум решил немедленно исполнить совет митр. Агафангела и на 3-е февраля 1927 года пригласил в Уфу на совещание епископов Питирима и Антония, а от меня запросил все материалы в объяснение моего церковного поведения.

3-е февраля 1927 года эти три епископа выпустили за собственными подписями «Акт по делу архиепископа Андрея», в котором изложили обстоятельства дела и пришли к выводу, что я никуда не «уходил», а что клевета митр. Сергия по существу своему есть легкомысленная и позорная на святое дело.

II. Воспоминание о «никонианах»

Когда митр. Сергий прислал в Уфу свое клеветническое письмо обо мне, я счел своим нравственным долгом ответить ему и тем дать ему возможность его ошибку исправить. – Я сейчас не имею в руках многих подлинных документов, о которых я говорю; не имею и копии моего письма к митр. Сергию; но помню хорошо, что в этом письме я ссылаясь на тот случай, когда Константинопольский патриарх назвал преп. Феодора Студита отщепенцем от Церкви. – На это обвинение препод. Феодор ответил патриарху, что если он, Феодор, отошел от церковного беззакония, то это не значит, что он ушел от Церкви и, что, если он обличает это беззаконие в церковной жизни, то это и есть признак его православия, – в противном случае он и сам бы впал в беззаконие; патриарх же ранее всякого суждения должен основательно узнать все дело обвиняемого и потом уже произносить свой приговор.

Сделав эту выписку из писем препод. Феодора Студита, я и просил Сергия сначала изучить мое дело, а потом уже принимать какие-либо решения. Таким образом, у митр. Сергия оказывалась прекрасная возможность выйти из его неловкого положения и исправить свою ошибку. – Но митр. Сергий гордо промолчал; ведь «никонианские» архиереи – непогрешимы, и я подозреваю не без оснований, что оклеветать меня митр. Сергию даны были полномочия, но сказать что-нибудь в защиту меня, – на это у него не было ни полномочий; ни храбрости. – А его начальство, как известно, – строгонько!..

Летом в июне 1927 года я был эвакуирован из Уфы и через два месяца оказался снова в Средней Азии. – В это время появилась Декларация митр. Сергия, как главы русского церковного управления. Эта Декларация – воззвание от 16 июля 1927 года есть настоящая квинтэссенция никонианского цезаро-папистического хамства. – Это даже среди «никониан» по глубине своей антицерковности и предательства было нечто выдающееся и небывало

скандальное. – Я и этого документа, к сожалению, не имею в руках; но имею ответ на эту Декларацию митр. Сергия со стороны его ученика и почитателя, еп. Виктора Ижевского. Это письмо прекрасно характеризует Декларацию митр. Сергия и самого и написано с таким искренним чувством и с такой преданностью святой Церкви, что я его привожу полностью, тем более, что я с ним почти во всем согласен. – Вот оно.

«Ваше высокопреосвященство, милостивейший Архипастырь, глубоко-чтимый и дорогой владыка!

В октябре месяце я с сыновьей любовью возымел дерзновение высказать Вашему высокопреосвященству свою скорбь по поводу начавшегося губительного разрушения православной Церкви в порядке управления. Такое разрушение Церкви Божией есть вполне естественное и неизбежное следствие того пути, на который поставило Вас Ваше «Воззвание 16 июля» и которое для нас, смиренных и боящихся Бога и для всех христоролюбивых людей, является совершенно неприемлемо. От начала до конца оно исполнено неправдою и есть возмущающее душу верующего глумление над святою православною Церковью и над нашим исповедничеством за истину Божию. А через предательство Церкви Христовой на поругание «внешним» оно есть прискорбное отречение от своего спасения или отречение от самого Господа Спасителя. Сей же грех, как свидетельствует слово Божие – не меньший всякой ереси и раскола, а несравненно больший, ибо повергает человека непосредственно в бездну погибели по неложному слову: «иже отречется Мене перед человека» и пр.

Насколько было в наших силах, мы как себя самих, так и свою паству обергали, чтобы не быть нам причастниками греха сего, и по этой причине самое воззвание возвратили обратно. Принятие возвания являлось бы перед Богом свидетельством нашего равнодушия и безразличия в отношении ко святейшей Божией Церкви – Невесте Христовой. По страху Божию для меня явилось теперь неприемлемым и ваше распоряжение о моем перемещении. Боюсь, как пишет мне один святитель, не будет ли выявление послушания с нашей стороны учтено ими (Синодом), как одобрение содеянного ими. И потому, если бы мне даже предоставлена была полная свобода передвижения, которой я не имею, как административно высланный, то я и тогда спросил бы себя, не придется ли мне за это послушание отвечать перед Богом, ибо оно по существу объединяет меня с людьми от Бога удалившимися. А что «Воззвание» действительно достойно многих слез и что оно удаляет человека от Бога, об этом я свои мысли изложил в форме письма к ближним.

Что же в дальнейшем? – В дальнейшем – я молил бы Господа и не только я, но и вся православная Церковь, чтобы Он не ожесточил сердца вашего, как некогда сердце фараона, но дал бы вам благодать сознания содеянного греха и покаяние на жизнь... Враг вторично заманил и обольстил вас мыслью об организации Церкви. Но если эта организация покупается такой ценой, что и Церкви Божией как дома благодатного спасения, уже не остается, а сам получивший организацию, перестает быть тем, чем он был, ибо написано: «Да

будет двор его пуст и епископство его да примет ино», то лучше бы нам не иметь никогда никакой организации! – Что пользы, если мы, сделавшись по благодати Божией храмами святого Духа, стали сами вдруг непотребны, а организацию себе получили? – Нет! Пусть погибнет весь вещественный мир видимый, пусть в наших глазах важнее его будет верная гибель духа, которой подвергается тот, кто представляет такие внешние поводы для греха.

Если же ожесточение сердца вашего пошло далеко и надежды на покаяние не остается, то и на сей случай мы имеем просвещающее нас слово: «Тем же изыдите из среды их и отлучитесь, глаголет Господь, и нечистоте их не прикасайтесь, Я приму вас и буду вам во Отца и вы будете Мне сыны и дочери, глаголет Господь Вседержитель (2 Кор. 6, 14–16)». 16 декабря 1927 года. Подпись: Вашего Высокопреосвященства во Христе брат, сердечно преданный Виктор, епископ Ижевский и Вотской».

Так честно еп. Виктор, хотя и «никонианин», исповеднически ответил на вполне бесчестное «Воззвание» заместителя местоблюстителя, хотя знал, какая тяжкая судьба его постигнет за это. А другие «никониане» и между ними пресловутый Илларион, архиеп. (какой-то подмосковный), – этому «Возванию» Сергия были очень рады, как самоотверженному проявлению архипастырской мудрости, которая, по их мнению, должна была дать им грешный покой среди житейских бурь. – На меня же этот ужас измены святой Церкви со стороны главы церковного управления» произвел такое же гнетущее впечатление, как на еп. Виктора.

Приблизительно одновременно с этой перепиской еп. Виктора с митр. Сергием, – я получил письмо от управляющего делами Высшего Церковного Совета, состоявшего под председательством митр. Григория Свердловского, который отказался признать над собою главенство Сергия. – Митр. Григорий поручил своему управляющему делами Еп. Борису Можайскому предложить мне от имени собора 12-ти епископов присоединиться к ним. Но митр. Григорий и еп. Борис предложили мне, кроме того, покаяться в моей «Асхабадской ошибке» в отношении старообрядцев.

Я на это предложение послал обширный «Ответ 12-ти епископам». Я ответил, что никакой ошибки Асхабадской я за собой не вижу, а Свердловский – Григорьевский самозванный церковный центр я совершенно так же не могу признать каноническим, как и Московские центры – обновленческий и Сергиевский. Все эти цезаропапистические центры я признаю одинаково антиканоническими и одинаково для Церкви вредными. – На этом наша переписка с архиерейскою группою м. Григория и прекратилась! – Эта переписка относится к марту-апрелю 1928 года. (Мой ответ еп. Борису помечен был 11 апреля).

III. Воспоминание о добрых делах добрых людей

Вспомняв тяжкие, мучительные и преступные глупости людей, ответственных за церковную жизнь, – я перехожу к тем воспоминаниям, которые дают возможность мне отдохнуть и порадоваться. – Молю Господа,

чтобы и мои читатели разделили со мной эти чувства святой христианской радости и научились строить церковную жизнь.

Первое радостное воспоминание, – это маленький Собор, разрешенный гражданскими властями и созданный в Уфе еп. Аввакумом в 1927 г. 3-5 октября. Этот соборик, происходивший под председательством благочестивого и умного мирянина, в присутствии двух епископов Аввакума и Руфина, был замечателен тем, что на нем по собственной инициативе присутствовали двое московских белокрыницких старообрядцев – Мибров и Агапов [2].

Они своим присутствием оказали, несомненно, большое влияние на общее настроение собравшихся на этот соборик и на его постановления. Необходимо при этом помянуть добрым словом и одного благочестивого мирянина, – ныне уже покойного, – Трофима Минеевича Борисова: это был железнодорожный рабочий, человек малограмотный, но человек большого природного ума и крупной инициативы. Он блестяще усвоил все, что касается подлинно соборной церковной жизни, понял ее значение для народа и свободного развития его культуры и помог устройству этого Собора – церковников-общинников.

Выписываю только одну резолюцию – Декларацию этого Собора; я считаю, что она – церковное событие среди всего того церковного горя и разрушения, которое мы переживаем. Это сознательная и умная попытка церковного строительства, а не подлые и глупые ласкательства пресмыкающихся цезаропапистов.

Декларация церковников-общинников [3]

Чрезвычайная сложность обстановки, клевета, распускаемая на нас, церковные разделения, взаимное непонимание и недоверие церковных деятелей, антицерковные и антикультурные давления, – все это требует от нас, православных церковников, объединенных около своих епископов» ради пользы церковной выразить свои взгляды на устройство церковной жизни пред людьми, ищущими церковной правды,

I. Наши взгляды на духовенство и центр

1. Первым делом для восстановления церковной жизни мы считаем необходимость переизбрания приходами своих пастырей там, где эти пастыри ведут себя недостойно, позоря Церковь своими грехами или разрушают дело церковное, будучи по своим взглядам людьми совершенно нецерковными.

2. Мы считаем совершенно необходимым и переизбрание епископов, чтобы избавиться от лиц, подобных обновленческому Зосиме–Александру или тем, которые наподобие еп. Иоанна Пояркова (Давлекановского) и еп. Николая Ипатова (Златоустовского), разрушают в корне церковную жизнь.

3. Мы считаем позором для Церкви существование незаконных «центров» и обновленцев (евдокимовцев) и полуобновленцев (сергиевцев), центров, подобранных из людей, которые во времена Распутина работали в распутинских синодах, во времена патриарха стали «Тихоновцами», в

«Живой Церкви» были живоцерковниками и теперь, господствуя над наследием Божиим (I П. 5, 3), стараются прикрываться разными добрыми именами.

Мы приветствуем канонический центр, способный не разрушать, но умеющий созидать – центр, любящий народ церковный и для него живущий.

II. Наши взгляды на организацию

4. Мы считаем, что всякая община есть «малая церковь», часть единой Святой Соборной Апостольской Церкви и имеет обязанность устраивать свою церковную жизнь.

5. Это устройство мы видим в организации самих верующих мирян, в устройении приходских советов с подотделами: хозяйственным, просветительским, дисциплинарным, финансовым, благотворительным, во всемерном проявлении жизни самого верующего народа.

6. Мы считаем, что весь церковный клир, не исключая и епископов, должен быть избираем, как это было в лучшие периоды церковной истории (Дн. 1, 26; 5, 2–3).

7. Тем более должны избираться, а не назначаться, члены приходских советов, председателями которых должны быть миряне.

8. Мы считаем эпоху Распутина величайшим позором для иерархии петербургского периода, а развращенное и продажное в массе духовенство – пережитком этого времени. Для борьбы с этим явлением необходима организация «Союза приходских советов» – окружных, уездных, епархиальных, куда духовенство входит только с совещательным голосом.

9. Добрые пастыри, любящие народ и готовые ему служить, могут устраивать свои пастырские собрания и съезды, куда миряне входят с совещательным голосом.

10. Мы считаем необходимым увеличение числа епископов (епархий), учась в этом отношении у Африканской Церкви времен свящ. муч. Киприана Карфагенского.

III. Наши взгляды по общим вопросам

11. В виду того, что мы должны стремиться обезопасить себя – жизнь своих общин – от всякого незаконного вмешательства, откуда бы оно не исходило, мы приветствуем закон об отделении Церкви от государства, как гарантию от всякого вида распутинщины.

12. Мы считаем так называемый «капитализм» явлением глубоко антикультурным в истории христианских народов и считаем церковно-общинный уклад народной жизни единственно соответствующим духу св. Евангелия (Лк. 18, 25).

13. Желая освободиться от всяких антицерковных и антикультурных влияний, мы считаем, что церковная община – это религиозно-культурно-экономическая единица, обеспечивающая своим членам полное духовное развитие.

14. Мы приглашаем старообрядцев к взаимному единению, чтобы общей молитвой и любовью исправить нашу церковную жизнь.

15. Мы стремимся установить ближайшие христианские отношения с сектантами, стремящимися строить жизнь свою по заповедям Христовым и приглашаем их к общему доброделанию.

16. Наконец, мы приглашаем всех православных христиан к церковной народной самодеятельности, к изгнанию из жизни всякой духовной лени и к построению жизни по заповеди ал. Павла: все исследуйте, хорошего держитесь (I Сол. 5, 21).

Такова уфимская Декларация 1927 года об устройении будущей церковной жизни и будущей свободной народной жизни. Повторяю личное мое мнение, что эта Декларация – прекрасна и по своему содержанию и по своим намерениям.

Цезаропаписты же и их начальство, конечно, встретили эту Декларацию со скрежетом зубным. Одно это уже может быть доказательством того, что она для них вредна, – а значит, – для Церкви Святой полезна.

Эта Декларация расчистила путь к воссоединению истинных православных церковников со старообрядцами, которые 250 лет боролись за церковную свободную общественность против полицейских насилий самодурного петербургского правительства и стремились сохранить свою свободную общину.

Повторяю, что эта Декларация была выработана и подписана 5 окт. 1927 г., а в конце ноября ко мне (в Кзыл-Орду) приехал один священноинок, принадлежащий к белокрыницкой иерархии и просил меня, «никонианина», посвятить его во епископа. Я был крайне удивлен этой просьбой, ибо, как известно, «иудеи с самарянами не сообщаются»... А этот священноинок (Аввакум Старков) просил у меня архиерейства и при этом не заикнулся ни о каком «втором чине».

Из этого ясно для меня уже стало, что искусственное и грешное разделение между православными и старообрядцами стало сглаживаться и что умные старообрядцы охотно идут на примирение с православными общинами, по-прежнему всячески отрицаясь от цезаропапистов.

Я этому воссоединению старообрядцев с церковными общинами был очень рад, но посвящать этого священноинка (хотя и очень почтенного) я отказался, чтобы не вызвать неудовольствия Белокрыницкой иерархии, чтобы не вызвать среди них какого-нибудь разделения.

IV. Преступления никонианской синодальной иерархии за 1928–1931 годы
4 окт. 1928 года, в этот сугубо для меня памятный день (день моей архиерейской хиротонии в 1907 году), я снова был арестован и оказался вскоре в Ярославском политическом изоляторе. В течение трех лет я проводил невеселые дни в своей камере-одиночке №23. Сначала я имел маленькую церковную радость, когда слышал звон к христианскому богослужению; но вскоре и звон прекратился (был запрещен) [4].

Потом я прочитал в газетах, что все ярославские храмы предназначены к уничтожению.

Потом я прочитал в газетах, что предназначен к уничтожению и

великолепный московский кафедральный Храм Спасителя – один из лучших храмов в мире.

После этого я в своей одиночке захворал. Мне крайне стыдно было встречаться с католическими ксендзами, которые в количестве 72 человек сидели в полит, изоляторе. Стыдно было, когда приходилось с ними хрзговаривать о православии в России.

Мне задавали простой вопрос: «Да где же ваше православие? Где ваша православная Церковь?».

Нужно сказать, что эти ксендзы были в узах только за свое христианство, как и я. Вместе с нами сидела некто Л.К.Г-брандт, русская генеральша, принявшая католичество (после того, как присутствовала лично в питерском Казанском Соборе на бракосочетании какого-то архиерея), чешка М.И. и еще несколько человек – исключительно за религиозные убеждения и за несогласие признать своим главою подлую главу митр. Сергия.

Но вот в официальном печатном органе, от 15 февр. 1930 г., появилась статья под заглавием «Интервью с главою патриаршей православной Церкви в СССР, заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием и его Синодом». – Это «Интервью» нравственно придавило нас, всех арестантов-церковников.

Обращаю внимание читателя: «Интервью» не с патриархом и не с его местоблюстителем, – а с заместителем местоблюстителя и с «его (!!!) синодом».., – так это Синод то – это только «его синод», т.е. просто теплая компания друзей сергиевских... Но где же патриарх?

Где, по крайней мере, его местоблюститель?.. Каин, Каин! – где брат твой? И далее: откуда взялся во главе «Патриаршей Церкви» – митр. Сергий, бывший основатель анти-патриаршей «Живой Церкви»?

Эти все вопросы напрашиваются совершенно невольно..» Итак, под вышеприведенным заглавием напечатана след. статья [5].

«Представители советской печати обратились с рядом вопросов к митрополиту Сергию и присутствовавшим при беседе членам синода.

На поставленные вопросы м. Сергий и синод дали след. ответы:

Вопрос: Действительно ли существует в СССР гонение на религию и в каких формах оно проявляется?

Ответ: Гонения на религию в СССР никогда не было и нет. В силу Декрета об отделении Церкви от государства исповедание любой веры вполне свободно и никаким государственным органом не преследуется. Больше того. Последнее постановление ВЦИК и СНК РСФСР о религиозных объединениях от 8 апр. 1929 г. совершенно исключает даже малейшую видимость какого-либо гонения на религию.

Вопрос: Верно ли, что безбожники закрывают церкви и как к этому относятся верующие?

Ответ: Да, действительно, некоторые церкви закрываются, Но производится это закрытие не по инициативе власти, а по желанию населения, а в иных случаях даже по постановлению самих верующих [6].

Безбожники в СССР организованы в частное общество и поэтому их

требования в области закрытия церквей правительственные органы отнюдь не считают для себя обязательными.

Вопрос: Верно ли, что священнослужители и верующие подвергаются репрессиям за свои религиозные убеждения, арестовываются, высылаются и т.д.?

Ответ: Репрессии, осуществляемые Советским правительством в отношении верующих и священнослужителей, применяются к ним отнюдь не за их религиозные убеждения, а в общем порядке, как и другим гражданам за разные противоправительственные деяния. – Надо сказать, что несчастье Церкви в том, что она в прошлом, как это всем хорошо известно, слишком срослась с монархическим строем. Поэтому церковные круги не смогли своевременно оценить все значение совершившегося великого социального переворота и долгое время вели себя, как открытые враги Сов. власти (при Колчаке, при Деникине и пр.) [7].

Вопрос: Допускается ли в СССР свобода религиозной пропаганды?

Ответ: Священнослужителям не запрещается отправление религиозных служб и произнесение проповедей. Допускается даже преподавание вероучения лицам, достигшим совершеннолетия.

Вопрос: Соответствуют ли действительности сведения, помещаемые в заграничной прессе относительно жестокостей, чинимых агентами Сов. власти по отношению ж отдельным священнослужителям?

Ответ: Ни в какой степени эти сведения не отвечают действительности. Все это сплошной вымысел, клевета, совершенно недостойная серьезных людей. К ответственности привлекаются отдельные священнослужители не за религиозную деятельность, а по обвинению в тех или иных антиправительственных деяниях, и это, разумеется, происходит не в форме каких-то гонений и жестокостей, а в форме обычной для всех обвиняемых.

Вопрос: Как управляется Церковь и нет ли стеснений для управления?

Ответ: У нас, как и в дореволюционное время, существуют центральные и местные церковные управления. В центре – патриархия, т.е. (?) заместитель патриаршего местоблюстителя и священный Синод, а в епархиях преосвященные архиереи и епархиальные советы. Кроме этого, при каждом приходе существует исполнительный орган, избираемый верующими. В управлениях всех наших органов до сих пор не было никаких стеснений и преосвященные находятся в своих епархиях.

Вопрос: Существуют ли в СССР пастырские, богословские и т.п. школы?

Ответ: Да, в Москве до сих пор существует богословская академия у обновленцев. Если же у нас теперь академии нет, то это происходит прежде всего в силу отсутствия достаточных материальных средств для этой цели.

Вопрос: Как вы относитесь к недавнему обращению папы Римского?

Ответ: Считаю необходимым указать, что нас крайне удивляет недавнее обращение папы Римского против Советской власти. Мы считаем излишним и ненужным это выступление папы Римского, в котором мы, православные, совершенно не нуждаемся. Мы сами можем защитить нашу правосл. Церковь.

Вопрос: Как вы относитесь к выступлению архиепископа Кентерберийского на Кентерберийском церковном Соборе?

Ответ: Нам кажется вообще странным и подозрительным внезапное выступление целого сонма глав разного рода церквей – в Италии, во Франции, в Германии, в Англии в защиту православной Церкви... Что касается, в частности, выступления архиепископа Кентерберийского, то оно грешит тою же неправдою насчет якобы преследований в СССР религиозных убеждений, как и выступление Римского папы.

Подписи:

Сергий, митрополит Нижегородский

Серафим, митрополит Саратовский

Алексий, архиепископ Хутынский

Филипп, архиепископ Звенигородский

Питирим, епископ Орехово-Зуевский

15 февр. 1930 г.

Таково мнение лже-главы лжепатриаршей церкви митр. Сергия (с некоторыми несущественными сокращениями). Но кто же эту главу после всего этого признает? Для кого эта лживая голова, несмотря ни на какое его христопродавство, остается все-таки главою?

Представьте, читатель, что признают! – и признают многие...

Ругают, но признают своим главою – «канонической»... Как будто сидеть в аду с такою каноническою головою лучше, чем вовсе без головы...

Но скажите, читатель, можно ли эту компанию архиереев, вселенских обманщиков, считать святой Христовой Церковью?

Можно ли толпу, бессмысленную и даже еще не оглашенную, признать последователями Христовыми? – Разумеется: нет и нет!

Все последователи лживого митр. Сергия – сами преисполнены лжи и лукавства и отпали от правды Христовой – отпали от Христовой Церкви.

Святая соборная Апостольская Церковь – где-то в другом месте, а не около митр. Сергия и не около «его Синода».

А где она, – пусть читатель сам поищет... Найти ее вовсе не трудно. Но можно твердо сказать, что Сергий основательно доказал, что синодальное управление Церкви ничего, кроме величайшего вреда, ей не давало и дать не может. Сергий выкопал этому управлению глубокую могилу; святая Церковь будет с ужасом вспоминать о грехах Сергия и его сподвижников, поставив его имя рядом с именами вселенских лжепатриархов – Нестория, Диоскора и других страшных изменников православия.

Когда был изгнан со своей кафедры – еретическим императором – святитель Афанасий Александрийский, то, разумеется, нашлись архиереи, которые с полной готовностью исполнили все беззаконные веления царя. – Этих архиереев св. Афанасий называл не епископами, а катаскопами (т.е. царскими шпионами), лишенными всяких благодатных даров. Таковы и наши современные катаскопы, разрушители Божиих храмов и вообще церковной жизни. Таков митр. Сергий.

V. Примирение митрополита Сергия со старообрядцами

7 октября 1931 года я был выпущен из Ярославского полит. изолятора и, так как мое здоровье было чрезвычайно надорвано пребыванием в тюрьме, я получил разрешение лечиться в Москве и здесь жить. Таким образом я оказался в центре всех церковных «центров». Мне нужно было избрать место, где можно было бы мне помолиться Богу, не соблазняя других и не теряя собственного настроения.

В это время в центре Москвы еще сохранились четыре храма, в которых духовенство не признавало митр. Сергия своим церковным главой, выразителем взглядов русской Церкви. Я стал молиться в двух из этих храмов, потому что в двух других нашли мою молитву не безопасною и очень вежливо попросили меня эти храмы не посещать.

Так продолжалось два месяца.

Это мое положение оказалось известным для старообрядцев, и они сделали из этого свои выводы, а вскоре один из них (Ив. Як. Гавлов) сообщил мне совершенно случайно удивительную новость, будто м. Сергий решился собственной властью снять ужасные клятвы так называемого Большого Московского Собора 1666-67 гг.

Нужно заметить, что на этом «соборе» были два восточных патриарха Александрийский (Паисий) и Антиохийский (Макарий); на этом соборе судили патриарха Никона и прокляли всю древнерусскую церковную историю с ее прежним двуперстием. Вместе с тем прокляли и Двуперстников, назвав их раскольниками-старообрядцами.

На этом же соборе русский цезаропапизм был возведен почти в догмат Церкви: церковной духовной власти был дан в руки гражданский меч и узаконены были «градские казни», т.е. публичные казни новых раскольников.

После этого на законном основании с благословения святейших патриархов запылали костры и были сожжены и вообще замучены многие тысячи двуперстников, как не повинующихся царской власти.

Я лично считаю этот «собор», названный в истории «Большой Московский», просто русским разбойничьим собором, как в греческой истории был разбойничий Ефесский собор; ибо, как выяснил проф. Каптерев, патриархи, присутствовавшие на соборе, обманули царя Алексея Михайловича и не имели никаких канонических прав ни судить патр. Никона, ни вообще – открывать собор. А главный деятель этого собора митр. Паисий Лигарид был даже лишен духовного сана и лживо подписывался на соборе «митрополитом». – Тем не менее петербургский свящ. Синод не решился собственной властью снять клятвы этого собора, как наложенные патриархами.

Митр. Сергий на это решился. И после того, как я узнал об этом крупном событии в русской церковной истории, я постарался отыскать копию этого распоряжения митр. Сергия и выписываю его полностью в том виде, в каком получил.

Деяние архипастырей православной св. Церкви в Союзе С.С.Р., возглавляемых Московской Патриархией

В благочестивое святительство российских патриархов предпринято было исправление церковно-богослужебных книг и согласование церковных чинов и обрядов русской Церкви с чинами обрядами церкви Восточной.

Предпринятое с общего совета российских архипастырей и пастырей, как и с благословения восточных патриархов, исправление это, однако, послужило поводом к образованию в Российской Церкви раскола старообрядческого, который вот уже почти три века разделяет русских верующих людей, составляя предмет глубокой скорби и непрестанных материнских забот нашей св. Церкви.

В лице своих наиболее просвещенных архипастырей св. наша Церковь прилагала усилия устранить всякие препятствия к уврачеванию раскола, всякие причины и поводы к нареканиям на нее, якобы она презирует старые обряды сами по себе и враждебно относится к содержащим их ревнителям благочестия.

Так святая наша Церковь благословила свободное употребление богослужебных книг, чинов и обрядов патриаршего времени, столь дорогих и излюбленных сердцу старообрядцев и по существу своему не имеющих в себе ничего противного православию.

Это признание православия старых обрядов и спасительности употребления их в союзе и общении со св. Церковью с особенною ясностью выразилось в издании от лица Церкви «Увещения» (Прав. Каф. Церкви) 1765 года и в учреждении единоверия.

В учреждении единоверия выразилась, с одной стороны, вся полнота любви Церкви к старообрядцам, а с другой, ее истинный взгляд на хранимый ими церковно-религиозный уклад.

Принимая в свое общение старообрядцев без малейшего нарушения хранимого ими церковно-религиозного уклада, св. наша Церковь самым делом засвидетельствовала, что дорогие для старообрядцев богослужебные книги и обряды сами по себе признаются не противными православию и держащиеся этих книг и обрядов в общении с нею являются присными чадами ее, – не пасынками, не пришельцами.

Так как ревнители старообрядчества возлагали на Церковь православную вину ответственности за встречаемые в прежних полемических книгах порицательные выражения на старые обряды, то от лица Церкви издано о сем в 1886 году «Изъяснение» (издано св. Синодом). В этом «Изъяснении» заявлялось, что православная Церковь признает содержащиеся в полемических против раскола сочинениях прежнего времени порицательные отзывы и выражения на именуемые старые обряды принадлежащими лично писателям сих сочинений, сама же не разделяет и не поддерживает сих отзывов и выражений.

Ныне мы, архипастыри св. Православной Церкви в СССР, как образовавшиеся здесь в Москве под председательством заместителя патриаршего местоблюстителя, так и отсутствующие на сем собрании телом, но не духом

(I К. 5, 3; I Всел. Соб. прав. 4), последую при том голосу и суждениям прежде бывших православных архипастырей, пастырей и других тружеников на ниве Христовой, давно уже раздавшемуся в нашем православно-церковном обществе, выразившемуся наконец и официально – а) в постановлении особой комиссии VI отд. предсоборного Присутствия 1906 года и, что особенно важно, – б) в постановлении отдела Поместного Собора Всерос. Церкви 1917–18 годов по единоверию и старообрядчеству, и в тех же видах уврачевания церковных разделений из-за старых обрядов и для вящего успокоения тех, кои по благословию Церкви и в общении с нею употребляли и употребляют названные обряды, рассудили и определили:

I. Отзыв о дорогах для старообрядцев богослужебных книгах и обрядах, данный от лица св. Российской Церкви в книге «Увещание» и в «Изъяснении» св. Синода и в определении архипастырей Собора, бывшего в богоспасаемом граде Казани в лето от Р.Х. 1885-е, – разделяем и подтверждаем.

II. В частности, богослужебные книги, напечатанные при первых пяти российских патриархах, признаем православными; свято хранимые многими православными единоверцами и старообрядцами церковные обряды, по их внутреннему знаменованию и в общении со св. Церковью – спасительными; двуперстие, слагаемое во образ св. Троицы и двух естеств в Господе нашем Иисусе Христе, – обрядом в Церкви прежнего времени употреблявшемся и в союзе со св. Церковью благодатными и спасительными.

III. Порицательные выражения, так или иначе относящиеся до старых обрядов и в особенности до двуперстия, где бы оные не встречались и кем бы ни изрекались, – отвергаем и яко не бывшие вменяем.

IV. Клятвенные запреты, изреченные Антиохийским патриархом Макарием и вслед за ним подтвержденные сербским митр. Гавриилом, Никейским митр. Григорием и Молдавским Гедеоном в феврале 1656 года, пастырями Российской Церкви на Соборе 23 апреля 1656 года, а равно и клятвенные определения собора 1666–67 гг., как послужившие камнем преткновения для многих ревнителей благочестия и поведшие к расколу в нашей св. Церкви, мы, руководствуясь примером самого же собора 1666–67 гг., отменившего клятвенные постановления Собора Стоглавого, по данной нам от всеятого Животворящего Духа власти вязать и решать – разрушаем и уничтожаем и яко не бывшие вменяем.

V. Ввиду того, что вышеупомянутые клятвы наложены с участием восточных патриархов и других святителей поместных церквей мы поручаем зам. патр. местоблюстителя или тому, кто будет после него возглавлять православную иерархию Московского патриархата, обратиться к патриархам и другим предстоятелям православных поместных автокефальных церквей с посланием о том, чтобы они братски единомысленно приняли настоящее наше определение и своим согласием его утвердили.

Бог же мира Своєю неизреченною милостью и Своими неисповедимыми судьбами да умягчит наши сердца, болящие раздором; да уврачует язву разделения, удручавшую до сих пор всех истинных чад св. Церкви, и да приведет расстоящиеся паки во едино во исполнение молитвы возлюбленного

Сына Своего, нашего Спасителя и Господа: «Да вси едино будут, якоже Ты, Отче, во Мне и Аз в Тебе, да и мир веру имет, яко Ты мя послал еси (Иоан. 17, 21). Еже буди, буди».

10/23 апр. 1929 г. Москва

Подписи:

Зам. патр. местобл. смиренный Сергей, Б. М. митр. Нижегородский

Смир. Серафим, Б.М. митр. Саратовский

Смир. Иннокентий, архиеп. Алтайский,

Сильвестр, архиеп. Калужский

Смир. Севастиан, архиеп. Костромской

Смир. Арсений, архиеп. Сталинградский

Смир. Алексей, архиеп. Хутынский

Смир. Феофан, архиеп. Псковский

Смир. Павел, архиеп. Ярославский

Смир. Иоанн, архиеп. Ульяновский

Смир. Константин, архиеп. Харьковский и Ахтырский Врем. упр. Днепроградской и Мариупольской епарх.

Смир. Питирим, епископ Волоколамский, управ. делами св. Синода

С подлинным верно: упр. дел. патр. Св. Синода еп. Питирим[8].

Хотя в этом «Деянии» на каждой его строчке написано глубокое непонимание всего, так называемого, старообрядчества, как явления церковно-культурного, а не только обрядо-молитвенного, – тем не менее я был от него в восторге. Действительно, после этого «Деяния» не может быть речи о расколе. Нужно лишь быстро и решительно исправить трехвековое церковное бедствие. И если двенадцать смиренных «никонианских» архиереев, стоящие во главе российской иерархии, открыто признали, что раскол церковный произведен теми клятвами, которые они ныне «разрушают и яко не бывшие вменяют», – то примирение сторон, доселе разобщенных, нужно признать совершившимся фактом.

По этому поводу я начал переговоры с представителями московских старообрядцев; я спросил их, какое впечатление произвело на них это «Деяние» м. Сергия. – Ответ последовал приблизительно такой: «Мы, конечно, рады, что архиереи бывшей господствующей церкви сознали свою вину пред святой Церковью; а в собственном православии мы никогда не сомневались. Поэтому «Деяние» митр. Сергия для нас значения не имеет, тем более, что его искренности мы нисколько не верим».

Тогда я стал спрашивать московских протоиереев, какого мнения они по поводу этого «Деяния». – Каково же было мое удивление, когда оказалось, что старые московские протоиереи решительно ничего об этом «Деянии» не знают – чрез три года после появления его на свет! Бедные старцы были оскорблены таким архиерейским пренебрежением к протонерейским чувствам и мыслям, когда я им рассказал, в чем дело.

А далее выяснилось такое положение: когда было выпущено это «Деяние», то многие старообрядцы (напр., во Владимирской и Саратовской

епарх.) разумеется, использовали его и быстро доказали «ревнителям благочестия», что лучше быть в свободной Христовой Церкви, чем в казенной – приказной... Началось движение совсем не то, на которое рассчитывали никонианские «смирненные» старцы, началось движение не в сторону этих «смирненных» обидчиков, а в сторону действительно обиженных и гонимых. – Начались переходы от «никониан» в «раскол».

Тогда «смирренный» Сергей и все его остальные «смирненные» начали прятать свое «Деяние» от всех мыслящих людей и уверять, что это еще совсем не настоящее «Деяние», а только проект и что сами эти «смирненные» на такое доброе дело «без собора» решиться никак не могут.

Так м. Сергей хотел было сделать одно прекрасное дело, да и на это у него не нашлось достаточно ни мужества, ни честности. – Все это «Деяние» архиерейское было не продуктом пастырской ревности и попечения о погибающих Душах, а следствием канцелярского безделья, – от безделья написали, а от трусости ничего не сделали из того, что должны были сделать, что сами же признают своей обязанностью.

VI. Моя молитва в чужих храмах, но со своей братией

Я писал выше, что во всей Москве к 1932 году осталось только четыре храма, в которых прихожане осмеливались не признавать себя верноподданными митр. Сергия. В двух из этих храмов я и молился; но молился так, что всегда слышал около себя шепот: «раскольник», «запрещен»... У меня почти никто не брал благословения.

Я в это время исповедовался и приобщался св. Тайн в Никольском храме (в Подкопаевском переулке) у иеромонаха Григория. Еще раз повторяю, что я молился у этого иеромонаха Григория потому, что он, иеромонах Григорий, не признавал над собой самодержавия м. Сергия. Но 6 декабря 1931 года он просил меня более не приобщаться в его храме, потому что я под запрещением... митр. Сергия! – Так страшно для всех было это имя и так все всегда ждали его мести. И принимали все меры, чтобы эта месть их не коснулась. И ничто не помогло!

В январе 1932 года получено было известие, что духовенство всех четырех храмов, не признавшее Сергия, получило запрещение его в священнослужении. Все поняли сразу, что это подготовка к закрытию этих святых храмов.

Ведь закрыть храм без объяснения причин или сказать, что храм закрывается и уничтожается только потому, что «так нам хочется», – все-таки не очень умно. А вот доказать верующему народу, что «здесь отщепенцы», что «здесь не признают духовной власти», что и «молиться-то с ними – грех».., это называется умным подходом, и тогда храм можно разрушить или закрыть на достаточных основаниях.

Это митр. Сергей понимал прекрасно и подготовлял святые храмы к закрытию – умно и последовательно... После всех этих наблюдений мне оставалось только искать места, где можно бы было помолиться Богу.

Я решил идти молиться к тем старообрядцам, о которых знал, что они ко

мне относятся с истинно христианскими чувствами. Я пошел туда и, как всегда, встал среди толпы, чтобы не обращать на себя внимания.

Но меня среди толпы нашли сначала священники, а потом мало-помалу и миряне. А вскоре, 28 февр. 1932 года, в день св. Василия исповедника, когда я стоял с одним священником посередине храма, подошла ко мне некая боголюбивая христианка и попросила у меня Благословения. _ Зная строгость церковной дисциплины в старообрядческих общинах, – я даже растерялся сначала и спросил моего собеседника, могу ли я исполнить эту просьбу и дать благословение этой рабе Божьей. Он мне ответил буквально следующее: «Если она просит вашего (т. е. моего) благословения, прошу исполнить ее просьбу».

Эта христианка была незабвенная для меня раба Божия Евдокия (Михайлова); и ее поступок – принятие от меня благословения, доказал мне, что я для них не чужой, а свой, что я для них не враждебный и вредоносный «никонианин», а действительно епископ единой Святой соборной Апостольской Церкви.

Могу сказать твердо, что эта боголюбивая раба Божия – Евдокия своей просьбой благословить ее и соединила меня со своей общиной. В этом ее святом поступке было для меня достаточное доказательство, что старообрядцы меня уже любят истинно-христианской благодатной любовью. И я должен сказать, что это было для меня великим благодатным утешением среди моих бесчисленных церковных скорбей. С тех пор я нашел в старообрядцах истинных родных братьев во Христе, сознательно относящихся к своим религиозным обязанностям и к своему христианскому званию.

После этого не прошло и месяца, как все храмы, «не признающие митр. Сергия» были закрыты и заперты. 24-25 марта были изъяты из обращения все дерзкие священники, не признавшие его непогрешимой воли, за что ранее они были только «запрещены». А 1-го апреля я снова попал туда, откуда идет верный путь ко спасению для всех честных священнослужителей. В скором же времени я оказался в третьей ссылке в Алма-Ате.

VII. Едино стадо любви Христовой

Ранее я сказал, что в моих отношениях с беглопоповцами все человечески было продумано и подсчитано: все было принято во внимание; забыто было только одно («одно» добавлено сверху – Авт.): человеческие грехи... И человеческие грехи и привычки к раздору не допустит до святого дела молитвенного объединения русских верующих людей.

А в отношениях моих к Белокриницкой иерархии для меня не было ничего предусмотренного и все явилось каким-то чудом милости Божией.

Когда я приехал в Алма-Ату, мне некуда было прийти помолиться Богу: в храм, которым завладели живоцерковники – идти нельзя, а в единственном храме Сергиевском можно было бы молиться, но сергиевский архиерей нашел возможным и для себя полезным в моем присутствии говорить против меня поучения к своей пастве о том, что-де «и некоторые епископы не хотят

признавать власти нашего главы и что о них-то и сказано: возстанут лжехристы и лжепророки».

После этого мне, причисленному к лжехристам и лжепророкам, неудобно было посещать храм этого догадливого святителя.

И вот в это время для меня совершенно неожиданно я получил великий дар от священников Белокрыницкой иерархии: я получил святые Дары, святую дарохранительницу и омофор. Для меня этот великий дар был истинным открытием милости Божией ко мне грешному.

Ведь я знаю отлично, как строго и требовательно относятся все старообрядцы к соблюдению всяких требований канонических и литургических в своих общинах и храмах, и тот факт, что я от них получил св. Дары, – я рассматриваю только как чудо некоего благодатного вдохновения.

Некогда великий хранитель Божьего ветхозаветного закона ввел (неразб.) Отроковицу во Святая Святых, куда сам имел право вступать только раз в год... На это великое нарушение закона Первосвященник не имел никакого права, имея только страшное запрещение. – И однако он это сделал! Он Это сделал потому, что Бог открыл ему то, чего не видели другие. Так и ныне Бог дал людям рассмотреть то над чем другие стоят только с изумлением.

Кого же Господь избрал орудиями и исполнителями Своей воли?

Дело произошло так. – Когда я бывал в старообрядческих храмах, то меня, как больного старика, почти всегда сопровождала одна добрая девушка очень высокого настроения – Маргарита (Емельянова). Когда старообрядцы меня спрашивали, кто со мной бывает в их храмах, – я, конечно, не скрывал, что это формально «никонианка», но что идейно душой она так же далека от «никонианства», как и я, и что это моя ближайшая ученица.

Эта раба Божия, Маргарита, после моего вызова из Москвы стала и без меня посещать для молитвы старообрядческие храмы, и ее-то Господь и избрал для того, чтобы она приняла от старообрядческих священников и передала мне св. Дары. То, к чему тщетно стремились архиереи и до чего не могли додуматься многоученые профессора, – то свершилось по молитвам и руками чистой благочестивой девушки. Воистину дивны дела Божий!

Разумеется, моя радость по поводу этого, несомненно, общецерковного события, была и остается беспредельной. Для меня несомненно, что это событие крупной общецерковной важности, хотя объем этого события будет раскрываться постепенно и медленно. Однако при благоприятных обстоятельствах это событие может и в ближайшее время проявить себя всесторонне и чрезвычайно благотворно. Будем молиться и надеяться, что это будет так, что преступный цезаропапизм сменится в нашей жизни умной церковной общественностью, церковно-народной общиной.

Для меня лично это событие сопровождалось такими обстоятельствами, которые для меня сугубо знаменательные.

Когда я получил св. Дары от старообрядцев, как высшее проявление их христианской любви и доверия ко мне, я долго думал, как мне поступить, – тем более, что я точно и не знал, кто мне прислал этот Священный Дар. Я посоветовался с одним благочестивым (ныне уже покойным) старообрядцем –

Георг. Савельев. Чернышевым и решил писать благодарственное письмо самому старообрядческому архиеп. Московскому Мелетию и ему принести благодарность за ту любовь, проявления которой со стороны его сопастырей могут иметь великое созидательное значение для всей Церкви. – Мое письмо ко Владыке Мелетию было след. содержания.

Его Высокопреосвященству,

Высокопреосвященнейшему Мелетию, Архиепископу Московскому и всех древле-православных общин

Высокопреосвященный Владыка о Христе возлюбленный собрат и сослужитель.

Помолясь своим покровителям, казанским чудотворцам Гурию и Варсонофию, в день их памяти и 25-летнего юбилея моего епископства, пишу Вашей Святыне это письмо.

Милости Божий ко мне, грешному, неизреченны; я могу сказать, что живу среди чудес благодати Божией и особенно тогда, когда нахожусь в узах тюрьмы и в изгнании. Последнее такое чувство я пережил 17 сент. с. г., когда совершенно неожиданно для себя я получил от одного священника подведомой Вам иерархии св. Дарохранительницу и св. Дары в ней.

А этот день, 19 сент., знаменателен для меня тем, что в этот день празднуется св. Церковью память моих пращуров – ярославских чудотворцев и в тот же день я получил в 1907 году указ о бытии мне епископом. Итак, ныне, 1932 года 19 сент. я получил св. Дары из того церковного общества, которое меня, как «никонианина», – не признавало своим собратом, но которое я всегда считал православною Церковью московских чудотворцев Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена и Казанских Гурия, Варсонофия и Германа.

Имея в руках этот великий дар благодати Божией и любви Вашей, я ныне считаю себя уже своим для Вас и поэтому и пишу Вам это письмо, будучи преисполнен благодарности к Вам за истинно-христианскую любовь Вашу.

Я ныне лежу, яко впадый в разбойники, весь оклеветанный и израненный; Вы же и братья Ваша исполнили на мне заповеди Христовы и ко мне, как к епископу, отнеслись всецело по соборному указанию (Сард. Соб. пр. 17).

Видя и чувствуя все это и многое подразумеваемое, я не могу молчать и должен говорить (Екк. 3, 7; Иер. 20, 7-9). Я должен говорить и для Вас, чтобы познакомить Вас с моими церковными взглядами, и для «никониан», которые во многом не понимают моего церковного поведения.

Доселе древле-православные христиане и так называемые «никониане» были единомысленны только во святых догматах Церкви, но петербургское царское правительство искусственно разъединило их в молитвах и обрядах. На этом мало-помалу утвердилось и разъединение их в церковной администрации (управлении).

Древле-православные христиане ценой своего двухвекового мученичества сохранили у себя истинно-соборное управление и правильное разумение, что есть Христова Церковь. А «никониане» вполне подчинились царской власти импер. Петра и его «Духовному регламенту». Церковь обратилась у «никониан»

в казенное «Ведомство Православного Исповедания» (а параллель управлению по Делах печати или управлению тюрьмами), а живая вера мало-помалу превратилась в формальное исполнение обрядов; и то – только по требованию гражданских законов. Государственное исповедание оказалось просто казенным неверием.

Поэтому «никониане» утратили понимание даже того, кто есть Глава Церкви: Господь Спаситель или государь император. А когда государя не стало как единого главы, то у «никонианских» архиереев явились сразу три главы (живоцерковная глава, митр. Сергей и митр. Григорий), а миряне, забыв Единого Главу – Христа, буквально заблудились среди этих трех сосен, не зная, куда приткнуться, потому что никогда не умели читать свящ. Писания и понимать его, как следует.

Правда, в 1917 году было восстановлено русское патриаршество и тогда явилась, хоть и слабая, надежда на восстановление канонического управления русской Церкви. Но после смерти п. Тихона его место совершенно антиканоническим путем занял митр. Петр со званием местоблюстителя патриаршего престола. Его управление можно характеризовать одним словом: диктатура (хотя и кратковременная).

После Петра его место занял м. Сергей, достигнув этого также вполне антиканоническим путем. – Управление этого митр. Сергия можно охарактеризовать словами: лицемерие и циничная бесчестность. Между тем Сам Господь требует от Своих последователей прежде всего, чтобы они береглись лицемерия, как закваски фарисейской (Лк. 12, 1) и закваски Иродовой (Мрк. 8, 15), а честность считается элементарной добродетелью всякого гражданина и тем более необходимой добродетелью епископа (I Тим. 3, 2). Та же Иродова закваска заставила митр. Сергия и всех, сообщающихся с ним, нарушить 30-е правило св. Апостолов, 3-е правило VII всел. Собора и очень многие другие.

Вообще грехи митр. Сергия и его бесчестного синода вполне явны и в общей сложности являются «нечестивою ересью клеветников на христианство» (VII соб. пр. 7); это ересь злейшая, чем ересь клеветы на святые иконы (иконоборчество). Это некая новая уния с неверием, сопряженная с учреждением совершенно антицерковных катакопов. Это скрытая форма арианства – политического.

Что касается живоцерковничества, то я его считаю просто церковным разбоем; а архиерейскую группу митр. Григория я считаю мало оправдываемой и канонически и просто логически, ибо эти архиереи-григорьевцы признают митр. Петра своим главой, а его запрещения, на их самих им наложенного, они не признают! Это трудно понять, ибо это совершенно не последовательно.

Вследствие всего вышеизложенного с июля мес. 1926 года я вынужден был (именно вынужден митр. Сергием и его неправдами) вполне отойти от этих архиереев, которые не хотят быть служителями Церкви, как ал. Павел заповедал (Кол. I, 25), а хотят только господствовать над наследием Божиим, что так определенно запретил ал. Павел (I П. 5,3).

Я считаю, что никакого согласия между Христом и Велиаром, верного с неверным не может быть (2 Кор. 6, 15). А между тем, все «никонианские» архиереи, без различия группировок, устраивают это грешное согласие и на нем, а не на Кресте Христовом; хотят утвердить Церковь. – Мало того, они считают, что они, то есть, архиереи, и суть Церковь, вопреки учению св. ап. Павла (2 Кор. 5, 4). Я же считаю, что св. Церковь составляют все верующие, все сыны Божии по вере в Иисуса Христа (Гал. 3, 26), весь народ Божий, живые камни, из которых устроится дом духовный (1 Кор. 2, 5), тело Христово (1 Кор. 12, 27; Ев. 1, 23).

Глубоко радуюсь и благодарю Господа, что такое понимание св. Церкви и у древле-православных христиан; поэтому они и сохранили свою церковную соборность, столь извращенную и даже поруганную у «никонианских» архиереев, которые в храмах поют, что они веруют во едину святую соборную Апостольскую Церковь, а в своей практической деятельности считают главными своими законами всякие другие законы, кроме законов соборных.

Когда я вынужден был отойти от этого церковного беззакония, то «никониане» выдумали проклятое слово «андреевщина», уверяя ненаученный народ, что я строю какую-то свою церковь, устрашаю какое-то самочинное собрание. – Это чистая клевета; и всякую «андреевщину» я анафематствую по слову ап. Павла (Гал. 1, 8). Я стремлюсь быть только рабом Христовым (ст. 10) и исполнять волю на свою, а Христову.

В это время в моем изгнании и нашли меня древле-православные христиане и согрели меня своей любовью и мне, как полноправному епископу православной Церкви, принесли священные Дары Христовой Евхаристии.

Преклоняюсь перед промыслом Божиим, тако устроившим и земно кланяюсь всем, кто потрудился в этом деле.

Итак, Святитель Христов, мы уже объединены с вами по милости Божией Единым Главою св. Церкви, Господом нашим, объединены и во святых церковных догматах и в молитве и в церковной дисциплине (т.е. в св. обрядах).

Ныне для меня остается решить вопрос третьестепенного значения, признавать ли мне ныне и немедленно какую-либо церковно-иерархическую власть до соборного решения по этому поводу.

Всесторонне обдумав этот вопрос, помолясь Богу и призвав на помощь Святителей и чудотворцев Казанских, прошу Вас, святой Владыко, принять мои услуги в созидании св. Церкви.

Со своей стороны всякое Ваше указание на пользу св. Церкви приму с любовью и благодарностью. Но в целях церковной экономики я должен до собора остаться епископом Уфимским, каким я был до сих пор. Я должен сохранить никем не заподозреваемую полную свободу церковного делания везде, где это возможно, ибо горе мне, если не благовестую (1 К. 9, 16).

Поэтому будем искать того, что служит к миру и взаимному назиданию (Рим. 14, 19).

В дополнение к сказанному напоминаю Вам, что для меня правила св. Соборов и св. Отец – это закон моей жизни. Но исповедуюсь Вам, святой

Владыко, что моя мысль такова: по нынешним тяжелым для св. Церкви временам, – всем церковным деятелям особенно нужно руководиться великим примером ап. Павла (I Кор. 9, 20–22). Нужно все делать для Евангелия, чтобы быть соучастником его (23).

Из соборных правил необходимо исполнять правила 77, 79, 103 и 137 Карфагенского собора; правило 15 Двукратного собора; 89 каноническое правило Василия Великого – о возобновлении старческих правил.

Мудрое исполнение этих и параллельных им правил может принести для св. Церкви обильные плоды: соборная любовь исцелит многие страждущие души и привлечет их к Церкви Христовой.

Поэтому в заключении прошу Вас и Вашу о Христе братию непременно сделать меня участником уже первого (после 1932 г.) Вашего собора древлеправославных христиан.

Заканчивая свое письмо, усердно прошу святительских молитв Ваших и всей Вашей о Христе братии.

С братской о Христе любовью остаюсь Вашего Высокопреосвященства недостойный сомолитвенник Андрей, епископ Уфимский (архиепископ Томский).

4 октября 1932 г. День Святителей Казанских Гурия и Варсонофия

На это письмо я получил ответ такого содержания:

Г. И. Х. С. Б. п. н.

Ваше Высоко-ство, Боголюбнейший Архипастырь, Владыко Андрей

Нас крайне удивило и вместе с тем обрадовало Ваше искреннее и сердечное решительное отмежевание от той испорченной и своевольной среды, которая не знает никакого подчинения ни перед кем и ни перед чем, кроме подчинения царской власти.

Итак, в нашем древлеправославном Домостроительстве явилось новое неожиданное событие – Ваше примирение. – Я верю в Промысел Божий и уповаю, что Ваши святые и благочестивые пращуры умолили у Престола Царя Славы, чтобы их потомок восстановил и оправдал св. Древность, искаленную и опороченную и даже анафематствованную мордвином патриархом и его приспешниками. Но Господь противился гордым, а смиренным дает благодать.

Когда дедушка [9]* прочитал Вашу исповедь, то задумался, а затем просиял и сказал: «береги эту бумагу, а ему отпиши: пусть исполняет все, что полагается его сану, согласно правилам и практике св. Церкви «доникоианской». И да пособствует ему благодать св. Духа в подвигах и трудах его».

Братский мир и спасение шлет он Вам и привет и низкий поклон! И просит Вас совершать молитву о его смирении. Итак, известив Вас об этом, земно кланяюсь Вам, прошу прощения и Вашего Архипастырского благословения и святых Ваших молитв.

Грешный протоиерей Н. Пронин 1932, дек. 15.

Вместе с этим письмом я получил от Белокриницких старообрядцев святое Миро и омофор. Иже чтет да разумеет!

Я должен кончать. – Все материалы, относящиеся к истории моего старообрядчества исчерпаны. – Теперь я почитаю своим долгом сказать твердо и открыто: я непримиримый враг цезаро-папизма, как и всякого насилия, – поэтому я враг и того страшного греха, который в общей сложности именуется «никонианством».

Я не революционер, ибо в революции есть большой элемент злобы и мести. Но прекрасно понимаю революцию, как протест против неправды и насилия. Я прекрасно понимаю таких революционеров, как великие пророки Исайя, Иеремия и почти все остальные, обличавшие несправедливые законы и жестокие решения. Воистину – чтобы познать истину, нужно сначала осуществить в жизни правду–справедливость.

Я не революционер! Я христианин и никому не хочу зла... Но вместе с ап. Павлом – против всякого беззакония и общественной неправды (Дн. 22 и 23).

Я даже не христианский социалист, ибо и в так называемом христианском социализме есть нечто от лукавого в виде человеческого негодного пустословия и прекословия. Христианский социализм, как и социал-демократия, – это плоды римского католицизма, как большевизм есть продукт петербургского цезаро-папизма.

Я – только христианин и последователь великого христианского гения, апостола Павла; я – христианский общинник! – Я считаю, что социология ап. Павла, основанная на учении о Богочеловечестве Господа Спасителя, обеспечивает для всякого человека и земную социальную правду и вечное его спасение. Но несчастные цезаропаписты («никониане») не хотят понять этого, не хотят быстро и решительно выступить на путь христианского оздоровления жизни; сбитые с толку своими архиереями – катаскопами, несчастные «никониане» не понимают всей глупости своего положения и продолжают свое бессмысленное существование.

«Никонианство», как полное извращение христианства, есть несомненная ересь; но «никониане» до такой степени жалки и нелепы, что их еретиками назвать почти несправедливо! Какие же это еретики! – Такие они несчастные... Это дети – крещенные, но ничему не наученные.

Братие, православные христиане, работайте же Господу! Работайте со страхом и радостью! Учитесь у ап. Павла! Устраивайте, восстанавливайте древне-православную, христианскую жизнь по правилам и практике св. Церкви до-никонианской! Покайтесь! Устраивайте свои христианские общины свободные, честные, трудолюбивые и радостные.

А о себе я, грешный, могу сказать великое чудное слово: «я раб вашей любви» и готов до смерти служить делу устроения на земле этой христианской любви и церковной соборной жизни. – Да будет едино стадо и Един Пастырь! – А Христово стадо не может быть не разумно...

Православный Епископ Андрей

1933, февр. 28 Алма-Ата

КОММЕНТАРИИ К ПЕРВОЙ ТЕТРАДИ

Первая тетрадь «Истории моего старообрядчества» еп. Андрея (кн. Ухтомского) публикуется по двум источникам, один хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства, второй – в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки: РГАЛИ Ф. 1345. Оп. 1. Е. х. 17. Лл. 1-98 и ОР РГБ. Ф. 178. К. 9806. Е. х. 3. Лл. 163, 1. В угловых скобках восстанавливаются пропуски. Явные опечатки исправлены, сохранены особенности орфографии и синтаксиса автора.

Публикация и комментарии Александра ЗНАТНОВА

[В свое время анонсировалось:

«В следующих номерах журнала «Златоуст»:

...

ЕПИСКОП АНДРЕЙ УХТОМСКИЙ. История моего «старообрядчества» – публикация Г.[еннадия] Дурасова

Златоуст: Духовно-просветительский журнал Товарищества русских художников. 1992. №1. С. 373

Вышло всего два номера, публикация не состоялась]

* Оба документа приведены далее в тексте. – А.З.

* Похоже, здесь и в ряде других мест – опечатка и вместо «Краснозаводск» следует читать «Красноводск».

[1] Геронтий (Лакомкин Григорий Иванович; 1872–1951), старообрядческий еп. Петроградский и Тверской (1912–1932). Происходил из семьи старообрядческого священника. Получил домашнее образование. Один из наиболее образованных и уважаемых старообрядческих епископов своего времени. С 1899 по 1903 гг. – на военной службе. В 1906 г. рукоположен в сан иерея. В 1908 г. овдовел. В 1912 г. хиротонисан в епископа. 13 апр. 1932 г. был лишен свободы за исповедание веры, 9 месяцев находился в тюрьмах г. Ленинграда, в том числе 5 месяцев в одиночке, затем десять лет в концлагерях. Его единственный сын, арестованный вместе с ним в один день и получивший в лагере «за религию» дополнительно еще 10 лет без права переписки, умер в заключении от голода 12 авг. 1945 г. После освобождения 23 окт. 1942 г. еп. Геронтий вплоть до кончины управлял Ярославско-Костромской епархией, одновременно был помощником архиепископа Московского и всея Руси, а также редактором старообрядческого церковного календаря. В те годы на свободе из почти двух десятков старообрядческих епископов осталось всего двое: он и архиеп. Иринарх (Парфенов Иоанн Васильевич; 1881–1952). Был глубоким знатоком знаменного пения, руководителем знаменитого Стрельниковского церковного хора. Погребен в архиерейском склепе на Рогожском кладбище в Москве.

Знакомство между ним и еп. Андреем состоялось до 1917 г. Вероятно,

напечатанная на папиросной бумаге машинопись первой тетради, посвященная автором еп. Геронтию, была передана еп. Андреем через еп. Климента (Логвинова; 18??-1938) на Освященный собор, проходивший в Москве на Рогожском кладбище с 23 авг. по 2 сент. 1926 г., где решался вопрос о приеме последнего в церковное общение и о каноничности его епископской хиротонии. Одновременно с этим еп. Андрей обратился на собор с просьбой и о своем присоединении к старообрядческой церкви, приемлющей Белокриницкую иерархию. На заседании без мирян 31 авг. (13 сент.) было постановлено: «§ 13. Заслушивается резолюция, составленная комиссией по поводу обращения к Освящ. собору епископа Андрея Уфимского, обсуждавшегося на заседании собора с участием мирян. Заслушав обращение епископа Андрея Уфимского, Освящ. собор после обмена мнений постановил: ответить еп. Андрею, что обращение его собором принято к сведению, выразить ему благодарность и благие пожелания, как первому из русских епископов бывшей господствующей церкви, имеющему стремление возродить церковь и своих последователей в истинном самосознании и придти с ними в единение с древлеправославною Христовою старообрядческою церковию».

В рукописном списке Отдела рукописей РГБ посвящение еп. Геронтию отсутствует.

[2] Несколько видоизмененная традиционная старообрядческая аббревиатура, проставляющаяся в начале писем, обращений и иных письменных посланий. Обычно пишется: «Г. I. X. С. Б. п. н. а.», что означает: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, аминь». Приведенное перед этим замолитование «За м. с. о. н.», то есть «за молитв святых отец наших», старообрядцами пред Иисусовой молитвой в письмах и обращениях никогда не проставляется. На всех языках мира, кроме греческого и украинского, древнееврейское имя Исус произносится и пишется без удвоенного «и». Это новшество было насильственно введено патр. Никоном в середине XVII в., что стало одной из причин, приведших к расколу Русской Церкви.

[3] Беглопоповцы – первоначальное наименование, данное представителями господствовавшего греко-русского исповедания всем старообрядцам-поповцам, «приемлющим священство, переходящее (бегствующее) от господствующей церкви». После присоединения к старообрядческой Церкви в 1846 г. бывш. митр. Боснийского Амвросия (1791–1863), первого старообрядческого митрополита Белокриницкого, беглопоповцами стали именовать только ту часть старообрядцев-поповцев, которая не признала над собой его архипастырства.

[4] Никола (Николай) (Позднев Петр Алексеевич; 1853-1934), беглопоповский архиеп. Московский, Саратовский и всяя России древлеправославных христиан. Происходил из семьи псаломщика синодской церкви. Окончил Казанск. дух. академию (1879). Магистр богословия (1886). Ректор Пензенск. дух. семинарии (1894-1907). Настоятель кафедрального собора св. Александра Невского в г. Саратове (1910–1921). В 1921 г. овдовел.

Еп. Балашевский, викарий Саратовский (1921, июль). В 1922 г. принял сторону обновленцев. Указом обновленческого синода за №108 22 сент. 1922 г. возведен в сан архиепископа Саратовского. В июне 1923 г. за уклонение в обновленчество запрещен собором 14 епископов под председательством патр. Тихона (Беллавина). Получив приглашение на переход к беглопоповцам, подал 28 окт. 1923 г. прошение в синод, в котором просил: «...Ввиду крайне тяжелых душевно-нравственных и материальных обстоятельств... разрешить мне перейти в сущем сане к староверам-старообрядцам, приемлющим священство от православной церкви, чтобы объединить всех раскольников... Я даю обязательство до конца дней моей земной жизни пребывать в каноническом общении со священным синодом». Приобретя на это разрешение, архиеп. Николай (по-старорусски – Никола) в саратовском храме св. Димитрия Солунского 4 нояб. 1923 г. был присоединен к беглопоповцам иеромонахом Климентом и о. Николой Тихомировым вторым чином (через миропомазание) в сущем сане. Обновленческий синод еще в 1924 г. первым среди всех новообрядческих конфессий «снял клятвы и проклятия на древние обряды Русской Церкви», наложенные на древнее благочестие в роковом 1666 г. Находясь в беглопоповстве уже 10 месяцев, архиеп. Николай указом обновленческого синода от 31 авг. 1924 г. «назначен правящим епископом Саратовской епархии». После этого скандального перехода в старообрядчество обновленческо-новообрядческого архиерея некоторые беглопоповские общины отказались его признать и присоединились к Белокриницкой иерархии, другие просто отказались подчиняться николаитам и стали вести автономную церковную жизнь. Поняв, что беглопоповцы не собираются присоединяться к обновленчеству и, кроме этого, имея точные сведения о начале их совместных переговоров в 1924 г. с рогожскими старообрядцами в г. Хвалынске Саратовской губ. о воссоединении всех старообрядцев-поповцев, архиеп. Николай (Позднев) был запрещен в служении и обновленческим синодом тоже.

[5] IV Всероссийский миссионерский съезд проходил в Киеве с 12 июля по 26 июля 1908 г. В его работе приняли участие 626 человек, среди которых было 42 епископа. См. об этом: Статистические данные о членах IV Всероссийского миссионерского съезда в Киеве 12-26 июля 1908 г. // Колокол. 1908. 26 авг. (№751). Более представительного собрания новообрядческой иерархии дореволюционная синодальная церковь не знала со времени раскола Русской Церкви. Съезд общепризнанно считался прологом всеми ожидаемого поместного собора греко-российской церкви, который не был разрешен имп. Николаем II. Еп. Андрей был председателем 8-го противомусульманского отдела. К съезду он издал книгу «О нормальном положении православия в Православном русском царстве. (Доклад IV Киевскому миссионерскому съезду)». – Казань: Типолитография И. С. Петрова, 1908.

[6] Антоний (Храповицкий Алексей Павлович; 1864-1936), синодский архиеп. Волынский (1912), митр. Киевский (1918). Происходил из новгородских дворян – помещиков. Окончил С.-Петербургск. дух. академию.

Председатель IV Всероссийского миссионерского съезда (1908). Покровитель «Союза русского народа». Постриг 2 дек. 1895 г. князя Александра Алексеевича Ухтомского в иноки с именем Андрей. На Поместном соборе 1917 г. произнес впечатляющую речь в пользу восстановления в греко-русской церкви патриаршества. Через неделю после интронизации нового патриарха Тихона (Беллавина) был возведен в сан митрополита и вскоре избран членом синода. С 1919 г. в эмиграции.

[7] Антоний (Вадковский Александр Васильевич; 1846-1912), синодский митр. С.-Петербургский (1898). Происходил из духовного сословия. Окончил Казанск. дух. академию. Редактировал журнал «Православный собеседник», первенствующий член синода (1900). Член Государственного совета. Погребен в Александро-Невской лавре (СПб.).

[8] Секретное архиерейское совещание состоялось во время работы съезда 18 июля 1908 г. На нем было решено просить высочайшего разрешения о возобновлении почитания в греко-русской церкви св. благоверной Анны Кашинской, а также еп. Антонием Храповицким был поднят вопрос о восстановлении патриаршества. Только протесты присутствовавшего товарища обер-прокурора Алексея Петровича Роговича помешали более твердому решению «патриаршего вопроса». Во время Кашинских торжеств 1909 г., посвященных возобновлению почитания новообрядцами святой Анны, произошел скандал. На древний покров, шитый по преданию супругой царя Алексея Михайловича Марией Ильиничной и сестрами самодержца и возложенный ими на раку благоверной, оказалась нашита заплатка. Новым шелком было искусно заплетено древнее двуперстие, за которое св. Анну по настоящю патр. Иоакима «лишили нимба» в 1678 г. Подлог был публично разоблачен старообрядцами, которые всегда почитали благоверную Анну как святую. Заплата с двуперстия была спорота. Фотографии этого происшествия были напечатаны тогда почти во всех российских газетах.

[9] Двуперстие или двоеперстие (фактически – пятиперстие) – принятая русскими более 1000 лет назад от греков вместе с Крещением Руси древнейшая форма перстосложения для крестного знамения. Троеперстие было насильно введено в 1653 г. патр. Никоном, что послужило одним из поводов к расколу Русской Церкви и многовековым гонениям на старообрядцев.

[10] Сергей (Страгородский Иван Николаевич; 1867-1944), синодский патр. Московский и всея Руси (1943). Происходил из духовного сословия. Окончил С.-Петербургск. дух. академию. С июня 1922-го по авг. 1923 г. находился в обновленчестве. После покаяния перед патр. Тихоном назначен митр. Нижегородским (1924). С 1925 г. заместитель местоблюстителя патриаршего престола. 27 июня 1927 г. выступил с «Декларацией», призывавшей верующих к сотрудничеству с советской властью «не только из-за страха, но по совести». В 1943 г. был избран патриархом. Скончался в Москве, похоронен в Богоявленском (Елоховском) соборе.

[11] См.: «Обращение митрополита Сергея Нижегородского к благочестивым прихожанам Уфимской сimeоновской церкви и прочим едино-

мысленным с ними почитателям еп. Андрея» в брошюре: Константиновский В. Православие и еп. Андрей, бывший князь Ухтомский. Уфа: Типолитография «Октябрьский натиск» Б. Ц. С. Н. Х., 1926. С. 33–39. Брошюра была составлена и издана тиражом в 2 000 экз. обновленческим протоиереем по узаканию нижегородского митр. Сергия (Страгородского).

[12] Петр (Полянский Петр Федорович; 1862–1937), статский советник. Окончил Моск. дух. академию. До революции много лет работал чиновником в системе синода. После 1917 г. сделал головокругительную карьеру, став за 5 лет местоблюстителем патриаршего престола (1925). Расстрелян. Канонизирован Зарубежным синодом в 1981 г., Московской патриархией в 1994 г.

[13] Агафангел (Преображенский Александр Лаврентьевич; 1854–1928), синодский митр. Ярославский и Ростовский (1917). Происходил из духовного сословия. Окончил Моск. дух. академию. В 1922 г. патр. Тихон после своего ареста единолично передал ему патриаршие права и обязанности. В 1926 г. митр. Агафангел заявил о принятии на себя обязанностей патриаршего местоблюстителя и встал в оппозицию к митр. Сергию. Вернулся в сергианство в 1928 г. Умер в Кинешме. Канонизирован Зарубежным синодом в 1981 г., Катакомбными ИПХ в 1999 г., Московской патриархией в 2000 г.

[14] 34-е правило святых апостол гласит: «Без своего старейшего ничтоже да творят епископы, но токмо во своем пределе каждо. И старейший же без оных ничто же творит, полезного ради всем соединения» (См.: Кормчая. (Номоканон). Отпечатана с подлинника патриарха Иосифа. М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1912. Лист 9 второго счета).

[15] Иоанн (Поярков Виктор; 1883–1933), синодский еп. Давлекановский (1922), викарий Уфимский, управляющий Уфимской епархией (1923). С 1931 г. архиеп. Уфимский. Перед смертью принял схиму.

[16] Ср.: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими» (Мф. 7, 13).

[17] Еретики второго чина, приходящие к Церкви Христовой, в соответствии с 8-м правилом Первого вселенского собора обязательно помазуются святым миром, поскольку за еретическим миропомазанием не признается даров Святаго Духа. (Подробнее см.: Иннокентий, митр. Белокриницкий. О миропомазании священнослужителей, присоединяемых к православию от ереси второго чина / Сост. Иван Усов. Черновцы (указано) [с. Безводное: Потаенная тип.], 1902. 92 с.)

[18] «Господствующая российская церковь» – официальное и общеупотребительное название синодской греко-российской церкви до 1917 г.

[19] Никонианством старообрядцы называют совокупно греко-российское исповедание. В повседневной речи обычно употребляются нейтральные формы: «новообрядчество», «новообрядцы». В старообрядческом «Чино-последовании присоединения приходящих к православной церкви от различных ересей» нет отрицания от «никонианския ереси».

[20] «Живая церковь» (так называемый «поповский профсоюз») – название обновленческих толков новообрядческого белого духовенства,

объединившихся весной 1922 г., которые противопоставляли себя «мертвой церкви» патр. Тихона (Беллавина). Несмотря на многолетнюю поддержку советской властью обновленцев, официальная ставка была сделана на митр. Сергия (Страгородского), ставшего задолго до 1943 г. фактическим «патриархом всего СССР».

[21] Имеется в виду временный патриарший синод при митр. Сергии (Страгородском). После событий 1917 г. бывшая греко-российская церковь распалась на множество частей. К началу 1920-х гг. в России оформились следующие религиозные сообщества: тихоновское, сергианское, григорианское, иосифлянское, обновленческое, живистское, содацкое, липковское, автокефально-украинское, мурашковское, единоверческое, а в эмиграции – антонианское, евлогинское и платонинское. «Господствующей церковью» в любой стране называется та единственная религиозная организация, которая имеет явную поддержку государственной власти. В Российской Федерации это – Московская патриархия, наследница митр. Сергия (Страгородского).

[22] Вместе с гонениями на двуперстие, начатыми на Руси при патр. Никоне, преследованию подвергся и Крест Христов. Православная церковь святолепно чтит и прославляла четырехконечный, шестиконечный и восьмиконечный кресты. Каждому из них было установлено свое место и применение. Крест же восьмиконечный есть совершеннейший в том смысле, что полностью представляет собою крест Голгофский, на котором был распят Христос. Он ставится и изображается на всех важных местах: на главах храмов, на престолах, антиминых, просвирах, всенощных хлебах, артусе; носится на груди, водружается на могиле и т. п. После разделения христианской церкви в 1054 г. на восточную и западную восьмиконечный крест стал символом православия, а четырехконечный крест – папского латинства. При патр. Никоне восьмиконечный крест был отовсюду изгнан и заменен четырехконечным.

[23] Тихон (Беллавин Василий Иванович; 1865–1925), синодский патр. Московский и всея Руси [России] (1917). Получил меньше всего голосов при выборах кандидатов на патриаршую кафедру в ноябре 1917 г., но по жребию был избран именно он. Проходивший под его водительством Поместный собор 2 дек. 1917 г. принял документ «О правовом положении Православной российской церкви», в котором она объявлялась первенствующей, утверждалось, что главой государства и министром просвещения могли быть только лица православной веры. Отвергая эти притязания, газ. «Дело народа» опубликовала 31 дек. 1917 г. проект декрета Совнаркома «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». Ответным актом стало послание патр. Тихона 19 янв. 1918 г., в котором он анафематствовал советскую власть. В ночь с 20 на 21 янв. 1918 г. на заседании Совнаркома проект декрета с дополнениями и уточнениями был принят под новым названием – «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В нем провозглашалась светскость государства и школы, устранялось прежнее деление религий на «господствующие», «терпимые» и «гонимые», утверждалось равноправие

перед законом верующих и неверующих. Во время кампании по изъятию церковных ценностей в связи с голодом в Поволжье патр. Тихон 28 февр. 1922 г. выпустил послание, в котором недвусмысленно запретил добровольную выдачу церковных вещей, что привело к массовым актам насилия властей над верующими. В мае 1922 г. был подвергнут домашнему аресту, позже заключен во внутреннюю тюрьму ГПУ, над ним готовился показательный судебный процесс за противодействие изъятию церковных ценностей. В мае 1923 г. обновленческий Поместный собор изверг его из сана и лишил монашества, чему он не подчинился. 16 июня 1923 г. сделал публичное заявление: «Я отныне советской власти не враг». После этого сразу был освобожден, судебное дело против него закрыто, и патр. Тихону было предложено выехать за границу, от чего он отказался. После литургии в Донском монастыре 1 июля 1923 г. произнес проповедь, в которой осудил всякую борьбу против советской власти и призвал свою паству стать вне политики. Находясь на свободе, умер в частной клинике на Остоженке от острого приступа грудной жабы. Погребен в Донском монастыре. Канонизирован Зарубежным синодом в 1981 г., Московской патриархией в 1989 г.

[24] Ср.: «Итак, мы – посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом» (2 Кор., 5:20).

[25] Ср.: «Они – слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Матф., 15:14.).

[26] В данном месте «старообрядцами-раскольниками» еп. Андрей именует беглопоповцев; просто «старообрядцами» – единоверцев; «новообрядцами православными» – оппозиционеров-староцерковников, не приемлющих как обновленчества («Живая церковь», «Союз церковного возрождения», «Союз общин древлеапостольской церкви» и т.п.), так и приспособленчества (тихоновцы, сергианцы, григорианцы, евлогианцы и др.).

[27] Полторацк – название г. Ашхабада в 1919-1927 гг. Был переименован в честь комиссара Туркестанского совнархоза, поляка-карателя Павла Германовича Полторацкого (1888-1918), расстрелянного восставшими против большевиков рабочими за реквизицию банка г. Мерв и попытку вывезти ценности.

[28] Имеется в виду написанная в Бутырской тюрьме работа еп. Андрея «Десять писем о старообрядчестве» (не опубликована).

[29] В мае 1917 г. еп. Андрей впервые лично от себя, не имея полномочий от новообрядческого синода, обратился к старообрядческому Освященному собору, проходившему на Рогожском кладбище в Москве, с романтическим предложением о торжественном объединении старообрядцев и новообрядцев прямо на Красной площади после взаимных крестных ходов. На это предложение последовал соборный ответ, что такое «в настоящее время неосуществимо и даже вредно для чистоты древнего благочестия». Старообрядческая печать подметила, что «епископ Андрей в стремлении своем к единению своей церкви с нашей древлеправославной Христовой

Церковью является совершенно одиноким. И это одиночество его особенно заметно из того, что письмо написано им от себя лично». (Слово Церкви. 1917. № 45-47. С. 744.)

[30] Молехонов (Малехонов) Лев Алексеевич (18??–19??), купец, председатель моск. беглопоповской общины. О нем: А. П. «Беглопоповцы» // Русское слово. 1911. 3 июня (№126).

[31] Словом «перемазывание» в синодской греко-российской церкви называется второй чин принятия еретиков в Христову Церковь через миропомазание. (Подробнее об этом см. главу «О миропомазании» в кн.: Мельников Ф. Е. Блуждающее богословие: Обзор вероучения господствующей церкви. Вып. 1-й. М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1911. С. 101-121)

[32] Благочестивый патриарх Иосиф (1642-1652), происходивший из природной русской семьи, возглавлял Русскую Церковь непосредственно перед Никоном (1652-1658).

[33] Практика самопомазания присоединяющихся к беглопоповцам утвердилась в этом старообрядческом согласии со второй половины XIX в. К началу 1860-х гг. у беглопоповцев, оказавшихся в церковном раздоре с большинством старообрядцев-поповцев после присоединения к Церкви Христовой в 1846 г. бывш. Босно-Сараевского митр. Амвросия, оставался единственный священник, Павел Алексеевич Смирнов (1801–1862). К нему в Тулу стекались беглопоповцы со всех мест, отчего они даже стали именоваться старообрядцами «по тульскому согласию». Отец Павел умер в январе 1862 г., с его смертью у беглопоповцев прекратилось преемственное священство. Поэтому принятого ими нового иерея Бориса Акимова принимать было уже некому. Тогда с согласия принимающей стороны он сам прочитал себе чин присоединения и сам помазал себя миром. «Таким образом, – пишет историк старообрядческой церкви Ф. Е. Мельников, – образовалось новое беспреимственное беглопоповское священство в этом раздорническом согласии». (Мельников Ф. Е. Краткая история древле-православной (старообрядческой) церкви. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. С. 347.)

[34] Вероятно, здесь описка. По-видимому, речь идет все-таки о Филиппе (Гумилевском), рукоположенном в 1920 г. тихоновцами в синодского еп. Балахнинского, викария Нижегородского. Курьез заключается в том, что позже Филипп Гумилевский станет однодневным беглопоповским архиереем. После перехода в 1923 г. от обновленцев к беглопоповцам архиепископа Николая (Позднева) обеспокоенный митр. Сергей (Страгородский) благословил еп. Балахнинского Филиппа (Гумилевского Сергея Николаевича; 1877–1936) присоединиться к беглопоповцам, чтобы таким образом присоединить их самих к тихоновскому синоду. Чин присоединения (через миропомазание) совершил о. Александр Соколов в присутствии архиеп. Николы Позднева в московском беглопоповском храме Николы Мирликийского 8 янв. 1925 г. В тот же день был составлен акт присоединения, после чего еп. Филипп Гумилевский сбежал в неизвестном направлении. В своем докладе 2-му Всесоюзному собору древлеправославных

христиан-старообрядцев 8 сент. 1925 г. Рыболов А.М. сообщил: «27 декабря (старого стиля. – А.3.) для хиротонии был вызван из Тулы о. архимандрит Никон, как первый кандидат в епископы, но совершенно неизвестно по каким причинам епископ Филипп Балахнинский (в миру Сергей Гумилевский) на совершение хиротонии не явился, а потому она и не состоялась». (Труды всесоюзных соборов старообрядцев, приемлющих священство от греко-русской церкви: Московского за 1924 год, Хвалынского за 1925 год. Устав и руководственные правила по управлению церкви. – [Хвалынский: Хвалынская тип. с.-хоз. колонии, 1925]. С. 74). Его слова подтвердил 21 сент. 1925 г. Лысяков Г.Е.: «Епископ Филипп возвратился обратно в господствующее православие. Это новое испытание говорит только о том, что мы... пока недостойны великого счастья...» (Там же. С. 69–70.) За попытку «перехода» к беглопоповцам еп. Филипп был вначале для вида запрещен, а затем, после покаяния перед митр. Сергием (Страгородским), назначен в 1927 г. архиеп. Звенигородским, постоянным членом временного патриаршего синода при митр. Сергии. Этот факт, правда весьма расплывчато, подтверждает митр. Мануил (Лемешевский) в своей «Библиографии русских епископов»: «В эти же годы (1923–1925. – А.3.) разочарованный в церковных делах, когда торжествовало обновленчество, он (еп. Филипп Гумилевский. – А.3.) взмолился в сношение со старообрядческим епископатом, а потом раскаялся». (Die Russischen Orthodoxen bischofen von 1893 bis 1965. Bio-Bibliographie von mitropolit Manuil (Lemesewskij) bis zur Gegenwart ergänzt von P. Coelestin Patock OSA. Teil VI. Erlangen, 1986. S. 438.)

[35] Анатолий (Грисюк Андрей Григорьевич; 1881–1938), синодский еп. Самарский (1922), митр. Одесский (1932). С 1924 г. по 1927 г. включительно епархией не управлял. Канонизирован Московской патриархией в 2000 г.

[36] Лев (Черепанов Леонид Всеволодович; 1888–1937), синодский еп. Нижнетагильский (1923). В конце 1923–1926 гг. находился в ссылке в г. Полторацке. В 1927 г. назначен епископом Алма-Атинским и Туркестанским. Канонизирован Катакомбными ИПХ в 1999 г.

[37] Арсений (Стадницкий Авксентий Георгиевич; 1862–1936), синодский митр. Новгородский (1910), митр. Ташкентский (1933).

[38] Имеется в виду «Удостоверение» №147, выданное беглопоповским Главным церковным советом от 25 июня 1925 г., где кроме прочего указывалось: «...Архимандрит Климент уполномочен вести переговоры с епископами господствующей российской церкви и переходе их к старообрядцам, приемлющим священство от вышепоименованной церкви, в случае согласия кого-либо из епископов перейти к старообрядцам принять таковое в лоно древлеправославной Христовой Церкви вторым чином, каковой прием ему поручается выполнить до предстоящего собора, назначенного на 8-е сентября с/г». (Архив Московской старообрядческой митрополии.)

[39] Имеется в виду брошюра: Протокол, доклад и грамота Саратовского старообрядческого собрания. Саратов: Типолитография №9, 1924. 18 с.

[40] Серафим (Трофимов Сергей Афанасьевич; 1883 – после 1935), синодский еп. Саткинский (1923), vicарий Уфимский. Еп. Бирский (1926–1928), vic. Уфимский.

[41] Питирим (Окнов Павел Васильевич; 1858-1919), синодский митр. Петроградский (1915–1917). Окончил Киевск. дух. академию. Архиеп. Курский (1909). В сентябре 1911 г. им были открыты мощи канонизированного синодом синодского еп. Белгородского Иоасафа (Горленко Иоаким Андреевич; 1705-1754). После Февральской революции подвергся публичным поношениям и был уволен на покой. Умер в Новочеркасске.

[42] Волжин Александр Николаевич (1862-1933), курский помещик, действительный статский советник, гофмейстер, директор департамента общих дел Министерства внутренних дел (1914), член Государственного совета (1916), обер-прокурор синода (30 сент. 1915 – 7 авг. 1916).

[43] Третий чин принятия еретиков в Церковь Христову предусматривает от приходящего обязательное проклятие своей и всякой ереси (8-е правило Первого вселенского собора). При этом миропомазание над присоединяемым не совершается.

[44] В рукописи описка «М. А. Рыбалов». Рыболов Александр Михайлович (18??–19??), председатель церковной общины беглопоповского храма Николы Мирликийского в Москве, член правления Главного церковного совета. Высший административный орган – Главный церковный совет – был образован на Всероссийском соборе беглопоповцев, проходившем в Москве в мае 1924 г.

[45] Бугров Никола Александрович (1837-1911), купец, мануфактур-советник, знаменитый благотворитель и церковно-общественный деятель старообрядчества. Материально обеспечивал многолетние поиски архиерея для беглопоповцев, отвергавших Белокриницкую иерархию. Влияние его в беглопоповском согласии было столь значительно, что само оно иногда даже называлось «бугровским».

[46] Речь идет о московском храме св. Николы Чудотворца Николо-Рогожской общины, который находится по адресу: Мал. Андроньевская ул., д. 15. Торжество закладки пятиглавого храма с отдельно стоящей колокольней по проекту архитектора И. Е. Бондаренко состоялось 16 мая 1910 г. Освящен 17 дек. 1912 г. Закрыт в конце 1929 г. и передан под «культурно-просветительские нужды». При советской власти здесь размещался клуб швейного объединения «Пионер». Теперь здесь (после «евроремонта») находится штаб-квартира «Союза правых сил» (Б. Немцов, А. Чубайс и К⁰).

[47] Молокане – религиозное направление, возникшее в конце XVIII в. внутри новообрядческой греко-российской церкви как протест против ее догматичности и обрядности и потому сразу выделившееся из нее. Молокане признают Библию, которая для них является «духовным млеком» (отсюда и название). Отвергают некоторые таинства, оставшиеся упрощены, не имеют нужды в храмах, отвергают почитание святых, икон, мощей, безбрачие в монашестве осуждается. В быту практикуется умеренность в пище, запрет сахара, вина, табака, общепринято ношение скромного платья, отсутствие украшений. Решительно требуют от своих последователей почитания властей. Несмотря на признание молочан духовными российскими властями

«рационалистической сектой», им в 1805 г. была дарована свобода вероисповедания. Имеют подобие иерархии в виде старцев («епископов»), наставников («пресвитеров»), духовных советов и съездов. Распространены в России, Закавказье, Украине, Молдавии, США, Канаде, Аргентине, Австралии и др. странах, больше всего – среди украинцев.

[48] Руфин (Троицкий; 18??-после 1936), синодский еп. Саткинский и Игринский (1925).

[49] Евгений (Кобранов Евгений Яковлевич; 1892–1937), синодский архим. моск. Новоспасского монастыря, викарный еп. Муромский (1926), викарный еп. Балашевский (1927), викарный еп. Ростовский (1927). Канонизирован Зарубежным синодом в 1981 г., Катакомбными ИПХ в 1999 г.

[50] Единоверие – особая часть синодской греко-российской церкви, действующая на основании «Правил единоверия», высочайше утвержденных 27 окт. 1800 г. по представлению московского митр. Платона (Левшина). В единоверческих приходах, устроенных в отбывавшихся у старообрядцев храмах и монастырях, церковные чины было разрешено оставлять дониконовские, службы вести по старым книгам, обычаи сохранять старообрядческие при обязательном подчинении синоду. Единоверцы всегда стремились иметь своего архиерея, но синод препятствовал этому, боясь нового раскола. Первым единоверческим викарным епископом Охтенским стал в 1918 г. Симон (Шлеев Симеон Иванович; 1873–1921), канонизированный Зарубежным синодом в 1981 г. и Московской патриархией в 2000 г.

[51] На просвирах, дискосе и самом Агнце, предлагаемом во время литургии в Тело Христово, Крест Христов изображался с тростию, копием, голгофским возвышением, главой Адама в традиционной кругловидной печати, символизирующей бесконечность Божества. По окружности шло надписание евангельских слов: «Се Агнец Божий, возьмля грехи всего мира» (Номоканон, 15-е прав.). Вместо этой печати патр. Никон ввел четырехугольник с изображением четырехконечного креста и надписью по сторонам: ИИС ХС и НИ КА (то есть «Иисус Христос» и «Побеждай») под титлами. Такой вид креста, по преданию, был явлен на небе императору Константину.

[52] Аллилуйя (древнеевр. ha!lu-Yah) – «хвалите Господа», «хвала Господу». В Русской Церкви до Никона употреблялась сугубая (то есть двойная) аллилуйя с прибавлением ее русского перевода «Слава Тебе Боже». Так прославляется Святая Троица. Употребляемая ныне новообрядцами трижды провозглашенная аллилуйя с добавлением в четвертый раз «Слава Тебе Боже» воспринимается староверами как четверение аллилуйи, что стало одним из поводов к расколу Русской Церкви.

[53] Димитрий (Туптало Даниил Савич; 1651–1709), синодский митр. Ростовский (с 1702). Автор написанного по приказанию Петра I противостарообрядческого сочинения под полным заголовком «Розыск о раскольнической брынской вере, о учении их, о делах их, и изъявление, яко вера их не права, учение их душевредно и дела их не богоугодна».

[54] Семипоклонный начал (то же «приходные и исходные поклоны») – краткое молитвенное правило, которым начинается любая служба или моление старообрядцев.

[55] «Символ веры» был тоже изменен патр. Никоном. Например, его восьмой член в старину читался: «И в Духа Святого, Господа истинного и животворящего». Во всех новых книгах слово «истинного» изъято.

[56] В соответствии со святоотеческой практикой, сохраненной до сих пор в старообрядчестве, при миропомазании помазуются семь мест в очевидное изъяснение седмицеричной благодати Божией по указанию Большого Катехизиса, а именно: чело, очи, уши, ноздри, уста, перси и обе стороны обеих рук. При этом всякий раз произносится: «Печать дара Святого Духа» с особым молитвенным призыванием. (Подробное разъяснение об этом читай у еп. Уральского Арсения в сб.: Чиноприятие приходящих от ересей и чин святого крещения. Уральск: Старообрядческая тип., 7416 (1908). Л. 14–15 первого счета и 66 об. – 69 об. второго счета). Помазание только лба (читай – чела) догматизировалось в римо-католичестве при так называемой конфирмации (миропомазании совершеннолетних), где этот обряд осуществляется исключительно архиереем, а не ксендзами. При этом кроме помазания миром лба епископ возлагает руки на крещенного ранее католика и произносит: «Accipe signaculum doni Spiritus Sancti» (то есть «прими знамение дара Святого Духа»). Исходя из большого многообразия видотворений этого таинства в истории как христианства вообще, так и Русской Церкви в частности, единомышленник Ю. М. Лотмана проф. Б. А. Успенский называет православное миропомазание «полифункциональным обрядом» и даже «семиотической игрой» (Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России. Византийская модель и ее русское переосмысление. М.: Языки рус. культуры, 1998. С. 187 и др.)

[57] В семипоклонном начале два поклона всегда земные. Вместе с другими изменениями патр. Никон отменил и земные поклоны, обязательные во время Великого поста. Вместо этого им был введен католический обычай моления на коленях, неизвестный древней Восточной Церкви.

[58] Скорее всего, одной из них еп. Андрей прислал письмо, о котором чрезвычайно информированный казанский обновленческий «Православный церковный вестник» сообщил следующее: «Епископ Андрей (Ухтомский) прислал одной из своих почитательниц письмо, в котором сообщает, что перешел в беглопоповщину без всяких условий. Впоследствии оказалось, что епископ должен был предать проклятию все реформы патр. Никона. В Уфе доселе есть сторонники этого беглопоповца...» (Православный церковный вестник. 1926. 1 февр. (№ 2). С. 11). Имеется в виду письмо еп. Андрея своей поклоннице А.М.Зеенкович, которой он писал: «Дорогая Александра Михаэловна! Обращаюсь к Вам, а через вас всей Уфе сообщаю крупную новость: я старообрядческий епископ! Ко мне приехал беглопоповский архимандрит Климент, и мы с ним воссоединились в молитвенном общении. Но помните, что со мной соединились! А не я ушел к старообрядцам. Теперь к Уфимской епархии присоединилось 500 000 верующих душ. Скажите это

Николаю Ив. Уфимцеву (бывш. старообрядческий иерей Белокрыницкой иерархии; скрыл от еп. Иоанникия, рукополагавшего его, о своем второбрачии и том, что первая его жена была вдовой; Освященным собором 1925 г. запрещен в священнослужении навсегда, ушел в единоверие. – А.3.). То, что он начал в Уфе, то теперь это распространилось на 1000 верст. Радуйтесь и веселитесь! Попросите о. Гавриила Громакова (новообрядческий иерей. –А.3.) отслужить молебен»

[59] Церковь Христова знает «таинство», «чин» и «последование», но не знает слова «обряд». Оно было насаждено в петровскую эпоху под влиянием римо-католической и протестантской теологии.

[60] Это историческое событие подробно описано в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских при имп. Московском университете» (М., 1871, кн. 3 (июль-сент.), с. 54–55). Через несколько лет взаимоотношения между двумя патриархами будут не столь братскими. Когда лишенный своей кафедры патр. Макарий прибыл в Москву с подложными грамотами на собор 1666 г. для суда над русской церковной стариной и извержения патр. Никола из сана, тот публично в присутствии государя Алексея Михайловича называл ушлого грека «самозванцем, бродягой, обманщиком».

[61] Из протокола №2 беглопоповского собора в Хвалынске (заседание 22 сент. 1925 г.): «Заслушаны доклады с мест, а также телеграмма архимандрита Климента следующего содержания: «Два приняты. Рукоположили Климента. Доложить собору. Еду. Логвинов». На данную телеграмму архиепископ Никола высказался, что архимандрит Климент допустил своеволие, и просил телеграмму приложить к делу, а вопрос и обсуждение телеграммы оставить открытыми. А.М. Рыболовым внесено следующее предложение: если архимандрит Климент возвратится, то ни под каким видом не допускать его до богослужения, в каком бы сане он ни был, а равно и тех епископов, которых он принял – впредь до рассмотрения их документов Г.Ц.С. или Совета. Предложение это принято собором единогласно». (Труды всесоюзных соборов старообрядцев, приемлющих священство от греко-российской церкви: Московского за 1924 год, Хвалынского за 1925 год. Устав и руководственные правила по управлению церкви. [Хвалынк: Хвалынская тип. с.-хоз. колонии, 1925]. С. 59, 60.)

[62] После этого отказа беглопоповцев еп. Климент отправился в Москву на Рогожское кладбище, где архиепископом Московским Мелетием 31 окт. 1925 г. был единолично принят третьим чином в старообрядческую Церковь Христову. Состоявшийся здесь же Освященный собор боголюбивых епископов, «рассмотрев прошение преосвященного Иосифа (Антипина Иакова Исаковича, 1853–1926. – А.3.), епископа Иркутского и всего Дальнего Востока, о том, чтобы иметь ему помощника по управлению епархией. Вследствие его отсутствия постановил: временно поручить до Освященного собора преосвященному епископу Клименту управлять сказанной епархией с правом рукоположения и запрещения священнослужителей, как-то: чтецов, иподиаконов, диаконов и священников. Если же когда возвратится преосвященный епископ Иосиф в сказанную епархию, то управлять им

совместно с епископом Климентом, представляя старейшинство епископу Иосифу». На заседании Совета при Московской архиепископии 1 авг. 1927 г. еп. Климент, ввиду несогласия нескольких приходов, отказался от управления Амурской епархией. В конце этого же года он вернулся к беглопоповцам, не признавшим старообрядческим архиереем обновленческого архиеп. Николая Позднева. Первоначально к нему присоединились 30 дворов. Так в беглопоповстве образовался так называемый «климентовский толк», быстро выродившийся в странную смесь единоверческого беглопоповства и новообрядческой тихоновщины, который стал именовать себя «истинно православными катакомбными христианами». Узнав об этом, московский архиепископ Мелетий с горечью писал: «Епископ Климент, будучи у нас, ничем себя не заявил с хорошей стороны. И несмотря на то, что у нас в то время было вдовствующих 4 епархии, ему все же пришлось оставаться безместным, ибо ни одна епархия не пожелала его принять как епископа. Временно он управлял Иркутско-Амурской епархией, принимал все меры, дабы остаться на этой епархии. Но эта епархия не взяла его. А так как он человек недалекий, нет у него ни постоянства, ни чистой твердой веры, то он пытался попасть в группу еп. Андрея Уфимского, но там, по – видимому, у него дело не вышло. И тогда он пристроился к маленькой кучке беглопоповцев, где и продолжает находиться на посмешище людям... Раз человек сбился с истинного пути и с пути приличия, то он бросается на все». (Из письма архиеп. Мелетия от 20 марта ст. ст. 1929 г. №2672). (Архив Московской старообрядческой митрополии.)

[63] Имеется в виду старообрядческий архиеп. Московский и всея России Мелетий (Картушин Михаил Поликарпович; 1859-1934), возглавлявший старообрядческую Церковь с 1915 г. до своей кончины.

[64] Михаил (Ермаков Михаил Федорович; 1862-1929), синодский митр. Киевский (1924) и экзарх Украины.

[65] Иосиф (Петровых Иван Семенович; 1872–1937), синодский архиеп. Ростовский (1920-1926), викарий Ярославской епархии, член синода при патр. Тихоне (1924). Возглавитель так называемого иосифлянского толка в новообрядчестве. Расстрелян. Канонизирован Зарубежным синодом в 1981 г., Катакомбными ИПХ в 1999 г.

[66] Григорий (Яцковский Гавриил; 1866-1932), синодский архиеп. Екатеринбургский (Свердловский) (1922).

[67] Николай (Добронравов Константин Павлович; 1861-1937), синодский архиеп. Владимирский и Суздальский (1923). Канонизирован Катакомбными ИПХ в 1999 г.

[68] Димитрий (Беликов Дмитрий Никанорович; 1850-е – до 1931), синодский архиеп. Томский (1923).

[69] Сильвестр (Братановский Александр Алексеевич; 1871-1931), синодский архиеп. Вологодский (1925).

[70] Серафим (Остроумов Михаил Митрофанович; 1880–1937), синодский архиеп. Орловский и Севский (1924).

[71] Николай (Могилевский Феодосии Никифорович; 1874-1955), синодский еп. Каширский (1923), викарий Тульский.

[72] Сергей (Зверев Александр Михайлович; 1870-1937), синодский еп. Мелитопольский (1923), управляющий Самарской епархией (1924-1925).

[73] Виссарион (Зорин Василий Павлович; 187? – после 1933), синодский еп. Симбирский (Ульяновский) (1923).

[74] Вероятно, речь идет о Тихоне (Тихомирове Александре Львовиче; 1882-1955), синодском еп. Кирилловском (1924–1927), викарии Нижегородском.

[75] Иннокентий (Никифоров Иван Иванович; 1879-1937), синодский еп. Семипалатинский и Усть-Каменогорский.

[76] Уточнение. «Апостол» гласит: «Но Петр и Иоанн сказали им в ответ: «Судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?» (Деян., 4:19).

[77] Митр. Сергей, обосновывая свою власть, утверждал несколько позже, что «заместитель облечен патриаршей властью в том же объеме, как и заменяемый им местоблюститель». См.: Сергей, митр. О полномочиях патриаршего местоблюстителя и его заместителя // Журнал Московской патриархии. 1931. № 1. С. 4.

[78] Кирилл (Смирнов Константин Илларионович; 1863-1941), синодский митр. Казанский и Свяжский (1918). Канонизирован Зарубежным синодом в 1981 г., Катакомбными ИПХ в 1999 г.

[79] Речь идет о Распутине Григории Ефимовиче (1869-1916). Владыка, будучи еще архимандритом, познакомился с Распутиным Г.Е. в Казани в 1905 г. Они много общались, Распутин Г.Е. несколько раз останавливался на ночь в его казанской квартире. По рекомендации еп. Андрея Распутин Г.Е. был принят в Петербурге его родным младшим братом, Ухтомским Алексеем Алексеевичем (1875–1942). Будущий академик только начинал свою научную карьеру в должности лаборанта физиологического кабинета. В его петербургской квартире не раз ночевал Распутин Г.Е. в первые годы своего пребывания в столице. Ухтомский А. А. был старостой Никольской единоверческой церкви Петербурга. Распутин Г.Е. предложил в 1908 г. еп. Андрею стать царским духовником вместо смещенного им еп. Феофана (Быстрова Василия Дмитриевича; 1873–1943). Владыка категорически отказался, отношения между ними расстроились и в 1910 г. полностью прекратились. Вскоре после этого, в 1911 г., последовал перевод еп. Андрея из Казани в Сухуми. Перемещение было столь неожиданным, что святитель недоумевал: «Я только из газет узнал о своем удалении из Казани, и никто не объяснил мне, за что меня оторвали от моей духовной семьи... А теперь – я оказываюсь в Абхазии, я послан к тому стаду, которое меня и по имени даже не знает». (Прощание православных казанцев с преосвященным Андреем, бывшим епископом Мамадышским, викарием Казанским, а ныне епископом Сухумским. Казань: Центр, тип., 1911. С. 8.) Владыка неоднократно публично и печатно выступал против Распутина Г.Е., как при жизни царского фаворита, так и после его убийства группой аристократов-заговорщиков.

КОММЕНТАРИИ КО ВТОРОЙ ТЕТРАДИ

М.Л.Зеленогорский. Жизнь и деятельность Архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М., «Терра», 1991 С.195-236.

[1] Это мнение митр. Агафангела для меня очень важно, потому что я этого архиерея считаю (с 1905 г.) человеком безупречно честным. – Как человек честный, он до самой смерти не мог примириться с бесчестной тактикой митр. Сергия; и когда весной 1928 г. к митр. Агафангелу Приехали представители Тобольских приходов и умоляли его встать во главе их управления после их окончательного отпадения от Сергия, то митр. Агафангел сказал: «Мне 73 года, я через несколько месяцев или недель умру. Поэтому я вам бесполезен. А если хотите меня послушаться, поезжайте в Уфу и просите помощи у Уфимских епископов». – Тоболяне и исполнили этот совет митр. Агафангела и были в Уфе и приняли ее порядки.

[2] Еп. Андрей имеет в виду М Л. Бриллиантова и П. П. Агафонова.

[3] В подлиннике стоит другой термин: «Православных староцерковников», но этот термин не совсем удачный, ибо м. Сергей тоже ведь называет себя староцерковником, будучи обновленцем в душе.

[4] Январь 1930 года. См. «Известия» от 30.1.1930.

[5] Выписываем ее в точности, но с пропусками тех мест, которые устарели и не имеют к Церкви непосредственного отношения: об интервенции, о нефти и т.п. – Прим. еп. Андрея.

[6] Так подлые архиереи, подписавшие это «Интервью», ухитрились оклеветать всю свою паству! С этой клеветой согласился весь «никонианский» епископат!..

[7] Эта возмутительная гнусность недостойного «главы» подтолкнула столь же гнусную сто паству в тысячах случаях клеветать на достойнейших пастырей, будто они монархисты. Такие доносы-клеветы я знаю, как факт. – Прим. еп. Андрея.

[8] Подробнее о «Деянии» 1929 г. см. статью М.И. «К вопросу о клятвах». М., 1978.

[9] Так назван, очевидно, архиеп. Мелетий; ни о ком другом упоминать не было смысла,

Заключение Редактора

Вот в ком сошлись воедино и абсолютная русскость, и вера в Бога, и верность русской истории и памяти, и выдающаяся культура, и великая подвижническая жизнь и борьба великого человека вместо единственного упования на Бога, проповедуемого людьми малодушными и ленивыми и не имеющими долга перед людьми и Россией. Все мое можно уже было бы и не читать.

«Да, наша страна есть страна неограниченных возможностей и великих странных грехов вообще и подлогов, в частности.

И я согласен с старообрядцами, а не с теми, которые способны признавать на себе любую «главу»: и распутинскую, и живоцерковническую, и еще какую угодно, ибо русские люди давно усвоили русский догмат: «что ни поп, то батька».

доказывать легкомысленным русским гражданам, что легкомыслие в серьезных делах есть преступление, – это значит – только терять время! Легкомысленных граждан учат только исторические синяки, – только тогда они немного исцеляются от своего легкомыслия...

Старообрядчество же было ненавистно петербургским жандармам потому, что оно требовало *свободы слова, свободы совести и свободной церковной общественности*. – По существу, борьба правительства со старообрядчеством и была борьбой с гражданскими свободами; а миссионеры ее искусно сводили к спорам только об аллилуйя, о двуперстии, о поклонах; и побеждали своих соперников только путем клеветы на них.

Мы считаем эпоху Распутина величайшим позором для иерархии петербургского периода, а развращенное и продажное в массе духовенство – пережитком этого времени. Для борьбы с этим явлением необходима организация «Союза приходских советов» – окружных, уездных, епархиальных, куда духовенство входит только с совещательным голосом.

Желая освободиться от всяких антицерковных и антикультурных влияний, мы считаем, что церковная община – это религиозно-культурно-экономическая единица, обеспечивающая своим членам полное духовное развитие.

На этом же соборе (1666-67гг.) русский цезаропапизм был возведен почти в догмат Церкви: церковной духовной власти был дан в руки гражданский меч и узаконены были «градские казни», т.е. публичные казни новых раскольников.

После этого на законном основании с благословения святейших патриархов запалили костры и были сожжены и вообще замучены многие тысячи двуперстников, как не повинующихся царской власти.

Я лично считаю этот «собор», названный в истории «Большой Московский», просто русским разбойничьим собором, как в греческой истории был разбойничий Ефесский собор.

... я почитаю своим долгом сказать твердо и открыто: я непримиримый враг цезаро-папизма, как и всякого насилия, – поэтому я враг и того страшного греха, который в общей сложности именуется «никонианством».

Я не революционер, ибо в революции есть большой элемент злобы и мести. Но понимаю революцию, как протест против неправды и насилия.»

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ

Геннадий Станкевич

**Некоторым образом
размышление...
о Кутузове Евгении Васильевиче
(07.09.1932 – 10.11.2005).**

Василий Чернышев

**Живопись словом
(художественная
характеристика
Н. И. Тропникова)**

Оправдание Редактора

Геннадий Станкевич**Некоторым образом размышление...****о Кутузове Евгении Васильевиче (07.09.1932 – 10.11.2005).**

... Был ли он, этот летний полдень, или привиделось? Город обезлюдел на время: пустые троллейбусы, трамваи, такси. Прохладно и необычно тихо в магазинах. Дачный сезон...

В воздухе, пронизанном солнцем и тонкой летучей пылью, – аромат невской воды и бензина. И еще почему-то пахнет лентой для пишущих машинок. Впрочем, совсем рядом Союз Писателей. А чуть дальше, левее по набережной, «Детгиз».

Именно оттуда, через крошечный переулок вдоль зданий офицерских казарм лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады бодрым шагом выходит на улицу Воинова молодежавый бледно-смуглый брюнет с ранней проседью в густой шевелюре. В одной руке у него связка книг, в другой доверчиво покоится ладошка белобрысого мальчугана в шортах и летней панамке, украшенной пестрым ястребиным пером – что тебе Чингачгук!

Остановившись у светофора, мужчина, склонившись, что-то говорит мальчугану. Тот согласно кивает, отчего ястребиное перо сбивается набок. Мужчина бережно поправляет перо – между прочим, подарок одной доброй миловидной редакторши, но налетевший порыв легкого летнего ветерка...

Стоп!.. Пристыженный, я откладываю ручку... Ну что за притча! Собирался же сухо и деловито, в формате двух-трех страниц поговорить о своем отце, питерском литераторе Евгении Васильевиче Кутузове. И вот – нате вам! – сходу попадаю в тенета собственных детских воспоминаний, где немного города и добрый мой папа, ну и сам я любимый, конечно... Почему так? Ответ прост. Во-первых, потому, что это мой отец. Во-вторых, потому, что трудно, ох как трудно говорить о Кутузове – литераторе. Да ведь и не был отец литератором в общепринятом смысле этого слова, то бишь, по-старинному, – сочинителем, а значит, фантазером. Писателем – был. Сочинителем – нет. В отличие от таких собратьев по «несчастью», как грустный скоморох питерских мостовых Радий Погодин или Юрий Томин. Они-то смело входили в прохладное царство зазеркалья, имея там прочную пожизненную прописку. Отец же только раз осмелился приблизиться к заветной двери (рассказ «Пишите письма»), может, даже чуть приоткрыл ее – но и только.

«...Мне сказали: Женя, это не твое. Перечитал и вижу: действительно – не мое...» – заметил он однажды в одной из бесед...

Errare humanum est – человеку свойственно ошибаться... Мне кажется, дело тут, скорее, в другом: в какой-то – врожденной ли? – осторожности, чтобы не сказать страхе перед стеклянными коридорами чистого вымысла. Вот и лукавил отец – мол, «не мое», предпочитая наблюдать, оценивать и прочувствовав (а последнее-то как раз и есть главная «болевая точка» его творчества), записывать.

Писал он, кстати говоря, почти всегда от руки, и только в особых случаях, когда был абсолютно уверен в себе и хотел поскорее увидеть результат, сразу же начинал печатать.

...Вообще, если говорить начистоту, странный он был человек в сообществе своем, этот Евгений Васильевич Кутузов. Вроде бы, всегда на виду (кто из ленинградских писателей старшего поколения не помнит раскатистого кутузовского хохота!) и, вместе с тем, где-то в тени, где-то на самой периферии жанра... Многим, очень многим был он нужен, и многим, очень многим бывал в доуку, подчас обижая рискованными шутками, в которых – что греха таить – было слишком много от военного детства, от рабочих курилок. Утомляя шумливым, изобильным дружелюбием, не понимал, не хотел понимать, как можно не любить хорошего – а что может быть лучше дружбы и веселой, непринужденной болтовни от полудня до вечера и с вечера до полудня... Не понимал, не хотел понимать, что людям свойственно желание порой побыть в одиночестве или же в узком кругу единомышленников.

Дичком пришел отец в мир литературы, как, впрочем, и большинство его ровесников. Дичком и остался. Чужаком, человеком из другого мира. Уж слишком не походил он на хрестоматийный портрет интеллигента: спокойного, уверенного в себе, мягко-ироничного. Даже борода, когда он отрастил ее, росла у него как-то удручающе неинтеллигентно. Вот и прослыл он среди собратьев рабочим парнем и писателем о рабочем классе. Кстати сказать, это почти признание... Но так ли это?

Рискну дать краткую справку.

Мать отца, моя бабушка, Евгения Самсоновна, действительно родилась в старинной состоятельной семье потомственных рабочих-домовладельцев. Слыла красавицей, прекрасно пела, весьма прилично играла на гитаре. Отец – мой дед – Василий Петрович Кутузов, принадлежал к совсем иному, дворянскому сословию... До сих пор в архиве города Смоленска хранится невостребованная потомками дворянская грамота. В шестнадцатом еще веке, когда в Казанском царстве бушевала с легкой руки Ивана Васильевича Грозного перестройка, появляется на Руси первый Кутуз – в переводе с тюркского «бешеный»... Впрочем, после Октябрьской революции 1917 года отрывается Василий Петрович от дворянского звания, отправляется в столицу искать счастья в ином, коммунистическом, мире. И находит, становясь вначале офицером авиации, затем уполномоченным НКВД по Северо-Западу.

... Ну, хватит, пожалуй, тем более что для желающих знать чуть больше – «Дом на Карповке» и последний роман Евгения Васильевича «Игра в бирюльки» – автобиографические.

... О рабочем классе как о таковом отец никогда не писал и не слишком-то уважал это сословие. К дворянскому же своему происхождению относился более чем равнодушно, разве что с легкой иронией. Сам он считал себя ломленом, перекати-поле, день-ночь – сутки прочь... Жила в нем эта неутоленная страсть к бродяжничеству. Где только ни пришлось ему побывать по самым разным причинам. Здесь и дороги войны, Колпино,

Питер, Тавда – причем без документов, то пешком, то в теплушках. Тут и работа журналистом: маленькие города России, Северный полюс, Тянь-Шань, откуда, путешествуя в составе археологической экспедиции, привез он руку древней мумии. Оймякон – полюс холода, где «только плонешь – и сразу льдинка» ... Словом, напутешествовался, казалось бы, всласть – садись и пиши воспоминания, о чем я, кстати говоря, неоднократно его просил. Увы, безрезультатно. Почему – до сих пор остается для меня загадкой. Жаль, конечно, но ничего не попишешь – уж таким он бывал порой, не по делу, прямо скажем, упрямым. Может, не хотел пускать воспоминания по ветру, приберегал для личного, так сказать, пользования? Что ж, имея в виду возраст – а было ему тогда сильно под семьдесят – это и понятно и уж конечно, простительно...

Как-то раз, когда мы сидели и курили, каждый занятый своими мыслями, отец, пуская синеватый дымок дешевой сигареты (а курил он только очень дешёвые сигареты), эдак задумчиво произнес:

– Красивая в этом году осень... Если бы не ты и не мама – ушел бы куда глаза глядят...

– Муха умеет летать, я не умею летать... – процитировал я в ответ стишок, написанный им в молодые годы.

– Да, – каким-то трагическим шепотом отозвался отец, с тоской глядя в окно на синий скол неба в изломах крыш. Вдруг встрепенувшись, словно бы отгоняя некие видения, уже совсем по-будничному спросил. – Может, по рюмашке, пока мамы нет?..

В сущности, он был очень похож на изблюбленных персонажей своих рассказов, которые, даже находясь в гуще, казалось бы, событий, остаются одинокими мечтателями (рассказ «Аэропорт Тальянка»). Люди, которые лишь «под занавес» с ужасом осознают, что прожили жизнь не так, как хотелось бы. Но самый-то страх не только и не столько в этом, а в том, что не знают они, как именно хотелось бы... И не то чтобы жизнь мимо проходит: есть и счастье – свое, домашнее, родное и даже выстраданное. Но на проверку-то оказывается оно несправедным, это счастье, ложью оборачивается оно (рассказ «На родину жены»). И даже если совершает герой «поступок» (одно из любимых словечек Евгения Кутузова), способный вырвать его из паутины опостылевшей повседневности (рассказ «Сапожник»), даже тогда чувства освобождения отчего-то не возникает. Напротив, какая-то осенняя тоска, почти безысходность. Потому что жизнь, «по Кутузову», хоть и прекрасна сама по себе, но – увы! – бессюжетна. И то ли стоя простоять, то ли сидя присидеть – не все ли едино...

Вот снег сошел, листва зазеленела, щи на столе дымятся – это радость. Остальное же так, суета сует... И при такой-то философии хранить мечту о горьком хлебе странствий!.. А почему бы и нет? На мой взгляд, все как раз очевидно и объяснимо: здесь имеет место всем известная двойственность человеческой натуры – ни больше, ни меньше.

... Вот так он и жил, точнее говоря, метался от одного берега к другому, то почитая себя как домоседа, то вдруг исчезая, не сказав ни слова, иногда

надолго, иногда на какие-нибудь сутки. Вот взял и улетел однажды с Виктором Голявкиным в Коктебель. Улетел с утра, а к вечеру уже сидел на крыльчке дачи в Комарово, сидел, опустив уже изрядно поседевшую голову, и тихо напевал себе под нос:

«Бродяга, скажи мне, бродяга,
Чей ты родом, откуда ты...»

Вот и снова бродяга... Если верить заключению питерского прозаика Владимира Алексеева, то это болезнь души. Мне же нравится думать о некоем, слава богу, неизжитом, атавизме, общем для всех рас и народов: тоске по изначальному – ведь все мы, в сущности, кочевники. И до сих пор кочуем, только кочуем все по-разному. Но у каждого из нас на пути кочевий есть свои жертвенные рощи и темные источники.

В случае с Кутузовым – скорее, последнее. Ибо название им – привокзальные рюмочные, грязные и теплые, как дедовский тулуп... Запах опилок и «сивухи», угля и потной одежды, сизо-бурый табачный дым и приглушенные, хрипловатые голоса посетителей... А там, за окном (как сладко шемит сердце!), мелкий дождь и одинокий фонарь на полустанке, и проносятся куда-то, стуча колесами, поезда... Куда несутся они, где остановят свой бег? В какой-нибудь Вологде, может быть? Или Череповце? А то – так у самого Тихого океана... Путешествие, не отходя от замусоренной, залитой сивухой стойки, этакий «дао» по-русски. Вот о чем бы писать Кутузову, как подумаешь... Но нет, не стал он писать об этом. Может, боялся, что не сумеет напечатать бумаге те единственно верные слова, которые бы открыли любопытному читателю тайные тропинки в мире его мечты, его глубинного «я». Впрочем, может быть, я ошибаюсь. Об этом писали многие ...

А Кутузов... Ну что же... Каждому, как говорится, свое... Что же до тяги нашей к земному пространству, которую лишь очень немногим удается изжить с годами, есть у славянских народов такое поверье: души умерших отправляются в последнее странствие по неведомой реке, туда, куда улетают по осени птицы – может быть там, отбросив частности, смиряются, наконец, Судьба и Мечта.

Ну а здесь, в мире живущих...

Кружатся снежинки в причудливом танце,
Метут по дорогам опавшие листья,
Звенит колокольчик, затерянный где-то...
Санкт-Петербург
декабрь 2013 год

фото 1960 г

Чернышев В. И.

Литературная критика и оправдание редактора.

Портрет Николая Ивановича Тронникова.

Геннадий Муриков и «Поднятая целина» после запустения земли.

Философия жизни как самоотрицание философии.

С Николаем Ивановичем мы познакомились в 2002 году и сразу подружились: он написал рецензию на мою книгу «Боль и любовь», которая меня даже ошеломила, настолько возносила меня на небо, так что я, будучи "самовлюбленным эгоцентристом" (как тоже довольно похвально охарактеризовала меня одна моя бывшая подруга), привязался к нему сначала именно из признательности... ну а потом и совместные распития после посещения Союза (на Конюшенной), в группе писателей, которую мы тоже назвали союзом, нас еще более сблизили. Потом общие друзья-писатели, совместные встречи, альманах «Русские страницы», дискуссии в рюмочной на Стремянной о существовании Бога (Николай Иванович не разрешал мне пить, пока я не признавал, что в Бога не только верю, но он есть и в самом деле)... потом похороны наших общих друзей и, так сказать, сослуживцев по литературному цеху... (и я снова засомневался в существовании Бога), и в последние годы встречи на Секции критики – а это уж чуть ли не вся литературная жизнь. Во мне преобладали рассуждения, я обычно много говорю, и Николай пытался меня направить на путь истины. "Главное – образ!", говорил он. "Плетение словес, сюжет, динамика, характеристики героев – второстепенны". Так он и писал, и чем далее, тем больше пренебрегал действием, так что наконец я увидел, что его рассказы – это последовательность живописных изображений, исполненных словами. На днях мне потребовалось в одном из выступлений охарактеризовать его творчество, я начал перечитывать его рассказы: рисунки, пейзажи, портреты, жанровые сцены... как будто ничего и не происходит. Сидят рыбаки у реки, ловят рыбу, неизвестно, поймают ли, но кажется, что уже от реки домой не вернуться. Или отец пишет письмо. В письмописании сосредоточена и проходит жизнь. (Впрочем, чтобы мне не оправдываться в своих утверждениях, я просто приведу дальше один из рассказов Николая Ивановича.) И вдруг я увидел, в чем главная особенность этих рассказов: если представить, что действующие лица составляют одно из измерений жизни, их характеристики и разговоры – другое, то в целом они составят плоскость. Теперь восстановим перпендикуляр, чтобы создать трехмерное пространство, этим перпендикуляром будут события, поступки, **время**, то есть действие, происходящее на сцене литературного произведения. Однако и трехмерное пространство, и герои, и время и действие – все это существует и в повседневной жизни, и очень часто рассказ или повесть, даже талантливо написанные, ничего к данной повседневности не добавляют, они ее только умножают. Дни и так нас уже утомляют своей суетой, а тут они еще начинают суетиться на сцене литературы.... Мы вздыхаем и закрываем книгу или прерываем телефонный разговор; наскоро допиваем рюмку, спешим домой... Нуждаемся мы не в перпендикуляре над плоскостью бытия, который все равно

не вздымает нас к небу а торчит вроде телефонного столба – нет, нуждаемся мы в **глубине!** В омутах, прячущихся в ней, в водоворотах и тайнах...

Нуждаемся мы в магии, выводящей из обыденности. Сами по себе движение и время ведут к безрадостному концу, если слишком долго за ними следовать, поэтому часто авторы и останавливают свои рассказы на свадьбе, на ссоре, первом свидании, ... Но и остановка не всегда нас спасает, вечность не возникает только потому, что мы прервали рассказ. У Тропникова же она магически появляется в его протяжении, в его рассказах времени нет, нет движения по плоскости или по дороге жизни – но есть погружение в ее глубину. Ибо его рассказ – это лесное озеро, без начала и без конца, без вчера и завтра, но вечно пребывающее. Однако читатель, даже если он не заядлый рыбак, не уйдет с его берегов без солидного улова. И еще одно чудо, связанное с его художественной действительностью – со временем она только насыщается; пересчитывая заново, во второй и третий раз, только и начинаешь ее постигать. Мы бежим... а она вечно пребывает...

Через два дня возникла нужда в краткой реплике, необходимость которой была вызвана тем, что перед серьезной компанией поэтов, критиков, редакторов и литературоведов я собирался помахать выпуском «Русских страниц» и объяснить с ними в том, что я ввожу новую рубрику: *«Разборки среди писателей»*, где "разборки" могут переходить в свои противоположности, по Сократу или Гегелю (но отнюдь не по Марксу), то есть превращаться в *изумления и восхищения*. А я сижу, читаю статьи Овсянникова, Меньшикова, Медведева, Мурикова, грызу "вечное перо", пытаюсь ПОНЯТЬ... хоть что-нибудь – в обществе, в литературе, в истории... *да пойми наконец хоть что-нибудь в самом себе!* – восклицаю я. И тут звонит Тропников, недовольный моими выступлениями, и ворчит: "Ну что у вас за мания, писателей, так много говорить? *И откуда вы столько слов берете?*" Я устыдился. Нет, отвечаю, сижу, готовлюсь к выступлению, как учитель к уроку, чтобы лишних слов не было... И тут начинаю понимать, что писатель я скорее случайный, что я не создаю нового, НЕ СОЧИНЯЮ, я не беллетрист и даже не критик, то есть не только не создаю, но и не объясняю созданное, я лишь напоминаю, прочитываю своим ученикам сначала Толстого и Достоевского, потом Мережковского, который их объясняет, потом Розанова, который объясняет их критику, потом Иванова-Разумника, который их всех сначала ниспровергает, затем читает так как должно, и даже **нас учит читать**... Итак, понимаю я, что я – **школьный учитель**, вытаскивающий забытые буквари из старых сундуков (нет, даже и это не совсем так, передо мною уже постарался Геннадий Муриков, перерывший Монбланы этих сундуков, старатель, золотоискатель, литературный черно-рабочий, лесоруб, заготавливающий дрова, шахтер в забое, прорывший штольни в Русскую классику 19-го столетия и в Серебряный век, добывший для нас уже и золото и марганец и дрова и уголь для печи), а я, радостный, пользуюсь уже чужим добром, читаю ими написанный Букварь своим малолетним ученикам, вот в моих руках его объемистая книга «Двадцатый век», подобная такому же сочинению Чемберлена «Девятнадцатое столетие» (в которое вместились вся

история христианства и все девятнадцать веков истории Европы) ... ах, нет, книга господина Мурикова называется «1917 – 2017», очевидно, двадцатое столетие он начинает со сдвигом и заканчивает чуть позже – ну так и 19-й век начался не в 1801-м году, а в 1789-м, и господин Муриков окончательно подтвердил то положение, что столетия надо соразмерять не со случайными датами календаря, а с геологическими разломами в земной истории.

Я уже только записываю по памяти мысли и положения, связанные и со звонком Тропникова, и с выпуском «Русских страниц», я пытаюсь последовать его совету и "не так много говорить" – но проблема в том, что жизнь, вся европейская жизнь – и история (а в особенности русская жизнь и русская история) не достигли «остановки времен», не стали озером, в которое вмещены вечность и глубина и всякий улов истины, но – после искусственного большевистского разрыва жизни – вернулись к *Новой русской смуте* (от 60-х годов 19-го столетия по 1917 год), которая вместила в себя и нигилизм, и Герцена, и «развитие капитализма в России», и народо-вольчество, от крайних до умеренных (от «Черного передела» и эсеров до Иванова-Разумника), и Владимира Соловьева и Достоевского, и мягких марксистов (Плеханова, Бердяева), и богоискательский кружок Мережковского, и революцию либеральной интеллигенции (староверы, Блок, поэты, Гучков, Милуков, Шульгин, генерал Корнилов) – мы вернулись к окончанию пятидесятилетнего спора русской культуры и жизни, который разгорелся и не успел ничего согреть, ибо полыхнул и сжег Русский дом (что-то на пепелище попытались отстроить вроде временки, из старых обгоревших досок) – мы вернулись для продолжения СПОРА. Что такое было **христианство** для Европы после античного Рима, не то же ли, что Русская социалистическая революция и большевизм? Было ли оно положительно или зловредно, *необходимо* (то есть нужно) или *НЕ необходимо* (то есть хотя и не нужно, но неизбежно как болезнь)? И что случилось сто лет назад: христианство наконец износилось под ударами Культуры (всей вместе, и лирики и философии и науки) и исторических запросов европейской жизни, или по-прежнему актуальны все те споры в связи с ним, которые вела русская интеллигенция в конце 19-го – начале 20-го столетий? Достоевский, Владимир Соловьев, Розанов, Мережковский, Бердяев, Иванов-Разумник? Казалось, еще четверть века назад, что оно уже не будет играть значительной роли в нашей жизни – и вдруг как будто проросло из-под снега... Конечно, нет, проросшее, не содержит в себе почти ничего от исторического, не только подкопов Канта и Гегеля, Достоевского и Владимира Соловьева, яростных возражений Розанова – но не содержит и сочинений отцов церкви, святых отцов, Августина и Тертуллиана, Златоуста и Оригена. Не содержит даже истории Всемирных соборов, даже споров о Символе веры, не содержит сомнений и вследствие них расколов, но – невероятно, но так! – не содержит и самого Священного писания!!! Это современное бытовое русское христианство не различает Ветхий Завет и Новый, не отличает Бога-отца от Бога-Сына (Иисуса Христа), заповеди Моисея не отличает от учения, которое принес Христос (или ученики его). Да даже и не спрашивает себя, пришел ли Христос остановить и завершить историю или ее продолжить?

Отменить жизнь и мир или благословить? Это новое православие сводится только к вере в Бога. В какого? Это не важно... Следовательно, ныне не возрождение христианского богословия, древней или новой церкви, а возврат к арифметике, даже не к первоначальному иудаизму, но к стихийным верованиям язычников, к которым пришли первые миссионеры.

Но ведь мы вернулись к началу двадцатого столетия, к продолжению того не законченного спора, поэтому нам надо ПЕРЕЧИТАТЬ все то, что к тому времени было написано. Словно мы учились на первом курсе и вдруг были призваны в армию; вернувшись, нам надо вспомнить даже школьные учебники, за сто лет мы все позабыли. Или была преемственность? Писал Лосев (ну да, о спорах Аристотеля с Платоном, что было актуально в 15-м веке)... Писали прекрасные русские писатели восьмидесятых годов 20-го столетия, так называемые деревенщики (не к ним ли и относится Тропников, как их младший современник?): Виктор Астафьев, Валентин Распутин, Василий Белов, Борис Можжевель (Владимир Солоухин и Тендряков несколько отдельно, и их тематика шире). Но это была линия русской классики Тургенева, Толстого, Успенского, но не продолжение философской революции в умах, о которой я говорю, в них от Розанова и Мережковского только старушка, которая затеплила свечку...

Кстати, а что это я все отвлекаюсь, перескакиваю с одного на другого? Да потому что непосредственную личность писателя через его произведения я понять не могу, именно потому что я не критик, вот и пытаюсь понять нас всех (и себя прежде всего) только через сравнение нас друг с другом, через общую панораму нашей культурной жизни последнего времени. Как Тропникова и Мурикова я понял в сравнении с самим собою, так же понял себя. Итак, крестьянская жизнь, земля, семья, труд, языческая религиозность (а то и никакой), нравственные заветы отцов и матерей (те же, что и в пятом веке до нашей эры где-нибудь в Карачарове в «страшных Муромских лесах»), природа (почти та же, что и три тысячи лет назад) – это Можжевель, Белов, Распутин, Виктор Астафьев, затем Тропников. А кто же после Розанова, кого он "разбудил" (как его *разбудила* эротика Полинки – или "Суслихи", как он ее потом обозвал)? Я раньше думал, что его продолжаю я, теперь то что думаю уточняю. Наследником "Серебряного века русской философии" является именно Геннадий Муриков, последний русский энциклопедист (по охвату жизни последних полутора столетий). Я писатель даже не вторичный, то есть не исследователь литературы – исследование литературы можно назвать *русской литературной философией* – я философ следующего витка размышлений, я пью вино из виноградной лозы, возвращенной русской критикой и философией, от Белинского, Пушкина и Аполлона Григорьева до Мережковского, Розанова, Иванова-Разумника и Мурикова, и напоенный этим вином, в полупьяных видениях, вдохновленный из образами и идеями, хватаюсь за *молот, которым намереваюсь и сам философствовать*.

Отвлечшись на Ницше, перечитывая его, вдруг понимаю, почему я теперь так ополчаюсь на диалектику: В связи с Сократом читаю у Ницше «чернь всплывает наверх с диалектикой» ... ну, ладно, мы от «диалектического

материализма давно отвязались», назад, к Пушкину, Аполлону Григорьеву, Розанову... Но, все же, кто я, пьющий вино *привоя*? (как назвал нас апостол Павел, последователей Христа среди язычников – а я разве не был его последователем? И только поэтому я умею сегодня спорить со всеми философами, побегами от этой лозы).

Они возомнили себя *исправителями* человечества, отвергнув всех тех, кто был прежде, от Фалеса до Цицерона, а я их внимательно изучаю, единственный среди христиан (пусть я и бывший), прочитавший хотя бы Священное писание и комментарии к нему (пусть не все семнадцать тысяч томов, но хотя бы Фейербаха, Гегеля, Маркса... и даже блаженного Августина, Оригена, преподобного Игнатия, Достоевского и Паскаля... и даже Кьеркегора...) А вот теперь читаю и Мурикова, читающего нас всех. И чтение это меня вдохновляет, не всё мне в прочитанном близко, но я редактор, вооружаюсь пером и молотом и начинаю править. Вот кто я – не учитель, а *исправитель исправителей* (как назвал философ Ницше), я призван напомнить народу, отказывающемуся читать, о тех великих, благодаря которым мы не вернулись снова на деревья. Поэтому я и стал издателем, сначала, пока были деньги, я издавал (впервые после ста лет забвения и пустыни) «Россию и Европу» Данилевского, «По тюрьмам и ссылкам» Иванова-Разумника, «На заросших тропинках» Кнута Гамсуна, издавал Пропотопа (как выговаривала это слово моя мать) и «Житие» неистойвой боярыни, Дионисия Ареопагита, некоторых русских философов, журнал МЪра, Русские страницы, писателей из его круга, теперь вот взялся за «Новый русский журнал с топором» – деньги все кончились, выхожу на проезжую дорогу.

И становится понятно, что я пью вино из лозы, привитой другими, а они либо лесорубы, землепашцы, садовники, либо критики, учителя, просветители, вдохновители – Овсянников, Тропников, А. Медведев, Меньшиков, Муриков. Калягин и множество русских литераторов и учителей, которых я перечислить всех не могу. Муриков идет впереди, с лопатой и топором, словно по целине, заросшей лесом, он не оглядывается на пни и завалы и комья земли, остающейся после его трудов, не успевая перекапывать и приглаживать граблями – плохо, что он так спешит, даже не перечитывая то, что написано – но иначе ему не успеть. Ладно, простим ему движение напролом, за него выстукивают из полена затейливые свирели и гусли Николай Тропников и Слава Овсянников... а если вдруг кто-нибудь из русских богатых сойдет с ума (ну хоть единственный на всю их свору) и даст нам денег (хотя б под проценты, ибо мы их вернуть все равно не сумеем), то прочтает кто-нибудь из наших друзей, умеющих грамоте, нами написанное, и поправит наши нечаянные неряшливости. Что-нибудь успею поправить я сам.

Наконец я понял, оглядываясь на вас всех, **друзья мои** (и вижу на скамье даже девушек) – кто же такой я сам – я и не буржуазный издатель, не Смирдин и не Маркс, не социалистический, не народный, не проповедник или просветитель, не Аристотель или Сократ – я **«соединитель сердец»**. Холодно в нашем мире, пусто и невежественно, нечем дышать – вот и прижались мы друг к другу, чтобы согреться. Пусть я помочь не сумею – но я о вас напишу.

РАЗБОРКИ СРЕДИ ПИСАТЕЛЕЙ

Владимир Меньшиков

БЛУДНИ ПОЛИЦИИ

Вячеслав Овсянников

О поэзии Владимира Меньшикова
О пьесе Галины Дюмонд «Поэт и Ева»

Александр Медведев

От Сенатской до Болотной

А. П. Андрюшкин

Литературные журналы последнего года

Владимир Меньшиков

БЛУДНИ ПОЛИЦИИ

Не знаю, у кого мне просить прощения, или кто передо мной должен извиниться, но с творчеством и самим Вячеславом Овсянниковым я познакомился только в прошлом, 2016 году. Хм, оказалось он живет на улице Лени Голикова, ну, буквально в трех автобусных или трамвайных остановках от меня. На первой встрече не обремененных чрезмерной принципиальностью неоязычников, состоявшейся (назло или на добро) напротив деревянной церкви около Воронцовской усадьбы, обменялись книгами: я подарил сборник стихов, а Вячеслав большую книгу своей прозы «Тот день». Между тем этот здоровенный труд из-за своего внушительного формата мог претендовать на название «Та жизнь» или «Еще та жизнь». Тут же, принявшись листать, обнаружил, что книга состоит из 669 страниц, то есть почти 666. Я определил ее как *зверскую* и не ошибся, потому что с таким талантливым беспределом и «наглежем» в литературных произведениях встречался очень редко.

Начнем с того, что во вступительной статье ведется богатый на цитирования разговор (в пользу бедных) про некие чувства и предчувствия, но у героев книги чувства практически атрофированы, парней-ментов предельно задолбали, замомбировали, они живут или доживают исключительно на инстинктах, только бы нажраться, напиться да сохраниться. Хорошо же они сохраняются, если безо всяких предохранительных средств (по крайней мере о презренных презиках ничего не говорится), трахают пьяных баб и бомжих и в парадняках, и чуть ли не в храмах бывшей имперской и нынешней культурной столицы России. Менты бедствуют, недоедают или, наоборот, переедают, не просыхают и потому с опухшими мозгами и мордами стреляют друг в друга.

Все действия героев в начале книги (а это череда небольших рассказов) происходят в настоящем бреду, в полусне или в изрядном подпитии. Они изображаются автором даже не как люди, а как жвачные существа. «Ум Быкова мрачно жует тупую и вязкую мысль. Эх, животное». Далее звучит реплика из того же скотопригоньевского репертуара: «Первобытный ты человек, Быков. А еще представитель власти». Ага, вот и разгадка, искомое – представитель власти! Можно все валить на власть, каков поп, таков и приход, система виновата. Но не совсем. Автор и сам перестарался в изображении родной милиции-полиции в таком непрезентабельном (при табельном оружии) виде.

Ну, в самом деле... написано так, что начинаешь считать – у героев книги нет ничего святого. В рассказе «Ева» один из ментов-охранников в Музее истории религии и атеизма (Казанском соборе) завалился спать в кровать, на которую до этого была положена мраморная статуя Евы (хорошо еще, что не католической богоматери), чуть ли не совокупился с нею во время

чувственного сна, а чтобы скорее скрыть следы служебного и сексуального преступления, потащил стройную скульптуру (со скрежетом бороздили пол и асфальт мраморные ноги Евы) к каналу Грибоедова, чтобы утопить и смыть смрадной водой возможные улики. Вот так, чернуха и почти порнуха – в безусловно талантливом изображении

Но я уже сам разошелся, распалился, как мент, если так жестко наезжаю на товарища и господина-сочинителя. Ведь Вячеслав не какой-то желчный и беспредельный журналист из желтого отдела криминальной хроники, а многоопытный, признанный прозаик, автор блестящих образов и определений, постоянно встречающихся по ходу чтения. Их можно бесконечно перечислять: а) Растет ветер, б) Вагон забит людской сельдью, в) Лампочка-заморыш, г) В зеркальном сапоге отразился негр, д) Ветерок французских духов...

Прекрасны и уместны авторские выходы (но это уже не для простых смертных читателей) на русскую классику 19 века, на всякие «знаменитые эпизоды», штучки-сценки, пенки нетленки. Такой случай: сержант, заступивший на охрану Медного всадника, осоловел или охренев от многочасового дежурства, собрался зашвырнуть свой пистолет под № 1703 в ночную Неву, подсвеченную набережными фонарями. Тут поневоле вспомнишь и переиначишь гоголевские строчки «Не всякая птица-пистолет долетит до середины Днепра»... Этот же мент пребывает в таком диком депрессняке, в такой крайней точке отторжения, что кажется, немедленно побежит прочь от охраняемого им же сурового Медного всадника (при этом с оружием, с помощью которого можно попробовать остановить преследователя), как пушкинский юноша Евгений, хотя давал присягу проявлять отвагу.

Такие у нас менты, не классические, но выходяцы из петербургской классики, из гоголевской шинели. Ну как тут без гоголя-моголя, без ром-бабы. Познакомимся еще с одним ночным видением переработавшего, запахавшегося сержанта. Он, славный герой милицейско-полицейских будней, сраженный пулей или ножом бандита, «не имеющего национальности», положен в гроб, а неугомонным фантазером-автором у него поднято хозяйство в брюках да еще так высоко, что не представляется возможным закрыть гроб красной крышкой. И чтобы такой конфуз не заметила почтенная публика, покойник начинает летать в открытом гробу по траурному залу, словно по церкви, подобно герою опять-таки гоголевской повести «Вий».

Да, произведения прозаика Овсянникова часто пересекаются и перекликаются с классическими «Виём» и «Записками сумасшедшего», только перекличка со стороны Вячеслава ведется на современном, интерпретированном под нынешний Петербург языке.

Фантазмагория, невообразимые навороты налицо, на листе. Больше того, даже сам прием «взбадривания» текста, его оживляжа доведен до гротеска: захмеливший мент, чтобы продолжить пьянку с другом, пристреливает на улице ни в чем неповинного питеряка и забирает у него (уже мертвого) из кармана бутылку водки, которую мог бесплатно взять в любом (ну пусть не в любом, но в каждом третьем) магазине.

Но автор сам «беспредельщик», он идет до конца, хотя дальше идти вроде некуда – одного из своих героев-ментов подставляет не просто под пистолет сослуживца, а под предмет куда более узнаваемый, и недавний незадачливый блюститель нравственности и порядка едва избегает участи оказаться изнасилованным. Конечно, у метафоры или символа полного беспредела и полной безнаказанности имеется обратная сторона – наказание все же неизбежно, неотвратимо, но адекватно ли оно содеянному? Кажется, что и нашего любимого автора ожидает кара, ведь изображая безумных ментов и их достойнейшие деяния, он сам рисковал стать безумным, безрассудным (суд), потерявшим берега (раньше работал в гражданском флоте) писателем. Как говорится, игра не доводит до добра. В пылу сочинительства и в экстазе фантазирования прозаик просто запамятовал, что святой образ Родины-матери надо использовать очень бережно, а не так фривольно и безалаберно, как сделал он, «надумав» сценку, в которой женщина-воровка принимает в шубном отделе Гостиного двора классическую позу Родины-матери для того, чтобы не схватили менты, чтобы не попасться в крепкие руки стражей порядка.

Многие менты – герои произведений Овсянникова выставлены в таком неприглядном виде, что даже хочется, чтобы автор часть их ярлыков и отрицательных характеристик примерил к себе, чтобы сам в какой-то мере разделил их не очень-то доблестную участь. Сочинитель так и напрашивается (к тому же часто пишет от собственного я), чтобы его обвинили чуть ли не во всех грехах: богохульство, человеконенавистничество (надо же так изобразить братьев наших мент-ших) и с (такой-то русско-крестьянской фамилией) в русофобии. Охота на него повесить всех собак, привязать к нему всех лошадей, чтобы они сожрали, схрумкали, овес, поставить самого охранять частный бассейн с аллигаторами, чтобы научился у них, как проливать слезы при людях. Нет бы хоть раз по ходу всплакнул в бронжилетку хотя бы одному менту: «Вы не виноваты, такими вас сделали мы, это вас государство «проштамповало» до отталкивающего однообразия и пустило по ленте стрекочущего и непрерывно дергающегося ментовского конвейера». Нет же, автор не рыдает и продолжает выставлять героев и частично себя в виде зомби, негодяев, шизофреников.

Все вокруг «повернутые»... Во время умственных кризисов, которые регулярно происходят в головах населения, состояние «демшизы» быстро превращается в патриотический гнев, а после некоторого успокоения патриотическая вялость, резко возбуждась, перескакивает в разряд либеральной ярости. Срабатывает эффект бумеранга – протест, улет и небезболезненная обратка по принципу «за что боролись, на то и напоролись». А напоролись, как в пореве, на большой государственный предмет, на большое государственное достоинство. Но имеется и в этом глобальном хаосе логика: сначала менты имеют граждан и гражданок, а потом дручат самих ментов.

Вокруг все всех имеют, сверху донизу и снизу доверху. Это и есть демократия и ее жуткие проявления в произведениях современных писателей, беллетристов... Опять мне вспомнилось это слово, которое разложил, как

«бал летристов», а применимо к «Тому дню» сделал заключение, что в книге Овсянникова бал правит сагана или СС (сатанинская сила). А вот еще один вариант расчлененки: беллетрист – Бел ли Христ? Бел ли Дрист?...

Но в случае с Овсянниковым никто никого обелять не станет, поскольку видно, что эти рассказы написал блестящий прозаик. Язык необыкновенно сочен, полифоничен, поэтичен. Очень богатый словарь, щедрое, похожее на расточительство, использование метафор-гипербол: «из кухни бегут с дымящимся китом на блюде», «гаишник гоняет машины, как стальных мух», «литровый стакан водки», «шапки-мерзлушки», «копать самую глубокую в мире могилу»...

Конечно же, этот «народный, милицейско-полицейский эпос», написанный с гоголевской силой, состоялся. И ни о какой однозначности не идет речи, оценки разные. Среди всевозможных доводов приводят такой – «чем отрицательнее, чем отвратительнее выглядит изображенный герой, тем он любимее писателю». Вряд ли. Но готов подтвердить, что при некоторой сниженности авторской ответственности, некоторого заигрывания с гоголевской нечистью все же художественная составляющая книги настолько сильна, что одерживает явное превосходство над другими составляющими.

Главная метафора и важнейшая сквозная мысль: эти произведения не только про ментов, а про представителей всех профессий и занятий. Но используя такой беспредельный способ описания, можно запросто очернить всех людей страны и всю страну (в целом?). Мне могут заявить, что именно такое изображение героев, что именно такие шок-рассказы, шок-повести могут оказать положительное воздействие на работу МВД и других сфер деятельности, но господа-товарищи, еще совсем недавно везде и всюду внедрялись методы шоковой терапии, отчего положение дел только ухудшилось. Ах-ах-ах...

При прочтении книги «Тот день» безжалостно швыряет из одной стороны в другую и обратно, крепко штормит. Теряют берега и читатели, и писатель (который закончил «макаровку» и много лет мореманил). Вся надежда при помощи искомого – на фарт, удачу, «русское авось». Вынесет куда надо, куда и как «Слава прописал», хотя он никаких адресов и советов не дает. В конце концов, существует арбитраж высшего порядка с такими мощными понятиями для апелляции как «Мистика Петербурга», «Великие питерские тайны»...

Вячеслав Овсянников

О поэзии Владимира Меньшикова

Новый сборник стихов Владимира Меньшикова «По(х)вальная грамота» не требует себе ни похвал, ни лавров, повально расточаемых поклонниками высоко эстетичной лирики. Автор этих стихов вслед за Есениным мог бы заявить, обращаясь к воздушной стихии, к ветру, самой свободной из всех стихий: «Не сотрет меня кличка «поэт», я и в песнях, как ты, хулиган». «Я же язычник!» называет себя с дерзновенной отвагой автор. И действительно: нужна немалая отвага, чтобы открыто объявлять о своем язычестве на крещеной Руси, давно изгнавшей из своей памяти и Перуна, и Велеса. Но вспомним прекрасные древние образы из «Слова о полку Игореве»: «Се ветри, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами на храбрыя полкы Игоревы...». Язычество – то есть язык и честь. Честь и краса языка. Язычник – тот, кто владеет языком, мастер слова, то есть – поэт. Вот и он, Владимир Меньшиков – ладожский поэт-язычник с крестьянским взором. Его духовная родина – Старая Ладога, первая столица древней Руси. Хотя теперь он живет в Петербурге. Он из потомков забытого нами вещего Баяна, Велесов внуче, с дудочкой скоморошьей, со своей свитой, змеей и медведем, посреди невеселой современности наших опустелых деревень и заброшенных полей, порушенной жизни, нищеты и горя. На современный лад, «по былинам сего времени» пишется это новое «Горе-злосчастье» добра молодца и «Слово о погибели русской земли». Вот, например, стихотворение «Слезы»:

Слезы

Облетает квельый тополишко,
Листья падают с ветвей не в круг.
Будто баба, постирав бельишко,
Пену желтую сбивает с рук.

Хлопья пены разлетятся, братцы,
Попадая жителям в лицо,
И глаза внезапно заслезятся
Невеликой болью за сельцо.

А вокруг качаются деревья:
Желтые березы, тополя.
Ты, того – не упади, деревня,
Чтобы лежа обрыдать поля.

А вот строки из стихотворения Владимира Меньшикова «Страшная действительность»:

Но снег не смягчает огромную боль
И мал он – кресты не сокроет...
Зачем этих юных позвали на роль
Не очень-то юных героев?

Это о погибших в боях за Кавказ двадцатилетних русских парнишках.
Зимнее кладбище у шоссе их всех приютило.

Здесь, в этом сборнике стихов Владимира Меньшикова, как и в других его поэтических книгах, мы видим возрожденный к новой жизни старинный фольклорный жанр лубка. Возрожден и заострен на современном, на злобу нашего страшного дня, материале. Этот лубок-стих заряжен гротескной силой, иногда не менее действенной, чем в свое время, Окна РОСТА Маяковского. Вспоминаем и другую традицию: хлесткую силу стихотворных фельетонов Курочкина, Минаева, Саши Черного, Олейникова. В густом лесу русской поэзии аукаются с языческим стихами Владимира Меньшикова – и Кольцов, и Никитин, и Суриков, и Дрожжин, и уже упомянутый Есенин, и крестьянские поэты есенинского круга, Клычков, Орешин, Карпов, Ганин и, наконец, всеславянское язычество Велимира Хлебникова.

В этом сборнике в полной мере явлены два крыла, на которых летит Жар-птица поэзии: звукопись и образность. Не менее явлена виртуозная игра на возможностях русского стихосложения, на струнах слов-смыслов и слов-звучков, на диссонансе и антиэстетизме. Попадают весьма смелые выражения, крутые повороты. Но автор не боится рискованных фигур поэтического пилотажа. Страсть совершить невиданно-ошеломительную «мертвую петлю» сильнее страха сорваться в гибельный сюрреалистический штопор:

Там Иисус и там Аллах,
Там же, в синих высях-далях,
Мчит дракон о двух крылах,
Будто бы о двух роялях.
Рядом с тем крылом летит
Жуткий клавишник на стуле.
Как дурной, звенит зенит
В жарком ладожском июле...

Или , вот, еще одна, великолепно исполненная, «мертвая петля» образного пилотажа:

На моторке Петр Ребров
Подрулил не без ухмылок.
Рот без нескольких зубов,
Словно бар без трех бутылок.

Фейерверк чудотворств, подобный приведенным здесь, рассыпан по всему сборнику «По(х)вальная грамота». Частушечный напев зачастую «звенит похоронным, тяжким звоном», но хлесткие удары строк-розг обжигают подлинной болью. Кто он, герой этих остро-современных стихотворных лубков? Еруслан Лазаревич, легендарный русский богатырь, борец со злом? Огненно-крылый Сварожич-солнце? Или это змея – символ воды и времени, а также земляной плодоносной силы, символ, который еще помнят народные орнаменты на деревенских прялках, заставки рукописных книг, вышивки и резьба, помнят старые русские песни и былины? И Владимир Меньшиков опять скажет нам: «Но я же язычник, языческий поэт! Мой язык – «жалю мудрую змею!» А глагол угрызающей змеи сердечной, глагол совести, как известно, призван жечь людские сердца. Жалить и жечь!

Вячеслав Овсянников

О пьесе Галины Дюмонд «Поэт и Ева»

Я хотел бы сказать об особой драматургической силе, присущей поэзии Галины Дюмонд. Наиболее сконцентрированно эта сила, как мне кажется, выразилась в ее, написанной стихами, драме «Поэт и Ева». В самом названии уже задана тема этой драмы. Мы вспоминаем знаменитое пушкинское стихотворение «Поэт и толпа» и речь Блока, посвященную годовщине смерти Пушкина, «Назначение поэта», в которых противопоставляются поэт и чернь. Галина Дюмонд дает свое, казалось бы, парадоксальное решение этой темы. Решение, исходящее из самой жизни. И не случайно имя Ева главной героини драмы в переводе с древне-еврейского означает – жизнь.

В наше время ситуация «поэт и толпа», «поэт и чернь» повернулась новой, неожиданной стороной. И вот об этом-то сюжете драмы Галины Дюмонд «Поэт и Ева». Теперь чернью оказывается еще и сам поэт, то есть тот, кто только называется поэтом, носит маску поэта, а под маской пусто, поэт утрачен. Он только пустая форма, лишенная содержания. Он стал фикцией. Теперь это явление массовое, псевдопоэтов тьма. И эта толпа псевдопоэтов, еще более страшная, чем просто «бессмысленный народ» и «чернь тупая» у Пушкина преследует и травит подлинную поэзию, настоящую, живую, то есть саму жизнь, Еву, главную героиню драмы. И Ева гибнет, не вынеся травли. Но гибнет ли ее дух, дух жизни? Гибнет ли поэзия? Конечно, нет! И это подтверждают и утверждают красота и музыкальность стихов Галины Дюмонд в этой ее драме, красота образа ее героини, в чем-то созвучной гетевской Миньоне.

Действие драмы «Поэт и Ева» происходит в нашем городе, в Петербурге. А, может быть, правильнее будет сказать, что Петербург сам участвует в действии драмы? Его архитектура, созданная великими зодчими, его улицы и проспекты, площади и сады, его реки и каналы, его набережные, его памятники, его белые ночи, воспетые еще Пушкиным, любимые всеми нами места, родные для всех подлинных петербуржцев!

У Галины Дюмонд поэтическая красота нашего Петербурга показана в необычном свете. Показана такой же хрупкой и нежной, такой же воздушной и изменчиво непредсказуемой, как и образ ее героини, как и сам эфемерный и таинственный свет наших белых ночей. И в контрасте с этой хрупкой, таинственной красотой еще резче проступает гротескное уродство стихотворствующих и кощунствующих персонажей.

Ева-поэзия, Ева-жизнь остается с нами и со всеми истинными поэтами, в их небе, о котором написал Фет: «Неба родного мне чудятся ласки», и о котором говорит сама Ева: «В небо настезь окно!» Несмотря на весь трагизм этой чрезвычайно современной драмы, Галина Дюмонд оставляет нас в светлом луче надежды, любви и веры. Веры в то, что подлинная поэзия никогда нас не покинет. Не будем отчаиваться, вот она – здесь, с нами! Здесь и сейчас!

Александр Медведев
ОТ СЕНАТСКОЙ ДО ВОЛОТНОЙ

Серб Юрий. Площадь Безумия. СПб, 2016. ООО «Издательство «Росток»

Название романа Юрия Серба «Площадь Безумия» можно понять разно. Площадь как размер утраты рассудка – одно понятие. Другое – топографическое – место, где обнаружилось тяжёлое психическое расстройство.

Формы безумия разнообразны. Общий критерий – поведение или мышление вне принятых норм, от патологической гиперактивности, до депрессии и ступора. Станные, саморазрушающие действия, смешение внутреннего и внешнего мира, меланхолия, безучастность и отсутствие интереса к жизни – вот общий перечень признаков расстройства. Последнее слово напоминает о Перестройке, произошедшей в советском обществе середины 1980–начала 1990-х годов. Она расстроила общественное сознание, стала бедствием, сравнимым с античными мифами и трагедиями, когда Геркулес убивал своих детей, Аякс резал отару овец Одиссея и кидался на собственный меч, Медея убивала сыновей... – параллели самоубийственных действий политических и социальных институций Советского Союза на поверхности.

Симптомы общественного саморазрушения, начиная с 1985 года называли «новым мышлением», предлагая, ненормальное (призывы к историческому покаянию, к признанию идентичности советского социализма и гитлеровского нацизма и т.п.) считать нормой – современным, перспективным, безальтернативным.

Испокон безумцы играли роль предсказателей, магов, колдунов, остранили сложившийся жизненный уклад, звали к новым горизонтам. Таков Чацкий Грибоедова, таков Базаров Тургенева, Вера Павловна и её коллеги, навевавшие человечеству сериалы «золотых снов» устами Чернышевского, юродивого социальной утопии ради. Вероятно, доля полезного безумия необходима человеку и обществу («безумству храбрых поём мы песню, безумство храбрых – вот мудрость жизни!»), дабы не задохнуться в автоматизме быта, низводящего здравый смысл до банальности привычки, замены счастьем. Магическое, мистическое, поэтическое и эротическое безумие выделял Платон как полезное безумие. В самом деле, экстаз, восторг, видения – могут ли навредить, если они не полностью замещают ощущение реальности? Поэтическое вдохновение прекрасно, а дар предсказания – полезен. Правда, эти состояния охватывают избранных и не распространяются на массы, которые балансируют между апатией и энтузиазмом, иногда переходящим в психоз. Впрочем, правда и то, что массы состоят из личностей, и каждая, как ни странно, себе на уме.

Почему о романе Юрия Серба приходится говорить, отгалкиваясь непосредственно от названия? Не в последнюю очередь, наверно, потому что писатель вполне определённо называет время действия «концом нашей наивно-сумасшедшей молодости». Быть наивным – простодушным, доверчивым – естественно для молодости. Наивно-сумасшедшая молодость – вот сверхъестественное состояние широких слоёв населения страны советов независимо от возраста в начале Перестройки. Можно сказать – грубее.

Общество, значительная его часть, впало в детство. Не в ангельски-безгрешное, а в бездумное, безответственное состояние вождления. А. К. Толстой высмеивал подобные благоглупости, сходящие вдруг на взрослого, казалось бы, вполне адекватного человека, вспомним его стихотворение «Желание быть испанцем». Чехов уже не столько высмеивал, сколько сокрушался по поводу желания лакея Яши из «Вишнёвого сада» стать французом. В «Панурговом стаде» Вс. Крестовского жёны чиновников, облачившись в траур по страдающей Польше 1863 года, готовы объявить себя польками в угоду жене губернатора.

– А ведь я какие угодно пари стал бы держать, что славнобубенский стряпчий наш Матвей Осипыч – русак чистокровный!.. Ведь я даже думал, что он из поповичей! – восклицает персонаж романа Крестовского.

– Это нам очень грустно, если вы нас за русских считаете – сухо ответствовали ему барышни.

Такою же грусть переживает и литовская девушка Алдона из галереи персонажей «Площади безумия», когда досадный случай выявляет, что она всего-навсего русская Танюша.

Крестовский даёт выдержку из газеты 1860-х годов, напоминающую не только перестроечную, но и современную прессу. «В настоящее время, когда вся Россия спешит обновиться и обогатиться плодами прогресса и европейской цивилизации...»

Обогатиться плодами прогресса и европейской цивилизации – наивно ли это неизбежное желание, по сию пору охватывающее как верхние, так и нижние слои российского общества? Нет, конечно. Оно становится «наивно-сумасшедшим» в случае добровольного отказа – не от «всех тех благ, которые выработало человечество» – ленинского образа коммуниста, а от всего того, что потом и кровью было добыто народом России-СССР в социальной сфере, в науке, искусстве, в деле защиты Отечества, во всём, что называется национальным самостоянием. Наивность, как и незнание закона, не освобождает от ответственности за совершённые и несовершённые поступки – возникает мысль по прочтении романа Юрия Серба. Сегодня мы наблюдаем, как тысячи русских людей, живущих на Украине, с оружием в руках заявляют о своём отказе от русского языка, убивают своих сограждан, не желающих в отличие от них быть «испанцами», ни вообще какими бы то ни было «европейцами».

«Площадь Безумия» включает элементы памфлета, автор позволяет себе вносить в художественную ткань личные, определённо отрицательные, оценки наваждения, произошедшего со страной. Трудно с ним не согласиться современнику Перестройки, чего греха таить, также отчасти подававшемуся «ветру перемен», наивно полагававшему, что унесённые этим ветром, мы тотчас окажемся в стране «святых камней» – в краю прогресса и европейской цивилизации. Описываемые события стали концом СССР, но трудно согласиться, что они были концом «нашей наивно-сумасшедшей молодости».

Упомянутые выше произведения классической литературы далеко не полный перечень аргументов того, что «площадь национального безумия» если не ширится, то, кажется, пребывает неизменной во времени. «С точки зрения Салабина (главного героя романа Юрия Серба – А. М.), на кремлёвскую трибуну поднималось немало странного народа...» Поток странных людей не иссякает, они продолжают свержать в замешательство

бедных акционеров «общества с ограниченной ответственностью (РФ)» специфическими инициативами по оптимизации жизни.

Если это гиперактивное состояние называть молодостью, то, похоже, это наша вечная молодость. И над прорабами перманентной российской Перестройки не властно время, они, старыми бесами Достоевского в новом обличье, неизменно возникают вопреки здравому смыслу.

На эти вопросы отчасти есть ответы в романе Юрия Серба, их даёт автор-публицист. Категоричные, они любопытны в сопоставлении с тем, какими автор-художник видит персонажей произведения. Мыслями, деяниями и не деяниями обитатели дома на Покровском острове отвечают, что ничего не изменилось со времён Адама и Евы, искусившихся посулом быть как боги. Тут поневоле удивисься, вспомнив, что российского интеллигента искушала и до сих пор продолжает это делать партия с многоговорящим названием «Яблоко», лидер которой сулил в пятьсот дней вывести Россию в мировой экономический авангард. Помимо федеральных искусителей, у каждого персонажа романа свои соблазны. Люди пребывают в разнообразных, как правило, пустых и нелепых «общечеловеческих» прелестях, полагая при этом, что в жизни они руководствуются трезвым умом и твёрдой памятью – своей среды, разумеется. Автор замечает при этом различные типы наивного сдвига сознания личности. Тот вроде «дяди честных правил», этот тужится предстать «суперменом», другие извиваются, стараясь совместить ампулу «гения-администратора», «героя-любownika» и «политика-цивилизатора...» В сумме их подвижность составляет ту высокую степень социального безумия, которая привела общество середины 1980-х - начала 1990-х годов к развалу страны.

Любопытна личность главного героя, Геннадия Салабина. Думающий, образованный, талантливый, он оказывается не в состоянии оценить себя по достоинству и найти применение силам, дремлющим где-то в глубине его души. Не лишённый пронизательности, тонко чувствующий настоящее и фальшь, Салабин при этом живёт, балансируя между подлинным сознанием времени и места и их лукавыми обстоятельствами, парализующими волю, изматывающими его марафоном бега на месте. Собственно, это типичный положительный человек, проблема которого в том, что, обладая умом и волей, он не имеет должного понятия, как ими пользоваться. Отсюда уныние и, по сути, безразличие к себе и окружающему.

Странно, что такой человек становится интересен автору романа? Чутьё художника заставляет его пристально взглянуть на неизменного в своей сущности героя – Вечного Жида русской литературы – интеллигента в переломный момент истории, кочующего от Сенатской через Дворцовую до Болотной и далее. Ожидание, что он «маской шегольнёт иной», вместо привычной личины так называемого лишнего человека явится в образе творца, подвижника явно зятянуто и не укладывается в отпущенный Богом срок. Незживный герой в который раз умирает... на романских просторах «Площади Безумия»... чтобы воскреснуть – где, на какой площади?

Вот что по-настоящему странно. «И такая странность «всей страны» может плохо кончиться для всех, – предупреждает роман Юрия Серба, – включая тех, кто слушает сквозь подушку».

А. Андрюшкин
**ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЖУРНАЛЫ ПОСЛЕДНЕГО ГОДА:
СОЗВУЧИЕ ИЛИ КАКОФОНΙΑ?**

Можно ли уловить какую-то общую мелодию в том многоголосии, которое являют собой литературные журналы последнего времени?

Разумеется, суждение моё будет субъективным, и всё-таки мне кажется, что одну главную тему выделить можно, и я обозначил бы её так: *необходимость продолжать курс на сословное и имущественное расслоение России.*

Тут, конечно, необходимы оговорки.

Первая: зачем вообще нужно расслоение? Ведь мы привыкли считать чуть ли не главным нашим достижением равенство прав и возможностей!

Однако, этот вопрос (спор между «правой» и «левой» политическими идеологиями) здесь подробно обсуждать неуместно. Достаточно напомнить, что в реальности (а не в лозунгах) равенства не бывает никогда, а правые и левые партии просто выступают за *разный тип неравенства и расслоения.*

Вторая оговорка касается предмета более сложного. Если ведущая мелодия в симфонии сегодняшнего дня действительно говорит о необходимости иерархии, то расслышать эту тему довольно сложно. Ибо всё сейчас заглушается другой темой – тревогой за международные отношения и за Россию. Всё перекрывается воинственными аккордами, – а, может быть, просто барабанным боем, – доносящимся с Запада. Порой возникает ощущение, что война России уже объявлена и что в странах НАТО началась мобилизация – пока идеологическая. Ненависть к нашей стране зашкаливает – и какой иной ответ может дать наша культура кроме призыва превратить страну в единый военный лагерь?

Противостояние с Западом вызывает к жизни внутри России строй, похожий на военный коммунизм, в условиях которого ни о какой дифференциации говорить неуместно – только о единении. Но чуть стихает грохот воинственных барабанов, чуть повеет миром, как вновь слышится мелодия, на которую я указал выше.

Без дисциплины и иерархии, без разделения на элиту и массу общество существовать не может. (Кстати, и армия тоже развалится без иерархии.) Одним из тех, кто хорошо понимает необходимость сословного принципа, является поэт **Николай Полотнянко**. Он постоянно печатается в журнале «Великоросс», в котором имеет честь публиковаться и автор этих строк.

Николай Алексеевич Полотнянко родился в 1943 г. в Алтайском крае, окончил Литературный институт, является автором поэтических сборников, а также исторических романов, за один из которых («Государев наместник») в 2008 г. он получил Всероссийскую литературную премию им. Гончарова. Н. Полотнянко живёт в Ульяновске и до недавнего времени работал главным редактором журнала «Литературный Ульяновск». (В настоящее время, по инициативе администрации Ульяновской области, «Литературный Ульяновск» преобразован в журнал «Симбирск».)

Охарактеризую две последние поэмы Полотнянко, напечатанные в «Великороссе», это, соответственно, поэма «Наташкин бор» («№1 – 2016 г.) и «Знай наших. Осада Синбирска» (№1 – 2017 г.). Первая поэма – о жестокостях раскулачивания и коллективизации в Сибири, вторая – о разгроме восстания Степана Разина, по войскам которого решительный удар был нанесён именно под Симбирском. Приведу несколько строф из этой поэмы чтобы дать почувствовать стиль Полотнянко:

*Русь была некрепка.
И казак Стенька Разин
Поманил гольтьбу
На удачу и риск.
И свирепого бунта пошли метастазы
На Москву,
Но запнулись о верный Синбирск.*

Таково начало поэмы. Не удержусь и укажу на эффектную рифму: «Разин – метастазы». Рифма значимая, ибо революция (бунт) это, по мнению Полотнянко – болезнь, причём смертельная, подобная раку. А вот строки из развязки поэмы:

*И всю пойму накрыл
Лязг железный и рёв.
Рабья Русь и дворянская
Мерились силами.
И ручьями стекала в Свягу
Горячая кровь.
Вопли ужаса, стоны
И конские храпы,
Топот толп,
Самопалов и пушек пальба.
И катилось кровавое солнце
На Запад,
Но неведомо было,
Кому улыбнётся судьба.
Заскрипели ворота в кремле.
Из ограда
Осаждённые ринулись
Разинцам в тыл.
И ударили дружно
Стрельцы из засады,
И удар этот участь сраженья решил.*

Здесь необходим следующий комментарий. Думается, Николай Полотнянко в этой небольшой поэме сделал очень большой шаг. Во-первых, он показал наличие глубоких противоречий между «рабьей Русью» и «Русью дворянской», а, во-вторых, однозначно стал на сторону «Руси дворянской». Именно показ *силового подавления* бунта позволил ему так чётко расставить

приоритеты – чего не делал, по-моему, никто в русской литературе. В том числе и у Пушкина в «Капитанской дочке» симпатии как минимум разделены поровну между Пугачёвым и дворянами, основным же отрицательным персонажем сделан не Пугачёв, а Швабрин, заметим: дворянин.

Доктор филологических наук, профессор Государственной академии славянской культуры Татьяна Радомская в своих статьях и беседах о Пушкине утверждает даже, что симпатии Пушкина *в большей степени* на стороне Пугачёва, чем дворян, и с этим вполне можно согласиться. Так и симпатии Льва Толстого в конце жизни всё больше склонялись к опрощению и к народным ценностям. Повторюсь: в этом смысле небольшая поэма Полотнянко – уникальна.

Поставим вопрос: есть ли какая-то заслуга не только самого Полотнянко, но и журнала «Великоросс» в том, что такая поэма увидела свет?

Думается, заслуга «Великоросса» есть, и эта публикация неслучайна, очень уж яркие личности делают журнал: главный редактор Иван Голубничий, шеф-редактор Светлана Замлелова и ответственный секретарь редакции Николай Головкин. Первые две литературные фигуры в представлении, думаю, не нуждаются, а о Николае Головкине несколько слов сказать нужно, хотя его творчеству я уже посвятил статью «Осведомлённейший наблюдатель», напечатанную в журнале «На русских просторах» (№ 2, 2016 г.), а также в сетевой версии журнала «Великоросс» № 86 (июнь, 2016). Николай Головкин родился и вырос в Туркмении, хотя предки его жили в Москве, куда он теперь и вернулся. Он – поэт и критик, автор нескольких книг стихов и сборников культурологических эссе. По его эссеистике видно, что Николай Головкин хранит сословные традиции своей семьи – семьи богатых купцов, и это очень важно.

Наиболее заметной прозаической публикацией последнего года в «Великороссе» были фрагменты из нового романа Светланы Замлеловой «В некотором царстве». Роман посвящён русской жизни в XIX веке, и пока можно сказать только то, что в нём просматриваются две темы: жизнь русского купечества и жизнь еврейского купечества. Вот названия четырёх опубликованных фрагментов: «Циля Шнеерсон», «Еким Петунников», «Купчиха Кокорева», «Макарушка». Каким будет сюжет этого романа в окончательном виде, сказать пока сложно, но, зная предыдущую прозу Св. Замлеловой (романы «Блудные дети» и «Скверное происшествие»), можно ожидать, что сюжет окажется небанальным, а произведение – ярким и значительным.

Перехожу к сетевому журналу «Молоко». Об этом влиятельном журнале нельзя сказать (как о «Великороссе»), что это – журнал «правого крыла», скорее, «Молоко» последовательно проводит «левую», социалистическую линию. Тем не менее, журнал и его главный редактор Лидия Сычёва неизменно демонстрируют великолепный вкус и высокую компетентность в отборе материалов, доказательством чему – недавние публикации двух романов Юрия Серб («Площадь безумия» и «Шум»).

Юрий Серб – псевдоним петербургского прозаика Георгия Александровича Лебедева, о творчестве которого мне уже приходилось писать. Что касается

самого нового его романа («Шум»), то он оформлен в традиционной (дореволюционной) орфографии: факт, вызывающий уважение, так как писатель Юрий Серб давно критиковал новую орфографию Советской России и теперь решил делом доказать, что возможно использование и в XXI веке орфографии традиционной. Свидетельствую: после первых 10-15 минут чтения её пересташь замечать! Значит, возвращение к старой орфографии может быть не таким трудным делом, как обычно считается.

Большая часть опубликованного текста «Шума» посвящена Салабину – это тот же герой (по профессии – работник пароходства), с которым мы встречались в романе «Площадь безумия». Через этого героя Ю. Серб показывает сферу международных морских перевозок – конкретно, работу в Стамбуле. Эти сценки – очень жизненные, но философская проблематика в большей степени раскрывается через двух других героев «Шума», с которыми мы знакомимся уже в прологе: это князь Рославлев (потомок эмигрантов), он приехал из Англии в Петербург и встречается с философом Красовым (другом филолога Салабина):

Вот как Красов, кандидат наук, говорит о себе:

«По мнѣ, въ тысячу разъ благороднѣе моя мать-крестьянка съ ея неполнымъ среднимъ образованіемъ, чѣмъ я самъ, кандидатъ наукъ и плановый докторантъ. Самъ я паразитъ – и 90 процентовъ моихъ коллегъ только паразиты на тѣлѣ общества.

– То есть вы говорите о порокахъ городской цивилизаціи какъ таковой, – кивнулъ понимающе Рославлевъ. – Иными словами, вы врагъ прогресса?

– Несомненно! – безъ тѣни запинки произнёсъ Красовъ, облегченно вздохнувъ: его-таки поняли! – Вы попали въ точку! Вы подарили мнѣ діагнозъ. Теперь мнѣ легче будетъ стоять на своёмъ!

«Теперь я, можетъ быть, и нащупаю себѣ призваніе...» – подумалось ему.

Насколько я знаю, в критике пока не звучала трактовка Ю. Серба как автора «правых» взглядов, да и сам он не очень настаивает на необходимости восстановления дворянства и других сословий.

Но позволительно спросить: если публицист выступает за восстановление дореволюционной орфографии, неужели он будет против возрождения и других дореволюционных традиций, в том числе сословных? Ведь орфография – это всего лишь инструмент, а по содержанию взгляды Юрия Серба я бы охарактеризовал как лежащие в русле «правой» идеологии. Хотя, конечно, это моя субъективная интерпретация.

Очень важным явлением последнего десятилетия нужно считать возникновение в Санкт-Петербурге журнала «На русских просторах», выходящего четыре раза в год и редактируемого Татьяной Михайловной и Геннадием Геннадиевичем Муриковым. Наиболее заметным произведением из недавно опубликованных журналом «На русских просторах», несомненно, является роман о балерине Анне Шелест, его автор Рафаил Юсофович Вагабов – артист балета, балетмейстер, педагог, автор статей и книг о балете и о творчестве и жизни народной артистки СССР Аллы Шелест, его жены.

Произведение это («Безответная любовь. Биографическая повесть») – крепкая, качественная проза, написанная ясным и лёгким языком. О повседневной жизни артистов вообще и артистов балета в частности мы знаем не так уж много, и этот «взгляд изнутри» весьма познавателен. Произведение я всё-таки называл бы не повестью, а романом. В нём много живых сценок, выпукло показаны характеры. В связи с названием произведения не может не возникнуть вопрос: «безответная любовь» кого к кому? Напрашивается такой ответ: здесь показаны две безответных любви: прежде всего, Аллы Шелест к Мстиславу Ростроповичу, а также, возможно, речь идёт о безответной любви автора произведения к его супруге, Алле Шелест.

Не буду бестактно углубляться в интимные сюжеты, просто посоветую всем почитать произведение: в нём много говорится о Ростроповиче и Вишневской, с которыми дружили Алла Шелест и Рафаил Вагабов. И Ростропович, и Вишневская, поистине, в прозе Вагабова как живые: может быть, это – банальная фраза для характеристики портретов двух гениальных артистов, но прибавлю ещё одно: возможно, тут речь идёт о трёх и даже о четырёх одинаково талантливых людях. Взгляд Вагабова на Ростроповича и Вишневскую – не взгляд снизу вверх, это взгляд равного на равных.

Также выделю статьи Т. М. Лестевой, Г. Г. Мурикова, а кроме этого, не могу не сказать о конкурсах «Двое» (посвящён Мережковскому и Гиппиус) и «Серебряный голубь», организованных журналом «НПП». «Серебряный век» – великая эпоха русской культуры, и очень хорошо, что журнал «НПП» снова и снова пропагандирует этот культурный феномен.

«Серебряный век» я бы назвал своеобразной русской контрреформацией (по аналогии с той контрреформацией, которой католический мир ответил на возникновение протестантизма), т. е. типологически «Серебряный век» относится к категории «восстановительных» явлений. «Золотой век» русской литературы был «про-революционным» (об этом уже говорилось выше в связи с Пушкинскими симпатиями к Пугачёву и опрошением Льва Толстого). «Серебряный век» (который начался, думается, с символистов, с таких имён как Брюсов и Бунин) был движением дворянским не только по составу «участников», но и (главное!) по своей классовой природе.

Правящий класс России осознал, что у него есть свои обязанности перед историей, есть ответственность перед государством и перед народом, и ответственность перед народом – парадоксально – заключалась в том, чтобы перестать идеализировать народ, но, напротив, сыграть в отношении народа роль строгих учителей. Тогдашняя Русская Православная церковь оказалась неспособна взять на себя учительскую функцию, и роль эту взяли на себя деятели «Серебряного века». (На упадок, в который пришла церковь перед 1917 годов, в целом верно указал Г. Муриков, хотя кое в чём его критика церкви представляется чрезмерной.)

Деятели «Серебряного века» нередко называли декадентами, т. е. изображали их как неких певцов упадка. Но на упадочнические настроения в обществе также иной раз не вредно указать: большевики же, напротив, чрезмерно идеализировали как русский народ, так и человечество вообще; отсюда – некоторые просчёты и провалы большевистского строя.

Конечно, журнал «НРП» отнюдь не специализируется на ценностях дворянской культуры начала XX века; регулярно печатаются материалы о Великой отечественной войне, о Ленинградской блокаде, о разнообразных достижениях эпохи советской. И всё-таки та нота уважения к «Серебряному веку», которая была взята редакцией, по-моему, заслуживает особенного упоминания.

***

Разговор о «Русском журнале» отложим до следующего года, так как в ближайшее время должна состояться отдельная презентация этого издания.

***

Теперь несколько слов о так называемых «либеральных» журналах.

Из всех значительных публикаций последнего времени (т. е. за 2016 -2017 годы) хотелось бы отметить следующие.

Константин Куприянов. «Новая реальность». Повесть. («Знамя», №2, 2017).

Анатолий Курчаткин. «Минус 273 градуса по Цельсию». Роман. («Знамя №4-5, 2017).

Валерий Бочков. «Коронация зверя». Роман. («Дружба народов», № 7, 2016).

Дмитрий Стахов. «Свет ночи». Роман. («Дружба народов», №9, 2016).

Владимир Березин. «Полотняный завод». Рассказы. («Новый мир», №2, 2017).

Максим Осипов. «Риголетто». Пьеса. («Знамя», №1, 2017).

Большинство этих произведений или являются классическими антиутопиями, или содержат элементы таковых (например, часть рассказов из цикла В. Березина являются рассказами-антиутопиями).

Встаёт вопрос: как соотносится жанр антиутопии с той темой усиления сословного неравенства, о которой я говорил выше?

Парадоксально, но антиутопия нередко несёт на себе следы того самого, что она критикует, т. е. в ней есть отзвуки идей рационалистического преобразования общества. Например, что хотел сказать Оруэлл своим романом «1984 год»? Что социальный эксперимент вреден и что лучше в обществе оставить всё так, как есть? Но разве само «традиционное» английское общество с его системой парламентских партий не было результатом весьма рискованного эксперимента? Это первое возражение Оруэллу. Второе: разве жанр гиперболизированной карикатуры допустим в интеллектуальной полемике? Ведь окарикатурить можно всё что угодно.

Такие же критические замечания могут быть сделаны по отношению к любой из тех антиутопий, что появились недавно в толстых журналах. Вместе с тем мысль этих авторов (как и главная мысль Оруэлла) всё-таки понятна и до некоторой степени вызывает одобрение.

Основная мишень критики Оруэлла – чрезмерная власть спецслужб («Большого брата», который у Оруэлла постоянно следит за героями романа). Если в обществе нет классовых механизмов, то такое общество, и правда, вынуждено прибегать к инструменту спецслужб для того чтобы просто не развалиться. Но работа спецслужб не годится для некоторых ситуаций и порой напоминает попытку вытащить застрявший в грязи

автомобиль с помощью трактора, у которого плохо заводится двигатель. Ясно, что может понадобиться третье транспортное средство, чтобы выручить оба застрявших.

Рассмотрим по порядку перечисленные выше произведения. О текстах Курчаткина и Куприянова журнал «Знамя» дал такой анонс, написанный Евгенией Вежлян (критиком, кандидатом филологических наук, сотрудником отдела прозы «Знамени»):

«Роман Анатолия Курчаткина «Минус 273 градуса по Цельсию». Сюжет – вполне кафкианский: герой, молодой преподаватель философии, при достаточно странных обстоятельствах, получает записку, где говорится, что он «под подозрением» и должен «покаяться». Но в чём именно нужно каяться, ему никто не может объяснить... Как и в повести «Новая реальность» Константина Куприянова, опубликованной в №2 «Знамени», мир, изображённый писателем, очень напоминает окружающую нас социальную и политическую действительность. Похоже, зарождается новый тренд...»

Я бы не сказал, что мир, изображённый Курчаткиным, «очень напоминает» окружающую действительность. Действие происходит в недалёком будущем в Москве, но об интернете в романе почему-то нет ни слова. Вся жизнь в Москве пронизана «щупальцами» спецслужб; несогласных ссылают на некий «Остров» – это концлагерь в лесу, окружённый болотами. Заключённых там кормят, а работать не заставляют; картина не кажется очень устрашающей. Внешняя политика России никак не показана; страны НАТО, США словно бы отсутствуют, что, на мой взгляд, и делает роман далёким от жизни.

А вот антиутопия «Новая реальность» Константина Куприянова, о которой также в своём анонсе сказала Вежлян, кажется гораздо более интересной именно потому, что вопрос внешней политики в повести играет заметную роль. В справке об авторе в соответствующем номере «Знамени» говорится: «Константин Куприянов родился в 1988 году в Москве. Выпускник ВЛК при Литературном институте им. А. М. Горького 2013 года, рассказы опубликованы в журналах «Нева» (№ 12 за 2012 год), «Москва» (№ 12 за 2013 год), «Этюд» (2014 год), «День и Ночь» (№ 4 за 2016 год)».

В повести «Новая реальность» действие также происходит в недалёком будущем, причём в мире всё идёт к ядерной войне России и НАТО; правительство России осуществляет добровольно-принудительную эвакуацию населения из Москвы и Санкт-Петербурга в небольшие городки и посёлки Сибири. Отчасти эвакуация нужна, чтобы напугать страны НАТО готовностью России к войне, отчасти это действительно подготовка к войне. На новом месте жительства (в далёком северном городке) эвакуированные попадают в условия жёсткой военной цензуры, это заставляет их с жадностью расспрашивать вновь прибывших в эвакуацию о том, что же происходит в мире. Вот характерный диалог из повести:

«– А война? – не успокаивался Андрей. – Есть война?»

– Всё как было: то ли есть, то ли нет, – уклончиво сказала фигура, – по телевизору – есть. На улице – особо нету. В Интернете – есть, а в домах – всё спокойно. Как всегда, в общем.»

Ситуация изображена страшноватая, и она тем более тревожна, что (как уже было сказано) повесть Куприянова куда ближе к реальности, чем роман Курчаткина.

Теперь кратко о романе «Коронация зверя» Бочкова. Завотделом прозы журнала «Дружба народов» Л. Бахнов рекламировал этот роман как чуть ли не главную удачу журнала за последнее время, однако произведение явно неудачно. Оно повествует о путче в Москве в недалёком будущем. Антизападные силы в России отменяют демократические свободы и пытаются установить тоталитарный режим, народ протестует, а в итоге Москва оказывается охваченной беспорядками, лишёнными политического смысла. Везде свирепствуют банды грабителей, жертвой которых и становится герой романа – эмигрант, именно в этот момент решивший вернуться из Америки в Россию.

Описанное в романе очень напоминает события в Москве 1991 и 1993 годов, и, возможно, сам роман является подновлённой рукописью четвертьвековой давности. По крайней мере, автор этих строк абсолютно ничего нового в этом произведении не нашёл: всё в нём производит впечатление уже когда-то виденного или читанного.

Перейду к циклу рассказов В. Березина, заглавный рассказ которого, «Полотняный завод», увы, также нельзя назвать удачным. Рассказ повествует о том, как некий богатый эмигрант приехал скупать город Иваново, попавший в экономическую рецессию. О герое рассказа автор ничего не сообщает кроме его фамилии: «Раевский», ещё сказано так: «Часть долгов, даже большая часть принадлежала хозяевам Раевского, и ему нужно было понять, засылать ли сюда падальщиков или дать всему этому добру обратиться в прах и тлен, уйти обратно в русскую землю».

По ходу рассказа автор забывает об экономических проблемах, а всё внимание сосредоточивает на некоем «автоматоне»: это искусственный человек, только непонятно, работает он или испорчен. Автомат почему-то хочет, чтобы его убили, и просит: «Поверните винт влево до упора». Раевский поворачивает, автомат после этого пишет на листке «Спасиб...», после чего пальцы автомата замерли.

Допустим, в этом сюжете можно увидеть намёк: если «повернуть винт влево до упора», т.е. если вернуться к политическим методам крайне левых партий, то общество, находящееся в тяжёлом состоянии, может погибнуть окончательно. Автору этих строк даже близки опасения Березина, т.е. я разделяю его политические взгляды (если я их правильно угадал). Однако сам рассказ эти взгляды не спасают: он кажется написанным наспех и небрежно, как и весь цикл.

И всё-таки у этого цикла рассказов Березина есть и сильная сторона, заключающаяся в изображении сверхъестественного. Здесь нет показа христианского чуда, но есть хотя бы внимание к вещам непознаваемым, таким как чудесные исцеления (рассказ «Сны») или, наоборот, к так называемым «тёмным силам» (рассказы «Порча», «Жилкомиссия»).

Позволю себе высказать обобщение: укрепление в обществе иерархического (классового) строя невозможно без веры в сверхъестественное, и наоборот: усиление религиозного фактора невозможно в обществе, лишённом иерархии.

Увы, кроме Березина, почти никто из разбираемых авторов «либеральных» журналов этого не хочет видеть. Их антиутопии написаны словно бы атеистами и для атеистов: священники и храмы вообще не упоминаются, видимо, эту деталь авторы считают несущественной. А ведь это неверно: социальная инженерия без учёта религии так же невозможна, как невозможно спроектировать двигатель внутреннего сгорания без систем зажигания или смазки. Двигатель такой не будет работать.

(Скажу в скобках, что многие православные идеологи впадают в противоположную крайность, т.е. вообще отказываются от социальной инженерии. Тем самым они обрекают себя на сугубо страдательную роль и вынуждены вечно протестовать против «кощунственных нововведений», хотя сами никаких нововведений не предлагают.)

Роман Дмитрия Стахова «Свет ночи» представляется мне до некоторой степени удачным. Это произведение реалистическое, хотя его автор, можно сказать, балансирует на грани нереального. Стахов имеет специальность «психолог» и изображает то, что ему, вероятно, знакомо: работу современных психологов в условиях катастроф и социальных кризисов.

Из провинциального города в Москву доходят слухи о том, что убитый местный криминальный авторитет якобы воскрес из мёртвых. Такова завязка романа «Свет ночи». Предположить можно одно из двух: либо кто-то распространяет ложные слухи, либо смерть и похороны этого человека были инсценировкой, а на самом деле он жив. Ситуация усугубляется тем, что город, где произошло «воскресение», это родной город премьер-министра, так что не исключена какая-то афёра, направленная против премьера. Чтобы разобраться в происходящем, из Москвы в провинциальный город посылают группу из трёх психологов, чья деятельность и составляет главное содержание романа.

Здесь позволю себе критическое замечание. Премьер-министр в романе Стахова похож на Дмитрия Медведева, но город – явно не Петербург, что и делает сюжет заведомо неправдоподобным, хотя в остальном роман добротно реалистичен. Даже самые необыкновенные события, описанные в нём, в конце получают убедительные объяснения. Человек, вызвавший в романе сенсацию, действительно, был убит и похоронен, а слухи о его «воскресении» распускала организованная группа, преследующая вполне корыстные и понятные цели. Однако описанные в романе методы социальной инженерии имеют как раз тот элемент мистики, о нехватке которого говорилось выше.

Наконец, о тексте Максима Осипова «Риголетто». Он имеет подзаголовок «Трагедия вежливости» и представляет собой пьесу для одного актёра. Это монолог отставного офицера спецслужб, и произведению этому нельзя отказать в точности некоторых ухваченных автором интонаций и вообще в жизненности. В связи с этим, однако, у автора этих строк возник вопрос: кто такой Максим Осипов и почему об этом явно талантливом авторе я ничего раньше не слышал?

Обращение к Википедии принесло ошеломительный результат: «Максим Александрович Осипов (род. 4 октября 1963, Москва) – врач-кардиолог Тарусской центральной районной больницы, основатель и президент Благотворительного фонда «Общество помощи Тарусской больнице», а также

писатель-реалист, заслуживший славу «нового Чехова». Лауреат премии журнала «Знамя», премии имени Ю. Казакова, премии Бунина, финалист премии имени Белкина (дважды), премий НОС и «Ясная поляна».

Итак, перед нами не просто талантливый мало известный автор (как показалось мне), но, оказывается, автор, «заслуживший славу «нового Чехова»!»! Забавно то, что Википедия вначале говорит, что Осипов – врач районной больницы и основатель фонда помощи этой больнице, а уж затем (видимо, как о второстепенном) сообщает, что он «заслужил славу «нового Чехова»».

Я привожу этот биографический курьёз как иллюстрацию «блеска и нищеты» толстых «либеральных» журналов и вообще всего «либерального крыла» нашей литературы. За четверть века, прошедшие после распада СССР, в этом «либеральном» секторе нашей словесности вспыхнули и даже успели погаснуть некоторые писатели-«звёзды», а широкая публика о них даже не слышала.

Автор этого журнального обзора не может назвать себя человеком мало начитанным: я постоянно слежу за новинками, а толстые журналы всех направлений просматриваю регулярно, ещё с тех пор, как вёл в 1993-1994 годах на Санкт-Петербургском радио передачу «Журнальное обозрение». Однако о Максиме Осипове, «заслужившем славу «нового Чехова»», и даже о талантливом Владимире Березине я узнал только сейчас, прочитав журналы последнего года не выборочно, а насквозь.

Что же, как говорится, узнать «лучше поздно, чем никогда». Литературные премии настолько обесценились, что писатель может быть лауреатом целого их вороха, а некоторых – даже по несколько раз, и тем не менее о писателе этом ты слышишь впервые. Может быть, именно поэтому журнал «Дружба народов» о премиях талантливого прозаика Дмитрия Стахова ничего не сообщает, а даёт о нём такую справку: «Дмитрий Стахов – постоянный автор «Дружбы народов». Имеет диплом психолога. Как прозаик публиковался не только в России; романы, рассказы и эссе также печатались в издательствах «Галлимар», «Акте-Сюд», «Сигнатур», «Рэндом хаус» и др. «Свет ночи» его девятый роман. Живёт в Москве.»

Справкой об этом авторе я бы и хотел закончить разговор о новинках, появившихся в «либеральных» толстых журналах. Как было сказано в самом начале обзора, главной тенденцией последнего времени мне представляется освещение в художественной литературе темы иерархичности и восстановления классовой структуры нашего общества. По-моему, прозаика и психолога Дмитрия Стахова также интересует эта тема. Хотя было бы странно, если бы я пытался «подогнать» под этот вывод все произведения последнего времени. Появилось много произведений и совершенно другой направленности. И всё-таки, мне кажется, что отмеченная мною нога действительно звучит, а если так, то важно было привлечь внимание к этому факту.

РАЗБОРКИ СРЕДИ КРИТИКОВ

Александр Медведев

Отчет о заседании Секции критики 9. 11. 17

Анатолий Иванович Белинский

О «Русском журнале» № 4 (2017 г.)
и не только о нем

Александр Медведев

Критик как вампир
заседание Секции критики 14. 12. 17

Т. М. Лестева

Не только о вампирах. 14. 12. 17

Александр Медведев

Отчет об очередном заседании секции критики и литературоведения (9 ноября 20017 г.) Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. Его темой было обсуждение пятого выпуска «Нового русского журнала», посвященного столетию Русской революции.

Издание, позиционируемое органом Союза писателей России и Секции критики и литературоведения, выпускается силами петербургского литератора Василия Чернышева. С его доклада началось обсуждение «Нового русского журнала», которое вёл Виктор Кречетов.

«Учить, просвещать – редактировать мир, вот цель главного редактора, – сообщил В. Чернышев, заметив, что он решительно отказался от этого. – Журнал посвящён раскрепощению мысли человека. Я пытаюсь сталкивать людей – ради поиска истины использую творческую провокацию».

Вероятно, исходя из этого принципа, В. Чернышев одним из важнейших факторов подъёма масс в 1917 г. обозначил участие в революционных событий ярчайших представителей прекрасного пола – А. Коллонтай и Л. Рейснер. В их деятельности он увидел наследование Великой Французской революции, когда желание уличных женщин диктовало, кого казнить, кого миловать. Подобные ораторские приёмы, безусловно, вызывают активную полемику, что само по себе может быть продуктивно в поисках истины. Впрочем, чаще всего в разговорах, касающихся истоков русских революций, эти приёмы приводят к обратному эффекту. Сталкиваются бойцы, вооружённые цифрами – деревьями, за которыми не видно леса, и те, чьё снаряжение – мифы, подобные мифу о словах Галилея «А всё-таки она вертится!», которые в его уста вложил драматург XVIII века, а затем в XX веке заставил дожёвывать Б. Брехт. В итоге полемистами пишутся эпические экспрессивные полотна чёрной или белой красками, не смешивая.

Иного трудно ожидать. Так было и в части заседания, посвящённой непосредственно столетию революционных событий. В. Лобачёв углубился в тонкости вопроса, что же всё-таки было, революция или переворот? Далее он разъяснил, что февральская революция была «этническая», а в октябрьской приняли участие иностранные государства.

Ю. Туйск напомнил, что число верующих в армии катастрофически упало с приходом к власти Временного правительства по сравнению с тем, что было в начале Первой мировой войны. Упадок веры привёл к Октябрьской революции. Понимая, что факт и правда вещи не тождественные, Ю. Туйск высказался за обращение к теме революции в разрезе творчества, спроецировав её на литературу.

Развернуто о выявлении духа революции посредством рассмотрения исторической – классики – и современной литературы высказался Р. Круглов. Он скептически отнёсся к взгляду литературоведения и публики на писателей

XIX в. как на непреременных борцов с самодержавием, а также подверг критике представление о советских писателях, сводимое к их явному или латентному диссидентству. Хотя признал, что идеологических оценок творчества, по-видимому, не избежать. Вопрос, как относиться к идеологии писателя, которая порой не даёт ответа, кто он – «белый или красный»? Возможно, здравый подход начнётся с учётом эволюции взглядов человека в поисках истины.

Негативное отношение к революции выразил В. Меньшиков: «Праздновать на фоне могил жертв Гражданской войны – чудовищно!» Вполне понятно, что столетие Революции особая дата, однозначного отношения к великому событию быть не может. Понятно и желание В. Меньшикова счастье народное устраивать по уму, а не на крови. Время, особенно 1960-е – начало 1980-х гг. вызвало у многих советских людей восприятие жизни, как естественное состояние мира, покоя. Между тем это не так, и слова, что мир лежит во зле, оказались не просто словами, о чём советские люди узнали, когда затрещал по швам Советский Союз и Варшавский договор. Сегодня мы продолжаем убеждаться, что, скорее, не мир, а война естественное состояние человечества. Сверхъестественное – многолетний мир – был обеспечен сверхчеловеческими усилиями, в том числе и среднестатистической бедностью советского человека. Как ни странно, то внешне скромное существование имело внутреннюю наполненность, в том числе благодаря литературе и искусству, в идеале более гуманным, нежели их современные проявления.

Переход к непосредственному обсуждению «Нового русского журнала» начался с выступления Л. Бубновой. По её мнению, журнал «слишком толстый», много разнообразных материалов, в которых доминирует эрудиция гл. редактора. «Библия, Достоевский, Кьеркегор, Есенин, Пушкин, И. Арманд, Т. Москвина...» – Л. Бубнова на память перечислила несколько десятков имён, встречающихся на страницах, наполненных чрезвычайно мелким шрифтом. Насущная необходимость говорить сегодня от первого лица, не прячась за цитаты, «поменьше трепать имена», таково её убеждение. Критические замечания были уравновешены выражением благодарности за подвижничество, ибо издание такого журнала, каким занимается В. Чернышев, стоит неимоверных усилий и говорит о его великой любви к русской литературе с её уклоном в поиск ответов на безответные русские вопросы.

Инициатором востребуемой духовности назвал В. Чернышева В. Овсянников. В кратком выступлении он отдал ему должное за громадное издательское дело, которому он благородно посвятил себя.

«Журнал можно и должно делать коллективно, – сказала М. Токажевская, оговорившись, – если это не Василий Иванович Чернышев». Да, продолжила она, «Новый русский журнал» не простое чтение, но почему бы и нет? Вместе с тем, хотелось бы больше материалов молодёжных и о молодёжи, интересные были бы и «узкие» темы, например, о природе во всевозможных проявлениях, материалы, не столько «информативные», сколько занимательные.

Б. Орлов, поблагодарив В. Чернышева за нелёгкий издательский труд, рассказал о книгах, выпущенных при содействии писательской организации, остановившись, в частности, на издании антологии поэтов Первой мировой войны.

В. Кречетов, подводя итоги заседания, в свою очередь, высказался о журнале. В нём отражается конкретная ситуация: журнал есть детище одного человека и поэтому в нём проявлен издатель и общее состояние писательской среды. В хорошем смысле, это человек – фанатик, энтузиаст, так же, как и авторы, соглашающиеся на безвозмездные публикации. Разумеется, есть в издании взлёты, есть провалы, ибо дело живое. Характерно замечание В. Кречетова по поводу «чрезмерной эрудиции» на страницах журнала. Делиться знаниями – это нормально и должно приветствоваться. Кроме того, надо учитывать, что есть эпохи, когда по большей части творят, и есть такие, когда цитируют творения предшественников.

Все выступавшие сходились во мнении, что пять выпусков «Нового русского журнала», осуществлённых за короткое время одним человеком, удивительное явление в наше время. Можно рассматривать его последним всплеском уходящего «литературоцентричного» периода русской истории, но, как знать, не предвестник ли оно возрождения массового интереса к литературе?

Анатолий Иванович Белинский

**О «Русском журнале» № 4 (2017 г.) и о сочинениях Г. Г. Мурикова
Доклад прочитан на Заседании секции критики 14 декабря 2017г.**

Прежде чем говорить о содержании этого «Нового Русского журнала» №4, я хотел бы высказать несколько соображений о литературных журналах вообще, а также современных их изданиях. На мой взгляд, журнал становится журналом лишь тогда, когда он: а) выходит периодически; б) когда он имеет свое направление (т. е, тенденцию); в) когда он четко структурирован, т.е. имеет постоянные разделы: проза, поэзия, критика и литературоведение, общественная жизнь. Если не выполняются вышеуказанные условия (признаки), то мы имеем дело не с журналом, а с альманахом, с отдельным сборником статей – тематическим или бессистемным. Во все времена, в русской литературе журналы имели «направление» – возьмите хотя бы «Трунгень» И. Новикова, «Почта духов» И. Крылова и вплоть до пушкинского «Современника», до «Библиотеки для чтения», до «Отечественных записок» и «Русского богатства». Да и журналы советского времени все имели «лица необщее выраженье». А если не имели такого лица, то очень быстро сходили на нет. Журнал, в которм, как в Ноевом ковчеге, «всякой твари по паре» обречен на неудачу.

Вопрос о направлении издания беспокоил и главного редактора В. И. Чернышева, о чем он откровенно написал на страницах журнала, но внятной оценки ему не дал. Что касается меня, с моей точки зрения, это издание лишь с натяжкой можно назвать журналом. И еще одно попутное замечание: издавать журнал, весь текст которого набран неудобочитаемым 8-м кеглем – это значит проявлять неуважение к читателю.

Вся эта длинная преамбула приведена не для того, чтобы сказать, что я отношусь к «Русскому журналу» отрицательно и не ценю его. В наше время, когда писатели практически лишены возможности публиковаться в печати, такое издание, как журнал Чернышева, служит глотком воздуха для многих литераторов. Ведь наша писательская организация практически лишена журналов: была когда-то «Аврора», «Невский альманах», а сейчас они благополучно дрейфуют или уже отдрейфовали в стан Союза петербургских писателей, которым руководит В. Попов. Я говорил об этой тревожной тенденции с Б. А. Орловым, но он считает это несущественным и предлагает публиковаться в Интернете: там, дескать, более широкая аудитория читателей. Я не могу согласиться с этим хотя бы потому, что, как гласит русская поговорка, «что написано пером, то не вырубишь топором». Интернет может исчезнуть от единственного нажатия на клавишу, а то, что напечатано на бумаге, остается практически навсегда. Так что издание, осуществленное В. И. Чернышевым, безусловно, нужное издание. Другое дело, что и к нему могут быть у читателей различные мнения, но это – удел каждого литературного издания. Потому я и хочу воспользоваться возможностью высказать свое мнение о материалах, размещенных в журнале.

На мой взгляд, публикации в нем хаотичны, непонятно, по какому принципу отобраны. Однако ни о стихах, ни о художественной прозе журнала

я говорить не буду: известно, что одному нравится попова дочка, а другому – свиной хрящик. Но о стихах самого редактора скажу: строки «Благословляю третья мая»... Не то всерьез, не то играя...» – прямая калька с тютчевского «Люблю грозу в начале мая». Если это сказано с иронией, то она здесь не чувствуется, а если всерьез, то зачем это? Или еще и такое многомыслие: «Чудо – надежды последней залог. Правда, вино превращается в воду». И снова недоумение: почему и зачем происходит такое чудо, да и чудо ли это? Помнится, Иисус в Кане Галилейской превращал воду в вино, а не наоборот. Мишель Монтень говорил, что любой человек может написать плохие стихи, и весь вопрос в том, надо ли их публиковать.

Думаю также, что непонятно, зачем опубликованы статьи про Инь и Янь: насколько эта восточная тоска необходима современному русскому читателю? Если в нашей стране есть несколько человек, интересующихся этой проблемой, то надо ли занимать страницы издания подобным материалом? А между тем в журнале опубликованы очень интересные материалы: статья Иванова-Разумника о Василии Розанове, да и статья самого В. Розанова. Я лично получил большое удовольствие от статьи Иванова-Разумника: она многое мне открыла, и личность этого автора да и В. Розанова. Интересен и диалог В. Г. Исаченко и А. В. Осипова о литературном цензоре А. В. Никитенко. Правда, диалог этот закончился ничем, и почему-то большая часть его посвящена А. С. Суворину, причем лицо этого махрового реакционера, прижимистого издателя, члена правления Волжско-Камского банка, вдруг приобрело черты добродетельного либерала. Известно, Чехов был очень дружен с Сувориным с самого начала знакомства, да и Суворин испытывал к Чехову вроде бы добрые чувства, однако не захотел издать его собрание сочинений, и Чехову пришлось пойти в кабалу к А.Ф. Марксу.

Лично мне самым интересным материалом журнала кажется цикл статей (заметок) самого В. И. Чернышева «Из новейших записок Редактора». Вот уж поистине «Кипение страстей»! Только прочитав эти заметки, я, как мне кажется, хоть в малой степени проник во внутреннюю жизнь автора. Какие-то его утверждения спорны, какие-то кажутся мне неверными, ошибочными, но это – исповедь честного человека, который не пытается прикидываться лучше, чем он есть на самом деле. И эта искренность подкупает, ему веришь, ему сочувствуешь даже тогда, когда не соглашаешься с ним. А согласиться со многими высказываниями главного редактора Чернышева я не могу.

Скажу откровенно: я не люблю антисоветчиков, то есть тех людей, которые поливают грязью советский период русской истории. Если к этому добавить, что я, прожив 91 год, остаюсь по своим убеждениям коммунистом и атеистом, то, само собой разумеется, что многим я кажусь неким исчадием ада, неизвестно почему не провалившимся в преисподнюю. Однако, оставаясь таким исчадием, я всегда пытаюсь понять, что движет людьми, у которых политические убеждения не совпадают с моими. Вот и в случае с В. И. Чернышевым: в юности он несправедливо пострадал от советской власти, был осужден на пребывание в тюрьме и даже упрятан в психушку. Его обида на советскую власть понятна, вполне объяснима. Но даже в этой своей

обиде Чернышев старается, не оправдывая эту власть, хотя бы понять ее логику. На этом пути автора часто заносит из стороны в сторону, однако он ищет оправдания и своему бытию, и бытию России, и эти его поиски даже вызывают уважение. Но – далеко не всегда. Так, он безоговорочно утверждает, что Красная Армия в 1941 году бежала от немцев быстрее, чем поляки и французы. Можно согласиться, что летнее отступление Красной Армии было трагичным, но ведь В. И. Чернышев по образованию математик, и мог бы проверить цифрами, кто убегал от немцев резвее – поляки, французы или русские? Польша была разгромлена немцами до вступления наших войск в Западную Украину, то есть за 17 дней сентября 1939 года. Французы в 1940 году, после затишья в начале «странной войны», за две недели докатились до Дюнкерка а затем сдали Париж гитлеровцам. А СССР? Да, отступали под напором фашистских полчищ, но на двадцатый день войны бои идут в Эстонии и Белоруссии, на 58 день войны оставили Кингисепп, на 60-й день фашисты вошли в Новгород. Конечно, это была трагедия, но непонятно, зачем Чернышеву надо унижать нашу армию и страну неправдой? Даже начальник генерального штаба вермахта, генерал Гальдер, в своих дневниках несколько по-иному оценивал Красную Армию.

Я не намерен оправдывать ГУЛАГ и тяжесть коллективизации деревни, тем более – сталинские репрессии, но хочу лишь, чтобы автор не размахивал цифрами наотмашь, не считаясь с действительностью. В. И. утверждает, что Гитлер за пять лет создал самую сильную в Европе промышленность, а Сталин за 20 лет своего правления довел страну до того, что войну армия наша встретила разутой, раздетой, безоружной и была «почему-то небоеспособной». Неужели Чернышев не читал никаких исследований, ни наших, ни немецких или английских, чтобы не знать, что промышленность Германии никогда не могла бы подняться, если бы ее не финансировал западный капитал (американский, прежде всего). И если бы не политика умиротворения Англии и Франции, которая позволила Германии без единого выстрела присоединить к себе Рурскую область, а затем Австрию и Чехословакию. Известно ли В. И., что когда Гитлер осуществлял «аншлюс» Австрии, практически все двинутые в Австрию германские танки не дошли до границы этой страны, остановились, потому что это были плохие танки. И только захватив заводы в Чехословакии, заводы Шнейдера и Кресо во Франции, Германия получила так нужные ей танки и орудия. А вот Советскому Союзу пришлось вооружаться за свой собственный счет, создавать танковую и авиационную промышленность без западного капитала – неужели Чернышев этого не знает? А если знает, то зачем же так марать собственную историю?

Маркс и Ленин были, по мнению Чернышева, шарлатанами, и их «диктатура пролетариата» такая же омерзительная, как гитлеровский «тысячелетний рейх». И это пишет человек, который ненавидит Новодворскую, Собчака, Чубайса! И не замечает, что он вместе с этими ренегатами в одной упряжке! Они одинаково бешено ненавидят советское прошлое нашей страны! Вспомним, что писал Александр Зиновьев, возвратившись в Россию:

«Мы целились в коммунизм, а попали в Россию». Нет, кривил душою философ, ибо тот, кто стреляет в советское прошлое, тот стреляет в Россию – хочет ли он этого, или не хочет. И прав Сергей Кара-Мурза, когда в своей книге «Евреи, диссиденты и еврокоммунизм» пишет: «За десять лет мы многое поняли, собрали и изучили большой объем данных. Из них следует, что восстановление России возможно только на той же траектории, что и советский проект, пусть и в новых формах. Едва ли не главное условие, чтобы не допустить возрождения России, не утратить контроль над русскими состоит в том, чтобы поддержать в обществе, и особенно в интеллигенции, достаточно высокий накал антисоветизма. Отрицание советского проекта, с ложью и подлогами, необходимо, чтобы люди не попытались понять его суть. Гайдар и Чубайс, как антисоветские авторитеты, уже «сгорели» и «белые патриоты» выходят в этой идеологической работе на первый план».

Что означает антисоветская волна в нынешней России? К чему она приведет – это можно наглядно увидеть, глядя на события у наших соседей. Освобождая Польшу от фашизма, пали 600 тысяч наших воинов, и в числе этих тысяч и мой брат, похороненный на польской земле. Сейчас в Польше на законодательной основе уничтожают знаки «советского прошлого». А на Украине приход к власти бандеровцев начался с чего? С уничтожения памятников Ленину и советским полководцам. Вам, радетелям «белого движения, возвеличивающим Колчака и Власова, это ни о чем не говорит? А меня на такие грустные мысли наводят многие утверждения, которые я вычитал в «Русском журнале» В. И. Чернышева.

Не могу не остановиться еще на одной теме, затронутой в означенном журнале – это воспоминания и статьи об И. Р. Шафаревиче. Признаюсь, я не особенно интересовался личностью этого ученого-математика, и только после чтения «Русского журнала» решил познакомиться с его работами. В Интернете прочитал «Русофобию» и «Социализм как явление в мировой истории». «Русофобия» Шафаревича не вызвала никаких отрицательных эмоций, со многими его мыслями готов согласиться, и я хорошо понимаю, почему ее так отрицательно встретили в еврейских кругах.

Что касается его работы о социализме, то возникло некоторого рода недоумение: если И. Р. Шафаревич проследживает движение социалистической идеи на протяжении тысячелетий да еще и в разных странах древнего и современного мира, то, может быть, в этой социалистической идее не все так уж черно, чтобы ее предавать проклятию? Однако и Шафаревичу и его сторонникам идея социализма абсолютно чужда и враждебна.

Но я и это понимаю: на вкус и цвет товарищей нет... Однако в «Русском журнале» я читаю статью Егора Холмогорова о Шафаревиче. Этот Егор известен мне по статьям в газете «Культура»: в каждом номере газеты есть его материал, обычно – с антисоветским душком. Статья Холмогорова рассказывает о Шафаревиче, как о выдающемся математике и смелом общественном деятеле, друге Солженицына и Гумилева. Главное, за что Холмогоров превозносит Шафаревича, состоит в том, что ученый-математик утверждал: «социализм сводится к фундаментальной воле к смерти.

Социалистическая уравнительность, ненависть к семье, обобществление и тоталитарный контроль – все это формы нежизни. Социализм – рационально декорированная воля к нежизни».

Ну вот, теперь, по крайней мере, ясно, против чего воевал Шафаревич – против коммунизма: не против России, а против коммунизма. И, говорит Холмогоров, то, что утверждал Шафаревич, настолько доказательно, что тут уж нечего делать Новодворской с Шендеровичем. И получается, что Шафаревич воюет вроде бы против коммунизма, а на самом деле оказывается в одном стане с ненавистниками России. И как же это получилось у человека, который якобы ратует за Россию? Что-то тут не сопрягается...

И еще один любопытный факт. Холмогоров пишет: «Шафаревич имел первоклассную подготовку гуманитария, сразу выдававшую его, что он родом из Житомира». И поясняет: Житомир – это южнорусский город на Волыни, в котором выросли такие умы, как знаток античной истории М. И. Ростовцев, как С. И. Королев и Шафаревич. Таким образом, само собой разумеется, что тот, кто родился в Житомире, в этих Афинах Украины, уже по определению должен быть великим и, значит, по определению всегда прав. Но мне хочется кое-что уточнить: Житомир – город не на Волыни, Волынь расположена несколько западней. И Житомир никогда не был философскими Афинами времен Перикла. Это было маленькое местечко в черте еврейской оседлости, и рождались там не только великие люди, но и обыкновенные недотепы, такие, как Лариосик из «Дней Турбиных». Так что рождение человека в Житомире не давало никаких особых преимуществ – ни городу, ни отдельному человеку. Иначе, почему бы не объявить и архангельские Холмогоры Афинами?..

Если человек становился великим, то это случалось не из-за места его рождения, а «по трудам его». Труды И. Р. Шафаревича были посвящены математике, он стал членом-корреспондентом Академии Наук СССР. Однако это звание не дает ему особых прав, чтобы считать, что все его идеи в общественной жизни – абсолютная истина, не подлежащая сомнениям. Академик А. Н. Сахаров, создатель водородной бомбы, тоже был умным человеком, однако призывал разделить Россию на 50 маленьких государств – для сугубой пользы мирового демократического сообщества. А вот, в противовес этим ученым, назову имя еще одного академика и, к тому же, лауреата Нобелевской премии – Жореса Алферова. Алферов – член КПРФ, верен идеям социализма. Ну, так что, Егор Холмогоров и В. И. Чернышев, может быть и вы станете союзниками Жореса Алферова?..

Затрону еще одну любопытную сторону, касающуюся авторов «Русского журнала», но не только этих авторов. Меня занимает такая мысль: как получилось, что многие дети и внуки выдающихся борцов за советскую власть стали ярыми антисоветчиками? Назову навскидку имена Антонова-Овсенко, Сванидзе, Гайдара. Или возьмем хотя бы сына известного советского писателя Сергея Смирнова, восстановившего славу защитников Брестской крепости. Его сын, известный кинорежиссер Андрей Смирнов, создатель замечательного фильма «Белорусский вокзал», стал махровым

антисоветчиком: недавно на телеканале «Культура» он исходил такой жуткой злобой, говоря о советской стране, что казалось: еще немного – и его хватит «кондрашка». Или вот еще одно замечательное дитя: милый Дениска из «Денискиных рассказов» Драгунского. Этот выросший Дениска изрыгает такую хулу на выкормившую его страну, что только диву даешься гадостям этого отпрыска, облаканного советского писателя.

И тут я хочу вновь возвратиться к содержанию «Русского журнала», в частности, к статьям открытого ненавистника советской власти литературного критика Г. Г. Мурикова. Как Катон Старший всегда призывал разрушить Карфаген, так и Муриков в каждой своей статье (а их у него, как сообщает пресса, более 300) не забывает в нее плюнуть. Родился этот критик в благополучные времена, в 1958 году в семье врачей – так сообщает о нем литературный справочник. И школу-то он закончил с золотой медалью, и университет закончил с красным дипломом, и после работал в журнале «Звезда» под руководством истового коммуниста Георгия Холопова, который всячески отличал Мурикова (об этом пишет сам критик). Но вот наступила эпоха «перестройки», сломалось советское государство, и тут в душе Мурикова также произошел слом: он стал ненавидеть все то, что поддерживал ранее, получая в университете «красный» диплом, то есть советскую идеологию и советский строй. Вероятно, возникновению такого перелома в его психике способствовали какие-то события, что само по себе могло бы служить материалом для создания нового романа «Зависть» писателем такого масштаба, как Юрий Олеша.

Но поскольку я в этой статье не собираюсь исследовать процессы, происходившие в чужой душе, то хочу обратить внимание на то, что и как критик Муриков защищает и что порицает. В своих статьях он тоже исследовал «родословную» русского коммунизма, но не стал, как И. Р. Шафаревич, обращаться к истории Шумеров и Вавилона, а остановился на крестьянской войне в Германии в XVI веке и вывел прямую связь русских большевиков с Томасом Мюнцером. Правда, об этом писал и Шафаревич, однако и в этот вопрос Г. Муриков внес свой вклад: приплет к родословной русских большевиков какого-то Ротмана и даже Фауста (жаль, что не Мефистофеля). Все это, вероятно, должно подтвердить, что автор читал работу Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии», да вот только вывод из этого чтения у него получился весьма своеобразным.

Вообще говоря, Германия занимает в творчестве Г. Г. Мурикова весомое место. И даже не Германия, а фашистская идеология и фашистские лидеры. Он детально изучил книгу Адольфа Гитлера «Майн кампф» («Моя борьба») и в результате написал статью «Один из символов эпохи» (в книге «Что есть истина», СПб, 2015). В ней он говорит: «Мы не принадлежим ни к числу поклонников автора этой книги, ни к числу поклонников его радикальных взглядов». Если это так, то с какой же целью решил Г. Муриков обратиться к этой книге, программе немецкого фашизма? Он определяет это такими словами: «Наша задача – вернуть Адольфа Гитлера в литературную среду как писателя и публициста». Это уже интересно. А можно было бы заняться Гитлером еще и как не успешным художником, почему бы и нет?

Но кому интересен бесноватый фашистский фюрер ... рассуждающий на досуге в тюрьме ... о мировом переустройстве и улучшении человечества? Муриков пишет: «В книге А. Г. (то есть Адольфа Гитлера) нет призывов к террористическим актам, взрывам бомб и к революционным выступлениям, в отличие, например от книг В. И. Ленина» (в этом пассаже статьи Мурикова речь идет о первом томе книги «Майн кампф», изданной Гитлером в 1925 году). А что происходило с Гитлером дальше? .....

В ходе дальнейших рассуждений Г. Муриков солидаризуется с мнением Суворова (Резуна) о том, что Сталин сам хотел напасть на Германию, но Гитлер упредил Сталина. А еще Муриков утверждает, что Гитлер лишь озвучивал мысли Елены Блаватской о превосходстве арийской расы над другими расами. Хотя в этом вопросе Г. Муриков позволил себе не согласиться с А. Г. и пишет так: «Почему-то у него (Гитлера) возникла мысль, что развитие арийской расы связано с развитием немецкого крестьянства на предполагаемых завоеванных территориях. Я изучал сочинения разных авторов на эту тему, но нигде не встречал тезиса, что арийский народ должен распространяться путем быстрого размножения. Быстро размножаются лишь примитивные расы ... о чем говорит то, что количество узбеков и таджиков за годы советской власти увеличилось в несколько раз?».

Вот тут у критика Мурикова явный прокол: оказывается, Гитлер все же планировал разместить на чужих территориях немецких крестьян... ..

Нужно добавить еще, что литературный критик Муриков в вопросах изучения фашистской идеологии не ограничился размышлением только о книге Гитлера. Он детально анализирует роман еще одного «писателя», Йозефа Геббельса. Это роман Геббельса «Михаэль», изданный в нашей стране издательством «Алгоритм» в 2013 году. Рецензия Мурикова заканчивается такой сентенцией: «По разному можно оценивать и роман «Михаэль» и дневники Геббельса (кстати, до сих пор у нас целиком не опубликованные), но надо понимать, что это документы истории и вычеркнуть их можно только с самой историей». Мысль эта сама по себе справедливая, но самое главное, как такой историк, как Муриков, будет трактовать этот документ и к каким выводам он придет?

У Мурикова есть статья еще об одном фашистском главаре – об А. Розенберге. В ней литературный критик с красным дипломом доказывает, что Розенберг не во всем соглашался с Гитлером (что вполне возможно). Однако, ничего не говорит о том, что еще в 1938 году Розенберг активно ратовал за движение на Восток и захват Украины. В апреле 1941 года Гитлер назначил Розенберга ответственным за «центральную разработку восточно-европейского пространства». Розенберг составил план расчленения нашей страны на четыре части, причем «Великороссия», после ее ослабления, должна была превратиться в «район эвакуации для нежелательных элементов в большом масштабе».

[Впрочем, после предложений лауреата Сталинской и Ленинской премий академика Сахарова по расчленению СССР на пятьдесят с лишним частей я не удивлюсь ничему...]

Я хотел бы обратиться еще к одной статье Г. Мурикова в «Русском журнале». Статья называется «Великий Октябрь и современность». Именно в этой статье критик выводит большевизм из восстания Томаса Мюнцера. В этой же статье Муриков очень одобрительно отзывается о книге какой-то Ольги Грейг «Долой стыд! Сексуальный Интернационал и Страна Советов». Излагая содержание сего опуса, критик Муриков упрекает Александру Коллонтай за ее теорию «стакана воды» и доказывает, что половая распущенность в 20-х годах была характерна для большевистской России. Он упрекает А. М. Коллонтай в том, что она была любовницей Дыбенко, а он был моложе ее на 17 лет. Вот какой ужас творился в Советском Союзе! [справедливости ради я поясню, что редактор получил несколько отзывов и на статью г-на Мурикова, и на доклад уважаемого его оппонента. В отдельных отзывах содержится просьба подробнее привести и теорию и сопутствующие ей примеры, что говорит о том, что тогда еще был не ужас. Ред.]

А в качестве доказательства половой распущенности большевиков, Г. Муриков в «Русском журнале» воспроизводит в качестве приложения страницу из брошюры «Революция и молодежь», изданной коммунистическим университетом им. Свердлова в 1925 году. Так что же больше всего потрясло невинного критика Мурикова в этом приложении? А вот что!

«1. Не должно быть слишком раннего развития половой жизни в среде пролетариата.

2. Необходимо половое воздержание до брака, а брак лишь в состоянии полной социальной и биологической зрелости (20-25 лет).

6. Не надо часто менять половой объект. Поменьше полового разнообразия».

Я не буду перечислять все 12 пунктов этого приложения, так ужаснувших критика Г. Мурикова – в них нет ничего, что противоречило бы общечеловеческой морали и даже христианским заповедям. [см. номер 4 Русского журнала. Ред.] Упрекая большевиков в насаждении разврата, он, наверное, не смотрит передачи телевидения. А еще он, видимо, не замечал, что почти все столбы культурной столицы нашей Родины заклеены приглашениями Даши, Наташи или Зулейки, отдающим себя мужчинам даже за 800 рублей все 24 часа в сутки, и тут же рядом – номера телефонов этих добровольных жриц любви. Так что ж этот блюститель нравственности Муриков не воюет печатно с нынешними либеральными нравами, а всю мощь своего обширного интеллекта и эрудиции обрушивает на большевиков и советскую власть? ....

Заканчивая свою статью на такой грустной ноте, я все же вернусь к тому, что сказал вначале: такие издания, как «Русский журнал» В. И. Чернышева, при всех отдельных недостатках, нужны в литературной жизни города. Потому что хотя бы в нынешнем виде они дают возможность писателям высказываться по поводу литературной жизни города и по острым вопросам современного бытия.

(Доклад печатается с небольшими сокращениями)

Александр Медведев. **КРИТИК КАК ВАМПИР?**

Если произведение человеческое легко понять, толкование бесполезно...
О. Уайльд, «Критик как художник»

14 декабря 2017 г. состоялось очередное заседание Секции критики и литературоведения Санкт-Петербургской организации Союза писателей России. На обсуждение была представлена книга известного петербургского критика Геннадия Мурикова «1917 - 2017. Вампиры и судьбы России». Автор в течение двух лет работал над книгой и посвятил её столетию Февральской и Октябрьской революций, это сборник статей, дополненных его рассказами.

Исследования Г. Мурикова позволили ему взглянуть на историю как на цепочку повторений: примерно каждые сто лет мир претерпевает серьёзные потрясения. На сегодняшний день, по его мнению, мы переживаем информационную революцию. В то же время одним из важнейших определений революции он называет религиозное движение народа.

Надо отдать должное, о событиях и определённых действующих лицах революций 1917 года Г. Муриков собрал множество любопытных фактов из прессы той поры, из писем и мемуаров современников. Особым вниманием исследователя причин и сил, приведших к краху Российской империи и к построению СССР, пользуются масоны и еврей-революционеры. Не ставя под сомнение многолетние изыскания Г. Мурикова, всё же приходится задать вопрос: не чрезмерно ли односторонни они? Не слишком ли удобны облюбованные им «исторические злодеи», чтобы не заметить, что с Петра I в России существовало, по меньшей мере, два народа, белая кость, изъясняющаяся на французском языке, и бессловесные подлые людишки, не говоря об интеллигенции, среда которой также далеко не однородна? И она, интеллигенция, «всякие негодования на сабли, палки и попов имеет», – писал В. Розанов А. Блоку в феврале 1909 года. Более того, продолжал он, «худо, что даже *кровавая* интеллигенция не понимает плачущего мужика, что она не постигает тютчевских „бедных селений“, – и тогда оскорблённый народ (не всегда, но иногда) берёт дубьё и начинает погром». Но и интеллигенции «плутяга-разум» подсказывает: «перевешать надо правительство, и за то, что оно вешает». И тут Розанов заговаривает о чём-то таком, о чём старательно молчат многие, болеющие за русский народ, пострадавший в страшные годы революции. «Но ведь это – предлог („что оно вешает“), – говорит Розанов, – а, в сущности, просто хочется повесить. И вот тут зарыт в нас древний Каин, это древнее – „дай полизать крови“, от которого (по-моему) люди только и отделялись древними жертвоприношениями».

Вопросы о глубине залегания Каина в толще русского народа-богоносца и его богоищущей интеллигенции остаются в стороне исследований Г. Мурикова. Впрочем, он имеет на то право. Критика – это не наука и, во всяком случае, не какая-то нравственная археология, чтобы заниматься подобными вопросами; критика, считает Г. Муриков, это творчество прежде всего, это особое видение автора. Раз так, то творец наблюдает то, что хочет видеть и так, как ему свойственно. Кажется, что раз мы все имеем глаза, то видим всё одинаково. Отнюдь. Тем-то и интересен и часто бывает полезен чужой взгляд,

что разнясь с нашим, располагает присмотреться к чему-то ещё, сверх того, что для нас очевидно. Отсюда может возникнуть множество точек зрения, отсюда же перспектива получить некую объёмную картину исторического события. Исходя из этого, логично поблагодарить автора обсуждаемой книги за проделанную работу и посмотреть на неё как на предложение проверить, возможно, откорректировать наше отношение к Революции 1917 года.

Нельзя не отметить, что увлечённому исследователю бесценным помощником в работе над книгой такого плана был бы чуткий редактор, который, не препятствуя творческому порыву автора, способствовал бы более чёткому выявлению концепции книги, определению позиции автора, не позволяющей произвольно трактовать её. Такого редактора, на наш взгляд, книге Г. Мурикова, к сожалению, не хватает. По этой причине в обширном докладе А. И. Белинского по материалам книги прозвучало недоумение по поводу авторского отношения касательно теоретических трудов нацистских идеологов, о которых упоминает Г. Муриков, в частности, в связи с высказываниями Д. Мережковского, уповавшего на Гитлера в деле освобождения России от большевиков.

В прошлом году в Германии разрешили печатать, запрещённую десятилетиями, «Майн Кампф», манифест нацистской идеологии, книгу, кишашую антисемитскими и анти-славянскими высказываниями. В отличие от тиражей середины двадцатых годов прошлого века, новое издание снабжено множеством критических комментариев учёных-историков. «Было бы безответственно позволить этому тексту распространяться произвольно», – пояснил издатель, предупреждая о недопустимости возврата к абсурдным дискуссиям 1950-х годов, когда всё сводилось к тому, что во всём виноват Гитлер. Бесплодно задаваться вопросами, как «народ Гёте и Бетховена» дошёл до чудовищных форм расовой ненависти по отношению к евреям и славянам, если не вспомнить слова В. Розанова о притаившемся в человеческом сердце Каине, о желании вешать, которое посещает умы интеллигенции – поистине, демоническое начало не имеет национальности. Не об этом ли хотел сказать Г. Муриков? Так или иначе, обвинения его в каких-либо симпатиях к «фашизму» беспочвенны. Это, кажется, ясно любому культурному человеку. Это признал Следственный комитет Петроградского района СПб от 19.01.2017, куда обращался Б. Орлов с требованием привлечь критика Г. Мурикова за проведение им в год 70-летия Великой Победы конкурса в память «фашиста» Мережковского и публикацию статьи «Христос или христианство» в журнале «На русских просторах».

К сожалению, приходится говорить о подобных вещах, происходящих в писательской организации – современные писатели не умеют читать? или вычитывают лишь то, что хотят? или на что способны?..

Дело в том, что произведения ряда русских классиков невозможно выпустить с обширными комментариями подобно немецкому переизданию «Майн Кампф». Между тем противоречивыми высказываниями по отношению к России, царям – Небесному, а иногда земному, – к русскому народу, к евреям и большевикам, наконец, полны работы П. Чаадаева, В. Белинского, Салтыкова-Щедрина, К. Леонтьева, Л. Толстого, Ф. Достоевского, В. Розанова, Н. Бердяева...

«По отношению к Мережковскому, – писал С. Л. Франк по поводу выхода

книги „Грядущий Хам” – недостаточно одно формальное восстановление справедливой оценке его, как крупного талантливого писателя. В его духовном облике, во всём складе и содержании его творчества есть элементы, которые должны непосредственно привлекать всех, уважающих культуру и дорожащих культурными ценностями. Мережковский есть прежде всего художник, человек, одарённый совершенно исключительной чуткостью в своих эстетических восприятиях»¹.

Почему же не относиться к сказанному художником исключительно как к произведению искусства, к написанному критиком как образцу эстетической критики? На примере Мережковского можно сказать и С. Л. Франк говорит, что «сила критического дарования до некоторой степени ослабляется тем, что Мережковский, по-видимому, сам недостаточно его ценит и охотно приносит его в жертву своим собственным излюбленным идеям, своей проповеди. Подобно большинству русских критиков, Мережковский переплетает критику с публицистикой и моралью. Он чувствует себя прежде всего проповедником, наставником жизни, философом, и часто насилует объективную критику ради своих субъективных оценок и идеалов»².

Несомненно, и Г. Муриков, «подобно большинству русских критиков...» считает, что критик в России больше чем критик. В этом его сила, подвигающая его на творчество, и в этом же таится слабость, толкающая оппонентов к нелепым выводам относительно его морали и партийной принадлежности.

О книге Г. Мурикова можно много говорить. Она достойна того уже хотя бы потому, что у внимательного читателя вызывает желание вступить в творческую дискуссию не только на предмет движущих сил революции, но и о произведениях современной литературы. Также в ней речь идёт об актуальности сегодня не случайно забытых авторов, таких как Вс. Крестовский, произведения которого во многом разъясняют отработанные веками механизмы управления общественными процессами. Другое дело, что хотелось бы видеть полемистов людьми «уважающими культуру и дорожащими культурными ценностями». Этого как раз в полной мере и нельзя сказать не только по результатам прошедшего обсуждения на Секции критики и литературоведения, но в целом о культуре современного обмена мнениями по вопросам литературы. Поэтому со следующего года целесообразно будет авторам, предлагающим свои книги к обсуждению, высылать тексты в электронном виде членам Секции и всем, чьё мнение для них представляет интерес. Реакцией на авторские тексты могут быть написанные статьи, заметки, тезисы, с которыми желающие выступают на очередных заседаниях. Это позволит снизить издержки непредсказуемости «разговорного жанра», а попросту демагогии, часто уводящей от сути критики и литературоведения. Кроме того, естественным образом возникнет реальный материал для тематических публикаций, а также для фиксации и исследования литературного процесса в Санкт-Петербургском Союзе писателей России.

¹Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996, с. 529.

²Там же, с. 530.

Татьяна Лестева
Не только о вампирах

14 декабря на очередном заседании секции критики СПбО СПР под председательством А. В. Медведева состоялось обсуждение книги Геннадия Мурикова «1917-2017. Вампиры и судьбы России» (СПб, 2017 г., 460 с.). Это сборник статей, опубликованных в журналах «На русских просторах», «Невский альманах» и в центральных литературных газетах, так и ещё неопубликованных, в жанре литературно-исторической публицистики и критики. Первый раздел книги «1917-2017», естественно, посвящён юбилею двух русских революций, и именно он вызвал при обсуждении бурную дискуссию. А. И. Белинский более сорока минут зачитывал рецензию на книгу, предварив её сообщением о том, что они с Муриковым антагонисты по своим взглядам. Не удивительно поэтому, что оценка книги коммунистом с пятидесятилетним стажем была отрицательной. Недавно принятый в члены СПР журналист В. Лобачёв, позиционирующий себя историком (замечу в скобках, что в одном из своих опубликованных исторических исследований он перепутал детей Александра I и Александра III) рекомендовал автору избегать исторических ошибок и особенно не цитировать труды белорусской либеральной журналистки Ольги Грейгъ. Православный поэт А. А. Любегин посоветовал автору переиздать книгу, «очистив её от гнили», имея в виду изложение Муриковым в книге взглядов Мережковского о том, что православие изжило себя более столетия назад. Б.А. Орлов обратил внимание на цифры «1917-2017» в заглавии книги, подчеркнув, что цель такого названия – это привлечение читателя, а сам Муриков, окончивший школу с золотой медалью, по-прежнему пишет не критические статьи, а рефераты. Однако не все выступающие разделяли взгляды указанных писателей. Высокую оценку книге дал И. И. Сабилло, отметив не только прекрасный язык книги, но и то, что её автор является ведущим критиком СПР. Сабилло акцентировал внимание на последнем разделе книги – «Экспериментальной прозе», подчеркнув, что эти рассказы свидетельствуют о том, что Г. Муриков – состоявшийся прозаик, а не только критик. Энциклопедические знания и широту кругозора автора, о которых позволяют судить представленные в сборнике материалы, отмечали в выступлениях Г. А. Дюмонд, В. И. Чернышев, Н. Ф. Астафьев, Н. С. Авдеев, А. П. Андрюшкин. А. В. Медведев, призвав писателей обсуждать тексты, приведённые в книге, а не заикливаться на различиях в политических взглядах выступающих, подчеркнул значимость и своевременность таких публикаций, как анализ творчества Вс. Крестовского.

Подводя итоги, А. В. Медведев выразил сожаление, что многие выступающие не читали обсуждаемый сборник, и предложил, что впредь членам секции будут заранее рассылаться электронные версии обсуждаемых книг, дабы обсуждение проходило более результативно.

Уже стало традицией, что любое выступление Г. Мурикова приводит к обоюдоострой полемике. Не стало исключением и это обсуждение, длившееся около двух часов сорока минут. В споре рождается истина?

А. И. Белинский читает доклад

А. В. Медведев и Г. Г. Муриков

Выступает Любегин

Галина Дюмонд

В. И. Чернышев

«Возлюбленные» верлибры Галины Дюмонд

Ольга Мальцева. Слово и люди. 02.11.2015

В Санкт-Петербургском Доме Композиторов (Большая Морская, д. 45) 23 октября 2015 года состоялся творческий вечер известной петербургской поэтессы Галины Артамоновны Дюмонд, презентация её новой книги «После полуночи» – композиция радиопередач Санкт-Петербургского радио, в которой позвучали стихи поэтессы, исполненные в 2007-2011 годы. Галина Дюмонд наделена артистическим дарованием, читает наизусть монологи произведений классиков, неоднократно была организатором и ведущей многих поэтических вечеров на представительных сценах Санкт-Петербурга, организатором чтений циклов лекций «Самая печальная радость быть поэтом» в музее «Серебряного века». Дюмонд имеет знаки отличия администрации СПб, СП России, решением Главы Княжеского Собора Руси возведена в достоинство Кавалер-дамы Ордена «Святая Русь».

Несмотря на рабочий день, зал Дома Композиторов был заполнен поклонниками её творчества, собрались друзья и приглашённые гости известной поэтессы. Прозвучало много выступлений, поздравлений и аплодисментов. Вечер открыл композитор и давний друг Галины Дюмонд – Андрей Андерсен. Для презентации он подготовил аудио книгу поэтессы. Во время концерта Андерсен представил слушателям новую музыкальную видео композицию, Сон АТА, за которую был награждён престижной премией. На музыку Андерсена поставлен спектакль «Маленький принц», создано много известных произведений.

Галина Дюмонд рассказала историю создания новой книги «После полуночи». Книга издана по инициативе мужа поэтессы, Ю. Ю. Дмитриева, известного российского учёного мирового класса в области физики. Супруги познакомились в годы учёбы в Ленинградском университете в 1960 году и на всю жизнь сохранили круг студенческих друзей. К великому сожалению, Юрий Юрьевич трагически погиб три года назад, но осталось ощущение его присутствия на презентации – он выбирал ткань для будущего платья и ожерелье. Галина Дюмонд предстала на вечере в новом блестящем платье, которое, как и все праздничные наряды, она сшила своими руками. Любимому мужу посвящено много стихов, прочитанных на вечере:

Где-то – там...

«Люблю...»

Наливное, благоуханное,
яблоко словно,
на губах моих вызревает.
Обволакиваемое дыханием влажным
срывается нежное,
летит потихонечку, тает
сумерками ультрамариновыми
где-то – там
мотыльком легкокрылым,
лепестком ароматным
ко губам, ко твоим приникает,
где-то – там...

Вместе с любимыми верлибрами Дюмонд прочла известное стихотворение «Александр».

С поздравительным словом выступила Людмила Фёдорова – составитель, оформитель и издатель новой книги и других книг Галины Артамоновны, давний друг поэтессы. Редактор новой книги – С. М. Виноградова, профессор СПб университета, зав. кафедрой истории и теории международных отношений. Предисловие книги написано А. Михайловым и Г. Муриковым, дана основная оценка творчества поэтессы.

Дюмонд Галина Артамоновна (урождённая Аншукова, по мужу Дмитриева) – поэт, прозаик, драматург, переводчик. Родилась 19.10.1937 года в с.Усть-Цильма Коми АССР в русской семье, отец – шкипер, мать – школьная учительница. С 1955 года Галина живёт в Ленинграде. В 1963 году закончила физический факультет ЛГУ и одновременно курсы по теории стихосложения при ф-те журналистики. Не все знают, что поэтесса работала по специальности физик-спектроскопист в СКБ «Буревестник», НИИ ВСЕГЕИ и МНТК «Механообр», имеет научные труды. Галина Дюмонд член СП России с 1998 г. (лит. псевдоним с франц. означает: «Та, которая из мира сего»). Писать стихи начала в университете, первая публикация в 1986 году. Много выступала со стихами, в том числе в Стокгольмском и Лундском университетах (Швеция), публиковалась в журналах «Русский мир», «История Петербурга», в альманахах «Медный всадник», «День русской поэзии», «Невский Парнас» и многих других.

Особенностью творчества поэтессы является внутренняя цельность, – отмечают критики. В каком бы жанре она не выступала (стихи, проза, драматургия) – неизменно сохраняет постоянство духовного содержания, которое раскрывается по-новому в каждом произведении, обнаруживая прежде скрытые грани. Эту особенность Виктор Соснора назвал «парадоксом Дюмонд». Единство и многоплановость позволили Галине обрести максимальную свободу самовыражения, необычную лёгкость, включая развитую и раскованную систему интонаций, метафор, инверсий и т.д. (стих-е «Гвоздика на снегу»):

Видно, я проклята Богом
И мне уготован ад,
Кто же подаст мне руку
Пропастью самой над?»
1992

На новом витке исповедания Галина закономерно пришла к жанру верлибра, который она называет «возлюбленным», к созданию сложной и изысканной формы, как венок сонетов («Венок Айседоры» переиздан в сб. «Звезда-подранок», 2004). Литературные критики отмечали своеобразную «игровую» природу поэзии Дюмонд (М. Яркова) – её любовь к театрализованым формам даже в исповедальных стихах («Гардемарин»):

Я хотела бы присесть на гнилую корягу,
Чтоб туман меня скрыл с головой,
И давнишнюю рану на сердце лелея,
Поскулить на высокую в небе,
Повыть на луну,
Пока сквозь туман
Горизонт не пробьётся, алея.

В своей рецензии Надежда Полякова отметила у Дюмонд необычайное сочетание русского речитатива с европейским верлибром. Поэтесса входит в тайники народной души. Её прихотливые верлибры по духу напоминают фольклорные жанры, близость к народному мироощущению чувствуется и в прозе: в сборнике «Красною кистью рябина зажглась» (1993) рассказы и зарисовки, изображение людей «из народа» можно отнести к «деревенской» прозе. Но Галина Дюмонд делает героев неожиданно фантастическими, отстранёнными от традиционного реализма, и это – один из путей раскрытия подлинной действительности, её потаённый мистический смысл.

Поэзия Дюмонд полна оттенков художественного импрессионизма, исполнена постоянного присутствия какой-то загадки, подспудных движений мысли и чувства. В своих произведениях она сочетает остроту драматического конфликта, элементы сатиры и трагического начала. Жизнь вне её трагических основ невозможна, подчёркивает автор.

С 1992 г. Галина Дюмонд издала 13 книг. Кроме того, переводила с английского, немецкого и французского, совмещая деятельность издателя и редактора (главный составитель и редактор сборника переводов «От Гёте до Калау», 1999 и «Стихи Петра принца Ольденбургского, 2002).

На вечере прозвучали песни Галины Дюмонд в исполнении давнего друга поэтессы Дмитрия Пангина – поэта и певца, руководителя группы «Бродячий оркестр». С танцевальной композицией в стиле танцев Дункан с монологами стихов выступила танцовщица Юлия Тагали, руководитель студии «Музыка, образ, танец», коллективу исполнилось 10 лет творчества. Несколько песен на слова Г. Дюмонд исполнила известная певица Ирина Скорик – исполнительница русских романсов и духовных песен.

Многожанровым выступлением запомнился Андрей Ефремов – певец, пианист, танцовщик, известный на эстраде СПб как «Белый принц». Он исполнил танец под любимую мелодию Галины Дюмонд «Маленький цветок» С.Буше и классическое итальянское танго. В его исполнении прозвучал известный романс Г. Дюмонд «Не возвращайся...». В репертуаре Ефремова – шедевры мировой эстрадной музыки, он исполняет на 12 языках, поёт сонеты Шекспира на музыку Таривердиева, был ведущим певцом и танцором в оркестре Лунгстрема.

С поздравительным словом выступили друзья поэтессы: научные сотрудники НИИ О. Раевский, И. Ю. Горина (в книге представлена её графика), А. Богданович – доктор технических наук, также члены СП России Екатерина Шантгай, писатель И. Данилов-Ивушкин, Марина Ермошкина, Алина Мальцева, Юрий Баладжаров, и многие другие.

В новой книге поэтессы Галины Дюмонд «После полуночи» собраны её любимые произведения, в которых, как и во всём её творчестве, отражается любовь и трепетная сопричастность ко всему живому в этом мире.

Присоединяясь к пожеланиям всех гостей, желаем поэтессе здоровья и вдохновения, новых выступлений и поэтических встреч!

POST SCRIPTUM. 19. 10 2017.

*Авторы и издатели всероссийского журнала «Новый русский журнал» ("с топором") и участники заседаний Секции критики Союза писателей России от всей души поздравляют дорогую Галину Артамоновну с ее **Н-летием** и желают творческих успехов и блистания на наших встречах,*

*И то и сё. Ни то ни сё
В частности, любопытное ИЗ ИСТОРИИ*

АШУРБАНИПАЛ

(669-630 гг. до н.э.).

*Ашшурбанипал в виде строителя храма.
Стела из Вавилона. 669—665 гг. до Р. Х.*

Последние Ассирийские цари

Асархадд́н – царь Ассирии, правил приблизительно в 680 – 669 годах до н. э. Сын Синаххериба и энергичной и властной Накии...

Ашшурбанипал – царь Ассирии с 669 года (после внезапной смерти своего отца **Асархаддона, царя царей**) до 635 года до н.э.

До вступления на престол царевич, согласно традиции, руководил службой разведки и строительными работами. Его можно по праву отнести к самым образованным из ассирийских царей. В детстве он учился не только стрелять из лука и править колесницей, но и клинописи, основам ассиро-вавилонской науки и литературы.

Царствование Ашшурбанипала отмечено напряженной борьбой с соседними государствами и анти-ассирийскими коалициями, и хотя он был искусным дипломатом, это не мешало ему проявлять такую же жестокость, какую проявляли и другие ассирийские цари, он сжигал и разорял города и целые страны, уводил в полон десятки тысяч жителей, убивал воинов и царей не только на поле боя, но и после победы. Но несмотря на победы, Ашшурбанипал оказался **последним** могущественным царем Ассирии. И несмотря на разорение чужих городов, стран и народов, ассирийский народ ныне насчитывает только несколько десятков тысяч человек на Кавказе, в Малой Азии и в России.

Отец его известен читателю благодаря стихотворению Брусова, а сам он вошел в историю как собиратель древних письменных памятников.

В старости он все больше времени проводил в своей любимой Ниневии в занятиях литературой и искусством. О заключительных годах его правления сохранились путаные известия. Кажется, у Ашшурбанипала начались распри с его сыновьями. (Как это знакомо по жизни всех, кто более **занят собой**, чем семьей и друзьями!).

Клинописная библиотека (около 20 000 табличек), которую он собрал в своем дворце в Ниневии, и которая была отрыта археологами в 19-м столетии в толще земли, камней и пепла, содержит богатый материал по всем областям общественной и государственной жизни Ассирии, в том числе и по дипломатии.

Возможно, он был менее жесток, чем другие, во всяком случае, он был их культурнее и был писателем и поэтом – только это и позволило ему занять достойное место в Истории.

В. И. Чернышев. ПОЭТ И ЦАРЬ

В табели о рангах Соломона на первом месте стоит царь, затем военачальники, поэт занимает *почетное 14-е место*.

Возможно, в ближайшие годы еще не наступит Конец света, и мы передвинемся выше, но то, что влачим такое жалкое существование и в сознании черни (а других слишком мало) и в общественном положении, историю человечества делает жалкой и постыдной. Книги читают немногие, да и то на протяжении столетий популярны были рассказы о подвигах павших женщин, вдруг восплававших любовью к Богу (как Мария Египетская), или предводителей безжалостных войск, или покорных божьих рабов.

Даже гениальный Толстой сетует на то, что другому русскому Гению, Пушкину, поставили памятник за его «любовные стишки». Это ли не позор?

Но еще не все в мире плохо. Вчера я купал глазные капли, требовал самые дешевые, все равно какие, девушка-провизор порывалась поставить меня в аптеке в угол (возможно, аукается то, что я их отправлял в угол, когда работал учителем), но после того как я сочинил и подарил ей стихотворение, согласилась придти на свидание. Так что еще не всё мы проиграли, и они и сами еще и пишут и читают стихи, и нас вдохновляют, и даже если произойдет одичание, или мы станем листьями на чьем-то древе (о, как ненавистно большинству сознание себя самобытной личностью!), но останется глина, и мы еще заново изобретем клинопись, и наши стихи и послания на глиняных табличках прочтет после нас новый Поэт.

Рылеев предлагал истребить всех царей, он был неправ, некоторые сознали ничтожность царского могущества и славы еще при жизни.

Валерий Брусов

"Ассаргадон"

(Ассирийская надпись)

Я - вождь земных царей и царь, Ассаргадон.

Владыки и вожди, вам говорю я: горе!

Едва я принял власть, на нас восстал Сидон.

Сидон я ниспроверг и камни бросил в море.

Египту речь моя звучала, как закон,

Элам читал судьбу в моем едином взоре,

Я на костях врагов воздвиг свой мощный трон.

Владыки и вожди, вам говорю я: горе.

Кто превзойдет меня? Кто будет равен мне?

Деянья всех людей - как тень в безумном сне,

Мечта о подвигах - как детская забава.

Я исчерпал до дна тебя, земная слава!

И вот стою один, величьем упоен,

Я, вождь земных царей и царь - Ассаргадон.

17 декабря 1897

**Послание Ашшурбанипала к знатым людям
Вавилона, Элама и Халдеи.**

"Я пребываю в добром здравии. Да будут ваши сердца по сему случаю преисполнены радости и веселья. Я обращаюсь к вам по поводу пустых слов, сказанных вам лживым человеком, именующим себя моим братом. Я знаю все, что он говорил вам. Все его слова пусты, как ветер. Не верьте ему ни в чем. Я клянусь Ашшуром и Мардуком, моими богами, что все слова, произнесенные им против меня, достойны презрения. Обдумав в своем сердце, я собственными моими устами заявляю, что он поступил лукаво и низко, говоря вам, будто я "намереваюсь опозорить славу любящих меня вавилонян, так же как и мое собственное имя". Я таких слов не слышал. Ваша дружба с ассирийцами и ваши вольности, которые мною установлены, больше, чем я полагал. Не слушайте ни минуты его лжи, и не грязните вашего имени, которое не запятнано ни передо мною, ни перед всем миром. Не совершайте тяжкого греха перед Богом... Имеется еще нечто такое, что, как мне известно, вас сильно тревожит. "Так как, - говорите вы, - мы уже восстали против него, то он, покорив нас, увеличит взимаемую с нас дань". Но это ведь дань только по названию. Так как вы приняли сторону моего врага, то это уже можно считать как бы наложенной на вас данью и грехом за нарушение клятвы, принесенной богам. Смотрите теперь и, как я уже писал вам, не порочьте вашего доброго имени, доверяясь пустым словам этого злодея. Прошу вас в заключение как можно скорее ответить на мое письмо. Месяц Аир, 23 числа. Грамоту вручит царский посол Шамаш-Балат-Суикби".

Стихи о старости

"Богу и людям, живым и мертвым, я делал добро.
Почему же болезнь, сердечная скорбь, бедствие, погибель
привязались ко мне?
Не прекращается в стране война, а в доме раздор.
Смута, злословие постоянно ополчаются на меня.
Дурное настроение и болезнь тела сгибают мою фигуру.
Среди вздохов и стонов я провожу дни"

Васильцов Владимир Николаевич

БОГ ЕСТЬ

Об авторе

г. Тихорецк, 56 лет, высшее образование.

Капитан запаса

Читатель уже знает, что думают о Боге философы, писатели, богословы, епископы, отцы церкви и апостолы. Но что думает о Боге живущий рядом с нами повседневный человек, этого не знает даже Редактор, претендующий на редактирование мира.

Точно также мы знаем, как воевали полководцы и маршалы, начальники штабов и победоносные генералы (по их воспоминаниям), от писателей мы узнаём, как воевали придуманные не существовавшие люди – но как воевали солдаты, что они чувствовали, что думали? Отчасти об этом знаем по очеркам солдат, которые решился когда-то поместить в «Новом мире» Твардовский.

Поэтому отныне будем помещать в нашем журнале не только статьи и рассказы профессионалов, придумывающих жизнь более реальную, чем та, которую мы все переживаем, но и сочинения и рассуждения живых людей о той жизни, в которой они действительно живут. Пусть даже эти сочинения во многом наивны, но зато поучительны.

Впрочем, не смогу удержаться, чтобы и это сочинение в конце не прокомментировать., ибо *«во всякой бочке должна быть затычка!»*

Редактор

Бог есть!

(печатается с сокращениями. В квадратных скобках примечания редактора.)

Чтобы осознать, что Бог есть, не обязательно его увидеть.

В шестнадцатом веке [1473 –1543] Нашей Эры жил человек, которого звали Николай Коперник. Не видя ни нашу планету, ни солнечную систему со стороны, только с помощью рассуждений, он пришёл к выводам, что Земля имеет форму шара и вращается вокруг своей оси и Солнца. Точно так же как Коперник, не видя предмета исследования, можно рассмотреть любой вопрос, в том числе и о существовании Бога. [Но Коперниканская революция только началась с Коперника, даже для астрономов она утвердилась лишь после трудов Тихо Браге и Кеплера, 17 в., церковью же была признана лишь в середине 19 века.]

Второе: сами размышления очень напоминают метод, который используют в своей работе сыщики. Для того, чтобы прийти к правильному решению, они собирают как можно больше фактов по криминальному событию. ... если удаётся найти много доказательств, то они как стрелки компасов указывают в одну сторону. Ещё это напоминает игру в пазлы. Один пазл, как и один факт, мало о чём говорит, но совокупность их при правильной расстановке открывает скрытое изображение. Так вот, анализируя вопрос о Боге, я сделал то же самое, что и сыщики или игроки в пазлы. Я нашёл много косвенных и прямых доказательств, которые указали в одну сторону, или как правильно собранные пазлы позволили увидеть ясную картину. Итак, перехожу к их изложению:

1. Монахи.

На нашей планете, как и в нашей стране, живут странные люди под названием монахи. Они, образно говоря, хоронят себя заживо ради служения Богу. Вступая на путь монашества, монах отказывается от всех удовольствий жизни: секса, интернета, телевизора, сигарет, алкоголя, музыки (кроме духовной), изысканной пищи (еда самая простая и в небольшом количестве), отдыха на море и т. д. Из имущества у него только простая одежда и кровать в общей келье. Распорядок дня примерно такой: 8 часов молитвы на службах, 8 часов работы и 8 часов сна. И всё это без выходных и отпусков. То есть добровольная пожизненная каторга. Чтобы понять кого-то, нужно мысленно поставить себя на его место. Что и делаю. Допустим, я сам поддался духовному порыву и стал монахом. Проходит год, два, три. Если Бога нет, то рано или поздно меня, равно как и любого другого, посетят следующие мысли: «Вот я нахожусь в монастыре достаточно долгое время. Бога никак не ощущаю. Ничто не говорит мне о его существовании. Зачем я здесь? Зачем хороню себя заживо?» И, естественно, как любой нормальный человек, покину монастырь, благо, выход оттуда ни для кого не закрыт. Но что же мы наблюдаем в действительности? Все монахи за редким исключением до конца жизни остаются верными своим убеждениям. Что же удерживает их на этом пути? ... Мой отец был иеромонахом (то есть священником и монахом

одновременно), и я восемь лет помогал ему, был во многих монастырях, видел многих монахов, и обратил внимание, что они обладают огромной внутренней силой. Значит, кто-то удерживает, вселяя уверенность, что усилия и самопожертвование не зря. И этим кто-то может быть только Бог.

2. Свидетельства великих монахов.

Среди монахов есть ряд людей, которых иначе как великими назвать нельзя, поскольку тот жизненный путь, который они прошли, вызывает просто изумление. Одним из таких был Серафим Саровский (1754 – 1833). Не буду рассказывать о его духовных подвигах, о нем написано достаточно много книг. Скажу коротко – вся жизнь его была духовным подвигом. А в конце её слава о нём прошла по всей России, и каждый день к нему приходило несколько тысяч людей, чтобы хотя бы издали посмотреть, как выглядит этот Серафим. Разумно предположить, что человек, положивший свою жизнь на алтарь служения Богу, должен был бы жить по его законам, и если один из них гласит: «Не лжесвидетельствуй», то есть смысл доверять ему. Так вот, он утверждал, что ему шесть или семь раз в течение жизни являлась Богородица ... и назвала его своим любимцем. И один раз явился Иисус Христос. Нет смысла не доверять и другим великим монахам, коих достаточно большое количество, которые сподобились увидеть наяву представителей Высших Сил.

3. Свидетельство моего отца..

Моему отцу было далеко до великих монахов, но личностью он был неординарной. Имел два высших образования, 14 лет отслужил в армии, какое-то время гастролировал с сольными юмористическими концертами. До своей смерти, а умер он в возрасте почти 89 лет, был энергичным, работоспособным, обладал замечательным чувством юмора, хорошим музыкальным вкусом, сам водил машину и всегда был полон всевозможных планов. Один из его недоброжелателей сам того не понимая сделал ему комплимент, написав о нём следующее: «Отец Трифон в преклонных годах, но с неуёмной энергией». Монахом и священником он стал в довольно позднем возрасте, примерно в 71 год. За год до принятия этого кардинального решения в своей жизни переехал на постоянное место жительства из Воронежской области в село Дивеево Нижегородской области. Село Дивеево является очень необычным. В нём находится огромный женский монастырь, в котором большую часть жизни прожил Серафим Саровский. Вид монастыря грандиозный. Даже атмосфера этого места кажется особенной и очень приятной. По словам Серафима Саровского этот монастырь находится под особым попечением Богородицы. Практически сразу после переезда в Дивеево с моим отцом произошло событие, которое сильно изменило его жизнь. К нему в домик, где он жил, явилась Богородица. Через год после этого события он стал монахом и затем священником. Известно, что Мать Иисуса Христа имеет множество ликов, их десятки. Когда она явилась, он не знал что это за образ. Немного позднее он увидел его в храме на въезде в Арзамас со стороны Дивеева. Это была Адигитрия Смоленская, её ещё

называют Путеводительницей. Так вот, с того момента, как он стал монахом, вся его жизнь прошла, образно говоря, «на колёсах». Мы с ним объездили практически всю Россию вдоль и поперёк. Зная своего отца достаточно хорошо и видя, насколько он был верующим, допустить, что он соврал насчёт явления ему Богородицы, не могу.

Что интересно, физически я был значительно сильнее его, но иногда мне казалось, когда со стороны смотрел на этого полностью седого в чёрной мантии старца, что передо мной не человек, а огромный, опалённый каким-то невидимым огнём жизненных испытаний старый орёл. Он излучал невероятную силу и энергию. В этот момент я чувствовал себя рядом с ним пигмеем, и мне вспоминалось следующее. Когда он ещё не был монахом, но уже жил в Дивееве, часто посещал Санаксарский монастырь, который находится на расстоянии примерно 70 км от Дивеева по направлению к Саранску. В этом монастыре жил в то время очень почитаемый и любимый у местного народа старец Ироним. Когда бы я ни приезжал в этот монастырь, то видел, что у его кельи всегда толпился народ. Все хотели поговорить, посоветоваться именно с ним. Говорили, что он имел дар прозорливости. И мой отец, как и многие другие люди, попросился к нему в духовные чада. И он взял его. Видимо, предсказывая моему отцу его дальнейший жизненный путь, он как-то сказал ему: «Люди переходят огненную реку вброд, а монахи перелетают как орлы». Под огненной рекой он подразумевал рубеж, который должен перейти каждый после завершения жизни. И многие его не проходят, потому что, по словам Иисуса Христа: «Ничто нечистое не войдёт в Царство Небесное», а для монахов (естественно, и для монахинь) это даже не является рубежом. Видимо потому, что своим жизненным подвигом бескорыстного служения Богу и обществу они отбеливают свои души добела.

4. Мир учёных.

Среди учёных есть гениальные. Один из таких был Никола Тесла, который совершил тысячи открытий и утверждал, что все эти открытия получил свыше, а он их лишь только дорабатывал. А вот высказывания служителей науки. «Многие учёные верят в Бога. Те, кто говорят, что изучение наук делает человека атеистом, какие-то смешные люди» – Макс Борн. «Первый глоток из сосуда естественных наук делает нас атеистами, но на его дне нас ожидает Бог» – Карл Вайнер Гейзенберг. «Если вы мыслите достаточно сильно, то будете неизбежно приведены наукой к вере в Бога и увидите, что наука не враг, а помощница Бога» – Джозеф Джон Томсон. «Всякий, кто серьёзно занимается наукой, убеждается в том, что законы Вселенной несут на себе отпечаток Высшего Разума, настолько превосходящий человеческий, что мы с нашими скромными возможностями должны благоговейно склониться перед ним. Я не смогу себе представить настоящего учёного, который не обладал бы глубокой верой. Это можно выразить и так. Нельзя верить в безбожную науку. Религиозное чувство, имеющее некий космический исток, в научных исследованиях переживает особенно остро. Без сомнения, это чувство сильнее всего ощущали первые создатели научных концепций. Научное, рациональное понимание строения

Вселенной даёт самое глубокое чувство веры» – Альберт Эйнштейн. Обратите внимание, физик Эйнштейн и другие деятели науки пришли к такому убеждению, не видя Бога, а только благодаря аналитической деятельности своего ума, так же, как сделал свои выводы Коперник. К перечисленным учёным можно присоединить Ньютона, Джоуля, Паскаля, Флеминга, Эдисона, Ампера, Лейбница, Ломоносова, Павлова, Менделеева. Хочу привести ещё высказывание одного из них: «Физика своей вершиной восходит к математике (потому, что все физические законы описываются математическими формулами). Математика своей вершиной восходит к философии (поскольку стройность и гармоничность математики заставляет задуматься о смысле жизни). А философия – к религии». Как говорится, все дороги ведут в Рим. Наполеон Бонапарт не относился к миру учёных, но даже этот узурпатор в конце своей жизни пришёл к поразительному открытию: «Я и подобные мне завоеватели неоднократно пытались завоевать весь Мир, принося в жертву своему стремлению миллионы человеческих жизней. И ничего ни у меня, ни у них не вышло. А Иисус Христос со своего креста завоевал весь Мир всего лишь одной любовью».

5. Свидетельства обыкновенных людей.

Необычных, а иногда невероятных случаев, произошедших в жизни обыкновенных людей, очень много. Настолько много, что несколько священников, в том числе и мой отец, издали книги, посвящённые описаниям этих невероятных событий, которые иначе как чудесами назвать нельзя. Конечно, описать даже небольшую их часть в рамках данной статьи невозможно. Но привести в качестве примера хотя бы несколько надо.

Один из таких произошёл 31 декабря 1955 года в городе Самаре по улице Чкалова, дом № 84 и носит название в народе, как «Стояние Зои». Молодая девушка Зоя Карнаухова решила выбрать в качестве кавалера икону Николая Угодника и танцевала с ней. В результате такого кощунства она окаменела и в неподвижном состоянии простояла 6 дней. Произошло это во времена коммунистического режима, поэтому, чтобы скрыть этот невероятный факт, дом, в котором это случилось, был взят под охрану милицией, что подтверждали даже представители власти и люди, являющиеся по своим убеждениям атеистами. Правда, некоторые из последних утверждали, что находилась она в таком состоянии не потому, что окаменела, а это был всего лишь кататонический ступор. Но ее не могли переместить в больницу, пытались даже рубить пол в комнате, где она стояла, но ничего не вышло. Поэтому и установили милицейскую охрану, которая не пускала никого в дом, пока эта девушка не вернулась в своё нормальное состояние.

Вот ещё один случай. Рассказала его одна женщина на передаче, посвящённой святой Ксении Петербургской. Один раз в семье произошёл несчастный случай. Её двухлетняя дочь по недосмотру проглотила несколько сильнодействующих психотропных таблеток и стала умирать. Родители срочно отвезли её в больницу. Там ей сделали промывание желудка, но состояние ухудшалось. Повезли в другую, более технически оснащённую клинику. При подъезде к ней ребёнок был уже в предсмертном состоянии. И

тут в окно медицинского узика эта женщина увидела идущую босиком по снегу (дело было зимой) Ксению Петербургскую в виде, какой её обычно изображают на иконах. И Ксения говорит ей: «Раздень и положи девочку в снег». Я отвечаю: «Но она же умрёт?» Разговор происходил мысленно. Она в ответ: «Она всё равно уже почти умерла». «В этот момент мы подъезжали – продолжала рассказывать женщина – и я стала раздевать ребёнка. Больше всего боялась, что муж станет спрашивать, зачем я это делаю, препятствовать, а у меня сил на тот момент практически уже не было, чтобы что-то объяснить и убеждать. Но он к моему удивлению молчал, как будто кто-то закрыл ему рот. Когда мы вышли из узика, я сразу положила ребёнка в сугроб. Через несколько секунд девочка пришла в себя и пописала». Вместе с мочой вышла часть яда, и врачам удалось её спасти.

Вот ещё один случай. Одна женщина практически спилась. Дошла до того, что сутками не появлялась дома, проводя время в компании пьяных бомжей. Ни уговоры мужа, ни наличие в семье ребёнка никак на неё не действовали. Один раз, возвратившись домой после очередного загула, попыталась обнять свою пятилетнюю дочь. А та, отстранившись от неё, плюнула ей в лицо. Это подействовало отрезвляюще. Как она рассказывала, ноги сами понесли её в храм. И там, стоя перед иконами, вдруг стала непроизвольно рыдать. После этого она бросила пить, устроилась на работу и вернулась к нормальной жизни.

А этот случай произошёл с моим отцом и мной зимой 1997 года. В мороз за тридцать градусов мы поехали в Арзамас и там, когда уже на обратном пути выезжали из города, наша машина сломалась. Я сижу и думаю, что же делать? Мороз большой, двигатель стынет мгновенно, солнце садится, темнеет, ни одного автомобиля, ни пешехода, как будто вымерло. Мысли бегут быстро. Единственный вариант, пришедший в голову – бросать машину, идти в центр и пытаться найти там гостиницу. А до центра не меньше километра, одеты мы не очень тепло, ситуация неприятная. И тут вижу – мой отец (он тогда ещё не был иеромонахом) спокойно молится и крестится. С удивлением думаю: «Нашёл время, сейчас нужно действовать и быстрее, молитва машину не отремонтирует». И тут смотрю, прямо к нам через дорогу со стороны ближайшего частного дома идёт женщина. Подходит и говорит: «Я смотрела в окно и вижу, у вас что-то случилось. Чем я могу помочь?» Мы объяснили ей. Она пригласила нас к себе. У неё во дворе оказался пустой гараж. Прямо как в сказке. Машину затолкали туда. Переночевали, а утром отбуксировали авто на техстанцию. Как это объяснить? Молитва – и сразу за ней последовавшая помощь. Случайность? На сегодняшний момент мне 56 лет, и мой жизненный опыт подсказывает, что ничего случайного не бывает (во всяком случае, что касается важных или критических моментов). Объяснить с точки зрения науки все эти описанные мной случаи, как и миллионы других подобных, конечно же, нельзя. Поэтому атеисту остаётся только развести руками и сказать: «Этого не может быть потому, что не может быть никогда». Но это позиция страуса, засунувшего голову в песок.

6. Мой личный опыт.

Конечно же, мой опыт убеждает в первую очередь меня, но я надеюсь, что найдутся те, кто поверит, как говорится, «на слово». В моей жизни произошло достаточно случаев, доказывающих существование Высших Сил. Вопрос «Верю или нет?» является давно пройденным этапом. Я знаю, что они есть. Причём, на протяжении последней двух десятков лет я чувствую, что они всегда рядом и постоянно напоминают о себе, чтобы не забывал о них.

.....

Один раз, когда в 1990 году впервые прочитал «Евангелие», приснился удивительный сон. Как будто нахожусь в лодке посреди моря. Вода такая тихая-тихая, солнце светит, но не ярко, как летом, а очень приятно. И так хорошо в этой лодке сидеть, спокойно, умиротворённо, волшебно, на душе так сладко. И тут вижу берег, а он как в дыму, в полумраке, полумгле. И приходит понимание, как будто мне кто-то говорит, но без слов, мысленно, что здесь в лодке Рай, а там, на берегу наша текущая жизнь. И тут просыпаюсь. С изумлением думаю: «Неужели всё так плохо?» И как-то не верится и не хочется думать, что это так. Но в течение всей последующей жизни до сегодняшнего дня постоянно убеждаюсь, что именно так мы все и живём – в полумгле. Точнее, в предрассветной полумгле, так как рассвет неизбежно наступит.

Много раз у меня были вещие сны. Например: вижу во сне железную дорогу, которая проходит прямо под окнами моего дома и уходит куда-то вдаль. И какая-то грусть накатила. В этот же день получаю вызов и через пару дней уезжаю из родного южного города Туапсе в далекий северный Магадан.

.....

7. Мироточение икон.

Иногда на иконах появляются капельки очень приятно пахнущей жидкости. Запах мира у каждой иконы свой, необыкновенно приятный и может напоминать запах розы, лаванды, цветущих деревьев, земляники, полевых цветов и т. д. В России мне известно два места, где мироточат иконы. Одно находится в Клину. Это небольшой городок, расположенный примерно на расстоянии 90 км от Москвы по дороге в Санкт-Петербург. Если ехать со стороны Москвы, то перед знаком, обозначающим начало населённого пункта (белая прямоугольная табличка, на которой чёрными буквами написано «Клин») к главной дороге справа примыкает второстепенная, которая ведёт в военный городок. В этом городке нужно спросить, где живёт Валентина Жукова. Там её знают все. Ароматы уже слышны перед дверью. В самой квартире более 500 икон. Все стены заставлены ими от пола до потолка и даже в коридоре. Под некоторыми стоят поддоны, в которые стекает миро. В первое время, когда у этой женщины это началось, народ стоял в длинной очереди, чтобы посмотреть на это чудо. Возможно, кто-то скажет: «Да это она сама брызгает иконы духами». ... Но раздаёт она миро за день литрами. Мне, например, дала около 50 миллилитров, а моему отцу около 150. Нетрудно подсчитать, что траты на духи надо были бы баснословны и неподъёмны даже для успешного бизнесмена. И потом, нужно учитывать личность самого

человека. Эта женщина известна как глубоко верующая прихожанка местного храма. А мироточение началось, когда она по просьбе священника вышла из храма плащаницу.

Второе место находится в посёлке Локоть, Брасовского района, Брянской области у Виктора Владимировича Ремизова и Натальи Николаевны Мурашкиной. К ним организованы специальные паломнические поездки. Конечно, это не единственные случаи мироточения. Но посетите хотя бы эти два места.

8. Возникновение жизни и её эволюция.

[Длинные рассуждения о ДНК я опускаю...] ...Очевидно, эволюция (если таковая существует) не зависит от желаний или нежеланий эволюционирующих. Значит, развитием всего живого кто-то или что-то управляет. Что-то – это нечто неодушевлённое. Неодушевлённое не может управлять одушевлённым. Поэтому остаётся кто-то, и кто этот кто-то, думаю, уточнять не надо.

Но существует ли сама эволюция? Со школьной скамьи нас учили, что все живые существа произошли от случайно возникшей клетки. Допустим это так, но куда же тогда подевалась эта самая эволюция? На протяжении как минимум нескольких последних тысячелетий кроме как в сознании человека нигде не наблюдается. Получается, что в какой-то момент она внезапно остановилась и исчезла. Микроб как был микробом, так и остался им, муха – мухой, крокодил – крокодилком, обезьяна – обезьяной. Эволюция, где ты? Ау! Отзовись! Доведи хотя бы собак и кошек до уровня сознания человека. Дело ещё и в том, что доказательств происхождения человека от обезьяны, как и того, что все живые организмы произошли от случайно возникшей клетки, нет. Это всего лишь предположения и не самых гениальных учёных. А гипотеза о возникновении ДНК посредством случайных химических реакций, объединительных и самодостраивающих процессов не выдерживает критики. Но в случае отсутствия эволюции, вывод о божественном происхождении Мира только ещё более подтверждается.

Бог иногда обращается к людям через поэтов и писателей, возможно потому, что художественное слово обладает большой силой воздействия. Мне нравится одна такая мысль французского автора книги «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери, которая лаконично подводит итог всему сказанному о возникновении жизни и её эволюции: «Если звёзды закипают – значит это кому-то нужно». А камни сами в здание выстроиться не могут.

9. Учение Иисуса Христа.

Если вдумчиво читать Евангелие и анализировать слова Иисуса Христа, то понимаешь, что ...учение его значительно опережает время, и некоторые высказывания большинство людей не понимает даже сейчас, в наш современный век. [Многие не понимают простые математические формулы.] Вот, например, почему Иисус Христос говорил: «Кто ударит тебя по левой щеке, то подставь и правую?» Более того, он призывал любить ударившего тебя: «Любите врагов ваших, благословляйте прокливающих вас,

благодарите ненавидящим вас, молитесь за обижающих и гонящих вас». Подавляющее большинство не ответит на этот вопрос. Ясного понимания нет даже у многих священников. И вы думаете, что 2000 лет назад, когда человеческая жизнь не стоила копейки, когда людей прибивали гвоздями к деревянным крестам, или как Нерон обливали смолой и поджигали, когда по приказу царя Ирода в государстве умертвили всех детей в возрасте до одного года, ..., нашёлся бы кто-нибудь из этих **полудикарей**, кто сказал бы: «Если тебя ударят по левой щеке, то подставь и правую?» Да это кажется неестественным **даже** для современного человека [который в Европе по приказу Гитлера истребил всех евреев]... Если вас кто-то оскорбит, ударит, ограбит, то тут же возникает желание нанести «ответный удар». Почти все за свою жизнь переживают не один конфликт, и никто в этот момент не думает, нужно ли подставлять другую щеку. Между тем этим важным в учении Спасителя словам есть логическое обоснование, и оно лежит в контексте других его высказываний: «Не то, что входит, оскверняет человека, а то, что исходит от него: прелюбодеяния, убийства, воровство и т. д. Суждено прийти в Мир злу, но горе тому, через кого оно приходит». Через каждого в Мир может прийти зло и добро. Если рассмотреть человека как источник, то представьте себе, если взять к примеру Россию, 150 миллионов источников, находящихся на дне моря. Через кого-то течёт чистая вода, через кого-то мутная, ... И все мы находимся в этой воде, которую сами же и создаём. Когда кто-то совершает зло, то тяжело приходится тому, на кого оно направлено, но, получив внешний ущерб, душой он остаётся чистым, если не наносит ответный удар. Самым пострадавшим будет тот, через кого это зло пришло, потому что оно оскверняет человека изнутри. .... Поэтому Иисус Христос учил не делать зла никому. И наоборот, когда вы делаете добро, вы приносите пользу себе и увеличиваете количество добра в Мире. И следует обратить внимание не только на свои дела, но и мысли. Злые, недоброжелательные мысли отрицательно воздействуют на человека потому, что они становятся причиной недобрых поступков. .... Все высказывания Иисуса Христа имеют *космический исток* [?], совершенно не соответствующий уровню сознания человека того времени [?]. ... С тех пор множество людей исповедуют эту религию. И это не случайно. *Слова Спасителя всесильны, потому, что они верны.* [Это говорил Ленин об учении Маркса.] ...Так же дело обстоит и с другими великими религиями, такими как буддийская, мусульманская, индусская. Исток у всех один, и суть одна, различия только в форме. И то, что эти религии наряду с христианской исповедует подавляющее большинство населения нашей планеты, говорит о том, что так же, как и монахов, Бог поддерживает верующих в их вере, давая почувствовать и осознать, что он есть. Но для того, чтобы это почувствовать, нужно, как минимум, сделать первый шаг. И это очень хорошо выразил Игорь Губерман:

«Всякую секунду, год и час,
Всё понять готовый и простить,
Бог приходит в каждого из нас,
Кто готов в себя его впустить»

[Многие защитники религии говорят, наоборот, о том, что человечество деградировало и развратилось. Неверно, что люди были большими дикарями две тысячи лет назад, когда в Античном мире существовала великая культура, даже на жалких остатках которой, после разгрома ее христианством, возникло в средние века Возрождение и Просвещение, когда литература и театр и математика и право и медицина и технологии к третьему веку нашей эры достигали уже значительной высоты, и то, что изучаем мы сегодня в школе на уроках физики и математики, по большей части было изложено в трудах Евклида и Архимеда, и даже отцы церкви жили в ту же эпоху. Разрушение Хиросимы, Дрездена, Берлина, Варшавы или, совсем недавно, Пальмиры, аналогично разрушению Содомы и Гоморры, Вавилона и Карфагена в древние времена. Естественнее считать, что ничего не изменилось, увы, и православная Русь была населена и праведниками и грешниками, и советская Россия, и времена бывали то более мрачными, то менее мрачными, то вся Европа покрывалась кострами преследований и Инквизиции, то к власти приходили гуманные и просвещенные цари.]

10. Деяния Спасителя.

Вряд ли сегодня нужно сомневаться в самом факте существования Иисуса Христа, ведь достаточное количество документов детально описывают не только его жизнь и родословную, но также жизнь его матери и учеников. Но совершил ли он те чудеса, которые описаны в Евангелии? Если у кого-то есть сомнения, то поставьте себя на место его учеников. Представьте, в вашем окружении появился незнакомый человек, который говорит вам: «Я – Бог. Бросайте свой дом, семью, родных, близких, работу, пойдёте со мной проповедовать Царство Небесное. Я вас всему научу и дам жизнь вечную».

.... [История сектантских движений говорит нам о десятках и сотнях новых учителей и пророков, за которыми идут миллионы людей, вот, например, религиозные террористы в Исламе, Белое Братство в 90-е годы, скопцы в 18-20 веках, мормоны, хлысты, недавняя секта в Воронежской области, где ее ревнителю замуровали себя в шахте, сторонники Дианетики и т.д. ...]

На этом можно подвести итог, поскольку всего написанного уже достаточно, чтобы сделать логичный вывод. Вектор всех приведённых мною фактов направлен в одну сторону, и все они, как соединённые пазлы, показывают ясную картину. Если предоставленные мною доказательства того, что Бог есть, кого-то не только не убедили, но даже не заставили задуматься над этим важным для каждого человека вопросом, то, думаю, приведи я ещё столько же, результат будет тот же. Об этой особенности некоторых людей у Иисуса Христа есть притча. Один богач попал в ад. И оттуда ему был показан Рай, где он увидел отца еврейского народа Авраама. И обратился к нему: «Отче Авраам, у меня в земной жизни остались пять братьев. Судя по тому, какой образ жизни они ведут, все будут здесь, в аду. Пошли им кого-нибудь из мёртвых, чтобы поверили, что Рай и ад существуют». Авраам ему отвечает: «У них есть Моисей и пророки, пусть их слушают. А если их не слушают, то даже если кого из мёртвых пошлю – не поверят». Также Спаситель говорил: «Имеющий уши – да слышит».

Осторожные комментарии редактора.

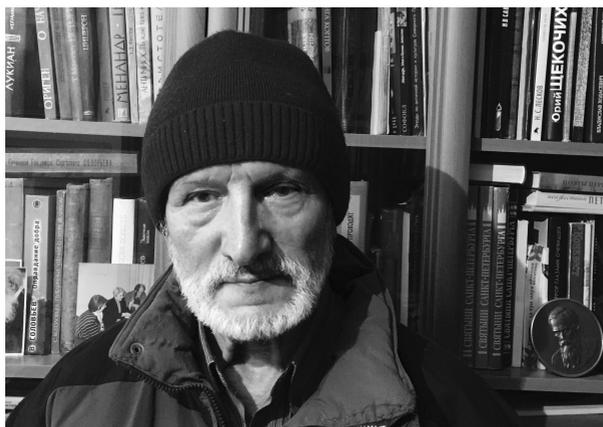
Хотя я спорю со многими, но я не имею своей целью ни склонения читателей к материализму и атеизму, ни к мистицизму и вере. Я ожидаю от журнала важных результатов как источника образования и просвещения, потому что хотя в школе мы и получили немалое количество сведений о тех или иных событиях истории и культуры, но дух истории и дух культуры мы плохо чувствуем. К тому же я сочувствую человеку, мне тяжело видеть его несчастным – может быть, он находит утешение в церкви? – пусть туда ходит. Другой утешается, слушая музыку, читая прекрасные книги, надеюсь, что мы ему помогаем вырабатывать вкус.

Какие бы взгляды ни исповедовал человек, необходимо учить его мыслить, необходимо совершенствовать его вкус и внутренний мир. Так стихи Пушкина не делают человека образованнее, но возвышают его.

Есть ли Бог – самый ли главный вопрос в вероисповедании, если Ислам означает *покорность*, а христианство и буддизм называются по имени своих основателей? Имеет ли большинство людей хотя бы смутное представление о божестве, о небесных силах, о инобытии и «том мире», который не от «этого мира»? И хотя бы смутно представляет ли себе человек, что такое воскресение, будет ли он после воскресения обладать телом, будет ли он «самим собою»? Очень многие, не будучи ни христианами, ни иудеями, ни исламистами, говорят, что верят, что есть некая сила, которая управляет миром, а Будда или Христос или Аллах – это только разные имена ее – тогда из-за чего же триста лет преследовали никониане старообрядцев? «И бесы знают, что Бог есть, знают и трепещут», говорит апостол Павел, – но они его не любят. И я вижу, что неизмеримо важнее содержание верований, чем признание того, что есть Высшая сила. В «Легенде» Ивана Карамазова Великий инквизитор заключил в тюрьму даже Иисуса Христа – разве он в него не верил? И разве иудеи не поклоняются Богу евреев, который ведь, безусловно, и есть Бог-отец, ему же поклоняются и Иисус Христос? Так что у меня нет оснований спорить с автором Заметок о существовании Бога, я и сам не сомневаюсь в том, что история мира не является набором хаотических случайностей или детерминированной последовательностью предопределенных событий, мир – это *Космос* (в античном смысле этого слова), но не Хаос, как это представляется большинству моих современников, верующие они или атеисты. Религиозное мирозерцание не означает, что надо соглашаться с апостолами, из которых Петр и Иоанн учили, что «вера без дел мертва», а апостол Павел учил, что «спасает человека только вера, а делами закона никто же не оправдается», к тому же и сам был гонителем христиан, Христос же явился ему уже после евангельских событий, однако именно Павел является основным источником христианской идеологии, тем более протестантизма.

Значит ли это, что я предлагаю человеку засесть на сто лет за изучение Священных Писаний разных народов? Нет. Основой этики у эллинов было представление о добродетельном человеке, которое передавалось из поколения в поколение, как говорится, через молоко матери – этого и достаточно, чтобы стать **человеком достойным** и жить так как надо. **А как надо?**

В. И. Чернышев
ИСТОРИЯ И ЖИЗНЬ
СТАТЬИ

13 декабря 2017, 14-14. Поводом к тому, чтобы именно сегодня начать писание статьи о моих отношениях с государством, послужила статья Александра Медведева в защиту государства и в порицание его противников и хулителей. Почти все я уже высказывал ранее, приходится повторяться, может быть, удастся сегодня мне мои возражения и оправдания привести в стройную систему. Одновременно некоторое внимание я уделю не только властителям наших тел, но и властителям душ, то есть церкви, богословию, Новому Завету, апостолам. Государственная власть, правда, не отделена твердой границей от власти духовной, не всегда сказать легко, душою или телом владеет следователь, судья, начальник тюрьмы и конвоя, царь и патриарх. Александр Васильевич нападает на таких деятелей российского просвещения и оппозиции, как Герцен, Салтыков-Щедрин, Солженицын (в скобках существуют и Пушкин, и Лермонтов, и декабристы, и Тургенев, и Некрасов, и даже Розанов вкупе с Ивановым-Разумником), противопоставляя им просвещенных чиновников и правителей «диетических эпох» вроде Александра Первого, Николая Первого, Александра Второго и Брежнева (в скобках можно означить Уварова, Победоносцева, Витте...)

Я – в оппозиции. Во-первых, к церкви и идеологии. Началось с того, что мне не понравилось заявление известного проповедника «Азь есмь истина», ибо еще в юности мне показалось, что *истина – это я* (если читатель вспомнит, что я «сидел в сумасшедшем доме»), то он не удивится моему заявлению. Впрочем, чтобы он продолжал читать меня без предвзятости, добавлю к сему, что в 2002 году я прошел в тюремном психиатрическом учреждении на Фонтанке, самом авторитетном в России экспертном учреждении по психиатрии, месячную тюремную экспертизу, по определению суда, и в результате признан нормальным, о чем получил справку за подписью авторитетнейших профессоров-экспертов – единственный из всех бывших «диссидентов» в СССР и единственный из современных и прошлых писателей. А многие ли из читателей смогут предъявить такую справку о своей нормальности какому-либо писателю, который усомнится или в их «адекватности» или в «адекватности» нынешних граждан нашей несчастной России?)

Итак, в юности мне показалось, что я чуть ли не самый умный (как Сократ), а потому понимаю мир лучше других. Но шло время, я еще более поуменел, и наконец понял, что хотя все мы стремимся к «познанию истинны», но монополия на истину, присвоенная церковью, политической партией, правящим режимом – самая опасная монополия, она лишает человека высшей свободы – духовной, права искать, сомневаться, размышлять, сравнивать, принимать и отвергать чужие взгляды – тем более что история нам показала и доказала, что множество непререкаемых истин, за сомнение в которых миллионы людей были убиты, канули в Лету. Вместо этого сомнительного утверждения, что я олицетворяю собою Истину, я усвоил некоторые более частные идеи, не ограничивающие свободу других. Ну, например, иногда я чувствовал, что мне нравится очаровательная Вера, или Надежда, или Любовь – и хотя иногда из-за этого другие их поклонники терпели ущерб, но все же никого не расстреливали из-за этого, и я сам, как ни странно, жив до сих пор,

ни Вера, ни Надежда, ни Любовь меня не зарезали, ни их другие поклонники (правда, как то внучка моя сказала, что на месте бабушки она бы меня зарезала, но все же, я надеюсь, сказано это было сгоряча). Иногда я восторгался Природой, иногда даже всем Мирозданием, особенно когда смотрел на звездное небо, испытывал восторг от музыки, поэзии, философии, и Культуры в целом.

Во всю мою жизнь я восторгался в том числе русским языком, русской литературой, многими удивительными русскими людьми (хотя восторг мой не замыкался только в русских рамках, любил я и французскую литературу, и немецкую музыку, и античную философию... но все же к России моя любовь была сильнее всего. И, наконец, вот эти чувства радости и благодарности к великой (хотя и несчастной) России я сформулировал кратко: *Я – русский!*

В этом восклицании было и то, что я именно русский, а не немец, и что я рад, что я русский, горжусь этим – но я никогда не хотел этим сказать, что русские лучше всех, или что я самый лучший русский, или единственный, или что кто-то, заявляющий, что он француз или чукча, в чем-то хуже меня. Естественно человеку гордиться своей семьей, детьми, любить их – но разве не естественно чувствовать неразрывную связь с Родиной и родным языком, со своим народом (при этом духовные основания такой связи первостепеннее кровных)? К несчастью, очень многие сожалеют, что они родились в России, бывали времена, когда я почти оставался один, чувствуя, что русский, а все остальные вдруг заявляли, что они *советские*, или граждане мира, или что это вообще пустое дело, сознавать свою национальную принадлежность, кто-то мне говорил так: вот, мол, я живу с Райкой, но не говорю, что я Райкин, а потом буду жить с Эльзой или Ингой, или в Англии или на Ямайке, ибо я гражданин мира. Я не спорю с ними, каждому свое. *Но я – русский.*

Иногда начинались распри по поводу того, что русские, мол, хуже всех (хотя я и сам вижу, что, увы, во многом можно упрекнуть русского человека), или что русский человек – это тот, который стоит на коленях перед Богом, или Партией, или Церковью, или Царем, или ... наступило ясное и горькое сознание, что многие русские стремились меня перевоплотить, что они отличались от меня даже больше немцев, чукчей, евреев, австралийцев, симптоканцев и других... я узнал, что русские делятся на два народа, и они принадлежат к одному, а я к другому, то есть я составляю собою второй русский народ, состоящий только из одного человека (были и другие, но они уже убиты или умерли). Итак, не только есть Большой (хороший) русский народ и малый (плохой), но и Большой и малый вместе составляют народ, противоположный мне, множеству, состоящему из одного элемента (такие множества в математике тоже есть).

Считаю ли я себя самым лучшим или самым умным или единственным, знающим истину? Не могу сказать «да», но ... 1. во-первых, в СССР собирались повернуть реки на юг для орошения Средней Азии. Советский народ (в который тогда входили и русские) весь как один (ибо народ и партия были едины) поддерживал сей проект, несколько отщепенцев яростно против него выступали, среди них наиболее активно известный писатель Сергей

Залыгин. Его голос был слышен, мой – нет. Когда мы познакомились и даже выпивали, он мне сказал: мне иногда казалось, что я один здравомыслящий среди безумного народа, оказывается, нас было двое.

Я был среди первых советских программистов, некоторые уехали в США и там сделали карьеру, приглашали они и меня. Ничего особенно выдающегося я тогда собою не представлял, но был не глуп и ратовал за персональные компьютеры, когда в СССР строили только многотонные как лайнеры ЭВМ. Время показало, что прав был я, а не Академия наук.

В шестидесятые годы русским школьникам навязали учебники Колмогорова и Погорелова, в которых изложение математики опиралось на Теорию множеств, лучшая в мире школа математики захирела. Читая статьи сибирских математиков, я часто встречаю в них горестные воспоминания о разгроме математического преподавания в России (почему-то горюют только сибиряки... может быть, среди них есть еще русские, подобные мне? Тем более что европейские русские и выживают только за счет нашего сибирского леса, нефти, золота и цветных металлов)...

Ну и, конечно, я был, возможно, единственным, кто отверг марксизм-ленинизм, диалектический и исторический материализм и теорию и практику строительства коммунизма в СССР, даже диссиденты, и в тюрьме и в сумасшедшем доме, все почти были марксистами...

И последнее. Двадцатый съезд даже «родной коммунистической партии» отверг сталинизм, Сталин был ошельмован почти как Гитлер, в начале шестидесятых годов мне уже не приходилось встречать сталинистов, ни в университете, ни в литературе, ни в трамвае или метро, ни у пивного ларька, И вдруг они проросли. Откуда? Причем, увы, почти все современные сталинисты русские, а евреи остались верны постановлению XX-го съезда. Я никогда не считал себя евреем, но теперь передо мною выбор – или оставаться единственным русским из моего собственного народа или переходить в евреи. При этом сибиряки заплатили самую большую цену за победу над Германией, погибли отцы почти у всех сверстников, на каждого убитого немца приходится несколько наших, не надо быть даже чукчей, чтобы отрицать сии азбучные истины. Даже КПСС официально признала потери СССР в войне с Германией в 27 миллионов человек. Что за новая мифология вдруг овладела советским человеком: «Сталин выиграл войну»? Кто из моего поколения слышал такие слова в двадцатом столетии? Разве мы учились не в одних школах, не в одних университетах?

Ну, или я единственный русский в моем совсем малом народе или мне надо перейти в евреи... И я не сомневаюсь, что через пятьдесят лет никто не будет сомневаться в моей правоте в оценке истории СССР, его войн, его строительства коммунизма, высосавшего соки из моего народа и *доведшего его численность до одного человека*. Русское крестьянство – а это и есть самый коренной русский народ – сократилось в несколько раз. Количество деревень сократилось в несколько раз. Численность русского народа (любого, даже того, который не любит Россию) неуклонно сокращается. В городах еще есть жители, но русские ли они? Не они ли с презрением цедили сквозь зубы на нас, деревенских жителей: ДЯРЁВНЯ... сибирский лапоть..

Я, разумеется, как вы поняли из моей защиты крестьян, *народник*, то есть **националист**. Националистов презирают во всем мире, их в приличное общество, как я часто слышал, не пускают. Хотя, как ни странно, есть и не презираемые националисты, например, *сионисты* (с ними я почти всегда был единомышлен); националистами являются арабы, особенно палестинцы; курды, борющиеся за свое государственное существование, которым я сочувствовал; баски, корсиканцы, французы, поддерживающие Национальную партию. Националистами и были и остаются народы, входившие некогда в СССР, теперь отделившиеся, особенно литовцы, эстонцы, казахи, вероятно, армяне, и так далее... и я их не порицаю. В ненависти к национализму среди русских повинна подмена понятий, инспирируемая антирусской государственной властью. Например, почти все пьют вино. Но некоторые его пьют чрезмерно. Указывая на таких, мы можем обвинить в их пагубе не их характер, а неповинную виноградную лозу. Вот также естественно любить *свой народ*, и Моисей и Христос призывали любить «ближних», то есть *единоплеменников*. Но это не то же самое, что ненависть к другим народам. Разве патриотизм возможен без *народничества*, то есть *национализма*?

Кто же яростнее всех выступал против русскости, любви к России, русской культуре, русскому народу, русской истории? Разумеется, враги русского национализма – прежде всего русские, особенно растворившие в своей крови какое-либо учение, претендующее на объяснение и спасение непременно всего мира (не случайно Достоевский говорит о том, что *всемирность* – или космополитизм – самая характерная русская черта). До русской революции народничество (под именем язычества) преследовалось православием, после революции – большевизмом. Не случайно мне казалось, что я единственный, кто говорит и пишет слово **Русь**, и то самое сочинение, за которое меня посадила советская власть, называлось «*Русь и духовное освобождение*». Тогда я, кстати напомнить, защищал и православную церковь, потому что она была гонима (и вообще я сочувствовал тем, кто подвергался гонениям в нашем жестоком социалистическом обществе, о котором сегодня проливает слезы большинство народа... правда, нынешнее общество еще хуже...) Но кто же меня обличал, кто преследовал, разве евреи? Нет, меня обличали русские, и именно мои симпатии к христианству в советское послужили основанием для того, чтобы меня объявить сумасшедшим. И кто сегодня бросит в меня камень за критику христианства? Тоже, разумеется, русские... Какой-то неосновательный народ, скажу я вам, даже начинаю удивляться такой неосновательности...

Но, правда, часто не знаешь, кого защищать, приходишь в растерянность. Дед мой, сдуру подавшийся в большевики, нахлебавшийся при советской власти беспросветной жизни, прошедший и Первую мировую, и Гражданскую (хотя толком он не понял, за кого воевал), думал, что рай на земле не построили, потому что не всех помещиков перебили, остались, говорил он, еще многие, пролезли во власть, развратили народ.

Читаю о погромах помещичьих усадеб после большевистской революции, из сердца капает кровь, тоже думаю: мало Сталин истреблял крестьян, надо было еще больше, совсем под корень! Хотя, правда, лучшая часть крестьянства

не жгла и не грабила чужое, то есть не «малый народ», работающий и талантливый, уничтожил помещичьи усадьбы вместе с библиотеками, картинами, скульптурами и фортепьянами... да иногда и с теми, кто на этих фортепьянах играл... а именно Большой народ, та ленивая, бесталанная и пьяная чернь, о которой часто поминал **Пушкин**.

(К слову. Среди советских писателей и поэтов выделяются отмеченные небесным божественным даром и внесшие в русскую литературу свой особенный крестьянский дар: Есенин, Клюев, Варлам Шаламов, Павел Васильев, Твардовский, Тендряков, Владимир Солоухин, Шукшин, Василий Белов, Виктор Астафьев, Валентин Распутин... Не отреклись ли они от своих отцов, попавших в большевистскую мясорубку, служа верой и правдой советской власти? И только в последних рассказах Тендрякова, и в памфлете Солоухина «Ленин» прорвался тот подземный огонь, который, вероятно, всегда горел в их сердцах. А другие? Может ли образованный человек НЕ знать, какой дикий ПОГРОМ смел всю культуру с лица русской земли? А крестьянскую культуру в особенности, дворянская хоть отчасти сохранилась. В русских деревнях нет ни песен ни хороводов, ни старых крестьянских праздников и свадеб, ни вышивок на домотканых полотнах, ни резьбы по дереву, ни деревянной и гончарной утвари – а у финнов и литовцев, у немцев и венгров в деревнях традиции живы. Мы же сегодня озабочены традициями православной церкви, которая сама была самым крупным помещиком на Руси...) Но – помещиков перебили, усадьбы сожгли, песни петь перестали, поля заросли ольхой и чертополохом, дети разбежались по городам, деревни вымерли и догнивают – не возмездие ли настигло крестьянскую Русь?

В этой связи скажу и об отношении к дореволюционной России, и моему, и тех, кто сегодня защищает русское прошлое от ненависти и глумления.

Я учился в хорошей сибирской школе в столице Краслага (красноярских лагерей), учили меня бывшие русские эзки, выпускники Петербургского, Московского, Львовского университетов, и бывшие ссыльные, немцы, поляки, литовцы, западные украинцы, русские... Соучениками были их внуки, дети, дети их следователей, оперуполномоченных (помните анекдот о Петьке, писавшем ОПЕРУ?) и начальников лагерей. Я дружил и с теми и с другими, учителя меня любили (когда за рассказ мой «Рюмочка», напечатанный в районной газете, меня изгнали из школы – те же самые, которые меня любили, – я прославился на всю нашу дикую столицу и бродил по ее улицам, упиваясь славой, ко мне подходили местные жители и вступали в длинные разговоры... вдруг поступил приказ: найти, изловить, привести на веревке в школу, хватит бездельничать. Привели. Перед общим собранием я покаялся, признав всенародно, что изображенное мною хотя и имеет место в действительности, но **нетипично**. Умные у меня были учителя. И гуманные. Ну а я не упорствовал ни в революционном ни в религиозном *подвиге*. Как и ныне).

Итак, в замечательной школе мы читали русскую классику, но и поэтов серебряного века, и демократов, футуристов и революционеров тоже. У наших учителей были прекрасные библиотеки, в том числе в них были и книги девятнадцатого столетия, и мы хорошо знали дворянскую культуру России. Знали мы и достижения русской науки и промышленности, даже и

сельского хозяйства, торговли и социальной жизни. Мы знали, что «лампочку Ильича» изобрел не Ильич, знали мы и о том, что русские были достойны на всех поприщах, и с немцами воевали успешно, и Россия к 17-му году была великой индустриальной державой, так что ее промышленный уровень 1913 года был достигнут только при Брежневе, через 60 лет!!! Знали мы и о том, что по советским официальным данным мы потеряли во Второй мировой войне 27 миллионов человек (считая и мирных, умерших в плену и от голода) – и это данные коммунистического правительства, которому были верные слуги все те, кто ныне пытается защищать Сталина. Главный миф, который его прикрывает, а также и советскую власть – миф о России как о тюрьме народов и человека, как о нищей и отсталой и рабской стране. **НЕНАВИСТЬ** к России 19-го столетия вбивается СТО лет молотом и наковальней в умы и сердца всех русских людей до сих пор. Какое прошлое призывают полюбить? Разумеется, прошлое «комиссаров в пыльных шлемах», прошлое советское, а дворянская и монархическая Россия по-прежнему вызывает даже скрежет зубовой. При советской власти были убиты **все** до одного иерархи старообрядческих церквей, большинство иерархов Московской православной церкви, и что же – зывают ли к мщению большевикам православные? Нет! да они ведь сами и большевики, бывшие комсомольские секретари, и из царей они почему-то *возлюбили* самого неудачного, Николая Второго – но возлюбили ли православные Россию? Увы, нет!

Да, я ошибся, они еще возлюбляют Иоанна Грозного и Петра Первого, оба попили русской кровушки. Почему самых кровожадных возлюбляют? – вот это наверное, самое непостижимое в русской душе...

Распался, и вот я уже не *народник*, не защитник «простого народа», и "бессмысленный и беспощадный" русский бунт 17-го года вызывает во мне уже только ненависть.

Так любовь – или ненависть к государству? Царь и отечество...

Отношение человека к миру не подобное любви с первого взгляда: шел, увидел, погряз навсегда... – нет, многое из детства, из юности, потом и из зрелого возраста, из важных событий жизни, из происхождения, воспитания, образования, среды, моды, иногда и случайности, иногда и несчастной любви задают вдруг вектор отношения к миру. Вот так был Брянчанинов из высшего общества, талантливый математик, подававший надежды, известный царю – все впереди него блистало, и вдруг – монастырь, ненависть к движению крови, к сердечной любви, ненависть, которую он стал проповедовать даже более яростно чем Блаженный Августин и апостол Павел...

Я – русский, несмотря на уязвленное сердце, на разочарования, кипение крови, несправедливые гонения, тяготы жизни... Крестьянский сын – я влюблен в дворянскую культуру. Сибиряк, потомок древнего казачьего рода, «чалдон из чалдонов» – я вмещаю всероссийскую русскость, и Азию и Европу; националист – я открыт европейской культуре, во мне нет предубеждений и отрицаний, кроме как к злу и насилию. Исследующий историю, понимающий причины страданий русского народа – я не замкнулся в неприязни евреев или немцев, финнов или татар, потому что **я отделяю волю власти и государства и исторических сил от воли и характера и судьбы отдельного человека.**

28 ноября 2017, 22-01. С некоторых пор я не могу больше говорить о литературе и писателях или философах непосредственно, в границах языка, общеизвестной истории жизни и литературы, общеизвестных понятий. Нет уже более ничего общеизвестного, нет общей аксиоматики рассуждений, диалог, опирающийся на общие знания, уже невозможен (ибо нет больше общих знаний). Поэтому прежде, чем заговорить о революции, о смысле жизни, о необходимости или ненужности каких бы то ни было изменений в нашей жизни, надо объяснить по поводу хотя бы самых необходимых понятий, например, красоты, любви, милосердия, патриотизма, культуры, образованности, веры...

Но можно, конечно, чрезмерно увлечься этими предварительными объяснениями, так что до конкретного разговора по существу волнующих нас всех проблем, соединяющих нас или разделяющих, так и не дойти – так что буду себя ограничивать (если смогу).

Достоверность истории, достоверность нашей собственной жизни

Вглядываясь туманным утром в отдаленные предметы, деревья, кусты, речку, поле, луг, копны сена, деревенские избы, мы их видим смутно, совершаем усилия в сознании, производим некоторую работу, соединяющую смутные разрозненные детали в более связную картину. Подобную же работу мы производим, припоминая сон или события нашей собственной жизни, которые возникают в нашей памяти то ярко, то смутно, или припоминая стихотворение, которое помнили еще совсем недавно, и по памяти восстанавливая строки не совсем так, как они были написаны, подставляя вместо забытых слов и фраз похожие по звучанию и смыслу. Ученый, занимающийся памятью, исследует процесс припоминания и приходит к выводу, что кое что в этом процессе подобно творческому усилию, которое мы совершаем, когда сочиняем рассказ, то есть придумываем образы, движения и их соединения. Очевидно, что в творчестве присутствует воля и логика, так же и в воспоминании. Но присутствует и эстетика, а поразмыслив далее, мы понимаем, что содержание того, что мы сочиняем или вспоминаем, в той или иной степени содержит в себе и нравственную составляющую, например, **оценки** события и его частных, особенно если речь идет о чем-то важном, например, мы вспоминаем первое свидание, первую ссору, развод, свое поведение у следователя, вспоминаем, что нам было известно о происшествии, входившем в состав преступления. Стремимся ли мы все вспомнить именно так, как оно было на самом деле? Нет, часто происходит подмена подлинного на ложное, для того, чтобы нам не приходилось осуждать самого себя. Часто точно так же мы вспоминаем и постигаем историю своего народа, государства, сословия, а особенно если историком является человек, принадлежащий к определенному предвзятому мнению, образу мыслей, способу мировоззрения, например, историк-христианин, о «затруднениях» которого повествует Флоровский, или историк-марксист, или вороватый чиновник или "вор в законе". Кто-то говорит, что, мол, все мы субъективны, предвзяты, и шлюхи и отвергнутые

уверены, что все девки бляды, а воры, что мол всякий бы украл, если бы не боялся (или еще чаще люди, сосредоточенные на своей выгоде, на своем личном "интересе"), уверяют, что все остальные тоже эгоисты. Надеюсь, они замечают, что не всякий бежит, вытапывая всех на своем пути, некоторые обегают хотя бы цветы и фонарные столбы, но лучше все же с ними совсем не затевать разговор на подобные темы – а еще лучше ни на какие).

Итак, воспоминания содержат волно и нравственную идею, вот почему мы переписываем собственную прошедшую жизнь... не всегда это так уж плохо, иногда мы в чем-то раскаиваемся, и память подыскивает в нашем прошлом то, что нас частично оправдывает, смягчает осуждение – что ж, я не скажу, что надо всех судить полной мерой и всех заставлять признаваться во всем неблагоприятном: мы должны быть милосердными к близким, но и к самим себе.

Некоторые воспоминания, составляя общественную действительность, формируют историю. После смерти Сталина, освобождения миллионов заключенных, и еще более после Двадцатого съезда и осуждения так называемого «Культы личности» страна вступила в новую эпоху, она словно бы очнулась от страшного летаргического сна, подобного смерти, наступила весна жизни, вдруг появились поэты, пишущие о любви, зазвучали лирические песни, в кино мы увидели не только военные и трудовые подвиги, но и любовные истории, да и вообще в наши отношения ворвалась жизнь вместо плаката, высказываний классиков марксизма и «социалистических таблиц логарифмов». Мое поколение, у которого мертвенным сталинизмом и сталинским социализмом было заполнено только детство, вериги отжившей эпохи сбросило легко; предыдущее поколение освобождалось от лжи и страха в спорах, но и оно уже к середине шестидесятых годов было сравнительно свободно. Сталин, как казалось, окончательно умер.

Прошло 60 лет – и вдруг мумии ожили, и мои сверстники вдруг вспомнили Сталина и начали его восхвалять и ему молиться, и вновь загорелись споры, и я с удивлением увидел себя в одиночестве среди новоявленных сталинистов, многие из которых родились уже после того, как он превратился в мумию.

Тогда было хорошо. Тогда было лучше. И цены снижали, и воров сажали, и злостных преступников расстреливали (хотя расстреливали только так называемых политических, то есть совершенно невинных людей, никакой политикой никто уже не занимался)... Возобновлять споры и по поводу Сталина, и всех вместе большевистских комиссаров уже неуместно, мы сегодня даже в условиях академического разговора не можем найти общее в анализе нашей истории столетней давности, в анализе причин двух войн, трех революций, коллективизации, голода, террора, погрома культурной части русского народа, не находим общего даже в понимании того, что произошел именно ПОГРОМ русского народа... И я поэтому ограничиваюсь одним выводом: человек в большую историческую эпоху склонен подменять и собственную жизнь и историю страны правдоподобным или даже совсем неправдоподобным **мифом**. Сознание становится суженым, *музыка небесных*

сфер заменяется шумом повседневной жизни, в которой отсутствует философия, откровение, вдохновение, история.

И мне необходимо начать писать по иному, проповедь и обличения уже никого не тронут, они неуместны, надо ограничиваться исследованием мира и не стремиться учить и редактировать человека (если не произойдет чудо).

Народ и личность.

Все мы воспитывались советской властью одинаково, личность всегда умалялась, мы прятались за цитаты классиков, за Священное писание Отцов церкви или Отцов марксизма, за общепринятые догмы, вроде того что «народ и партия едины», «наше поколение будет жить при коммунизме», «единица вздор, единица ноль» (Маяковский, напоминаю)... всякое частное мнение, не оправданное догмой, называлось *отсебятиной*. В христианстве человек был только «рабом божьим», в поступательном шествии коммунистической истории он был или придорожной пылью или лагерной швалью, а «звучал гордо» (Горький) только в исключительных случаях, когда он был с большой буквы (в некоторые эпохи с большой буквы был только один на весь народ человек, остальные, сколь бы высоко они ни поднимались в подвиге, творчестве и познании, в признании или власти: Вавилов, Есенин, Королев, патриарх Тихон, Мерецков, Рокоссовский, Николай Гумилев, Рыков, Туполев, Мейерхольд, ...остальные были только с маленькой буквы и даже доминиканские монахи не помазывали им голову перед отправлением на крестные муки.) Но одновременно с абстрактным лживо-художественным воспеванием личности так же воспевался и народ, всякий народ, и все народы оказывались безликими, все они были гордыми, работающими, талантливыми, не было плохих народов, в пропагандистских клише великими оказывались и евреи и цыгане и чукчи и недавние едва не завоеватели России немцы.

В своих собственных литературных проповедях и обличениях я исхожу из того, из чего и в быту: неприлично ругать или розгами сечь соседских детей, у них должны быть свои ругатели, поэтому, хотя я ко всем народам отношусь не восторженно, но ругаю только русских – и в то же время, сквозь слезы и ненависть, только их я люблю. Ну ведь это моя собственная история, моя семья, мой язык, моя культура, мои упования в вечности, простирающейся и назад, в древность, и вперед, в надежды на будущее моих собственных детей и внуков. Не могу я одинаково относиться ко всем, и хотя я могу сочувствовать многим мне казалось бы совсем посторонним, но переживаю и умиляюсь, встречаясь с собственным внуком (хотя, разумеется, очень часто и на улице и в метро при встречах и разговорах я восхищаюсь и чужими детьми, как и люди мне не безразличны тоже).

Я думаю, что русские талантливы, но сравнивая нас с евреями, я вижу, что мы менее образованны, менее культурны, менее общежительны и менее склонны помочь близким, а тем более дальним – а иногда и наоборот, только дальним и готовы помочь, на острове пасхи, а близкими пренебрегаем.

Одновременно с этим я могу сказать нечто почти противоположное, по любому поводу, ибо одни из нас умны и талантливы, добры и заботливы, а

другие недалеки, завистливы, зависимы, злы, ленивы... Какая погода в моей деревне? В этом году дождливая, а бывали годы засушливые, да и в этом году дождь бывал не всегда. Итак, и русский народ, и немецкий, и еврейский совершенно невозможно охарактеризовать, ибо свойства и качества, которые мы можем увидеть в человеке, никак не относятся к народу. Числа 2, 4, 6 – четные, числа 7, 11, 13 – простые. Но числа – не являются простыми, или четными, или нечетными, одни из них таковы, а другие – совсем другие. Следовательно, нельзя сказать, что народ мужествен, или трудолюбив – сегодня большинство стремится жить абы как, не трудясь... Итак, писатель имеет дело с действительными отдельными людьми, одни из которых красивы, добры, а другие готовы продать родную землю за похлебку... или имеет дело с своими героями, воображаемыми личностями, вроде Базарова или Иудушки Головлева, или Наташи Ростовской...

И все же разве нег у народа чего-то стержневого, по чему его можно было бы определить? Как например, цыгане преимущественно народ бродячий, гадалки, кузнецы, конокрады... хотя, в то же время и среди них есть целые роды музыкантов и певцов?..

Дело в том, что зримая народная жизнь проявляется в работе (хозяйственной деятельности), в культуре (музыка, литература, наука, философия, зодчество), в государстве – и деятельность государства и составляет жизнь историческую, а что в этой исторической жизни воля народа – сказать трудно. Только внутренние разногласия, споры, разделения, смуты, революции и войны, особенно войны гражданские, что-то говорят о народе, может быть даже всё – но это все исполнено одних противоречий. Среди немцев были и Гете, и Бетховен, и Кант, и Вагнер; в прошедшую войну немцы предстали в истории Европы чингисхановой ордой или гуннами, отдельные личности в этом селевом потоке, сметающем в своем движении города и села, были почти неразличимы. Притом народ состоит из сословий, и если сословие как-то еще и можно охарактеризовать собранием черт, то мы увидим, что они окажутся непохожи друг на друга: дворяне ли являются **характерной** частью русского народа или, напротив того, крестьяне? А между теми и другими почти ничего общего, и истребляли они друг друга в Русской гражданской войне почти как немцы и русские во Второй мировой.

Возвращаясь к Русской революции и ее причинам... Одной из причин, чуть ли не главной, этой революции явилась борьба евреев за эмансипацию, против черты оседлости, против ограничений в гражданских правах. И как можно представить в воображении эту войну? Под водительством Чингисхана (Троцкого. Или Ленина?) орда из пяти миллионов евреев двинулась из азиатских степей... нет, из причерноморских степей на покорение Москвы? А двинулись, наверное, тридцать тысяч комиссаров в пыльных шлемах (так как вся партия большевиков насчитывала пятьдесят тысяч)... И точно так же сегодняшнее завоевание мира финансовой паутиной не является делом еврейского народа, как вчерашнее завоевание мира Советским союзом под водительство Политбюро не являлось делом русского народа (как мы видим, сегодня тот же самый народ распродает Россию на всех западных рынках, а не распространяет коммунизм).

В статье Мурикова о Брафмане, который в 19-м столетии издал книгу о еврейском Кагале и "Синедрионе", книгу, в которой еврей выступает против вековых устоев еврейского обогащения, мы видим подтверждение моего тезиса о случайном характере национальной организации общественной жизни – подобно тому, как сицилийская Мафия не является способом существования италийского народа, и аналогично Коза Ностра в Америке.

Мне антипатичны и сюсюканья об избранности и превосходстве того или иного народа, еврейского ли, вдохновляемые Ветхим Заветом, немецкого ли, вдохновляемые Майн Кампф, неприятна мне русофобия, поощряемая враждебными России политическими силами, противен антисемитизм псевдо-православных. И когда я от этих слышу, что «жиды Христа распяли», я становлюсь русофобом, когда я у тех читаю, что русские лентяи, пьяницы, рабы и невежды, я становлюсь антисемитом. И в то же время мне еще более антипатична недавняя липкая патока всемерного прославления *дружбы народов*, нынешняя патока омерзительной толерантности, и всегдашнее лицемерие «любви к ближним». Определенные еврейские круги сами были заинтересованы в антисемитизме для того, чтобы не размывалось единство еврейского племени и их обособленное существование "государства в государстве" (о чем уже много писали), государственная власть точно также способствует отчуждению и ненависти между народами. США создают образ русского врага, наша пропаганда принимает мяч у ворот и с азартом включается в игру ненависти – это было бы только смешно, если бы ограничивалось телепередачами, к сожалению, мы видим, что одна часть великорусского народа готова возненавидеть другую ее часть, а причина только в политике тех или иных враждебных России государств.

Но пора сделать вывод, не увеличивая число деталей.

Нет национальной (народной) воли, есть только воля государственной власти, следовательно, как невозможно мыслить и говорить о воле русского народа к завоеванию Европы или к мировому господству, так невозможно мыслить и говорить, что существовала воля еврейского народа к завоеванию или уничтожению России (хотя Троцкий и Ленин и были одержимы ненавистью к русским, иногда бессознательной). Но помимо этого, если русскость состоит не столько в племенной идентичности, сколько в идентичности языка и культуры, исторической памяти, в некоей бессознательной мифологии, которая инстинктивно усваивается гражданами России от Екатерины Великой, Владимира Даля, Растрелли и Лансере до Маннергейма, Ходасевича и Пастернака, то я не вижу препятствий к единению в общей культуре России, и к осознанию себя русскими «и тунгуса и калмыка» (как я, потомок сибирского казака, чувствующий себя сибиряком, не менее русский, чем вологодские или пскопские).

Но все же – о русофобии. Это не общее безотчетное чувство и не политика евреев. Как неистовствовал Флоровский по поводу замечания митрополита Никодима о *русской церкви* (без которой зарубежному православному якобы тесно)! Как неистовствовали все большевики в отношении любых русских национальных проявлений! Русофобия – это болезнь русской интеллигенции,

отчасти и болезнь русского народа, какое-то русское презрение, обращенное к самому себе, и началась она ДО победы марксизма. Мне легче сказать еврею, что я русский (потому что призывая его к тому же, я ничего не имею и против того, чтобы он оставался *еврейским*), чем то же сказать единоплеменнику, христианин ли он или марксист, ему даже слово *народник* (тем паче *националист*) ненавистно. Один Сережа Есенин меня понимает, Саша Михайлов понимал тоже, сговорился бы я и с Данилевским, но русские великие писатели (Толстой и Достоевский) смотрят, увы, в сторону...

На этой грустной ноте я и закончу. Итак, **личность** – не часть народа, а сама по себе, сама в себе весь мир, и народ – такая же часть личности, как **пол** и **характер** (почти по Вейнингеру). И в нашем общем Российском доме (нравится он нам или нет) *надо воздавать каждому по личным достоинствам, а не по происхождению!!!*

Вавилонское столпотворение

Вот уже мы дожили и до Соединенных штатов Европы (о которых писал, кстати сказать, еще и Ульянов). Лучше не стало. Тогда было предгрозовое удушье, затем разразились грозы, одна и другая, чуть не уничтожившие европейские народы, и перекроившие европейскую карту. Нет больше Габсбургской империи, нет Тысячелетнего рейха, вдруг возникла из небытия шляхетская горделивая Польша, южные славяне, освободившись от турок (но нет больше и Османской империи), разбрелись по своим затхлым местечкам, отбирая друг от друга *не для себя, а соседа*, ждут своего часа гордые курды... да и каталонцы и баски еще надеются на новые бури! У каждого народа есть свои мечты, часто противоречащие мечтам других, и если мы будем мстить друг другу за все обиды, некому скоро станет нас и мирить. В русской революции виноваты масоны, германские, английские и американские тайные службы, виновата еще более русская аристократия и Генеральный штаб (генералы Алексеев, Рузский, Бонч-Бруевич), виноваты думцы, Родзянко, Гучков, даже Шульгин, которым я всегда восхищался – он ведь был один из трех, посланных к царю за отречением от престола, а возглавлял в это время правое крыло монархистов – трудно сказать, кто **не** виноват. Виновата интеллигенция, разве не разжигала она в это время костер революции, разве не были революционными и Блок и Бальмонт, и Горький, и Милюков, даже Лев Толстой не клеймил правительство?

Виноваты евреи, чехословацкий корпус, латышские стрелки... Но, помилуйте, эти то появились, когда уже все окна и двери были сорваны, и сквозняк загулял по Российской империи, а революция произошла *29 февраля невисокосного года* – не было тогда еще в России ни Ленина с Троцким, ни латышских стрелков, ни будущих большевистских руководителей. А даже великий Корнилов потом, в августе 17 года, наступая на Петроград, когда еще все можно было бы перевернуть, никто его не задерживал, – мялся, ждал, колебался... дождался...

Мережковский и Иванов-Разумник писали несколько лет о *больной России* – разве это было не так? Потом, много позже, уже в 21-м году,

Ахматова написала: «(*Наталии Рыковой*) Всё расхищено, предано, продано, Черной смерти мелькало крыло, Все голодной тоскою изглодано, **Отчего же нам стало светло?** Днем дыханьями веет вишневыми Небывалый под городом лес, Ночью блещет созвездьями новыми Глубь прозрачных июльских небес,- И так близко подходит чудесное К развалившимся грязным домам... Никому, никому неизвестное, Но от века желанное нам.»

Это – оправдание Революции в русской поэзии – значит, она была именно русской, но селевый поток спустился с гор (возможно, и Кавказских), сметая все на своем пути, и в этом потоке несло скалы и деревья, народы и племена... А в каждом народе есть чернь и интеллигенция, и инородческая чернь, и еврейская чернь с улюлюканьем впряглись в поток (как и во времена Пугачевского бунта, к которому уж точно евреи не имеют отношения!), впряглась в поток и русская чернь... но, о боже, успех революции определился тем, во-первых, что готовила ее русская интеллигенция (больше половины офицерского корпуса оказались в Красной армии большевиков) и поддержало ее русское крестьянство. А по пестрому составу участников она ничем не отличается от Французской революции, только Франции повезло, кризис болезни произошел не слишком поздно, контрреволюция победила через несколько лет после начала вакханалии.

НО идея болезни, гнездящейся в организме Российской империи, не объясняет все и не исчерпывает, как и землетрясения не объясняются загрязнением лесов и рек, воздуха и воды. Революция совершилась как Гром небесный, как геологический сдвиг земных пластов, она была **неотвратима**, она была и **необходима**. Удивительно и почти непостижимо, что и Россия и русский народ не исчезли с географической карты, тем более что после землетрясения и чумы семнадцатого года Германский вепрь дошел до берегов Волги и стал пить ее воду. Наше поколение слишком слабосильно, тогда нас спасли воистину «богатыри, не мы». Но они почти все погибли. Оправдана ли была их смерть, определится тем, ПОЙМЕМ ли мы русскую историю, ее просчеты и ее задачи. Если мы проспим сегодняшний день, то не будет в веках нам прощения. Но прах моего отца стучит в моем сердце, и я еще жив, *и даже если все мое поколение предаст и Россию и наших отцов, я буду искать пути и причины*: наступит понимание, наступит и ясность исторической жизни, увидим мы и способы преодоления всеобщей гибели.

Но возвращаюсь к более ранним историческим причинам наших болезней. Когда же началась *руссофобия*? Была ли Русь национальным, *народным* государством (народным в смысле верности народному духу, а не в смысле афинской *демократии*, неотвратимо перерождавшейся в охлократию, как о том пишет Аристотель в своей «Политике»)? Православное духовенство выступило против похода Дмитрия Донского на Куликово поле, которое предопределило возрождение Руси (несмотря на временные отступления и сожжение Москвы Тохтамышем), слава богу, поддержал князя Сергей Радонежский. И сие глубоко закономерно, православное духовенство и в Гражданской войне оказалось в стороне, пока в 22-м году не началось разграбление самой церкви большевиками, православное сознание (славяно-

фильского толка) и на русского смотрело почти как Троцкий и Ленин ("без православия русский человек омерзителен".) Но главный кризис русской истории и первая большевистская революция произошли в середине 16-го века, когда в России воцарился Иоанн Грозный, не только наследовавший ханскую кровь Золотой Орды (хотя и называвший себя ромеем: *я не русский, я ромей*, говорил он английскому послу), но и ведущий политику истребления славяно-русского свободлюбивого духа. Именно Грозный стремился совместить и воплотить в своей власти восточную и византийскую деспотию, он убил патриарха Колычева, уничтожая его родичей *всеродне*, до седьмого колена, он разорил Новгород и оставшихся новгородцев переселил на тверские земли (хотя уже дед его, Иван Третий, сделал то же самое), он развязал многолетнюю и кровопролитную Ливонскую войну, и почти все в ней потерял, что имел, да еще и берег Балтийского моря отдал шведам. Академик Веселовский в своей «Истории опричнины» пишет, что Ливонская война велась с беспрецедентной даже для того времени жестокостью. Аукнулось. Вот откуда «латышские стрелки» и красные латышские чекисты и начальники лагерей! (Не случайно, что в своей *личной национальной политике я, еврей из е... тьфу, русский из русских*, веду себя совершенно отлично от русских так называемых патриотов коммунистического и православного толка – как будто их идеологический космополитизм может рождать патриотов?! В моей родной Решотинской школе в Сибири я неизменно защищал единственного еврея в классе, не приспособленного к сибирской вольнице, а позже, в тюрьме-больнице на Арсенальной, в 72-м году, защищал латышского националиста, который никак не мог забыть ужасы Ливонской войны. Но "*с кем, просившим меня прийти с ним одно поприще, не проходил я их семь*"?)

Была ли когда-либо политика Российской империи *народной* (национальной)? Если народная самобытность ВСЕГДА приносилась в жертву идеологии космополитической имперской безличности, как при царях, так и при большевиках, если Россия всегда строилась по образцу восточной деспотии, если народные обычаи, традиции, песни и сказки, сам быт искоренялись христианской церковью, если святцы напоминали только чужие имена и обычаи, даже язык богослужения пытался оттеснить наш родной и из литературы в русском средневековьи почти вытеснил – и только в 18-м веке началось Русское Возрождение. Была ли политика Российской империи национальной, если триста лет преследовались наиболее народные русские силы, так называемые старообрядцы ("*раскольники*")? И столько ли денег на революцию давали масоны, как Мамонтовы, Морозовы и Гучковы – не является ли революция в большей мере мезью старообрядчества, чем еврейского кагала (о котором пишет Геннадий Муриков)? Да и мезью крестьянства? Дед мой все сокрушался, что *не всех дворян перебили*, оттого мол и революция не удалась – не евреи же его воспитали! И кубанский казак, как выпьет, так ночью звонит и проклинает царя-Освободителя, не додавшему крестьянам земли. А начнешь разговаривать с пролетарскими интеллигентами, и ум за разум заходит, и Сталин и Ленин и русское православие и самодержавие сплавляются у них в причудливую магму – что можно понять в

русской жизни и в революции по рассуждениям **городских** обывателей, способствовавших в последние десятилетия окончательному искоренению русских деревень и русского земляного человека? Действительно ли весь русский дух вмещался в то (как пишет Розанов, городской обыватель), что *"старушка темная пришла в церковь, и зажгла свечечку, и такая благодать на нее низошла! Кто это выдумает? Ни ученый ни открывает, ни писатель не сочинит..."*? Увы, только писатель (то есть господин Розанов) и сочинил эту кисельную сказку, как Достоевский сочинил сказку о народе-богоносце (вот почему я и спорю то с Достоевским, то с Толстым, то с апостолом Павлом, не знали они русского человека, гораздо более их знали его великий Менделеев, написавший «К познанию России», великий Ухтомский, в своих письмах и записных книжках и частных беседах (наследие его опубликовано в трех томах) представивший картину деятельного и мыслящего русского человека.

Кстати, я все пытаюсь как можно короче сформулировать суть моих разногласий с якобы общепризнанной общественной мыслью, то православной, то марксистской, представляющей из себя двуликого Януса, две стороны одной монеты, на одной стороне Кесарь, на другой Пустынник на столпе, не рождающий детей и не пахущий землю...

Не буду сейчас оспаривать то, что Бог есть, но не нравится мне, что якобы мы все должны стремиться к концу света да и теперь не заботиться о завтрашнем дне. Не нравится и идеал человека, данный в христианских хрониках, взгляд скорбный, голова опущена, в сердце покаяние и страх божий (по Константину Леонтьеву), не смеется, не обнимается, даже не дерется – хотя некоторые современные проповедники призывают возродить «церковь воинствующую» – хоть что-то человеческое вместо тлена при жизни...

Но вернемся к старушке... Где ее Розанов нашел – в городе? В нашей деревне старушки пели былины своим внукам, пряли, ткали, пели песни, ухаживали за огородом, в красном углу висела икона, бабушка на нее утром крестилась, вечером скороговоркой читала молитву, утром рано, даже зимой, растопляла печь, зажигала лучину – и такая благодать заполняла ее сердце! Благодать крестьянского труда, быта, родовой любви, соучастия в жизни народа, хотя бы деревни, а не в загробной жизни... Воистину Маркс прав, говоря о христианстве как о религии рабов и рабовладельцев! Но и я прав, говоря о марксизме как о обезличивании человека – во всем! От диктатуры пролетариата, лишаящей личность всякой, даже домашней свободы, до строительства коммунистической казармы или улья, в которых личность не более чем рабочая пчела.

Но оставим и старушку, все это беспочвенные фантазии, нет в действительности ни казармы ни улья, я смотрю окрест себя и душа моя страданиями моей родины переполняется. Что у нас хорошо? Справедливо ли начальство, за дело ли сажают в тюрьму, по человечески ли относятся хотя бы в тюрьме? В тесной камере сидит 15 человек, клопы и тараканы бегают по стенам, хлеб даже голодному есть невозможно. И я становлюсь **русофобом**, я думаю, что народ, низводящий своих заключенных преступников до уровня скота (а еще точно ли там все преступники?), достоин самых лютых пыток и

казней! Читал, читал я «Записки из Мертвого дома» и плакал от бессильной ярости, не увидел я в этих Записках того мрака, как в современной тюрьме, того разделения сидельцев на привилегированных преступников и серое народное быдло, с которым можно делать все что угодно, как вора, так и тюремному начальству. Не зря Достоевский пишет, что иным крестьянам в тюрьме даже нравилось, кормили сытнее и свободы было поболее. М-да...

Итак, все у нас плохо, даже лес весь повырубили, свезли в Европу, валяется вдоль просек и непроезжих дорог...

И все таки у нас плохо не все, несмотря на двухтысячелетнюю пропаганду против семьи и брака, есть еще девушки, можно в метро на них посмотреть. С кем-нибудь они даже целуются. Некоторые рожают, и в детском саду, приходя за внуком, я вижу детей, они бегают и смеются (вместо того чтобы ходить молча строем, как то не так уж давно, при Диккенсе, было в Англии, так предписывала суровая англиканская церковь).

И несмотря на Соединенные штаты Европы, есть еще англичане, французы, испанцы, есть даже баски, итальянцы, и даже немцы. Не всё в Европе замещено беженцами из Северной Африки и Ближнего востока (беженцев создают правительства дружественных стран, насаждая свободу в Северной Африке, откуда потом все и бегут). Беженцы рожают детей, и хотя работают кое-как, но пособия на жизнь им хватает. Они не говорят по немецки, но зато живут анклавами, в своих гетто, как когда-то евреи, и друг с другом сговариваются по своему. Иногда они устраивают погромы на улицах европейских городов, но об этом говорить и писать не принято, те, кто пишут, являются расистами. За слово национализм сажают в тюрьму (как и у нас при большевиках). Но зато беженцы еще рожают детей, французы и немцы этого делать уже не хотят, они добились свободы и теперь у них однополые браки. Но ничего страшного, людей на земле много, на всех хватит, будет со временем один народ. Странно мне, конечно, что есть так называемая Красная книга, что миллионы людей озабочены сохранением редких растений, бабочек и насекомых, борются за многообразие природы, плачут, что какая-то птичка в джунглях юго-восточной Азии раньше была, а теперь ее уже нет, а исчезновение целых народов никого не кольшет, более того, даже радует.

Еврейский вопрос. Право наций на самоопределение.

В России за разговоры о том, что народы имеют право на собственное существование, на самосохранение, еще не сажают, в этом отношении русские представляют собою уникальный народ. Почти всю мою жизнь они стремились раствориться в окружающих племенах и народах, приходили в ярость, когда я произносил слово «Русь», русский, позже благонамеренные интеллигенты одни меня поносили за такие слова, другие поносили за то, что я защищаю евреев от поношений. Но хотя русские были обуреваемы ненавистью к собственному народу, исполнены жаждой самоуничтожения, пятьдесят лет моей жизни яростно мне доказывали, что должен быть только советский народ и Советский Союз, пытались отменить всякую память о русской

истории и о России, «пурье народов», но другие народы мы не уничтожали, как американцы или англичане. Даже для некоторых племен придумали азбуку и теперь у них есть собственные письменность и литература. Создали украинский народ и белорусский (там ведь местное население говорило немного иначе чем в Московии), отделило их от России (а сколько крови стоило отделить их когда-то от Польши!), теперь на очереди создание вологодского народа и нижегородского. Своих мы ненавидим, чужих любим, особенно **ближних** (в последнее время).

Отделение от России окраин в некоторых отношениях даже благотворно (кроме русских окраин), империю русскому крестьянину уже не свезти, всё, что бабы нарожали, вбито либо в поля и перелески России и Европы в противостоянии немецкому завоеванию, либо в колымские и прочие дикие и необжитые земли на лесоповалах и золотых приисках.

Но оставшееся связано необходимостью более прочной, чем любовь – разделившись, предоставив всем ленинское право на самоопределение, мы погибнем, и они гораздо быстрее будут колонизованы всемирным финансовым капиталом и англосаксонскими конкистадорами, чем мы. А евреям такого права даже и никак при всем желании мы дать не сумеем, не захотят они ехать все в какое-нибудь благодатное место (вроде Биробиджана). На вопли Европы об ущемлении национальных прав коряков или коми надо отвечать просто: только после вас! Сначала вы отделяете Ольстер, Каталонию, Баскскую область, Нормандию, Эльзас и Лотарингию, Калифорнию, Лапландию, Шотландию, Уэльс, Корсику, Сицилию и так далее, а там уж и мы попробуем последовать вашему совету...

Но пора заканчивать и еврейский вопрос. Состоит ли он в том, что некоторым евреям не нравится пропаганда национальной идеи и Национальной культуры, не нравится то, что я смею произносить это почему-то им ненавистное слово «народ», нация? Да. С еврейскими националистами, то есть с сионистами, я всегда находил общий язык. Слава богу, у еврейского народа есть наконец собственное государство, Израиль, и там живет одна моя бывшая поклонница, которая меня просто обожала (когда ей было семь лет). Многие живут в России, что им делать, оставаться ли евреями, даже не зная собственного древнего языка, раствориться ли в российском народе (если не нравится словосочетание «русский народ»), пребывать ли в виде некоего аморфного облака, будучи чем-то неопределенным? Я пришел к выводу, что это их дело. Меня только задевало, когда талантливые публицисты из этого облака всячески поносили мой собственный народ – поносить его можно, и даже нужно, но *при этом надо себя с ним соединять*. Но теперь я как-то успокоился. Пусть ругают, быть может, это пойдет нам на пользу. Но пусть не требуют, чтобы я их любил. Я не люблю ни один народ, как не любил «родную коммунистическую партию», «православие, самодержавие, народность», как не люблю *ближних*, дальних, не люблю немцев, англичан, американцев... я не люблю даже евреев! От отдельных людей я **люблю**, ко многим отношусь с уважением, к большинству равнодушен, некоторых сторонюсь, иных, даже мне не симпатичных, я жалею.. вообще, жизнь трудна, гибнет русская культура (в которой громадный вклад имеют все, не только

русские, но и итальянцы, немцы, поляки, евреи и т.д.), может погибнуть Россия (и она мне гораздо важнее, более, чем отдельные населяющие ее племена, она является условием для нашей жизни (если только не мечтаем мы **свалить** на Запад), каждого из нас, русский он или нет... жизнь и история показывают, что не это важнее всего, а что-то другое... вот Багратион погиб... за что? Очевидно, для него Родиной была Россия, хотя он по происхождению грузинский князь. Мой отец погиб, сибирский чалдон – естественно, он погиб за Россию!

Я думаю, что в конце концов с евреями я договорюсь. Мне достаточно права на свободу мыслить и рассуждать, права на свободную литературу и философию, следовательно, и на критику – и евреев, и русских, и прочих, хотя, кстати сказать, в основном ругаю я русских. Но разрешите мне отчасти быть и антисемитом, не только русофобом, разрешите иногда ругать погоду, сетовать на женщин, ругать правительство, церковь, религиозные мифы – в рамках приличий, я человек культурный и совестливый, если нечаянно кого-нибудь обижу, то непременно извинюсь, только не требуйте от меня любви к *ближним* и говорения на южнорусском диалекте...

Два с половиной миллиона русских эмигрантов, влившихся после Гражданской войны во Францию, за двадцать лет почти без остатка в ней растворились, французы хуже не стали, Аглая, внучка одного из них, уже русский язык изучала в Сорбонне, приезжала к нам в Пулково, я был бы не против, если бы она теперь растворилась в России. Но мы, смешиваясь и растворяясь, не становимся ни смесью ни раствором, как жена, прилепляясь к мужу, принимая его фамилию, вполне продолжает его род, а не частично.

Нет препятствий для более тесного соединения в России всех, кто хочет быть русским, но это их собственное дело. Два еще слова: всемирное правительство, всемирный финансовый капитал, однополюсные браки, ненависть к национальной идентичности и *неперемешиванию* в одну похлебку, лишённую истории, культуры и самобытности – это сегодня одна из жгучих загадок. Ни один мой знакомый еврей в этом не повинен, как и я. Что за силы стоят за новой чумой теперь уже двадцать первого века, я не знаю. Как нам

жить дальше, я не знаю тоже. Но еще более меня волнует РАСХИЩЕНИЕ моей России, людоедская политика по отношению к ее истории, культуре, ее природе, ее богатствам, ее народу. Я думаю, что эта политика – новых русских богатых – *нужоршней* – одинаково губительна для всех, в том числе и для евреев. Но изменить ее мы сможем, лишь соединяя

благотворные усилия, а не бия друг друга по ланитам.

Думал, не написать ли о частных судьбах, о моей собственной соединенности с этой «двухтысячелетней загадкой» – боюсь, сочтет кто-то чем-то вроде заискивания, к тому же я сам по себе, и очарованность ими Горького, и шараханья Розанова от ненависти к любви мне чужды, я вижу в частных лицах и достоинства и недостатки, а как соотносится с ними народ – не знаю.

Субъективность и объективность, Я и Мир.

Поэзия (если речь идет о чужих стихах, а не о своих) принадлежит **внешнему**. Но так как и собственные стихи иногда входят в поэзию, в них входит и язык, и приметы внешнего мира, то все принадлежит вместе и внешнему миру и внутреннему. Правда, Кант, отделяя *существование* от восприятия, их строго разделяя, даже противопоставляя, доказывает, что акциденции (свойства) любой вещи принадлежат **образу** (*вещи для нас*) и находятся только в восприятии, то есть в воспринимающем, а то, что на самом деле существует, является **прообразом** (*вещью в себе*) и непостижимо. (Не правда ли, ход его рассуждений напоминает апории Зенона?)

Я уже пытался Канту возразить, не знаю, убедительно ли, но отчасти еще повторюсь, что мы воспринимаем внешний мир постольку, поскольку он уже находится в восприятии Бога, который его и создал (как и человека), не только само отделенное ото всех акциденций **существование**, но и именно воспринимаем те и такие акциденции, которые позволяют нам самим соотноситься с миром (да ведь и предпосылки и способ восприятия должны были быть созданы прежде чем мы начали воспринимать по Канту?! Так телега движется, потому что имеет колеса и действующую на нее силу.)

Создан ли человек Богом, произошел ли из последовательного соединения песчинок при случайных порывах ветра (ибо **воли**, созидающей человека, говорит материалистический эволюционист, не было), но песчинки должны были складываться *не абы как*, ибо понимает же он, что при случайном сложении букв не составитсЯ Война и мир даже за 20 миллиардов лет! Но, мол, вымирают неправильные, есть **смерть**, которая и производит отбор. (как то странно все в нее упирается).

Вернемся к Канту. Образ китайца, говорит он, в нашем восприятии желтый, но в прообразе (или в вещи в себе) желтого цвета нет, вместо него отраженный свет, который пожелтеет только потом, попав в глаз.

Но ведь и прообраза нет, и электромагнитной волны, и вещи в себе, и даже объективного мира – отдельно о человека! Ибо без человека мир хотя не может быть *субъективным*, но откуда в нем и объективность? Да существует ли и пространство? Понятие малости и великости?

Звуки, извлекаемые из фортепьяно, вообще говоря (говорит Кант) не являются звуками, а только колебаниями воздуха (которого, впрочем, тоже не существует, это мы называем воздухом ту смесь газов... и так далее...) Фортепьяно стоит от нас недалеко (но внешние предметы не находятся ни далеко ни близко, они не содержат в себе никакой информации о своем положении ни по отношению к нам, ни по отношению друг к другу. Они ничего не содержат кроме атомов и молекул – которые, впрочем, являются только нашими образами того, что непостижимо и является неизвестно чем – но и сама идея **существования** не может принадлежать **вещам в себе**, нечто существует лишь постольку, поскольку обнаруживается в нашем восприятии. Мы нечто мыслим и ощущаем) только поэтому оно существует. И прав Декарт, что он существует потому, что *мыслит и ощущает сам себя*.

Это та же *дурная бесконечность*, о которой говорит Аристотель, то есть

дурное раздвоение действительного мира на две исключаящие друг друга части. Это кажущееся раздвоение действительно – но ошибка кантианцев состоит в том, что они отнимают от объективного мира все то, что отчетливо переживается в нашем Я, и воображают, что эта действительность нами творится как демиургами, а не сотворена и не существует до нас и вне нас. Мы адекватны всему миру, мы подходим и как источник сигнала и как приемник его идеально друг к другу, как женщина подходит мужчине – не осмелится ли кто-то сказать, что то, как мы ее воспринимаем, ощущаем, переживаем, это только образ ее, а она как подлинная вещь в себе совершенно не такова и непостижима (хотя, как это ни удивительно, я согласен и с этим последним утверждением).

Свобода существует. Но неправильный ум рассуждает о свободе так, что он выставляет в качестве ациденций свободы только то, что ее умалает – а ее многое умалает, как и трение умалает движение, так что иногда наша кибитка зарывается в снег, в грязь, в песок – но это все же не является последним выводом действительности и отрицанием движения. Свобода – это не необходимость, ни осознанная, ни бессознательная, это способ, которым осуществляется человеческая воля и жизнь в целом, это способ, которым осуществляется отличие живого от неживого даже у растения – как голубой цвет – это способ, которым наш глаз воспринимает небесный свод.]

Уф, наговорил! Но вывод мой будет краток. Безжизненный космос (или хаос) не существуют как чистая объективность внешних предметов, мир существует лишь постольку, поскольку он и объективен и субъективен вместе, следовательно, он представляет собою нечто вроде человека, то есть он соединяет в себе и тело мира и его душу. То, что является в человеке сознанием (или душой, или духом) есть и вне человека, и из мира как чистой вещественности, чистой матерьяльности никогда бы не выросла душа и восприятие, то есть *из несуществующего не появилось бы существование*.

И спорим мы не о том, есть ли Бог, вдохновение, волхвы и музы, духовная жажда, любовь, сострадание – для кого все это только якобы слова, с тем и не о чем спорить, хотя бы он и был уверен, что Бог есть, а любви нет – зачем ему Бог? Но спорим мы о том, что такое добро и зло, красота и безобразия, любовь и милосердие – то есть, следовательно, спорим мы о том, каков Бог, жесток ли он (Бог Ветхого завета, бог финикийцев, вавилонян и ацтеков) или добр, подобен ли он злой мачехе, жестокому тирану, неправедному судье – или подобен милосердной и любящей матери. Спорим мы о том, должна ли наша жизнь обладать красою, светом, счастьем, вдохновением, или надо залезть в гроб и в нем лежать еще при жизни... И это странное христианство я отвергаю не потому, что в нем рассказывается о чудесах, о долге, ответственности, любви, грехах и наказаниях за них – но что в нем семья и рождение детей принимаются как бы скрепя зубы, «скрепя зубами», и рождение детей не благословляется; что в нем притяжение к женщине оскорбляется и всячески поносятся и даже говорится, что лучше бы к женщине не прикасаться (а значит лучше бы и детей не рождать); что в нем о родине не говорится вовсе (хотя как-то вскользь Израиль упоминается, но не

столько даже Израиль, сколько Бог Израиля, а народ – *несть отныне ни еллина ни иудея*; что в нем порицаются труд, творчество, культура, и вообще всякое служение человека сводится в конечном счете только к служению богу, а посему человек, нормальный человек, крестьянин, рабочий, воин, философ – у малеется, ему противопоставляется тот, кто отверг и крестьянина и рабочего, и воина, и философа, а посвятил себя одному только богу. Да надо ли это Богу? Заставляет ли Бог именно так жить? **Очевидно, что нет!!!** И вся эта искусственная святость отвергателей жизни мне отвратительна.. Надеюсь, что и Богу тоже.

Но о существовании религии, веры, о сущности Бога придется еще поговорить обстоятельнее, придется мне написать цельную книгу, в которой в совокупности рассмотреть христианское учение и понять, проповедует ли оно достойную жизнь и стремление стать достойным человеком.

Мир между людьми разных исповеданий

7 декабря 17, 9-52. Продолжаю сию статью, потому что опять спал плохо, возможно потому, что вчера пить бросил, а посему допил (*годовщина свадьбы*) оставшееся в бутылке сухое кислое вино (не подумайте, что я уже чуть ли не олигарх, в бутылку я его перелил из коробки, ибо на вино в бутылках у меня конечно денег нет). Кстати, о чем бы в мире я ни начал говорить, христиане кричат изо всех углов и со всех столпов: *Начни с себя!* Вот с некоторых пор я так и делаю: о чем бы я ни начинал говорить, начинаю говорить о себе, сначала всматриваюсь, что содержит моя душа о том предмете, о котором хочется сказать, потом – что об этом говорят и другие как я (то есть поэты), а потом уже смотрю, что еще осталось из этого в мире – то есть доброго, достойного, возвышенного, прекрасного и милосердного, трудолюбивого и заботливого – но в мире всего этого все менее...

Правда, наши предки славяне (то есть внуки Стрибожьи) начинали НЕ с себя – дедушка летом выходил во двор прямо в исподнем и шел на гумно с пойлом для скота, бабушка затопляла печь и ставила подогревать вчерашнюю картошку, а то и наскоро чистила новую, в печи все поспевало быстро, детей же будили позже. Потом приходил разнарядчик колхозный и наряжал, кому куда на сегодня ехать, мужики шли косить, бабы – ворошить или согреть сено... да и много чего еще надо было делать. Бабушка доила корову, мне наливала кружечку парного молока (другие все были старше, им годился и перегон – бывшее молоко, пропущенное через сепаратор, то есть "обезжиренное", чем сегодня так увлекаются, чтобы не зажиреть на искусственных городских харчах...

Впрочем, говорить я собираюсь о мире – но не между народами, а между людьми. Так как мы уже установили, что личность и народ не совпадают, и народное содержится в личности так же, как пол и характер, как родовое, семейное, личное, часть его как целого (а поелику личность – целое, то она не является частью или элементом или "ячейкой" народа или общества – по отвратительному прозванию марксистов), то собираясь установить мир, я не буду обращаться к народам, ибо в упорядоченной исторической жизни народ

– это государство, образ правления, правительство, государь, вероисповедание, правящий класс, сословная жизнь, и почти верно, что столько народов, сколько сословий, и, например, в Австровенгерской империи основной народ был Габсбурги или «австровенгры», а в Российской – православные, мусульмане, католики, протестанты, иудеи... дворяне, купцы, чиновники, духовенство... Крестьяне составляли «народ», в который еще надо было **пойти**, чтобы его увидеть...

Основной народ, правда, составлял русский царь, именно он начинал войну и заключал мир, и о мире между правительствами и царями я говорить не буду, ни о мире в Ливии, ни в Сирии, к этим мирам я отношения не имею.

Но мир между людьми отчасти от нас, не являющихся народами, зависит, и от нашего образа мыслей. Вот, в частности, Революция и Гражданская война расколола наше общество на красных и белых, к **белым** принадлежала часть бывшей армии, часть казачества, часть дореволюционной интеллигенции, некоторые крестьяне (как мой прадед), к **красным** – все остальные, во-первых солдаты, бежавшие с фронта, во-вторых, матросы, бежавшие с кораблей, в третьих, революционеры (вот среди них, как об этом обстоятельно написали и Нина Берберова и Геннадий Муриков, кого только не было! – и масоны, и евреи, и латыши, и Бела Кун, и сначала даже эсеры, и меньшевики, потом только большевики, и *пролетариат*, и крестьяне, и даже русские поэты, то есть Клоев, Есенин, Маяковский, Варлам Шаламов...)

Для справки Мурикову: все те русско-немецко-еврейские *масоны*, о которых он пишет, несомненно сыграли важнейшую роль в русской смуте, и деньги большевикам передали (и с тех пор Русь-матушка сто лет уже ими доится, уже все и масоны повымирили!) – но *старообрядцы*... не странно ли, что внутри России именно старообрядческие купцы были главнейшими донорами большевиков, а после революции старообрядческое духовенство, лояльное к революции, было физически уничтожено до последнего человека!? Не в них ли осуществилась идея «революции, пожирающей своих отцов... или детей»?..)

При этом, разумеется, и Троцкий, и Ленин, и Зиновьев, и Бухарин, и Урицкий, и Землячка, и так далее были люты и кровожадны, и кровь лили реками, в ритуальных ли только целях? В своих ли? Учитывая, что Красное знамя было сотворено по цвету крови и пропитано ею, можно предположить, что и Революция, и Гражданская война, и раскулачивание, и Террор, и даже война с Германией были задуманы и осуществлены как Мистерия по Всерусскому пролитию крови и всемирному ее Потопу, и частные иудейские задачи на фоне этой мистерии меркнут...

Оглянемся на историю. Маркс (а вслед за ним марксистские ученые) "*доказали*", что движущей силой истории является борьба классов, противоречия между трудом и капиталом, между богатыми и бедными, то есть социальные, производственные отношения (и даже семья только *ячейка* этих отношений). Религия и церковь в марксистском историческом культе играли только вспомогательную роль. Но кровь, которая лилась в Европе (и в России), как ни странно, оказывалась **кровью Причастия**. Крещение Руси не

обошлось без пролития крови в Днепр (в Европе аналогом может служить беспощадное истребление *катаров*), Русский религиозный Раскол и преследование старообрядцев (как и Варфоломеевская ночь в Париже), казни Петром стрельцов, Крестовые походы, «спор славян между собою» (о котором пишет Пушкин и который был *расколом* католиков и православных), поход Наполеона а затем Гитлера – «производственный» ли это роман?

А тотальное уничтожение всей Античной культуры в целом, не только Библиотеки и ученых, **на тысячу лет** приостановка всех и всяческих исследований в мире, и математики, и астрономии, и медицины, и механики, и географии, приостановка театра, музыки, поэзии, ... А Инквизиция, особенно в Испании, ударившая и по иудаизму и еврейству, даже по той его части, которая спасалась в христианстве (и кстати, меня поразило, что только евреи и пытались сопротивляться ударам этого молота... божия?... христиане шли на убой как бессловесный скот, гнал ли его туда Великий инквизитор Достоевского и Розанова, поправляющий дело Христово, или ученики учеников Христа, как об этом тоже пишет и растворенный в православии Розанов)... Какая тут социальная история, как и в пришествии на Русскую землю большевизма?

Но меня эта история раздавила как опрокинувшееся на землю небо.

Я потомок ермаковского казака Чернышева, потомок крестьян, христиан; отчасти, в духовном (или душевном) смысле этого слова, потомок Разина, Пугачева, потомок князя Курбского (но не холопов «ромея» – или татарина? – *Иоанна*), потомок и Самозванца, готового Русь продать за прелести гордой полячки, взращен и воспитан на народном русском языке и русских былинах и сказках (которые в моем детстве еще продолжали твориться по русским деревням)... но я и потомок, в самом кровном смысле этого слова, через язык, неукротимую мысль и характер – протопопа Аввакума, Радищева, Державина, Пушкина, Лермонтова, Чаадаева, декабристов... плоть от плоти русской дворянской культуры. При всей моей неприязни к чиновничьему самодержавию, я часть всех частей русской истории и жизни, то есть и языка, и культуры, и тяжелого крестьянского труда, и ратных подвигов, и родового строя... Я, может быть, пошел бы и с декабристами (как пошел с Ермаком), и с Каляевым (как пошел с декабристами), и даже с Шульгиным за отречением царя – но как мог бы я пойти за *комиссарами в пыльных шлемах* сжигать дворянские поместья, крушить прекрасные храмы, дворцы, насаждать высотки и хрущобы, ... говорят, Константин Леонтьев от эстетики... Где он увидел эстетику в ненависти к плоти, проповедуемой христианством? В изъязвлении тела, в глумлении над родовой любовью? (А отчего у него, кстати сказать, не было детей? А у Розанова целых пять?)

И вот главная загадка всего моего Я и души: русский народ весь сегодня **красный**, весь **советский**, гордится и так называемой индустриализацией (хотя Россия в 17-м году уже превосходила Германию!), и колхозами (растеряв свои русские деревни), и правительством, от Ленина до нынешних олигархов, строит капитализм, восторженно кланяясь коммунизму, ненавидит до сих пор все русское **белое движение** лютой ненавистью... если русский народ русский, то кто же я? В котором и *изысканность русской медлительной речи*,

и любовь к природе (а русские ее переломали), и любовь к женщине, к музыке, к литературе, к романсам, к садам и паркам, к дождю, снегу, ритму, рифме, свободе, размышлению.. *Но я вам еще покажу!* ...

... Но ладно. Кипит во мне кровь, которую проклинают христиане (на их сайтах в Интернете, не говоря о Блаженном Августине и преподобном Игнатии...) но которую я жалею, и в себе и в других... мне и вообще человека жалко, я не уверен, что где-то потом построят они обещанные царства, не от мира сего или от мира сего, вот уже две тысячи лет строит церковь, сто лет строили большевики, дед сражался против прадеда за землю, у обоих ее всю отобрали. А моя мать, которая была удивительной красавицей в юности, надорвалась на непосильной работе в поле, на нем она и рожала...

Но все же, люди часто идут туда, куда их гонит неодолимая сила государства. Истории они не знают, к математике не способны, стихи и музыку не понимают... Что им остается? Футбол, любовь к тиранам, сериалы о жизни в олигархическом рае или о ворах в законе... И все же, устал я от вражды, то к своим русским, то к чужим еврейским. И я наконец призываю нас заключить мир. И у наших евреев нет другой родины, кроме России, и до революции не все было хорошо, и после нее что-то еще оставалось (а разве не жил я среди удивительных и прекрасных людей, умных и образованных? Вот почему я решил больше не умирать – кто же еще будет спасать моих близких, и дальних, погрязших в невежестве и пьянстве? Мне одному не справиться... недоверие друг к другу, обвинения только других в наших общих грехах – надо преодолеть. Разве я имею отношение к ельцинской или путинской России, к верноподданному ее народу? Нет. К комиссарам в пыльных шлемах или следователям ЧК? Тем более нет. Или внучка «совести партии», с которой я пил в подворотне шампанское и целовался, имеет отношение к Троцкому, и вправду грехи отцов падут на нас всех до седьмого колена? Я в это не верю. Бог ли Иисус Христос? Если и Бог, то необычный, он вочеловечился. Стал человеком. И я не посмею сказать, что моя божественная сущность (которая есть во всяком человеке, ведь мы созданы по образу и подобию Божию) хоть на йоту сравнится с божеством Сына Божия, – но вочеловечился я неизмеримо больше. Я во всем стал человеком (еще сойдя с гончарного круга, когда я был Адамом, а тем более искусившись Евою!), вобрал в себя и слабости (которые я пытаюсь преодолевать, вот даже и пить бросил!), и грехи (а с ними ли я не борюсь? И иногда побореваю, ведь это и я был и Разным, и Кудяром, и Федором Раскольниковым, все же сбжавшим из большевистского рая, и Варламом Шаламовым... я только не был Родионом, придуманным Достоевским, сколько живу, таких надуманно-книжных людей я не встретил)... все вобрал я в себя человеческое, и вижу, что в Иисусе Христе от человека нет ничего! – так ему ли нас учить? Ему ли нас прощать? Только я и могу, *самый человеческий человек* – не по ложной напыщенной слащавой гуманности (это в Ленине?), а по вмещенности в себя всех. И потому я призываю наконец к миру и прощению обид. Те евреи, с которыми я дружен, не меньше нас русские. Обнимемся же наконец, дети России! И вместе построим хоть что-то приличное, как я построил деревенскую баню!

Если даже праздник учреждают, примирения воевавших друг против

другу в Гражданскую войну, то как же продолжается война тех, кто до сих пор клянется именем Революции, против тех, кто ее наконец осуществил (хотя затевали ее многие). Станный народ. Я не с красными, я не их последователь, следовательно я и мог бы призвать к террору против тех, кто начал войну против России – но нет, эти кричат, что им дорога Революция, Сталин, коллективизация, индустриализация, «принял Россию с сохой», свобода, равенство и братство, долой капиталистов, попов, дворян и кулаков-мироедов, и все хороши, и смерть врагам народа, ... вот только евреи плохи.. Ну или вы отвергайте свой лживый народный строй, который принес народу только пот, слезы и кровь, можете и вместе с евреями, или если ваше поколение будет жить при коммунизме, и учение Ленина всесильно, потому что верно, и «пальцем винтовкой в святую Русь», и мало врагов народа истребили... то хватит рассуждать об истории с марксистской кашей в голове, или рассуждайте по правилам естественного, а не книжного ума, который был дан каждому человеку. Никто не скажет, что можно высохнуть в дождь, для этого не надо учиться в университете, поэтому говорите о том, что вы точно знаете, и тогда и мне вы скажете нечто полезное.

Достаточно любить Россию. Быть милосердным. Не упорствовать в заблуждениях. Не причинять вреда природе. Уважать язык и культуру. Не помогать лжи и злу.

Но есть ведь и авторитеты? Разве не надо им доверять?

Увы, мне придется на время прервать свои обличения. Я ведь в своих поисках правды всматриваюсь прежде всего в ту длинную дорогу, по которой иду целую жизнь, и хотя доверяю многим, у многих учусь, но прежде всего учусь у себя. И что же, сказать вам, что я единственный авторитет, или самый важный? Не буду говорить теперь ничего окончательного, не надо верить и мне – но хотя бы обдумывайте то, что у меня прочтаете. Может быть, этого будет достаточно. Читайте Розанова, от него вы узнаете, что евреи бывают разные, одни из них те же что мы, и так же ошибались, и так же страдали. Они слишком держатся друг за друга? А что же делать в бурю? А буря всегда...

У самых великих учиться труднее. Разве не велик Достоевский? Но, кажется мне, я теперь не могу принять ни одной его идеи. Вот также нужно учиться у женщины – и вдруг оказываешься в лесу парадоксов... Ум великих мыслителей подобен женскому уму, он интересен, привлекателен, обольщает... но приводит сам не знает куда... Уж лучше поверить мне...

Два народа...

Некоторые идеи воистину надо повторять тысячу раз, чтобы их услышали, тем более что они трудно усваиваются, их содержание не только противоречиво, но самоотрицающе. Есть народ, есть личность, не только тождества между ними нет, но часто даже сходства, личность НЕ находится к народу в том отношении, в котором ведро воды или даже глоток ее к реке, озеру, источнику, вода в малом и в большом количестве остается одной и той же, но характер народа не повторяется в отдельном человеке, не отпечатлевается в нем. Да и есть ли этот характер как набор свойств некоего целого, которое мы

называем народом? А что отдельные в большинстве своем друг на друга не похожи, Толстой на Достоевского, а Достоевский на Тургенева, и Розанов на Иванова-Разумника и Мережковского, несомненно, и все литературные герои каждый сам по себе, даже *братья* Карамазовы все различны.

Народ «изменяется» от царствования к царствованию, он то воинствен, как, например, немецкий при кайзере и бесноватом фюрере, то миролюбив, как в раздробленной Германии 18 - 19-го столетий, исключая Пруссию и Габсбургскую империю. Слагается ли его характер из характеров его сограждан? Переживая поведение русских сначала раболепное при советском строе, затем верноподданное при строе анти-советском, я ясно сознавал, что меня немного соединяет с большинством народа (как тогда, так и теперь), поэтому идею Шафаревича о двух народах я принял, переименовав, большой народ ассоциировался у меня с Пушкинской «чернью», а малый – с творческой частью народа, с духовной аристократией. Но и с последней нахожу я теперь мало общего, поумирали мои друзья из старшего поколения, которые хотя и выросли при сталинском режиме, но были самобытны и независимы, являлись идеалистами и романтиками, как Теодор Адамович Шумовский, Юрий Борисович Перепелкин и Михаил Андреевич Гневушев, умерли многие и из моего поколения, «оношей... со взором горящим», и я оказался почти один среди *разочарованных, которым ныне чужды все обольщенья прежних дней*, среди реалистов и циников, среди доверчивых обывателей, усталых отцов семейств, «глотателей газет, писателей пустот», среди праздных толп, пьяных унылых компаний, среди постаревших слишком прямолинейных Дон-Кихотов и навсегда остающихся несовершеннолетними *верующих* – одни в Христа, другие в Антихриста. Да, казалось бы, я не вправе жаловаться, есть кружок философов, где мы почти единомышленны, есть кружок критиков и литераторов, где мы не единомышленны но связаны взаимной симпатией и любовью к литературе, есть близкие и друзья, есть музыкальные кружки, в которые я хожу словно на свидания и объясняюсь в любви к прекрасным жрицам музыки и пения, ловя в ответ их сияющие взгляды (ах, красивые женщины – это вечно сияющее небо над тленным миром, что бы ни говорили лишенные пола христиане!) – но ведь как за изгородью парка и дворцового ансамбля простираются улицы и обшарпанные дома, околицы и заростающие поля, грязные реки и затхлые озера, так и за оазисами, которые еще удерживают меня в трудах и тревогах, простирается ветшающий мир: воры в законе и вне закона, чиновничий произвол, деградирующее образование, вымирающая наука и культура, пустые разговоры в бане, в трамвае, на улице и в интернете, безграмотный народ, невежественный правящий слой, стадо, сгрудившееся вокруг пастухов, но не имеющее ни цели ни понимания.

Один простой пример, показывающий, что я живу в пространстве отчаяния. Шестьдесят лет назад мы очнулись от чумного сна террора и страха, умер тиран, сдавший руки сошедшие руки на шею народа, и хотя безумные толпы поплакали на его могиле, как за тридцать лет до того на могиле его учителя, но морок рассеялся, мы задышали обиденным воздухом дома и улицы, леса и поля, но не тюремной камеры и эшафота. И нам казалось, что

никогда уже мы не услышим: «Спасибо Сталину за наше счастливое детство» или «Сталин – наша слава боевая» – но откуда вырос народ, из каких семян, из какого подлеска, который восклицает, что именно Сталин «выиграл войну», создал промышленность и науку, научил нас читать, пахать и сеять? А ведь их восхваления, это то же, что восхваление палача в доме повешенного!

Хватит уже спорить с несовершеннолетними (ибо таковы и все народы в мире, все они почему-то восхваляют своих тиранов), никакие доводы не изменяют и те чувства, которые испытывает человек, считающий себя турком при русских родителях, но на прощание приведу пример.

Пятьдесят третий год, шестое или седьмое марта, по радио объявили, что умер Сталин. Мне одиннадцать лет, я уже читал Анну Каренину, Пушкина и Лермонтова, Пришвина и Тургенева, слушал пенье Шаляпина, Руслановой, музыку Моцарта и Бетховена, сочинял стихи, играл в шахматы со взрослыми, у меня не было отца (но я его часто воображал), довольно много я знал о взрослой жизни и ее трагизм переживал вместе со всеми.

Мальчик один из нашей компании сказал: «Как хорошо, что умер Сталин!» Его куда-то увели, мы, дети, шопотом рассуждали о том, что теперь будет, никто не сомневался, что его расстреляют, расстреляют родителей, может быть, учителей и знакомых... Не расстреляют ли нас, слышавших эти слова?!

Достаточно только одного этого эпизода из прошлого, чтобы навсегда возненавидеть ту гнусную эпоху, вместившую в себя всю неправду и ложь истории, весь страх и боль жизни, все унижение поля, которое росло тише травы и ниже воды...

И я понимаю, что неправы русофобы, обвиняющие русских то в одном то в другом, когда русские противоположны друг другу. Но неправы и антисемиты: что общего у Отто Вейнингера, Маркса и Троцкого с апостолом Павлом? Что общего у Фета с «комиссарами в пыльных шлемах», у Мирры Лохвицкой с Землячкой, Инессой Арманд, Розой Люксембург? И еврейский ли народ – участник Русской революции, если среди пятидесяти тысяч большевистских отщепенцев и разбойников их было, возможно, двадцать тысяч, но евреев в Российской империи около двух миллионов? И я ли навязывал миру, Африке и Латинской Америке, красное знамя, если не состоял в комсомоле? И комсомольцы ли, не читавшие Маркса и Ленина? И евреи ли навязали миру христианство, если их было сначала только двенадцать человек, а все остальные примкнули (как привой к еврейской лозе, так говорит апостол Павел – но к еврейской ли?). И монгольское ли было нашествие, когда монголами были в Орде только сотники, то есть один процент? Русские ли воевали в Афганистане? Да и немцы – очнулись после капитуляции – не сон ли и чумный бред был весь этот *Drang nach Osten*?

Народ – это оловянные солдатики, это людская масса, которую, как в молотилку, бросают жнецы, не спрашивая. И воистину, в политической истории субъектами не являются народы, но только Александр Македонский, Дарий, Наполеон, Гитлер... фюреры, дуче, кайзеры и вожди...

Конечно, не они создают язык, культуру, науку, промышленность,

выращивают хлеб и рожают детей, но когда спрашиваешь сам себя, **кто виноват**, не знаешь, что и ответить.

Я не виноват в том, что свергли царя и запольхала Россия, не виноваты в том и нынешние еврейские дети – но виноваты ли и их отцы и деды?

Вот почему рассуждаю я о формах мировоззрений, о происхождении учений, политических и религиозных движений, в них я вижу национальные истоки – в способе *чувствовать, мыслить и говорить*, ибо в этом *трансцендентное*, но не привычная человеческая воля. И если христианство, пришедшее в Рим с Востока (точнее говоря, из Иерусалима), имеет сущностное единство с иудаизмом, то не надо искать в этом иудейскую волю. Христос был распят и христиане отвергнуты – но и Христа распинал ли **народ**? Стражники были римские воины, судьи – синедрион, властителем – Пилат, отдавший последний приказ, вскричали, что помиловать надо Варавву, трое или четверо из толпы, которая тоже не представляла еврейский народ (а представлял ли его Христос? Не более ли евреем, чем он, был Баркохаба, предводитель Иудейской войны против Рима?!) Был ли евреем и апостол Павел, *еврей из евреев*, как он себя называл? В том смысле, в каком я русский, то есть хотя и выписываю из Интернета чей-то русский горестный вопль по поводу русского раболепия «Как были рабами как и остаются. Позор России и ее населению!», но от смертного одра России не ухожу. (Да не ушел и Герцен, и Владимир Печерин – *«оставьте, это спор славян между собою!»* – как воскликнул Пушкин.

Кстати сказать, я пришел к выводу, что в большинстве своем *руссофобы* русские, и хотя есть и другие, но задают ли среди них тон именно евреи, как народ по манерам преимущественно интеллигентный (ну и не по манерам тоже)? Был у меня товарищ, «кавказской национальности», никогда не упускал случая оскорблять русских, обзывая их идиотами, рабами, грязнулями... а я терпел, не поносил их Кавказ, хотя мог бы сказать «покайтесь за своего Сталина!» (как требовал Солженицын покаяния у евреев за Трощкого).

И, наконец, два слова об *антисемитизме*. Я почти равнодушен к ругани в адрес русских (ибо по большей части она относится к политике правительства, которую я сам поношу), отличая слова от дел, и даже та кампания оскорблений, которая развязана на Украине хохлами, меня не трогает, тем более что их упреки того же рода, что и упреки гитлеровских пропагандистов в отношении славян. Но этнография и история говорят нам, что германские племена поглотили славянское население вдоль Эльбы, и не менее четверти в составе их *чистой арийской крови* – наша грязная азиатская кровь. Об этнической цельности поляков свидетельствует физиогномика – поляки все на одно лицо, словно сделаны на одну колодку. Таковы же сербы, чехи, словаки и другие (исключая болгар, тюркского племени булгар, как известно, пришедших с Волги). Что Киевские князья не только враждовали с половцами, но и рождались с ними, и давали им земли даже к западу от Киева, о том говорится в летописях, и князь Игорь (из «Слова о полку Игоревом») был двоюродным братом Кончака (сходите хотя бы в оперу, ежели не читали поэму). Отсюда у украинцев и скулы и чуб (хохол). Знаменитые слова

(*поскребите русского, отскребете татарина*) имели в виду то, что позднее Александр Блок повторил как «*Да, скифы мои, да, азиаты мы, с раскосыми и жадными очами!*», хотя неизвестно, скифы ли мы, и уж точно не азиаты. Но это метафоры, в одном случае осудительная, означающая, что мы, мол, дикари и невежды – а разве не так? – а в другом грозная, напоминающая Европе об Атилле и Тамерлане (Тимур-ленке, хромом Тимуре).

Мне претит «политкорректность», ибо литература и философия, а тем паче история – не уроки в Пансионе благородных девиц, даже Словарь (по крайней мере, в отдельных изданиях) собирает ВСЕ слова живого великорусского языка, а обижющее евреев слово «жид» заимствовано из итал. Giudeo – «иудей через лат. judaeus от греческого *Ἰουδαϊσμός* («иудаисμός»), откуда в немецком – Jude и в польском Żyd – жид. При этом не только евреи, но многие другие народы имеют прозвища, некоторые нейтральные, как *фрязин* (итальянец), или даже ставшие именами, как *немец*, иногда обидные, так *поляков* называют «*пшеками*» (от сочетаний согласных, например, в словах «*пшепрашам*», извините, и др.)

НО – Россия собрала на своей земле десятки народов, некоторых мы колонизовали, иных завоевали, другие к нам сами пришли с завоеванием (как французы), и сравнительно с другими европейскими народами русские оказались наиболее приветливыми, почему и не надо портить о себе впечатление. Живем мы в согласии и с немцами, и с шведами, и с украинцами, и с поляками, и с татарами, и с кавказцами, и с литовцами, и с латышами... – что же теперь, мстить прибалтийцам за «красных латышей» (чекистов), украинцам за бандеровцев, крымчакам за набеги крымских ханов, татарам за Золотую орду (которая и их самих, казанцев, когда-то вместе с нами завоевала? Но никто не истребил столько русских, сколько немцы, сначала в Первую мировую войну, затем во Вторую под водительством бесноватого фюрера, и никто не принес столько зла русской культуре и образованному сословию, и русскому крестьянству, как большевики под водительством современного Нвуходоносора, Иосифа Сталина, в сравнении с которым померкли и Ленин и Троцкий. И что же теперь? Мстить кавказцам?

Мы, русские, – великий народ. Сегодня мы больны, но я верю, что мы выздоровеем. Мы преодолеваем второе Средневековье – и преодолеем. На этом пути две идеи и два духовных состояния нам необходимы более всего: возвышение национального самосознания, глубокое понимание собственной культуры и собственной истории, то есть *народничество*, *национализм*, во-первых, и взаимопонимание, милосердие и *великодушие*, во-вторых. Поэтому я вполне обхожусь без обидных прозвищ, и если называю украинцев *хохлами*, то лишь потому, что это такое же НЕ обидное шутливое слово, как и *кацапы* в отношении к русским, и *чалдоны* в отношении к сибирякам, Я философ, и стремлюсь к познанию исторической истины и правды, о русских ли, евреях, христианах и немцах, французах и англичанах... Каждого человека надо судить за него самого, а не за его предков. В работе, в путешествиях, в дружбе и в случайном общении, в тюрьме и даже в сумасшедшем доме в основе моих отношений с каждым встречным было великодушие – и только поэтому я счастлив, несмотря на нелегкую жизнь. Виктор Файнберг, сионист,

такой же *националист* как я, даже предполагая, что я антисемит, в мою защиту объявлял бессрочную голодовку. Марксист Эдвард Х., финн, написал обо мне воспоминания, Боровичские цыгане обещали меня защитить, если «эти русские» меня обидят, белорусы пригласили меня на национальный праздник за государственный счет, с поляками, немцами и шведами я дружил, с будущим монгольским «Чойбалсаном» учился, с жителями гор породнился, язычники меня целовали, хохлушки угощали вином и пели песни, с немецким студентом заключил сепаратный мирный договор, в скрепление которого мы выпили по стакану спирта, не запивая водой, парился в финской сауне в женской компании (случайно, зашел не в ту дверь), и в староверческой бане... *А с кем не сидел?!*

Я еще верю, что когда-нибудь и русский народ прочитает и мою «Любовь как всемирное притяжение», и «Призвание литературы», и «Легенду о великом инквизиторе», и «Записки на пальме», где я возлежал с апостолом Павлом... Беда моя, что я ни перед кем не заискивал, и хотя в конце концов я пришел к окончательному выводу, что существует два русских народа, один Большой, не такой уж ничемный, а по мнению Шафаревича и великий, - и малый народ, к которому я относил и Игоря Ростиславовича, и Теодора Адамовича, и моего незабвенного друга Казимежа, и в котором теперь уж остался я один – увы, это уже народ, состоящий из одного человека, остальные все вымерли... но не могу я встать на колени ни перед кем из правителей мира сего (кроме женщины)... но я еще надеюсь, что когда-нибудь и меня прочитают, одного из последних русских философов из нашей маленькой спорящей кучки... да, может быть... ..

остальное договорю в следующем номере журнала, после Нового года...

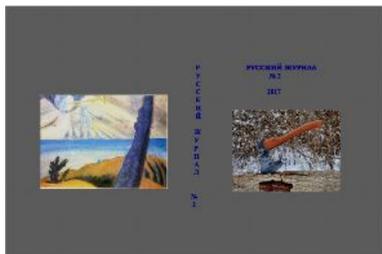
Всех же и писателей-нечитателей и читателей-неписателей поздравляю с Новым Годом! Неважно, какова ваша принадлежность, коммунисты или евреи, православные или вертихвостки и т.д. – но какова ваша ЛИЧНОСТЬ – в которой и принадлежность участвует тоже но не окрашивает все в свой цвет. «Мицкевич – лях, Костюшко – лях, по мне, да будь ты хоть татарин...» - не знаем где правда, открываем Пушкина... (или, в крайнем случае, ВИ, редактора мира... не спешите ..., дайте хоть Новый год встретить!)

Объявление. Существенным в будущем году будет **История в зеркале судеб** – воистину правда каждого определяется его судьбой, судьбой его детей и близких, судьбой тех, кого он любил – и любил ли...

Коммунистические вожди: Каменев (странные бывают сближения, здесь же и судьба Печерина, «Замогильные записки» которого изданы в 1932 году с предисловием Каменева, и Герцена...); Зиновьева... но вспомним и другого Зиновьева, современного математика, ренегата); Бухарина, Раскольников, Троцкого, Ленина, Сталина...

Выдающиеся христиане... Их много, изберем незаслуженно забытых.

Белое движение. Идущие против течения. Великие личности (предлагайте, читатели)...

**Во втором номере
Нового русского журнала
литературной и философской
критики»**

Редакционный Совет обращался к читателям со следующими словами: «это первый в России журнал, посвященный Критике, и издающийся Секцией критики и

литературоведения Союза писателей России.

В 2016 вышел пробный номер, который был к концу года улучшен и перепечатан как номер 1, а 8 марта 2017 года вышел второй номер, 6 9 мая 2017 года выйдет третий номер и станет ясно, стоит ли жить и выходить дальше (из сил, из себя, из общества, из союза...)

И вот выходит уже номер 6, имеются восторженные отзывы читателей, Редакционный совет намеревается сделать этот журнал еще лучше, самым лучшим, единственным в своем роде! – или умереть. Посему не буду ни восхвалять ни защищать – полистайте, прочтите хотя бы несколько страниц – и сделайте вывод!

Анкета о журнале из нескольких вопросов.

1. В 19-м веке были Современник Пушкина, Полярная звезда, Сын отечества Краевского, журналы Достоевского и масса ж-лов после 1861 года, отдельного "журнала литературной и философской критики" кажется не было (я Мурикова просил сделать обзор журнального дела, надеюсь, скоро будет).

Правильное ли у нас начинание – журнал Критики (с дополнениями из истории, публицистики, беллетристики, философии)?

2. По пяти номерам по пятибалльной системе поставьте оценку (в сравнении с другими)

3. Пожелания к следующим номерам, напр. 18 года

4. Есть ли у нас шансы стать лучшим современным журналом в России? И как и чем привлечь читателя?

5. какие темы вы считаете актуальными, требующими основного внимания?

6. Нужна ли политика?

7. Как привлечь меценатов?

НОВЫЙ РУССКИЙ ЖУРНАЛ

литературной и философской критики

(для всех, кто любит отечество)

№ 6

Подписано в печать 31 декабря,

Формат 60x90 1/16 17,5 п. л. = **344** с.

Печать по требованию.

Почта редакции
Email: mvnch@mail.ru

СПб
2017